

LEFT ОТРЯД СКОРБИ BEHIND®

ПРОДОЛЖЕНИЕ
ИСТОРИИ
ОБ ОСТАВЛЕННЫХ

63 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ОТРЯД СКОРБИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ИСТОРИИ

ОБ ОСТАВЛЕННЫХ

Москва 2010

 КНИГОВЕЖ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.
Л29 Отряд Скорби: Роман / Пер. с англ. Т. Жебыневой. — М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2010. — 544 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0171-0

«Отряд Скорби» — второй роман из серии «Left Behind®». Весь мир с восторгом готов преклониться перед Антихристом. На него возложены все надежды мирового сообщества, его речи заставляют людей чувствовать себя счастливыми и защищенными.

Только небольшая группа людей видит истинное его лицо, они видят ложь, пронизывающую его слова, и они знают об ужасном будущем, которое ждет человечество, отдавшее себя во власть Зверя. Они объединяются для борьбы, называя себя Отряд Скорби. И пусть они не могут остановить течение событий, предсказанных 2000 лет назад, оставаться безучастными они тоже не могут. Во времена Великой Скорби они намерены сделать все, что в человеческих силах, для борьбы с захватившим мир злом.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind #2: Отряд Скорби, Russian
Copyright © 1996 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2010 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.

Left Behind® is a registered trademark of Tyndale House Publishers, Inc.

© Т. Жебынева, перевод, 2010

ISBN 978-5-4224-0171-0

© Книжный Клуб Книгоvek, 2010

*Тем читателям «Оставленных», которые написали нам,
чтобы рассказать, как на них повлияла эта книга*

ПРОЛОГ

Что уже случилось...

В одно ужасное мгновение миллионы людей по всему миру исчезли. Они как будто растворились в воздухе, оставив после себя свою одежду, очки, контактные линзы, шиньоны, слуховые аппараты, пломбы, украшения, обувь, даже кардиостимуляторы и внутрикостные штифты.

Миллионы людей словно испарились. Но большинство осталось, и среди них были только взрослые и всего лишь несколько подростков. Все дети, включая нерожденных младенцев, исчезли, некоторые — прямо в момент появления на свет.

Мир охватил хаос. Падали самолеты, сходили с рельсов поезда, сталкивались машины, переворачивались автобусы, тонули корабли, горели здания, те, кому удавалось выжить, в отчаянии лишали себя жизни.

Пока не восстановилось некое подобие порядка, из-за нарушения движения транспорта и коммуникаций в результате аварий и исчезновения обслуживавшего их персонала тем, кто остался, пришлось несладко.

Кто-то говорил, что Землю захватили пришельцы из далекого космоса. Другие считали исчезновения результатом нападения врага. Однако люди исчезли повсеместно.

Капитан Рэйфорд Стил и его двадцатилетняя дочь Хлоя остались, а его жена и двенадцатилетний сын исчезли. В тот момент Рэйфорд как раз летел над Атлантикой, в Лондон. Своей старшей бортпроводнице Хэтти Дюрхем он сказал, что не знает, что произошло. Но ужасная правда заключалась в том, что на самом деле он знал. Его жена предупреждала его об этом событии. Христос забрал свою паству на небо, оставив прочих, включая Рэйфорда и Хлою.

Рэйфорд проникся этой истиной и решил не дать им с Хлоей упустить свой второй шанс. Он чувствовал себя в ответе за ее скептицизм и веру только в то, что можно увидеть или потрогать.

Поиски привели его в церковь, которую посещала его жена. Там они встретили других оставшихся людей, включая священника. У пастора Брюса Барнса исчезли жена и дети, но в отличие от всех остальных он сразу понял, что слабая и неискренняя вера подвела его в самый ответственный момент жизни. В одно мгновение из скептика он превратился в убежденного и искреннего проповедника.

Благодаря его наставлениям, а также проповедям старшего пастора, которые тот записал на пленку как раз для такого случая, сначала Рэйфорд, а потом и Хлоя обрели веру в Христа. Со своим новым духовным наставником они создают так называемый Отряд Скорби — оплот сил, противостоящих злу во времена Скорби, предсказанные Библией.

А в это время Кэмерон Бизон Уильямс, ведущий штатный корреспондент престижного журнала «Глобал уикли», занимался своим исследованием. В момент Восхищения Бизон находился на борту самолета Рэйфорда Стила. Ему дали задание найти объяснение повсеместному исчезновению людей. Изыскания вывели его на одного из самых могущественных и харизматичных людей в мире — загадочного румынского лидера Николае Карпати. Через две недели после исчезновения людей Карпати стал политической фигурой международного значения, сменив на посту Генерального Секретаря ООН. Он обещал скорбящим и потерянным людям мир и объединение.

Бизон представил Карпати стюардессу Хэтти Дюрхем, и тот немедленно сделал ее своей личной помощницей. Когда под влиянием Рэйфорда, Хлои и Брюса Бизон тоже обрел веру, он почувствовал себя ответственным за судьбу Хэтти и захотел спасти ее.

Когда его понизили в должности якобы за невыполнение важного задания, Уильямс перебрался из Нью-Йорка в Чикаго, где присоединился к Рэйфорду, Хлое и Брюсу в

качестве четвертого члена Отряда Скорби. Вместе эта четверка приняла решение вступить в схватку со злом и никогда не сдаваться. Как представители миллионов из тех, кто лишился возможности вознестись на небо, они дали себе слово крепко держаться за вновь обретенную веру, что бы ни ожидало их в будущем.

Бизон собственными глазами видел убийственную силу зла, воплощенного в Николае Карпати. Брюс Барнс, изучавший Священное Писание, понимал, что грядут тяжелые дни. По всей вероятности, только один из четверых членов Отряда Скорби сможет пережить ближайшие семь лет.

Но только Брюс действительно представлял себе, какие ужасы ожидают их. Если бы остальные об этом знали, они не смотрели бы так отважно в будущее.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наконец-то Рэйфорд мог сделать перерыв. Он снял наушники и потянулся к сумке, чтобы достать Библию. «Как же сильно изменилась моя жизнь! — подумал он. — Сколько часов я так бездарно провел, листая газеты и журналы, в которых не было никакого смысла?»

После всего случившегося только одна книга представляла для него интерес.

Они совершали рейс из Балтимора в Чикаго и в четыре часа дня должны были приземлиться в аэропорту О'Хара. Боинг летел на автопилоте, но новый второй пилот Рэйфорда Ник сидел, уставившись на приборы перед собой, как если бы они требовали его внимания. «Не желает больше со мной разговаривать, — подумал Рэйфорд. — Узнал, что нам предстоит, и попросил меня заткнуться до того, как я успел что-то сказать».

— Не возражаешь, если я при тебе почи-
таю Библию? — поинтересовался Рэйфорд.

Второй пилот обернулся и приподнял ле-
вый наушник.

— Что ты сказал?

Рэйфорд повторил вопрос, указав на кни-
гу. Когда-то она принадлежала его жене, ко-
торую он не видел уже более двух недель и
вряд ли увидит в ближайшие семь лет.

— Нет, если ты не будешь читать ее мне
вслух.

— Ник, я знаю, как ты к этому относишь-
ся. Но, пойми, мне все равно, что ты обо мне
думаешь.

— Что?

Рэйфорд наклонился к нему поближе и
заговорил громче.

— Пару недель назад то, что ты обо мне
думаешь, действительно имело значение, —
сказал он. — Но сейчас...

— Я в курсе, ясно? Я все понял, Стил. Ты
и толпы других считают, что Иисус забрал
праведников на небо. Но я на это не куплюсь.
Обманывайся, как хочешь, но меня от этого
избавь.

Рэйфорд удивленно приподнял брови и
пожал плечами:

— Ты бы перестал меня уважать, если бы
я не попытался.

— Это ты так считаешь.

Но, когда Рэйфорд вернулся к книге, его
внимание привлек выпуск «Чикаго трибюн»,
торчащий из его сумки.

В «Трибюн», как и во всех газетах мира, на первой полосе была статья о том, что в здании ООН на закрытом заседании перед пресс-конференцией Николае Карпати произошло ужасное убийство и самоубийство. Это случилось после того, как новый Генеральный Секретарь ООН Николае Карпати официально ввел в должность десять новых членов расширенного Совета Безопасности. Казалось, что он где-то ошибся, потому что на одну и ту же должность — посла Великобритании в ООН — были назначены два человека.

По свидетельству очевидцев, миллиардер Джонатан Стонагал, друг и спонсор Карпати, внезапно напал на охранника, выхватил у него пистолет и выстрелил себе в голову, пуля прошла навылет и убила одного из новых послов Англии.

Все заседания были прекращены, а сам Карпати был крайне опечален потерей двух близких друзей и доверенных советников.

Каким бы странным это ни казалось, Рэйфорд Стил был одним из четырех людей на планете, которые знали, что на самом деле Николае Карпати — лжец, мастер манипуляции человеческим сознанием и не кто иной, как воплощенный Антихрист. Другие, возможно, подозревали, что Карпати не тот, кем кажется, но только Рэйфорд, его дочь, его духовный наставник и его новый друг — журналист Бизон Уильямс — знали наверняка.

Бизон был среди тех семнадцати человек, которые находились в зале ООН, когда все произошло. И он видел нечто совершенно иное — не самоубийство и убийство, а двойное убийство. По словам Бизона, Карпати забрал у охранника пистолет, заставил своего верного друга Джонатана Стонагала встать на колени, а затем одним выстрелом убил его и британского посла.

Карпати застрелил двух человек, а затем, пока свидетели сидели, замерев от ужаса, тихо изложил, что они на самом деле видели — именно эту историю, которую потом напечатали в газетах. И все свидетели, за исключением одного, ее подтвердили. Самым жутким было то, что все они верили в нее. Даже Стив Планк, бывший босс Бизона, а теперь пресс-секретарь Карпати. Даже Хэтти Дюрхем, в прошлом стюардесса из экипажа Рэйфорда, ставшая личной помощницей Карпати. Все, за исключением Бизона Уильямса.

Когда два дня назад Бизон в кабинете у Брюса Барнса рассказал свою версию, Рэйфорд сперва ему не поверил.

— Неужели ты единственный из присутствовавших, кто все воспринял иначе? — с сомнением спросил он журналиста.

— Капитан Стил, — сказал Бизон, — мы все видели одно и то же. Но затем Карпати спокойно описал, что мы должны думать о том, что видели, и все немедленно приняли его слова на веру. Мне хотелось знать, как он собирается объяснить, что в момент

убийства там присутствовал приведенный к присяге преемник убитого. Но сейчас нет даже доказательств, что я там вообще был. Как будто бы Карпати стер из их памяти информацию обо мне. Мои знакомые теперь клянутся, что меня там не было, и я знаю, что они это всерьез.

Хлоя и Брюс Барнс переглянулись, а затем снова посмотрели на Бизона. Бизон обрел веру незадолго до того, как оказался в том зале заседаний.

— Я абсолютно уверен, что если бы я пошел туда без Бога в своем сердце, — заявил Бизон, — мне бы точно так же промыли мозги.

— Но теперь если ты просто расскажешь миру правду...

— Сэр, меня перевели в Чикаго, потому что мой босс уверен, что я пропустил это заседание. Стив Планк спросил меня, почему я не принял его приглашение. Я не разговаривал с Хэтти, но уверен, что она тоже не помнит, что я был там.

— Самый интересный вопрос, — заметил Брюс Барнс, — что думает о том, что ты знаешь, Карпати. Считает ли он, будто стер правду из твоей памяти? Если он узнает, что тебе все известно, ты окажешься в большой опасности.

Прочитав статью в газете, Рэйфорд заметил, что Ник отключил автопилот и перешел на ручное управление.

— Пора начинать снижаться, — сказал второй пилот. — Хочешь сам все сделать?

— Конечно, — сказал Рэйфорд.

Ник тоже мог посадить самолет, но Рэйфорд чувствовал себя ответственным за это. Он был командиром корабля. Он отвечал за этих людей. И хотя самолет мог приземлиться автоматически, управление им по-прежнему вызывало у Рэйфорда приятное волнение. Немного напоминало ему о том, какой была его жизнь несколько недель назад, и посадка «боинга» была одной из таких вещей.

* * *

Бизон Уильямс потратил день на покупку машины — на Манхэттене она была ему не нужна — и поиски жилья. Он нашел симпатичную квартиру с проведенным телефоном на полпути между офисом чикагского отделения «Глобал уикли» и Общинной церковью Новой Надежды в Маунт-Проспект. Он пытался убедить себя, что на запад города его притягивает именно церковь, а не дочь Рэйфорда Стила Хлоя. Она была на десять лет его моложе, и какой бы привлекательной она ему ни казалась, он был уверен, что она воспринимает его как старшего товарища.

В редакцию Бизон решил не ехать. Его там все равно не ждали раньше следующего понедельника, а он не жаждал видеть Верну Зи. Когда его озадачили поиском преемника для Люсинды Вашингтон, исчезнувшей главы чикагского отделения, он сказал об этом

активной Верне, и та, опережая события, перебралась в кабинет своей бывшей начальницы. Сейчас Бизона понизили, а Верну — наоборот. Она вдруг оказалась его боссом.

С одной стороны, ему не хотелось провести все выходные, переживая по поводу предстоящей встречи, с другой — показать себя слишком назойливым в своем желании увидеть Хлою Стил, поэтому Бизон решил приехать в офис непосредственно перед закрытием. Отыграется ли Верна на нем за все те годы, что он был знаменитостью и писал только главные статьи номера? Или она отравит его жизнь своей добротой?

Проходя по офису, Бизон чувствовал взгляды и улыбки мелких сошек. Сейчас уже, конечно, все знали, что произошло. Ему сочувствовали, удивлялись подобной несправедливости. Как Бизон Уильямс мог пропустить заседание, которое, очевидно, было судьбоносным, даже если бы там не произошло двух смертей? Ведь все были в курсе профессиональных способностей Бизона. Без сомнения, многие считали за честь работать вместе с ним.

Он не удивился, обнаружив, что Верна уже переехала в большой кабинет. Бизон подмигнул Алисе, молоденькой, коротко стриженной секретарше Верны, и заглянул внутрь. Казалось, Верна всегда сидела в этом кабинете. Она переставила мебель и повесила свои фото и дипломы. Очевидно, что она уютно устроилась и наслаждалась каждой минутой пребывания там.

Стол Верны был завален бумагами, экран ее компьютера был включен, но она, казалось, просто глазела в окно. Бизон слегка ссутулился и прочистил горло. Он заметил, как в глазах Верны блеснуло узнавание, но затем она мгновенно взяла себя в руки.

— Кэмерон, — спокойно сказала она, не вставая. — Не ждала тебя раньше понедельника.

— Я только отметить, — сказал он, — Зовите меня Бизон.

— Я буду звать тебя Кэмерон, если не возражаешь, и...

— Вообще-то возражаю. Пожалуйста, зовите меня...

— Я буду звать тебя Кэмерон, даже если ты возражаешь. Ты сообщил кому-нибудь о своем приходе?

— Простите, что имеется в виду?

— У тебя назначена встреча?

— Встреча?

— Со мной. Как ты понимаешь, у меня насыщенный график.

— И найдется ли в нем место для меня?

— Так ты просишь о встрече?

— Если вас не затруднит. Мне бы хотелось знать, где будет мое рабочее место и какие у вас будут для меня задания, что...

— Звучит, похоже на то, что мы могли бы обсудить при встрече, — прервала его Верна. — Алиса! У меня есть время через двадцать минут?

— Да, — откликнулась Алиса. — Я с удовольствием покажу мистеру Уильямсу его

рабочее место, пока он будет ждать, если вы...

— Я бы предпочла это сделать сама, Алиса. Спасибо. И закройте за ним дверь.

Алиса встала, чтобы закрыть дверь, всем своим видом давая понять, что она не виновата. Ему показалось, что она даже глаза закатила.

— Для вас я просто Бизон, — прошептал он.

— Спасибо, — робко сказала она, указав на стул рядом ее столом.

— Мне ждать здесь, как провинившемуся школьнику у кабинета директора?

Она кивнула.

— Сегодня днем звонили и спрашивали вас. Она не представилась. Я сказала, что мы ждем вас не раньше понедельника.

— Сообщения не оставила?

— Нет.

— Ну, так где же мое рабочее место?

Алиса взглянула на закрытую дверь, как будто опасалась, что Верна может ее увидеть. Она встала и указала вверх перегородок в самый дальний угол.

— Последний раз, когда я здесь был, там стояла кофемашина, — сказал Бизон.

— Она до сих пор там, — хихикая, сказала Алиса. Раздался сигнал устройства внутренней связи. — Да, мэм?

— Вы не могли бы разговаривать шепотом, если вам так необходимо болтать, когда я работаю?

— Прошу прощения. — В этот раз Алиса точно закатила глаза.

— Схожу-ка я взгляну, — прошептал Бизон, вставая.

— Пожалуйста, не надо, — сказала Алиса. — Если не хотите, чтобы у меня были неприятности с сами знаете кем.

Бизон покачал головой и уселся обратно. Он подумал о том, что за свою жизнь где только ни бывал, с кем только ни встречался. Он без страха смотрел в лицо стольким опасностям, а сейчас не мог в полный голос разговаривать с секретаршей, чтобы уберечь ее от проблем с выскочкой-начальницей, которая была к тому же никудышной журналисткой.

Бизон вздохнул. По крайней мере, в Чикаго рядом с ним были люди, которым он действительно небезразличен.

* * *

Несмотря на вновь обретенную веру, Рэйфорд Стил обнаружил, что он стал склонен к сильным перепадам настроения. На пути к зданию аэропорта, когда мимо него, демонстративно грубо и молча, прошел Ник, Рэйфорду внезапно стало невыразимо грустно. Как же он скучал по Ирэн и Рэйми! Он не сомневался, что они сейчас на небесах, и, если уже на то пошло, это им стоило его жалеть. С момента массовых исчезновений мир изменился так сильно, что едва ли кому-

то из тех, кого он знал, удалось восстановить душевное равновесие. Он был благодарен Господу за то, что у него был Брюс, который мог наставлять его, а также Хлоя и теперь еще Бизон, которые разделили с ним общую миссию, но иногда перспектива грядущего казалась совершенно невыносимой.

Поэтому таким утешением было для него увидеть в конце коридора улыбающуюся Хлою. За двадцать лет полетов он привык к толпе, встречающей пассажиров на выходе из терминала. Как и большинство пилотов, он обычно просто механически собирал вещи и ехал на машине домой.

Хлоя и Рэйфорд понимали друг друга, как никогда раньше. Они все больше и больше сближались и доверяли друг другу, хотя соглашались далеко не во всем. Их связывали горечь потери, вновь обретенная вера и команда, которую сами они называли Отрядом Скорби.

Рэйфорд обнял дочь.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, но Брюс пытался с тобой связаться. Сегодня вечером он собирает экстренное собрание отряда. Я не знаю, в чем дело, но он просил, чтобы мы нашли Бизона.

— Как ты сюда добралась?

— На такси. Я знала, что твоя машина здесь.

— А где Бизон?

— Он собирался найти машину и квартиру. Он может быть где угодно...

— Ты звонила ему в редакцию?

— Я разговаривала с Алисой, секретаршей, сегодня днем. Его там ждут не раньше понедельника, но мы можем еще раз позвонить из машины. Точнее, я хочу сказать, ты можешь. Тебе не кажется, что будет лучше, если ему позвонишь ты, а не я?

Рэйфорд с трудом сдержал улыбку.

* * *

Алиса наклонилась к Бизону через стол и, восторженно глядя на него, изо всех сил старалась не смеяться в голос, в то время как он рассказывал ей шепотом анекдоты. А он все это время думал, кто из его коллег по великолепному офису в Манхэттене смог бы поместиться в отведенном ему здесь углу по соседству с общественной кофемашиной. Телефон зазвонил. Благодаря громкоговорящей связи Бизон услышал весь разговор. Звонила девушка из приемной внизу.

— Алиса, Бизон Уильямс все еще там?

— Да.

— Ему звонят.

Это был Рэйфорд Стил, он звонил из машины.

— Сегодня в семь тридцать? — спросил Бизон. — Конечно, я буду. Что случилось? Что? А, и ей передавай привет, увидимся сегодня вечером в церкви.

Он уже вешал трубку, когда Верна подошла к двери и мрачно на него посмотрела.

— Какие-то проблемы? — поинтересовался Бизон.

— У тебя скоро будет собственный телефон, — произнесла она. — Заходи.

Когда он сел, Верна сладчайшим тоном поставила его в известность, что он более не является ведущим автором «Глобал уикли», который может себе позволить путешествовать по всему миру и писать главные статьи номера.

— Задача нашего отделения здесь, в Чикаго, ответственна, но ограничена, — сказала она. — Мы интерпретируем национальные и международные новости с местной и региональной точек зрения и отправляем материалы на рассмотрение в Нью-Йорк.

Бизон напрягся.

— Итак, я буду писать про торговлю домашним скотом в Чикаго?

— Ты мне не нравишься, Кэмерон. Никогда не нравился. Будешь писать о том, что нам будет актуально на неделе. Статьи твои будут рассматривать старший редактор и я лично, и я буду решать, заслуживают ли их содержание и качество того, чтобы их отправили в Нью-Йорк.

Бизон вздохнул.

— Я не уточнил у высокого руководства, что делать с моим текущим заданием. Но ты, вероятно, про него не в курсе.

— Твое общение со Стэнтоном Бэйли теперь должно также проходить через меня. Это понятно?

— Тебя интересует, понятна ли мне твоя мысль или согласен ли я с ней?

— Ни то ни другое, — сказала она. — Я спрашиваю, подчинишься ли ты моим требованиям?

— Это вряд ли, — сказал Бизон, чувствуя, как кровь приливает к щекам, а пульс учащается.

Он не хотел повышать на Верну голос. Но молча сидеть и терпеть самодурство женщины, хоть и занявшей кресло Люсинды Вашингтон, но все же имеющей мало общего с журналистикой, он тоже был не намерен.

— Я поговорю об этом с мистером Бэйли, — сказала она. — Как ты понимаешь, я располагаю широким арсеналом средств для борьбы с нарушителями дисциплины.

— Могу себе представить. Почему бы тебе не позвонить ему прямо сейчас?

— Зачем?

— Чтобы выяснить, что я должен делать. Я согласился с тем, что меня понизили в должности и перевели сюда. Но тебе не хуже, чем мне, известно, что низведение меня до местных делишек — пустая растрата моих связей и опыта.

— Ты хочешь намекнуть, что и таланта тоже?

— Твои выводы меня не интересуют. Но до того, как из меня сделали шар для боулинга, я уйму времени потратил на статью о причине исчезновений — хотя зачем я тебе об этом говорю?

— Затем, что я твоя начальница, и затем, что маловероятно, что рядовому корреспон-

денту чикагского бюро доверят писать главную статью номера.

— Даже тому, который уже несколько написал? Рискни позвонить Бэйли. Последнее, что он сказал о моей текущей статье, — это то, что он уверен, что это будет шедевр.

— Да? А когда я с ним разговаривала, он рассказал мне о вашей последней беседе.

— Там было недоразумение.

— Ты солгал. Ты утверждаешь, что был там, где никто тебя не видел. Я бы тебя уволила.

— Если бы у тебя были такие полномочия, я бы и сам ушел.

— Хочешь уволиться по собственному желанию?

— Я тебе скажу, чего я хочу, Верна. Я хочу...

— Мои подчиненные должны обращаться ко мне мисс Зи.

— В этом кабинете твоих подчиненных нет, — парировал Бизон. — А не...

— Ты переходишь все грани, Кэмерон!

— А не задумывалась ли ты, что мисс Зи звучит очень похоже на белая госпожа?

Она встала.

— Следуй за мной.

Она в ярости продефилировала мимо него из кабинета и, стуча каблуками, понеслась вниз по коридору.

Бизон задержался у стола секретарши.

— Спасибо за все, Алиса, — быстро говорил он. — Сюда должны доставить мое

барахло из Нью-Йорка. Не могла бы ты добросить его до моей квартиры?

Алиса кивнула, но ее улыбка застыла, когда она услышала вопль Верны из дальнего конца коридора.

— Кэмерон, сюда!

Бизон медленно повернулся.

— Я к тебе еще вернусь.

Бизон сознательно делал все, чтобы вывести Верну из себя, он заметил, что люди за своими перегородками делали вид, что ничего не происходит, но с трудом сдерживали улыбки.

Верна прошла прямо в тот угол, где обычно пили кофе, и указала Бизону на маленький столик с телефоном и тумбой. Бизон фыркнул.

— Компьютер тебе дадут где-нибудь через неделю, — сказала она.

— Доставьте его ко мне на квартиру.

— Боюсь, это не обсуждается.

— Нет, Верна, не обсуждается то, что ты пытаешься оптом выместить на мне все свои неудачи. Мы с тобой оба прекрасно знаем, что любой человек, имеющий хотя бы каплю самоуважения, с этим не смирится. Если мне приходится работать в Чикаго, я буду работать дома, у меня там будет компьютер, модем и факс. Если ты по какой-либо причине хочешь еще хотя бы раз увидеть меня в этом офисе, позвони Стэнтону Бэйли немедленно.

Верна готовилась принять бой прямо на месте, но Бизон направился обратно в ее кабинет, заставив ее семенить следом.

Он прошел мимо Алисы, которая явно была поражена, и стал ждать Верну возле ее стола.

— Ну, кто наберет номер, ты или я? — потребовал он.

* * *

Рэйфорд и Хлоя поели по пути домой. По приезде он обнаружил срочное сообщение от своего начальника полетов: «Позвони мне, как только вернешься».

Зажав фуражку под мышкой, не снимая форменного пиджака, Рэйфорд набрал знакомый номер.

— Что случилось, Эрл?

— Спасибо, что сразу откликнулся, Рэй. Мы ведь так давно с тобой знакомы...

— Достаточно давно, чтобы сразу переходить к делу, Эрл. Что надо сделать?

— Это не официальный звонок, ладно? Не выговор и не предупреждение, ничего подобного. Я хочу по-дружески с тобой поговорить.

— Как друг другу, Эрл, скажи, мне лучше присесть?

— Не обязательно, но вот что я тебе скажу, кончай проповедовать людям свою веру.

— Что?

— Старик, прекрати говорить о Боге на работе.

— Эрл, если кто-нибудь мне что-нибудь говорит, я сразу отваливаю, и ты знаешь, что моей работе это не мешает. Что ты сам думаешь про исчезновения?

— Мы это все уже обсуждали, Рэй. Я просто хочу сказать, что Ники Эдвардс собирается подать на тебя жалобу, и я хочу иметь возможность сказать всем, что мы с тобой обо всем поговорили и ты согласился от него отстать.

— Подать жалобу? Я нарушил какое-то правило, совершил ошибку или, не дай боже, преступление?

— Я понятия не имею, как он это назовет, но я хотел тебя предупредить, понятно?

— Я думал, у нас неофициальный разговор.

— Да, конечно, Рэй. Хочешь, чтобы мы поговорили иначе? Хочешь, чтобы я позвонил тебе завтра, вызвал бы тебя сюда на ковер, с занесением в личное дело и прочим? Или, может, дадим всем успокоиться, скажем, что это недоразумение, что ты пришел в себя и это больше не повторится?

Рэйфорд не сразу нашелся что ответить.

— Да ладно тебе, Рэй, тут все ежу понятно. Даже не думай об этом.

— Но мне придется об этом подумать, Эрл. Я очень ценю то, что ты меня предупредил, но я сейчас не готов согласиться на подобное.

— Рэй, не надо так со мной.

— При чем тут ты, Эрл? Это же моя проблема.

— Ну да, а кому придется искать тебе на замену пилота, способного управлять семьсот сорок седьмыми и семьсот семьдесят седьмыми «боингами»?

— Ты намекаешь, что это настолько серьезно? Настолько, что я могу потерять из-за этого работу?

— Точно тебе говорю.

— И все же мне надо подумать.

— Ты зашел слишком далеко, Рэй. Слушай, если ты придешь в чувство и мы со всем этим разберемся, тебе скоро придется проходить повторную сертификацию пилотирования «семьсот семьдесят седьмых». Компания в течение месяца покупает еще шесть таких машин, как раз на рейсы из Чикаго. И ты наверняка захочешь на них летать. Больше денег, сам понимаешь.

— Это для меня уже не имеет особого значения, Эрл.

— Я знаю.

— Но мне действительно хочется летать на «семьсот семьдесят седьмых». Я свяжусь с тобой.

— Не заставляй меня ждать слишком долго, Рэй.

* * *

— Я свяжусь с мистером Бэйли, если это вообще возможно, — сказала Верна. — Ты же понимаешь, что в Нью-Йорке уже поздно.

— Он всегда на месте, ты же знаешь. Позвони ему на личный номер, который он использует во внеурочное время.

— У меня его нет.

— Я тебе его дам. Вероятно, он сейчас как раз беседует того, кто должен меня заменить.

— Я позвоню ему, Кэмерон, и даже дам тебе возможность с ним поговорить, но сперва пообщаюсь с ним сама, и я оставляю за собой право рассказать о том, как ты выказывал неподчинение и неуважение. Подожди, пожалуйста, снаружи.

Алиса уже собирала свои вещи, как будто собиралась уходить, когда появился Бизон со злорадной ухмылкой на лице. Остальные работники редакции уже вовсю стремились из офиса на парковку или к пригородным поездкам.

— Ты все слышала? — шепотом спросил Бизон.

— Я все слышу, — произнесла она одними губами. — Видишь эту систему громкой связи? С ее помощью начальник может общаться с секретарем, не прерывая телефонного разговора.

Бизон кивнул.

— Так вот, она отлично подходит для незаметного подслушивания. Тебе нужно только отключить звук со своей стороны, вот так, и, как только что-то произойдет, включить громкую связь, вуаля — и ты можешь слушать чужой разговор, в то время как тебя не слышат. Разве не здорово?

По системе громкой связи они услышали, как Верна пытается дозвониться до Нью-Йорка.

— Стэнтон. Кто это?

— О, сэр, извините, что побеспокоила вас в такой час...

— Если вы знаете этот номер, у вас должно быть очень важное дело. Так кто вы?

— Верна Зи из Чикаго.

— Да, Верна, что случилось?

— У меня тут проблемы. С Кэмероном Уильямсом.

— Ах да, я как раз собирался сказать вам, чтобы вы не лезли в его дела. Он работает над парой серьезных статей для меня. У вас там найдется для него удобное местечко или пусть лучше работает из дома?

— У нас есть для него место, сэр, но он вел себя со мной грубо и отказывался подчиняться...

— Послушайте, Верна, оставьте Уильямса в покое. Его отправили в ссылку за непонятные мне прегрешения, но посмотрим правде в лицо — он по-прежнему наш лучший репортер, и он будет продолжать работать в том же ключе. Да, ему урезали зарплату и понизили в должности, да, он больше не работает в Нью-Йорке, но задания он по-прежнему будет получать отсюда. Не беспокойтесь о нем, ладно? На самом деле, и для вас, и для него было бы лучше, если бы он не покидал центрального офиса.

— Но, сэр...

— Что-то еще, Верна?

— Жаль, что вы не предупредили меня заранее. Мне нужна ваша поддержка. Он вел себя со мной неподобающе...

— Что вы имеете в виду? Он что к вам приставал или что?

Бизону и Алисе пришлось зажать рты, чтобы не рассмеяться.

— Нет, сэр, но он дал мне понять, что не собирается мне подчиняться.

— Мне очень жаль, Верна, но это действительно так, хорошо? Я не собираюсь растрачивать Кэмерона Уильямса на местные проблемки, хотя, конечно, мы очень ценим то, что вы делаете, поверьте.

— Но, сэр...

— Простите, Верна, у вас есть что-то еще? Я выразился недостаточно ясно или в чем проблема? Скажите ему, чтобы заказал себе необходимое оборудование, запишите это на счет чикагского отделения, и пусть он работает на нас. Все ясно?

— Но разве он не должен извиниться...

— Верна, вы действительно считаете, что я должен урегулировать личные конфликты, происходящие за тысячи миль от меня? Если вы с этой работой не справляетесь...

— Нет-нет, сэр, я справлюсь. Спасибо, сэр. Простите за беспокойство.

Раздался сигнал внутренней связи.

— Алиса, пришлите его ко мне.

— Да, мэм, а затем могу ли я...

— Да, вы можете идти.

Бизон увидел, что Алиса начала неспешно собирать свои вещи, оставаясь, тем не

менее, в пределах слышимости. Он зашел в кабинет, как если бы собирался говорить по телефону со Стэнтоном Бэйли.

— Ему нет необходимости разговаривать с вами. Он дал мне понять, что они не ждут, что я буду мириться с вашими выходками. Я поручаю вам работать из дома.

Бизон уже хотел сказать, что ему будет чрезвычайно трудно отказаться от закутка, который она ему так любезно приготовила, но вдруг почувствовал себя виноватым за то, что подслушал ее разговор. Это было совершенно новое чувство. Вина.

— Я постараюсь вам не мешать, — сказал он.

— Я была бы вам признательна.

Когда он пришел на парковку, Алиса ждала его.

— Это было впечатляюще, — сказала она.

— Вам должно быть стыдно, — улыбнулся он в ответ.

— Ну, вы же тоже подслушивали.

— Ваша правда. Увидимся.

— Боюсь, я опоздала на своей поезд в шесть тридцать, — заметила она. — Но оно того стоило.

— Я могу вас подвезти. Покажите, куда надо ехать.

Алиса подождала, пока он откроет дверь машины.

— У тебя симпатичная машина.

— Совершенно новая, — отозвался Бизон. И чувствовал он себя таким же.

* * *

Рэйфорд и Хлоя приехали в церковь рано. Когда они вошли, Брюс доедал заказанный-сэндвич. Он выглядел намного старше своих тридцати с небольшим. Поздоровавшись с ними, он сдвинул очки на лоб, убрав волосы со лба, и откинулся назад на своем скрипучем стуле.

— Вы нашли Бизона? — спросил он.

— Он сказал, что приедет сюда, — сказал Рэйфорд. — Что за срочность?

— Вы сегодня слушали новости?

— Вроде да. Что-то серьезное?

— Я считаю, что да. Давайтеждемся Бизона.

— Тогда давай я пока расскажу тебе о своих сегодняшних заключениях, — сказал Рэйфорд.

Когда он закончил, Брюс рассмеялся:

— Спорю, что до этого ничего подобного в твоём личном деле не было.

Рэйфорд отрицательно покачал головой и сменил тему:

— Мне кажется немного странным, что Бизон тоже является членом отряда, ведь для него все это так ново.

— Как и для всех нас, разве нет? — заметила Хлоя.

— Тоже верно.

Брюс поднял глаза и улыбнулся. Обернувшись, Рэйфорд и Хлоя увидели входящего Бизона.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бизон не знал, как реагировать на неожиданно теплое приветствие Рэйфорда Стила. Ему нравились сердечность и открытость его новых друзей, но что-то терзало его изнутри, поэтому собственные чувства он старался сдерживать. Подобная эмоциональность все еще заставляла его чувствовать себя немного неуютно. По какому поводу, интересно, было назначено собрание? Члены Отряда Скорби встречались регулярно в соответствии с планом, а следовательно, внеочередное собрание должно означать что-то особенное.

Когда они здоровались, Хлоя взглянула на него так, будто бы чего-то ждала, но, в отличие от Рэйфорда или Брюса, обнять его она даже не попыталась. В ее сдержанности, конечно, был виноват он сам. Они едва знали друг друга, но их взаимный интерес был очевиден.

Они дали понять друг другу достаточно, чтобы начать отношения, а Бизон в записке Хлое даже прямо признал, что много думает о ней. Но Бизон считал, что надо быть осторожным. Они ведь были новообращенными христианами и только узнавали о том, что ждет их впереди. Только дурак стал бы начинать серьезные отношения в такой момент.

А разве он не был дураком? Почему, будучи блестящим студентом, журналистом международного уровня, так называемым интеллектуалом, он так долго не знал ничего о Христе?

А что происходит с ним сейчас? Он чувствовал себя виноватым за то, что подслушал разговор своих начальников о себе. Раньше он бы сделал это не задумываясь ни на секунду. Он мог бы написать книгу о трюках, махинациях и даже откровенной лжи, которую он использовал, чтобы написать статью. Останется ли он хорошим журналистом, открыв свое сердце Богу и испытывая муки совести по каждому пустяку?

Рэйфорд чувствовал смущение Бизона и нерешительность Хлои. Но более всего его поразило, как в мгновение ока изменилось выражение лица Брюса. Минуту назад он смеялся над рассказом Рэйфорда о проблемах на работе и улыбался приходу Бизона. И вдруг внезапно помрачнел. Улыбка исчезла, судя по виду, его что-то очень сильно беспокоило.

Для Рэйфорда подобная восприимчивость к чужим переживаниям была внове. До исчезновения жены и сына он много лет как не плакал. Он всегда считал эмоции проявлением слабости и немужественности. Но после исчезновения Рэйфорд видел многих мужчин плачущими. Он был убежден, что исчезновение людей по всему миру было результатом того, что Христос призвал свою паству на небо, но для тех, кто остался, это было катастрофой.

Даже для них с Хлоей, обретших благодаря этому веру, потеря остальных членов семьи была мучительной. Были моменты, когда Рэйфорда настолько переполняли горе и одиночество, что он сомневался в том, что сможет жить дальше. Как он мог быть так слеп? Каким ужасным отцом и мужем он был!

Но Брюс был мудрым советчиком. Он тоже потерял жену и детей, хотя он, как никто другой, должен был быть готов к пришествию Христа. Поддержка Брюса и помощь двух других людей, находившихся в этой комнате, наполняли Рэйфорда силами и уверенностью, чтобы жить дальше. Но он думал не просто о выживании. Рэйфорд начинал верить, что они все должны действовать, пусть даже с риском для собственных жизней.

На секунду его охватили сомнения в правильности этой идеи, но вся неуверенность волшебным образом исчезла в тот момент, когда Брюс Барнс наконец заговорил. Молодой пастор плотно сжал губы, чтобы они не дрожали. В его глазах стояли слезы.

— Мне надо с вами со всеми поговорить, — начал он, наклонившись вперед и делая паузу, чтобы успокоиться. — В свете всех этих событий в Нью-Йорке я решил постоянно держать включенным канал Си-эн-эн. Рэйфорд, ты сказал, что не слышал последних новостей. А ты, Хлоя?

Она покачала головой.

— Бизон, полагаю, у тебя есть доступ ко всем заявлениям Карпати, как только они появляются.

— Не сегодня, — сказал Бизон. — Я оказался в офисе только в конце рабочего дня и ничего не знаю.

Брюс, казалось, опять помрачнел, но затем, как бы извиняясь, улыбнулся.

— Не то чтобы новости совсем ужасные, — сказал он. — Я просто чувствую огромную ответственность за всех вас. Как вы знаете, я пытаюсь руководить этой церковью, но это мне кажется таким незначительным по сравнению с изучением пророчества. Я провожу дни и ночи, копаясь в Библии и комментариях к ней, как будто Господь требует от меня этого.

— Господь требует? — повторил Рэйфорд.

Но тут Брюс расплакался. Хлоя перегнулась через стол и накрыла его руку своей. Рэйфорд и Бизон тоже прикоснулись к нему.

— Мне так тяжело. — Брюс пытался говорить разборчиво. — Я знаю, что не только мне. И вам, и всем, кто приходит в эту

церковь. Мы все страдаем, мы все потеряли близких, мы все упустили приход Господа.

— Но сейчас мы обрели веру, — сказала Хлоя. — И для этого Господь нам послал тебя.

— Я знаю. Просто я испытываю столько противоречивых чувств, что не могу понять, что же дальше, — произнес Брюс. — В моем большом доме так холодно и одиноко без моих родных, что иногда я даже не ночую там. Я просто работаю здесь с текстами, пока не усну, а утром иду домой, чтобы принять душ, переодеться и опять вернуться сюда.

Рэйфорд чувствовал себя неуютно и, чтобы скрыть это, смотрел по сторонам. Если бы он организовал эту встречу, то давно предложил бы сменить тему и вернуться к цели собрания. Но Брюс был человеком иного типа. Он всегда изъяснялся своеобразно и тогда, когда считал нужным.

Брюс достал носовой платок, остальные трое вернулись на свои места. Когда Брюс продолжил говорить, его голос все еще был хриплым.

— На мне лежит огромное бремя, — сказал он. — Знаете, у меня никогда не получалось каждый день читать Библию. Да, я изображал из себя верующего, штатного служителя Христа, но не придавал особого значения Священному Писанию. А теперь я не могу от него оторваться.

Бизон отлично его понимал. Он не возражал против переезда в Чикаго не только из-за Хлои, но и потому, что страстно хотел

узнать все, что Господь пытался донести до него все эти годы. Для этого он готов был как можно чаще приходить в церковь и слушать, как Брюс трактует Священное Писание. Он жаждал впитать в себя все знания и откровения, которыми делился с ними Брюс на собраниях отряда.

У него по-прежнему была работа, он писал всякие серьезные статьи, но его основным занятием стало постигать Господа и учиться его слушать. Все остальное было только средством достижения этой цели.

Брюс поднял глаза.

— Теперь я понимаю, что имели в виду те, кто говорил, что они кормятся словом Божиим. Иногда я внимаю ему часами, теряя счет времени, забывая о еде, плача и молясь. Иногда я падаю со стула на колени, моля Его, чтобы Он просветил меня. Самое страшное, что Он отвечает на мои мольбы.

Бизон заметил, как Рэйфорд и Хлоя понимающе кивнули. Он также алкал и жаждал Священного Писания, хотя для него это ощущение было более новым, чем для них. Но к чему клонит Брюс? Неужели он имеет в виду, что Господь что-то открыл ему?

Брюс глубоко вздохнул и встал. Затем он сел на край стола, возвышаясь над остальными.

— Я хочу, чтобы вы молились, — сказал он. — Господь открывает мне глаза на вещи, внушая истины, которые я с трудом могу хранить в себе. А если я открыто озвучу их, я

стану посмешищем или даже подвергну себя опасности.

— Конечно, мы будем молиться, — сказал Рэйфорд. — Но как это связано с сегодняшними новостями?

— Целиком и полностью, Рэйфорд. — Брюс покачал головой. — Разве вы не видите? Мы с вами знаем, что Николае Карпати — Антихрист. Но давайте предположим, что история Бизона о сверхъестественных гипнотических способностях Карпати и убийстве тех двоих человек — бред. И даже несмотря на это, полно доказательств того, что Карпати соответствует описанному в пророчествах. Он лжец. Он зачаровывает людей. Люди толпами стекаются к нему. Его наделили властью якобы против его желания. Он продвигает идею общемирового правительства, общемировой валюты, договора с Израилем и перемещения штаба ООН в Вавилон. Уже это само по себе является доказательством. Какова вероятность того, что это мог бы сделать один человек, не являясь при этом Антихристом?

— Мы знали, что так и будет, — сказал Бизон. — Но неужели он заявил об этом публично?

— Да, сегодня.

Бизон тихо присвистнул.

— И что сказал Карпати?

— Он сделал заявление через своего пресс-секретаря, твоего бывшего начальника, как его там?

— Планк.

— Да, Стив Планк. На пресс-конференции он сказал журналистам, что Карпати будет недоступен в течение нескольких дней из-за стратегических совещаний на высшем уровне.

— А он упоминал, на тему чего будут совещания?

— Он заявил, что Карпати чувствует себя обязанным предпринять немедленные действия, чтобы объединить все народы на пути к миру, хотя и не претендует на лидерство в этом процессе. Генеральный Секретарь приказал силам специального назначения разоружить все страны мира и отчитаться ему о выполнении. Десять процентов запаса вооружений каждого государства вместо уничтожения должны быть доставлены в Вавилон, переименованный в Новый Вавилон. Представителям международного финансового сообщества, приехавшим в Нью-Йорк для участия в совещаниях, была дана задача разработать программу внедрения единой общемировой валюты.

— Никогда бы не поверил. — Бизон нахмурился. — Один мой друг пытался мне об этом рассказать давным-давно.

— Это еще не все, — продолжил Брюс. — Думаете, случайно Карпати приехал в Нью-Йорк на прошлой неделе, когда там собрались лидеры всех основных религий мира? Что это, как не исполнение пророчества? Карпати призывает их объединиться, прийти к некоему комплексному соглашению по поводу взаимной терпимости, которое учтет интересы всех религий.

— Всех? — удивилась Хлоя. — Но некоторые из религий настолько далеки друг от друга, что они никогда не смогут договориться.

— Они уже договорились, — сказал Брюс. — Вероятно, Карпати заключает с ними какие-то сделки. Я не знаю, что именно он предлагает, но в конце недели ожидается официальное заявление религиозных лидеров. Боюсь, нас ожидает появление единой общемировой религии.

— Но кто на это купится?

— Согласно Писанию, многие.

В голове у Рэйфорда царил полная неразбериха. С самого дня исчезновения ему приходилось прилагать усилия, чтобы концентрировать на чем-то внимание. Временами ему казалось, что все это отвратительный кошмар, от которого он вот-вот должен проснуться и затем изменить свою жизнь. Неужели ему, как Скруджу, нужен был подобный сон, чтобы осознать свои ошибки? Или он, как Джордж Бейли из «Этой прекрасной жизни» Джимми Стюарта, должен захотеть покончить с собой, чтобы явился ангел и объяснил ему, как он не прав.

На самом деле Рэйфорд знал двух человек — Бизона и Хэтти, — которые лично встречались с Антихристом! Разве это не безумие? Когда он задумывался об этом, его охватывал ужас до глубины души. Вселенская битва между Богом и Дьяволом затронула его жизнь так, что в мгновение ока он

из скептика и циника, нерадивого отца и не слишком добродетельного мужа превратился в фанатично верующего человека.

— Почему сегодняшние новости тебя так сильно зацепили, Брюс? — спросил Рэйфорд. — Не думаю, что кто-либо из нас сомневался в правдивости истории Бизона или задавался вопросом, является ли Карпати Антихристом.

— Не знаю, Рэйфорд. — Брюс сел на свое место. — Единственное, что я знаю, — это то, что чем ближе я становлюсь к Богу, чем больше читаю Библию, тем тяжелее мне кажется мой крест. Люди должны знать, что их обманывают. Я испытываю потребность проповедовать учение Христа везде, не только здесь. Эта церковь полна напуганных людей, которым нужен Бог. Мы пытаемся им помочь, но главная беда еще впереди.

— То, что меня действительно напугало в сегодняшних новостях, — это заявление, что главной задачей на повестке дня у Карпати является то, что он называет «достижение взаимопонимания» между мировым сообществом и Израилем, а также специальное соглашение между ООН и США.

Бизон невольно напрягся:

— И что это все значит?

— Я не знаю, что там с США, потому что чем больше я читаю, тем больше убеждаюсь в том, что Америка не будет играть значительной роли в ближайшее время. Но мы все знаем, что это будет за «взаимопонимание» с Израилем. Я не знаю, в какую форму это

будет облечено и какие блага будут обещаны Святой земле, но очевидно, что это будет договор на семь лет.

Хлоя перевела взгляд на него.

— А это однозначно свидетельствует о начале семилетнего периода Скорби.

— Совершенно верно. — Брюс посмотрел на своих товарищей. — Если в заявлении будет упомянуто, что Карпати обещал Израилю защиту на ближайшие семь лет, это официально возвещает начало периода Скорби.

Бизон делал себе пометки.

— Ты хочешь сказать, что сами по себе массовые исчезновения и Восхищение не означали, что семилетний период начался?

— Да, — сказал Брюс. — В глубине души я надеялся, что подписание договора с Израилем будет отложено. В Писании ничего не сказано про то, что все случится одно за другим. Но как только это произойдет, начнется отсчет времени.

— Отсчет времени до установления Царства Божия на земле? — спросил Бизон.

Рэйфорда очень впечатлило то, что Бизон так быстро все схватывал.

Брюс кивнул:

— Совершенно верно. И это то, почему я вас сегодня собрал. Мне надо вам кое-что сказать. Мы будем собираться здесь каждый рабочий день на два часа с восьми до десяти вечера. Только мы четверо.

— Я много времени провожу в разъездах, — сказал Бизон.

— И я, — добавил Рэйфорд.

Брюс поднял руку, призывая к молчанию.

— Я не могу заставить вас прийти, но я призываю вас. Если вы в городе — приходите. По ходу наших исследований мы будем пытаться понять, что Господь открыл нам в Писании. О чем-то из этого мы уже с вами говорили. Но если договор с Израилем будет заключен в ближайшие дни, мы не можем терять время. Нам надо создавать новые церкви, новые группы верующих. Я хочу отправиться в Иерусалим, чтобы услышать свидетелей у Стены Плача. В Библии говорится, что явятся сто сорок четыре тысячи иудеев, которые будут путешествовать по всему миру и проповедовать Евангелие. И они соберут достойную жатву, миллиард или даже больше людей придут к Богу.

— Звучит совершенно нереально, — произнесла Хлоя. — Ты хочешь нас напугать?

— Я сам напуган, — сказал Брюс. — Недолго мы будем радоваться и отдыхать. Помнишь семь печатей, про которые сказано в Откровении?

Она кивнула.

— Если я прав, первая печать уже снята. Нас ждет полтора года мира, а затем в течение трех месяцев остальные печати падут на землю. Четверть населения мира погибнет. Я не хочу показаться излишне сентиментальным, но если вы оглянетесь по сторонам, то поймете, что это означает для всех нас?

Рэйфорд не стал оглядываться. Рядом с ним сидели трое самых близких для него лю-

дей во всем мире. Неужели меньше чем через два года он может потерять еще одного дорогого человека?

Бизон закрыл свой блокнот. Он не соби-
рался записывать, что кто-то из находящихся
в комнате, возможно, скоро умрет. Он вспом-
нил свой первый день в колледже, когда про-
фессор попросил всех посмотреть по сторо-
нам и сказал: «Через год каждого третьего
здесь уже не будет». В сравнении с сегодняш-
ним разговором это казалось смешным.

— Но ведь мы же хотим не просто вы-
жить, — сказал Бизон. — Мы хотим действо-
вать.

— Я знаю, — отозвался Брюс. — Навер-
ное, я печалюсь раньше времени. Это будет
долгий и тяжелый путь. Мы будем очень за-
няты, нам очень многое предстоит сделать,
поэтому все надо спланировать заранее.

— Я думала вернуться в колледж, — как
бы размышляя вслух, произнесла Хлоя. —
Не в Стэнфорд, конечно, в какой-нибудь
здесь поблизости. Теперь я не знаю, есть ли
смысл.

— Ты будешь учиться прямо здесь, — ска-
зал Брюс. — Каждый вечер в восемь. И есть
кое-что еще.

— Я так и думал, — заметил Бизон.

— Я думаю, нам нужно убежище.

— Убежище? — спросила Хлоя.

— Под землей, — сказал Брюс. — Во время
мирного периода мы сможем его построить,

не вызывая подозрений. Когда начнутся Божьи суды, это делать будет уж поздно.

— О чем ты говоришь? — не понял Бизон.

— Я говорю о том, что надо достать землеройную машину и начать выкапывать убежище, в котором мы сможем укрыться. Скоро начнется война, а за ней придут голод, чума и смерть.

Рэйфорд попросил слова:

— Но я думал, что мы не собирались сбежать, поджав хвост.

— Мы и не будем, — сказал Брюс. — Но если мы не будем планировать заранее, если у нас не будет места для отступления и перегруппировки, для укрытия от радиации и болезней, мы все умрем, доказывая, какие мы храбрые.

То, что у Брюса был самый настоящий план, произвело на Бизона сильное впечатление. Брюс сказал, что купит огромную цистерну с водой. Ее поставят на краю парковки, и пока она будет там, люди будут думать, что это просто цистерна. А затем Брюс экскаватором выкопает яму, достаточную, чтобы ее спрятать.

За это время надо будет выкопать само убежище, провести туда воду и электричество, чтобы оно было полностью готово. В какой-то момент по указанию Брюса цистерну уберут. Те, кто ее видел, решат, что она прохудилась или не подошла по размеру. Те, кто не увидел, как ее убирают, предположат, что ее установили где-то под землей.

Убежище Отряда Скорби будет связано с церковью тайным проходом, но им не будут пользоваться, пока не возникнет прямая необходимость. Все их встречи будут проходить в кабинете Брюса.

Этим вечером собрание закончилось молитвой. Трое новообращенных верующих молились за Брюса и за то, чтобы он вынес то пастырское бремя, что было на него возложено.

Бизон убеждал Брюса пойти домой поспать. На пути к выходу он обернулся к Хлое:

— Я бы показал тебе свою новую машину, но теперь мне это кажется такой мелочью.

— Понимаю. — Она улыбнулась. — Думаю, она красивая. Не хочешь с нами поужинать?

— Честно говоря, я не очень голоден, и мне на самом деле пора осваивать новую квартиру.

— Мебель уже есть? — спросила Хлоя. — Ты можешь пожить у нас, пока ее не привезут. У нас полно места.

«Какая ирония!» — подумал он, но вслух произнес:

— Спасибо, мебель у меня есть.

Сзади подошел Рэйфорд.

— Где ты поселился, Бизон?

Бизон рассказал, где расположен дом.

— Совсем недалеко.

— Да, — подтвердил Бизон. — Приглашаю всех к себе, как только устроюсь.

Пока Рэйфорд открывал дверь своей машины, Хлоя ждала у двери переднего сиденья.

Все трое молча неловко стояли в тусклом свете уличных фонарей.

— Ну, я, пожалуй, поеду, — сказал Бизон.

Рэйфорд сел в машину. Хлоя чуть задержалась.

— Увидимся.

Хлоя помахала ему рукой на прощание, и Бизон отвернулся. Чувствовал себя он крайне глупо. Как ему с ней себя вести? Он знал, что она ждала и надеялась, что он подаст ей хоть какой-то знак, что она ему по-прежнему интересна. Ведь она действительно была ему интересна. Но он не мог дать ей это понять. Он не знал, было ли это, потому что рядом был ее отец или потому что последнее время слишком много всего произошло в их жизни.

Бизон задумался о фразе Хлои, что нет смысла идти в колледж. Он подумал, что это можно отнести и к романтическим отношениям. Очевидно, что он одинок. Очевидно, что у них много общего. Очевидно, что она ему нравилась и он был уверен, что она испытывала те же чувства по отношению к нему. Но не был ли интерес к женщине сейчас с учетом всего того, о чем говорил Брюс, не заслуживающим внимания пустяком?

Бизона переполняла любовь к Господу. Именно это должно быть его главной страстью до второго пришествия. Правильно ли будет, забыв благоразумие, уделять все внимание Хлое? Он попытался выбросить мысли о ней из головы.

Безуспешно.

* * *

— Он тебе нравится, правда? — спросил Рэйфорд, выруливая с парковки.

— Он хороший.

— Я имею в виду Бизона.

— Я знаю, о ком ты. Он хороший, но вряд ли он помнит о моем существовании.

— Он занятой человек.

— Даже Брюс уделяет мне больше внимания, а он занят больше, чем любой из нас.

— Дай ему время обустроиться, и он сам прибежит к тебе.

— Думаешь, прибежит? — сказала Хлоя, — Ты говоришь совсем как Па из «Маленького домика в прериях».

— Извини.

— В любом случае я думаю, что с Бизоном кончено.

* * *

Без вещей Бизона его квартира была безукоризненно чиста. Он скинул ботинки и набрал номер своей голосовой почты в Нью-Йорке. Он хотел оставить сообщение своей бывшей секретарше Мардж Поттер, чтобы узнать, когда пришлют его вещи из офиса. Но она его обскакала. Первое из трех сообщений было именно от нее. «Я не знала, куда отправить твоё барахло, так что послала его

в офис чикагского отделения. Все должны доставить в понедельник утром». Второе сообщение было от его высокого руководства, самого Стэнтона Бэйли: «Кэмерон, позвони мне где-нибудь в понедельник. Твоя статья мне нужна до конца недели, и нам надо поговорить». Третье было от его бывшего главного редактора, а ныне пресс-секретаря Николае Карпати Стива Планка: «Бизон, позвони мне, как можно скорее. Карпати хочет с тобой пообщаться».

Бизон фыркнул, хихикнул и стер все сообщения. Затем он поблагодарил Мардж и подтвердил Бэйли, что получил его сообщение и перезвонит. Номер Стива он записал отдельно, решив, что позвонит ему позже. Карпати хочет с тобой пообщаться. Или правильной будет сказать «враг Господа взял твой след». Бизон мог только гадать, знал ли Карпати, что он не поддался его внушению. Интересно, что он сделает, если узнает, что Бизон помнит все, как оно было в действительности? Если он поймет, что Бизон знает, что он убийца, лжец, зверь?

Рэйфорд смотрел новости, слушая разглашательства комментаторов по поводу заявления заявлений ООН. Большинство считали, что запланированный перенос штаб-квартиры ООН на место развалин Вавилона, на юге от Багдада, хорошая идея. Диктор вещал:

— Если Карпати действительно собирается разоружить весь мир, оставив всего десять процентов имеющегося оружия, я бы

предпочел, чтобы оно хранилось на Ближнем Востоке, в тени Тегерана, а не на острове Манхэттен. Опять же мы можем устроить в покинутом здании ООН музей, увековечив тем самым этот самый отвратительный из памятников современной архитектуры.

Политические обозреватели предсказывали полный крах как встрече религиозных лидеров, так и экономистов. Например: «Не может быть единой религии, как бы привлекательно это ни звучало, и ни одна общемировая валюта не сможет быть достаточно гибкой, чтобы соответствовать требованиям современной экономики. Это будут первые ошибки Карпати, и, может быть, тогда люди начнут воспринимать его более реалистично. И тогда придет конец восторженности».

— Пап, хочешь чаю? — спросила Хлоя из кухни.

Он отказался, и через минуту она вошла с чашкой в руках. Она села на дальний конец дивана, подогнув ноги в тапочках под себя. На голове у нее было полотенце, потому что она только что вымыла голову.

— У тебя свидание на выходных? — спросил Рэйфорд, когда началась реклама.

— Издеваешься? — фыркнула она.

— Я и не думал. Что не так в том, что тебя приглашают на свидание?

— Единственный человек, с которым я бы хотела пойти на свидание, похоже, мной больше не интересуется.

— Глупости, — сказал Рэйфорд, — Не может он о тебе не думать.

— Я надеялась, что он думает обо мне, папа. А сейчас я сижу здесь как школьница, теряясь в догадках и надеясь. Это все так глупо! Почему меня это беспокоит? Ну, встретила я его. Но я же его едва знаю. Да, я восхищаюсь им, но это все.

— Восхищаешься?

— Конечно! А кто бы не стал? Он умный, талантливый, успешный.

— И знаменитый.

— И это тоже. Я не собираюсь на него бросаться. Я просто считала, что нравлюсь ему, вот и все. Он писал мне, что думает обо мне.

— И как ты отреагировала?

— Ты имеешь в виду, что я ему ответила?

Рэйфорд кивнул.

— Ничего. А надо было? Мне он тоже нравился, но я не хотела его отпугнуть.

— А если он считает, что сам тебя спугнул? Что поторопился и слишком сильно на тебя надавил? Тебе так не кажется?

— В некоторой степени. Хотя, наверное, так оно и было на самом деле. Я надеялась, что он все поймет по моему поведению.

Рэйфорд пожал плечами:

— Может, ему нужны более явные знаки внимания?

— Этого он не получит. Это не в моих правилах. Ты же знаешь.

— Я знаю, дорогая, — сказал Рэйфорд, — Но ты сильно изменилась за последнее время.

— Да, но не мои правила. — Тут она рассмеялась. — Папа, что мне делать? Я не готова

ему сдаться, но разве я уже этого не сделала? Я ждала, что он пригласит меня куда-нибудь пообедать, а в итоге сделала это сама, а он отказался от нашего приглашения.

— Нашего? При чем тут я?

— Ну, было бы неприлично приглашать его от себя лично.

— Я понимаю. Но может быть, он отказался именно из-за меня?

— Если бы он испытывал ко мне те чувства, про которые я думаю, он бы, конечно, отказался. Но тогда бы он, наверное, сам пригласил меня, так что ты бы оказался не у дел. Точнее... Пап, я не хотела тебя обидеть.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Но мне кажется, ты сгущаешь краски. Дай ему еще день. Утро вечера мудренее.

Опять начались новости, и Хлоя продолжила пить свой чай. Рэйфорду было приятно, что она говорила с ним о подобных вещах. Он не мог припомнить, чтобы она когда-либо разговаривала с матерью о мальчиках. И хотя он знал, что был единственным, к кому она могла обратиться, ему было очень приятно ее доверие.

— Если ты хочешь поговорить, я могу это исключить, — предложил он. — Вряд ли там будет что-то новое по сравнению с тем, что нам сказал Брюс.

— Не надо, — сказала она, вставая. — Честно говоря, я сама себе противна. Сижу здесь, болтаю о своей личной жизни, вернее, об ее отсутствии, в то время как с миром происходит такое... Это как-то совсем по-детски,

не находишь? Ведь мне есть чем себя занять, хотя в школу больше ходить не надо. Для начала я хочу выучить пророчество Иезекииля, Даниила и Откровение Иоанна.

Рэйфорд рассмеялся:

— Ты шутишь.

— Конечно! Но знаешь, что я хочу сказать? Я и подумать не могла, что мне будет интересна Библия, но сейчас я ее читаю запоем, как будто другой возможности не будет.

Рэйфорд осекся. Ему показалось, что Хлою тоже поразила горькая ирония собственных слов.

— Я тоже, — произнес он. — Я узнал больше об апокалиптических пророчествах, чем за всю свою жизнь. Они буквально исполняются у нас на глазах, здесь и сейчас. Так что других возможностей у нас действительно осталось не так много.

— Явно недостаточно для того, что тратить их на то, чтобы сохнуть по парню.

— Он интересный парень, Хло.

— Спасибо за поддержку. Не мешай мне забыть его, ладно?

Рэйфорд улыбнулся:

— Ты забудешь о нем, если я не буду о нем говорить? Может, нам его исключить из нашего отряда?

Хлоя покачала головой.

— Кстати, когда ты последний раз называл меня Хло?

— Тебе это нравилось.

— Да. Когда мне было девять. Спокойной ночи, папа.

— И тебе, дорогая. Я тебя люблю.

Хлоя направилась было на кухню, но затем остановилась, развернулась и подбежала к нему, чтобы наклониться и обнять, стараясь не разлить свой чай.

— Я тоже тебя люблю, папа. Люблю как никогда, всем своим сердцем.

* * *

Бизон Уильямс читал, лежа на своей новой кровати. Как-то на ней было неуютно. У него была вполне приличная квартира, но пригород Чикаго не мог сравниться с Нью-Йорком. Здесь было слишком тихо. Он купил домой фруктов, но есть не стал, посмотрел новости и включил тихую музыку, решив читать Новый Завет, пока не уснет.

Бизон впитывал всю возможную информацию о том, что им предстоит, от Брюса Барнса, но что-то влекло его к Евангелиям, а не к Старому Завету или Откровению. Оказалось, Иисус был тем еще революционером. Бизон был поражен его характером, личностью и миссией. Иисус, которого он ранее себе представлял или думал, что знает, был обманщиком. Иисус из Библии был человеком радикальным, полным парадоксов.

Бизон отложил Библию на ночной столик и перевернулся на спину, прикрыв глаза от света. «Чтобы разбогатеть, деньги надо раздавать, — сказал он себе. — В этом вся

суть. Чтобы возвыситься, надо унижать себя. И хотя месть кажется логичной, это неправильный путь. Возлюби врагов своих, молись за тех, кто унижает тебя. Как все это странно».

Его мысли возвращались к Хлое. Что он такое творил? Она ведь не слепая. Конечно, она молодая, но совсем не глупая. Не мог же он сначала внушить ей надежду, а потом передумать, это было бы нечестно. А действительно ли он передумал? Хочет ли он забыть ее? Конечно, нет. Она была замечательной, и ему нравилось с ней общаться. Она была его сестрой во Христе и товарищем по отряду. И она наверняка могла стать хорошим другом.

Решит ли это проблему? Если они просто станут друзьями? Неужели это то, чего ему хочется на самом деле?

«Боже, что мне делать? — молился он про себя. — Признаюсь, я бы хотел любить ее. Я бы хотел начать встречаться с Хлоей. Не слишком ли она молода для меня? Подходящий ли сейчас момент для того, чтобы думать о таких вещах? Я знаю, что Ты многое возложил на нас. Но что, если мы действительно влюбились друг в друга? Следует ли нам пожениться? Что тогда будет с детьми, если через семь лет ожидается Твое второе пришествие? Сейчас вопрос о том, стоит ли рожать детей, актуален, как никогда».

Бизон убрал руку от глаз и прищурился от света. И что теперь? Он ждал, что Господь ответит ему вслух? Он до этого не снизойдет.

Бизон свесил ноги с постели и сел, обхватив голову руками.

Что с ним такое происходит? Он всего лишь хотел понять, следует ему продолжать ухаживать за Хлоей? Но когда начал молиться об этом и внезапно задумался о браке и детях. «Сумасшествие какое-то. Может быть, так Бог и говорит с нами, — подумал он. — Он подводит нас к выводам — логичным или нелогичным».

И он решил не оказывать больше Хлое знаков внимания. Она была увлечена, ему это было очевидно. Если он проявит свои чувства, это приведет ровно к одному: они неизбежно страстно полюбят друг друга, несмотря на все безумие окружающего их мира. Может ли он это допустить?

Это было неразумно. Как он может допустить, чтобы его чувства к кому-то могли соперничать с его преданностью Богу? И все же он не мог ее просто игнорировать или относиться к ней как к сестре. Нет, он поступит правильно. Он поговорит с ней об этом. Он был уверен, что она заслуживала все знать. Он предложит встретиться, и они все обсудят. Он все ей прямо расскажет, тем более что он вообще хотел получше узнать ее. И ей ведь тоже от этого разговора будет лучше? Но хватит ли у него мужества довести дело до конца и сказать ей то, что он на самом деле думает, — что сейчас не время для романтических отношений?

Бизон не знал. Но был уверен в одном: если не организует это прямо сейчас, то,

наверное, не сделает уже никогда. Он посмотрел на часы. Чуть больше половины одиннадцатого. Интересно, не спит ли она? Он набрал номер Стилов.

* * *

Рэйфорд услышал звонок телефона, когда поднимался к себе наверх. Из комнаты Хлои донеслось какое-то шевеление, но свет у нее был выключен.

— Милая, я возьму трубку, — сказал он и поспешил к телефону на прикроватном столике.

— Мистер Стил, это Бизон.

— Привет, Бизон. И прекрати звать меня мистером. Я из-за этого чувствую себя совсем стариком.

— Разве это не так? — спросил Бизон.

— Остроумно. Зови меня Рэем. Чем могу помочь?

— Скажите, Хлоя уже спит?

— Я думаю, скорее, да, я могу проверить, так ли это.

— Нет, все нормально, — сказал Бизон. — Просто попросите ее перезвонить мне, когда ей будет удобно, хорошо?

Он продиктовал Рэйфорду свой новый номер.

— Папа! — возмущалась Хлоя минутой позже. — Ты же знал, что я не сплю!

— Ты не ответила, кода я сказал, что возьму трубку, — сказал он. — Поэтому я не был уверен. Ты не думаешь, что так было лучше? Пусть подождет до утра.

— Ох, папа! — вздохнула Хлоя. — Я не знаю. Как ты думаешь, чего он хотел?

— Понятия не имею.

— Ух, ненавижу такие ситуации!

— А мне нравится.

— Да уж, наверное...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В субботу с утра Бизон приехал в церковь Новой Надежды, чтобы поговорить с Брюсом. Помощница сказала ему, что пастор как раз заканчивает подготовку к проповеди, но она была уверена, что с ним он не откажется встретиться.

— Вы ведь из числа приближенных к нему? — уточнила она.

Бизон кивнул. Он полагал, что так и есть. Должен ли он считать это особой честью? Он чувствовал, что пока ужасно мало знает об учении Христа, совсем как ребенок. Кто бы мог предсказать, что с ним случится такое? Да и кто мог представить, что произойдет Восхищение Церкви? Бизон покачал головой. Только те миллионы людей, которые были к нему готовы, подумал он.

Как только Брюсу сообщили, что его ждет Бизон, тот немедленно распахнул дверь

и вышел к нему навстречу, чтобы обнять. Это тоже было в новинку для Брюса, все эти объятия, особенно между мужчинами. Брюс выглядел измученно.

— Еще одна бессонная ночь? — спросил Бизон.

Брюс кивнул.

— Но я вкушал Слово Божие. Нагоняю упущенное, знаешь ли. Это все было у меня под рукой многие годы, а я никогда им не пользовался. Пытаюсь понять, как сказать своей пастве, что я должен уехать. Я это чувствую. Людям здесь придется самим встать на ноги и продолжать начатое.

— Ты боишься, что они почувствуют себя покинутыми?

— Да. Но я не покину церковь. Я буду здесь столько, сколько возможно. Как я сказал вчера тебе и Стилам, это крест, который возложил на меня Господь. Он приносит мне радость — радость познания. И в то же время пугает, я знаю, что не был бы способен нести его, если бы не вера. Мне кажется, это еще одна плата за то, что до этого я игнорировал истину. Но ведь ты пришел сюда не для того, чтобы слушать мои жалобы.

— У меня два небольших вопроса, а потом я отпущу вас обратно к вашим изысканиям. Во-первых, последнее время я никак не могу выбросить это из головы: Хэтти Дюрхем, я поступил с ней ужасно. Вы помните ее? Стюардесса из экипажа Рэйфорда...

— Женщина, которую ты представил Карпати? Конечно. Та, за которой хотел приударить Рэйфорд.

— Да, думаю, он тоже за нее переживает.

— Я не знаю, как Рэйфорд, но насколько я помню, ты, Бизон, пытался предупредить ее о том, что это за человек.

— Я сказал ей, что она для него, вероятно, будет всего лишь игрушкой, или что-то в этом роде, я тогда понятия не имел, кто он на самом деле.

— Она сама решила поехать в Нью-Йорк. Это был ее выбор.

— Но, Брюс, если бы я их не познакомил, вряд ли он бы захотел увидеть ее снова.

Брюс откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Ты хочешь спасти ее от Карпати, не так ли?

— Конечно.

— Я не представляю, как это можно сделать, не подвергая себя огромной опасности. Ей наверняка безумно нравится ее теперешняя жизнь, она ведь из стюардессы превратилась в личную помощницу одного из самых могущественных людей в мире.

— Личная помощница и еще черт знает что.

Брюс кивнул:

— Вероятно. Не думаю, что он выбрал ее за секретарские навыки. И все же что ты собираешься делать? Позвонишь ей и скажешь, что ее новый босс Антихрист и поэтому она должна от него немедленно уйти?

— Поэтому я и здесь, — сказал Бизон. — Я не знаю, что делать.

— И ты считаешь, что я знаю?

— Я надеялся на это.

Брюс устало улыбнулся:

— Теперь я понимаю, что имел в виду мой наставник Вернон Биллингс, когда говорил, что люди считают, будто их пастор знает все.

— Вам нечего мне посоветовать?

— Как бы банально это ни звучало, Бизон, ты должен делать то, что должен.

— В смысле?

— Я имею в виду, что, если ты будешь молиться об этом и почувствуешь, что Господь благоволит твоему намерению поговорить с Хэтти, сделай это. Но ты должен хорошо представлять себе последствия. Первым человеком, который узнает об этом разговоре, будет Карпати. А он уже сделал тебе немало плохого.

— В этом-то все и дело, — сказал Бизон. — Мне как-то надо узнать, что известно Карпати. Считает ли он, что стер информацию о том, что я был на том заседании, из моей памяти так же, как стер ее из памяти остальных? Или же он знает, что я знаю, как все было, и поэтому организовал мне все эти проблемы, включая понижение в должности, ссылку и прочее?

— И ты еще спрашиваешь, почему я выгляжу усталым? — вздохнул Брюс. — У меня ощущение, что, если бы Карпати знал, что ты верующий и потому защищен от его воздействия, он бы тебя убил. Если он считает, что

по-прежнему имеет над тобой власть, как над всеми людьми, лишенными веры, он попытается тебя использовать.

Бизон откинулся на стуле и посмотрел на потолок.

— Занятно, что вы об этом заговорили, — произнес он. — Это подводит меня прямо ко второму вопросу, который я хотел задать.

Рэйфорд провел все утро на телефоне, обсуждая подробности своей переаттестации на управление «Боингом-777». В понедельник утром ему предстояло пассажиром вылететь из Чикаго в Даллас. Там, на военном аэродроме Форт-Ворт в нескольких милях от города, он будет демонстрировать свое умение сажать самолет и поднимать его в воздух.

— Прости, Хлоя, — сказал он, когда, наконец, закончил все разговоры. — Я забыл, что сегодня утром ты собиралась звонить Бизону.

— Если уж на то пошло, — парировала она, — я хотела позвонить ему еще вчера вечером. И вообще, я хотела поговорить с ним, когда он звонил.

Рэйфорд поднял обе руки вверх, признавая поражение.

— Да, я был не прав, — сказал он. — Виновен. Телефон в твоём распоряжении.

— Спасибо, не надо.

Рэйфорд удивленно посмотрел на дочь:

— Что такое? Ты собираешься наказать Бизона из-за моей ошибки? Позвони ему!

— Нет, наверное, так даже лучше. Я хотела поговорить с ним вчера вечером, но, вероятно, ты был прав. Это было бы слишком навязчиво и преждевременно. Он сказал, что я могу позвонить, когда мне будет удобно. Наверное, первым делом звонить с утра не слишком удобно. И вообще, я ведь увижусь с ним завтра в церкви?

Рэйфорд покачал головой.

— Ты хочешь с ним поиграть? Тебя беспокоит, что ты влюбилась в него, как девчонка, а теперь ты и ведешь себя сообразно.

Похоже, Хлою это задело.

— Спасибо, папа. Позволь только напомнить, что отложить разговор было изначально твоей идеей.

— Всего лишь до утра. И не вини меня, если получится некрасиво.

* * *

— Бизон, это твой шанс пообщаться с Хэтти, — сказал Брюс Барнс. — Как ты думаешь, чего Карпати на самом деле хочет?

Бизон мотнул головой:

— Понятия не имею.

— Ты доверяешь этому Стиву Планку?

— Да, доверяю, я работал с ним несколько лет. Самое пугающее, что это он

встретил меня перед той памятной пресс-конференцией, показал, где сесть, рассказал, кто есть кто. А затем он же спросил меня, почему я не пришел. Признался, что Карпати был несколько раздражен тем, что меня там не было.

— И ты достаточно хорошо его знаешь, чтобы быть уверенным, что он не лжет?

— Откровенно говоря, Брюс, именно из-за него я верю, что Карпати действительно тот, о ком сказано в пророчествах, которые мы изучаем. Стив — настоящий журналист старой закалки. Сам факт, что он отказался от новостей ради того, чтобы стать пресс-атташе политика, доказывает силу убеждения Карпати. Даже я не согласился на эту работу. Он ведь собственными глазами наблюдал ту бойню, а потом напрочь забыл, что я там вообще был, это просто...

— Сверхъестественно.

— Точно. И я скажу, что было самым странным. Когда Карпати рассказывал свою версию, какая-то часть меня хотела ему верить. У меня в голове появился образ того, как Стонагал застрелился и убил Тодда-Котрана.

Брюс покачал головой.

— Должен признаться: когда ты впервые рассказал свою историю, я подумал, что ты сошел с ума.

— Я бы с тобой даже согласился, если бы не одна деталь.

— Какая?

— Ну, все, кто там был, восприняли и запомнили происходившее совсем не так, как я. Если бы Стив сказал мне, что я просто не разглядел, я бы, возможно, решил, что сошел с ума и убедил бы в этом себя. Но вместо этого он сказал мне, что меня там не было! Брюс, никто не помнит, что я там был! Неправда, что я боюсь признаться, что пропустил заседание! Я был в своем кабинете, записывал все, что увидел, на компьютер, когда по новостям передали версию событий от Карпати. Если бы я не был там, откуда я мог узнать, что Стонагала и Тодда-Котрана вынесут из здания ООН в мешках?

— Тебе не надо меня убеждать, Бизон, — сказал Брюс. — Я на твоей стороне. Вопрос в том, чего хочет Карпати? Ты считаешь, что при личном разговоре с тобой он проявит свою истинную суть? Или будет тебе угрожать? Или даст тебе понять, что в курсе того, что ты знаешь правду?

— Зачем?

— Чтобы запугать. Чтобы использовать тебя.

— Возможно. А возможно, он также хочет попытаться влезть ко мне в голову и понять, удалось ли ему меня одурачить.

— Это очень опасно, это все, что я могу сказать.

— Я надеюсь, что это все же не все, Брюс. Я надеялся получить какой-нибудь совет.

— Я буду об этом молиться, — обещал Брюс. — Но прямо сейчас я не знаю, что тебе подсказать.

— Ну как минимум мне придется позвонить Стиву. Я же не знаю, хочет ли Карпати общаться лично или по телефону.

— Ты можешь подождать со звонком до понедельника?

— Конечно. Я могу сказать ему, что предположил, что он хочет, чтобы я связался с ним в рабочее время, но у меня нет гарантий, что он сам не перезвонит до этого.

— У него есть номер твоего телефона?

— Нет, он оставил сообщение на голосовой почте в Нью-Йорке.

— Ты вполне можешь его проигнорировать.

Бизон пожал плечами и кивнул:

— Если вы считаете, что я должен так поступить.

— С каких это пор я стал твоим советчиком?

— С тех пор, как стали моим духовным наставником.

* * *

Когда Рэйфорд вернулся домой, закончив все дела, по тому, как Хлоя двигалась и по ее лаконичным ответам, он понял, что она всерьез обижена.

— Давай поговорим, — предложил он.

— О чем?

— О том, что ты должна сделать мне некоторую скидку. Я никогда не был идеаль-

ным отцом, поэтому сейчас у меня проблемы с тем, чтобы обращаться с тобой как со взрослой, каковой ты являешься. Прости, что назвал тебя девчонкой. Строй свои отношения с Бизоном, как считаешь нужным, не обращай на меня внимания, хорошо?

Хлоя улыбнулась:

— Я и так тебя игнорирую. Мне не нужно для этого разрешение.

— Тогда хотя бы прости меня.

— Не переживай, папа. Я не могу на тебя долго злиться. Мне кажется, мы нужны друг другу. Кстати, я позвонила Бизону.

— Правда?

Она кивнула.

— Он не ответил. Думаю, он не сидел у телефона в ожидании моего звонка.

— Ты оставила сообщение?

— У него нет автоответчика. В любом случае я увижу его завтра в церкви.

— Ты скажешь ему, что звонила?

Она хитро улыбнулась:

— Вероятно, нет.

* * *

Бизон провел остаток дня, редактируя статью для «Глобал уикли», посвященную версиям причин исчезновения людей. Статья ему нравилась, возможно, это лучшее из того, что он когда-либо писал. Она

включала в себя все возможные версии, от бульварных историй вроде нападения призрака Гитлера, НЛО и пришельцев до теории эволюционного очищения космоса и регулирования населения мира за счет выживания лучших.

В середине статьи Бизон написал о том, что он сам считал правдой, но, конечно, без какой-либо тенденциозности. Это, как обычно, была четкая аналитическая статья, написанная от третьего лица. И никто, кроме его новых друзей, не знал, что сам Бизон, как и пилот Рэйфорд Стил, пастор Брюс Барнс и некоторые другие, верил, что люди исчезли потому, что Христос призвал свою паству на небо.

Бизону особенно интересна была интерпретация события представителями других ветвей христианства. Католики в массе своей пребывали в замешательстве, потому что их осталось достаточно много, но некоторые, включая нового папу, который был избран всего за несколько месяцев до этого, исчезли. Проповедуемые им догматы вызвали серьезные разногласия в Церкви, потому что, казалось, они более соответствуют «еретическому» учению Лютера, чем привычным историческим традициям. Когда папа исчез, многие католические богословы пришли к выводу, что это действительно было Божественным вмешательством.

— Тех, кто противился традиционному учению Матери-Церкви, отделили, как пле-

вели, — сказал в интервью Бизону архиепископ и кардинал Питер Мэтьюз из Цинциннати. — В Писании сказано, что в последние дни все будет как во времена Ноя¹, а вы должны помнить, что во времена Ноя добрые люди остались, в то время как дурные люди были смыты потопом.

— Значит, — подытожил Бизон, — то, что мы еще здесь, доказывает, что мы хорошие парни?

— Я бы не стал говорить так резко, — сказал тогда архиепископ Мэтьюз. — Но, да, таково мое мнение.

— А что вы можете сказать о тех замечательных людях, которые исчезли?

— Что, возможно, они были не такие уж замечательные.

— А дети и младенцы?

Епископ заерзал.

— Значит, на то была воля Господа, — произнес он. — Я предпочитаю верить, что, возможно, он хотел защитить невинных.

— Защитить от чего?

— Я точно не знаю. Я не воспринимаю апокрифы буквально, но есть ужасные предсказания о том, что, возможно, грядет.

— Так вы разделяете исчезновение детей и очищение от зла?

¹ « как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и пришествие Сына Человеческого» (Мф 24 37—39)

— Да. Я сам крестил многих из исчезнувших детей, и я уверен, что они были во Христе и с Христом в сердце.

— И все же они исчезли.

— Да.

— А мы остались...

— Это должно служить нам утешением.

— Но это мало кого утешает, ваше высокопреосвященство.

— Я понимаю. Сейчас тяжелые времена. Я сам переживаю потерю сестры и тети. Но они покинули Церковь.

— Покинули?

— Они не были согласны с нашими догматами. Прекрасные женщины, очень добрые. Я бы даже сказал, очень ревностные верующие. Но, боюсь, они были отделены, как плевелы от зерна. А те из нас, что остались, должны, как никогда, быть уверены, что мы следуем Божьему промыслу.

Бизон был достаточно смел, чтобы попросить архиепископа прокомментировать некоторые стихи из Писания, а точнее восьмой и девятый стихи из второй главы Послания святого апостола Павла к Ефесеянам: «Благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился».

— Вот об этом, — заявил архиепископ. — Я и говорю. На протяжении столетий люди толковали стихи, подобные этому, в отрыве от контекста и строили на них свое учение.

— Но ведь есть и другие отрывки, подобные этому, — возразил Бизон.

— Я понимаю, но, послушайте, вы ведь не католик, не так ли?

— Да, сэр.

— Тогда вы просто не можете оценить размах нашей Церкви.

— Простите, но объясните, пожалуйста, почему тогда так много католиков осталось, если ваша гипотеза верна?

— Об этом ведаёт только Господь, — сказал архиепископ Мэтьюз. — Он читает в сердцах людей. Он знает больше, чем мы.

— Это правда, — кивнул Бизон.

Конечно, свое личное мнение и комментарии Бизон оставил за рамками статьи, но он мог использовать цитаты из Писания и попытку объяснения архиепископом учения о милости Божией. Бизон планировал переслать законченную статью в редакцию «Глобал уикли» в Нью-Йорке в понедельник.

Бизон работал, прислушиваясь, не зазвонит ли телефон. Мало кто знал его новый номер. Только Стили, Брюс и Алиса, секретарша Верны Зи. Его автоответчик, основной компьютер, факс и прочую технику, равно как и его рабочие материалы, должны были доставить в чикагский офис в понедельник. Тогда он будет чувствовать себя более комфортно и сможет наконец нормально работать, оборудовав во второй спальне кабинет.

Бизон втайне надеялся, что позвонит Хлоя. Он же просил Рэйфорда передать ей, что она может позвонить в любое удобное ей время. Может быть, она была из тех девушек, что никогда не перезванивают, даже

если пропустили звонок? С другой стороны, он понимал, что ей нет и двадцати одного, и он признавал, что ничего не знает о нравах и обычаях этого поколения. Может, она его воспринимала как старшего брата или даже отца, и ей была противна даже сама идея, что она ему нравилась. Это не соответствовало тому, как она вчера вечером двигалась и смотрела на него, но он не хотел обманываться.

Бизон просто хотел поступить правильно, поговорить с ней — объяснить ей, что сейчас неудачный момент, что они должны быть просто друзьями и товарищами в общепринятом смысле. И тут он почувствовал себя глупо. А что, если она ни о чем другом и не думала? Он будет объяснять ей что-то, чего у нее и в помыслах не было.

А вдруг она звонила утром, когда он был у Брюса. Может, стоит позвонить ей? Пригласить к себе посмотреть новую квартиру, когда у нее будет время, и тогда он сможет с ней поговорить. Он будет действовать по обстоятельствам, пытаясь оценить ее ожидания, а затем либо осторожно все объяснит, либо вообще не будет поднимать этот вопрос.

Трубку взял Рэйфорд.

— Хлоя, к телефону! — крикнул он. — Это Бизон Уильямс!

Он услышал, как она говорит:

— Ты не мог бы ему сказать, что я ему перезвоню? Или лучше передай ему, что мы поговорим завтра в церкви.

— Я все слышал, — сказал Бизон. — Все ясно. До встречи.

Бизон решил, что, вероятно, она не тратит время на переживания об их отношениях. Он набрал номер своей голосовой почты в Нью-Йорке. Единственное сообщение было от Стива Планка.

— Бизон, как дела? Как долго ты еще будешь устраиваться? Искать тебя в чикагском отделении? Я там оставил несколько сообщений, но старик Бэйли сказал, что ты работаешь из дома. Ты получил мое сообщение, что Карпати хочет с тобой поговорить? Дружище, заставлять его ждать — плохая идея. Я его успокаиваю, говорю, что ты переезжаешь, все такое. Но он как бы очень надеялся тебя увидеть уже на этих выходных. Честно не знаю, чего он хочет, разве что он по-прежнему высокого мнения о тебе. Если что, он не держит на тебя обиды за то, что ты проигнорировал его приглашение на то заседание. Честно говоря, Бизон, такой журналист, как ты, просто не мог не быть там, потому что должен был быть. Ты бы так же обабдел, как я. Такое дикое самоубийство не просто забыть. Позвони, и я устрою вам встречу. Бэйли сказал, ты заканчиваешь статью о теориях по поводу исчезновений. Если ты оперативно встретишься с Карпати, то сможешь включить в статью и его версию. Он, конечно, не делает из нее секрета, но пара цитат делу не повредят, правда ведь? Ты знаешь, как со мной связаться в любое время дня и ночи.

Бизон сохранил сообщение. Что же делать? Похоже, Карпати хотел встретиться

лично. Не так давно Бизон, не задумываясь, принял бы это предложение. Взять интервью у мирового лидера как раз накануне выхода самой значимой из своих статей! И в то же время Бизон был верующим христианином, убежденным в том, что Карпати — Антихрист. Он видел его силу в действии. А Бизон совсем недавно уверовал в Христа. Он почти ничего не знал об Антихристе. Был ли тот так же всеведущ, как Господь? Мог ли он прочесть его мысли?

Очевидно, что Карпати умел управлять людьми и манипулировать их сознанием. Но значит ли это, что он также мог узнать, о чем они думают? Карпати не смог воздействовать на Бизона, потому что с ним был дух Христов? Бизон надеялся, что в Библии была какая-то информация о способностях Антихриста. Тогда бы он знал, с чем имеет дело.

Карпати он должен быть по меньшей мере интересен. Наверняка он недоумевал, как Бизону удалось ускользнуть из зала заседаний, где были совершены убийства, и не произошел ли какой-то сбой в его системе внушения. Иначе зачем тогда не просто заменять в памяти людей убийства на абсурдное самоубийство, но и стирать все воспоминания о том, что Бизон был там?

Очевидно, что Николае пытался замести следы, заставив всех забыть, что Бизон там вообще присутствовал. Если это было предпринято для того, чтобы Бизон усомнился в здравости собственного мышления, то это не удалось. В тот день с Бизоном был сам

Господь. Он видел то, что видел, и ничто не могло поколебать его уверенность в этом. Не было никаких домысливаний или сомнений, как если бы он просто отказывался принять очевидное. Но в одном Бизон был уверен: он ни за что не расскажет Карпати то, что знает. Как только Карпати удостоверится, что обмануть Бизона не удалось, у него не будет другого выхода, кроме как уничтожить его. Но если Бизону удастся убедить Карпати в том, что тот преуспел, это даст ему небольшой шанс в его борьбе со злом. Хотя как именно он лично или Отряд Скорби смогут воспользоваться этим преимуществом, Бизон не имел ни малейшего понятия.

Но кое-что он знал точно. Он не будет звонить Стиву Планку до понедельника.

* * *

Рэйфорд был рад, что они с Хлоей решили поехать в церковь пораньше. По воскресеньям там всегда собиралась толпа народу. Рэйфорд посмотрел на дочь и улыбнулся. Последний раз Хлоя так хорошо выглядела, когда только вернулась из колледжа. Он хотел подразнить ее и спросить, для кого она так вырядилась — для Бизона Уильямса или все-таки для Господа, но в итоге промолчал.

Он занял одно из последних свободных мест на парковке и обнаружил, что снаружи еще целая очередь машин, ищущих, где

бы припарковаться на улице. Людей терзали боль и страх. Они искали надежду, ответы, Бога. И они обретали это здесь. Так и распространилось Слово Божье.

Мало кто после искренней и эмоциональной проповеди Брюса Барнса уходил, сомневаясь, что исчезновение не было Божьим деянием. Паству забрали на небеса, а их всех оставили. Брюс рассказывал им, что грядет второе пришествие Христа, названное в Библии Явлением во Славе, и случится оно через семь лет после начала периода Скорби. К этому моменту три четверти оставшихся на земле людей погибнет, среди которых, вероятно, большинство будут христианами. Слова Брюса не были вызовом сомневающимся, но тем, кто уверовал в Него, потому что Он вмешался в человеческие судьбы так, как никогда со времен воплощения Иисуса Христа в смертном теле.

Брюс уже рассказал Стилам и Бизону, что каждый четвертый на земле погибнет, когда будут сняты вторая, третья и четвертая печати с книги, упомянутой в Откровении. Он цитировал им восьмой стих из шестой главы Откровения Иоанна:

— «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя Смерть, и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными». Но затем должно стать еще хуже.

Как только Рэйфорд с дочерью уселись на свои места, он почувствовал легкое похло-

пывание по плечу. Он обернулся. Хлоя тоже. Бизон Уильямс сидел прямо за ними в четвертом ряду, он одновременно положил ладони им обоим на плечи.

— Привет, ребята! — произнес он.

Рэйфорд встал и обнял его. Одно это показало, насколько он изменился за какие-то несколько недель. Хлоя сердечно пожала ему руку.

Когда они уселись на свои места, Бизон наклонился вперед и прошептал:

— Хлоя, я звонил, чтобы спросить...

И тут заиграла музыка.

* * *

Бизон встал, чтобы петь вместе со всеми. Оказалось, что многие знали слова песнопений. Он пытался успевать за текстом, который проецировался на экран и попадать в ноты. Припевы были простыми и легко запоминались, но для него они были в новинку. Он подумал, что в жизни многих из присутствующих там религия играла значимую роль — гораздо большую, чем в его жизни. Как же тогда они упустили Восхищение?

После пары припевов к кафедре поспешно вышел несколько взъерошенный Брюс Барнс. Он подошел не к амвону, а к скромному пюпитру на уровне пола. В руках у него была Библия, два толстых фолианта и пачка листков, которые он чуть не

рассыпал по дороге. Он робко, как бы пыта-
ясь оправдаться, улыбался.

— Доброе утро, — начал он. — Думаю, надо кое-что объяснить. Обычно мы поем больше гимнов, но сегодня у нас на это нет времени. Обычно у меня и галстук затянут, и рубашка заправлена, и пиджак застегнут на все пуговицы. Но сегодня все это не настолько принципиально. Обычно мы собираем пожертвования. Поверьте, они нам по-прежнему очень нужны, вы сможете сделать это на выходе из церкви в полдень, если, конечно, мне удастся закончить к этому времени.

Сегодня мне нужно больше времени, потому что у меня к вам очень срочное дело. Не переживайте. Я не сумасшедший, не сектант, я по-прежнему тот, кем я стал, осознав, что пропустил Восхищение Церкви.

Я уже сказал моим ближайшим наперсникам, что на этой неделе осознал, какую тяжелую ношу возложил на меня Господь. Они молятся, чтобы я обрел мудрость и проницательность и не начал в запале замахиваться на новую и странную идею. За эту неделю я, как никогда, много читал, молился и понял, и я хочу поведать вам о том, что Господь открыл мне.

Слышал ли я глас Господа? Нет. Хотя хотел бы. Я бы хотел, чтобы Он говорил со мной. Но если бы так было, я, вероятно, не был бы сегодня здесь. Он хотел, чтобы я обрел Его через веру, коль скоро меня не убедило то, что Его сын умер за меня. Он оставил нам свое Слово, в нем есть все, что нам нужно знать.

Глядя, как Брюс просит, уговаривает и умоляет своих слушателей внимать ему, понять его, открыть себя Господу, чтобы получить Его наставление, Бизон почувствовал, как слезы подступают к глазам. Брюс еще раз пересказал свою собственную историю, как многие годы изображал благочестие и церквянство, но когда Господь воззвал, его, Брюса, признали негодным и оставили на земле, без жены и любимых детей. Бизон слышал эту историю уже много раз, и каждый раз она трогала его до глубины души. Было слышно, как кто-то всхлипывал. Брюс в этот раз был достаточно краток, хотя некоторые слышали его историю впервые.

— Я хотел бы никогда не прекращать говорить о том, что Христос сделал для меня, — проповедовал Брюс. — Рассказывайте свои истории. Ваше горе, потери и одиночество объединят вас. Да не устыжусь я никогда более Евангелия Христова. В Библии сказано, что крест — это кара. Ваше покаяние — знак того, что я делаю свое дело. Обретение вами веры — знак присутствия Духа Святого.

Мы не были готовы и упустили шанс вознестись на небо. Поэтому нам предстоит пережить самые опасные времена за всю историю человечества. Проповедники в свое время предупреждали, что не стоит откладывать обращение к вере, потому что человека в любой момент может сбить машина или он может погибнуть при пожаре. Я хочу вам сказать, что если вас собьет машина или вы погибнете при пожаре — это будет самая что

ни на есть милосердная смерть. На этот раз вы должны быть готовы. Готовьтесь к Его пришествию. Я расскажу вам как.

Тема моей сегодняшней проповеди — Четыре всадника Апокалипсиса. И я бы хотел сконцентрировать внимание на первом всаднике на белой лошади. Если вы всегда считали, что четыре всадника Апокалипсиса — это легендарные игроки из команды Нотр-Дам¹, мне будет о чем сегодня вам рассказать.

Бизон никогда не видел Брюса таким серьезным и вдохновенным. Он говорил, обращаясь то к своим заметкам, то к справочникам, то к Библии. Он вспотел и часто вытирал пот со лба носовым платком, хотя через некоторое время признал, что понимал, как это нелепо выглядело. Бизону показалось, что прихожане все до единого только ободряюще засмеялись, призывая его продолжать. Большинство делали записи. Практически каждый следил за его словами по собственной или церковной Библии.

Брюс пояснил, что книга Откровений — это рассказ апостола Иоанна о том, что открыл ему Господь о последних днях человечества, о том, что случится после Восхищения Церкви.

— Есть ли здесь кто-нибудь, кто сомневается, что мы живем в последние дни челове-

¹ Нотр - Дам (Notre Dame) — одна из старейших и сильнейших команд в американском футболе «Четверка всадников Нотр-Дама» — знаменитые игроки линии защиты, в которую входили Гарри Штулдрер, Джеймс Кроули, Дон Миллер, Элмер Лайден

чества? — Его голос гремел. — Миллионы исчезли, и что теперь? Что же дальше?

Брюс рассказал, что в Библии сказано, будто сначала будет заключен договор между мировым лидером и Израилем.

— Некоторые считают, что семилетний период Скорби уже начался с момента Восхищения. Ведь исчезновение миллионов людей, включая наших друзей и любимых, принесло нам страдание и скорбь. Но это ничто по сравнению с тем, что нам предстоит.

В течение этих семи лет Господь обрушит на землю три последовательные кары — семь так называемых печатей Судного дня, семь труб и семь чаш гнева Божьего. Как я понимаю, это должно лишить нас тех крох уверенности, что у нас еще оставались. Если Восхищение паствы не привлекло вашего внимания, то кары сделают это непременно. Если же нет, вы умрете без Бога. Какими бы ужасными ни были эти кары, я призываю вас воспринимать их как последнее предупреждение от любящего Бога, который не желает, чтобы кто-то погиб.

Снятие печатей и открывание книги знаменует начало судов. Первые четыре из них представлены всадниками — теми самыми четырьмя всадниками Апокалипсиса. Если вы когда-либо слышали об этом образе или выражении раньше, то, вероятно, считали его всего лишь символом. Я тоже так думал. Есть ли здесь кто-нибудь, кто до сих пор считает пророчества Писания просто набором символов?

Брюс сделал паузу.

— Думаю, нет. Слушайте внимательно. Печати Страшного суда падут на землю в течение двадцати одного месяца после подписания договора с Израилем. В дальнейшем я расскажу вам об остальных карах, которые ожидают нас в ближайшие семь лет, но сегодня я хотел бы сконцентрировать внимание на первых четырех из семи печатей.

Чем больше Брюс говорил, тем больше Бизон поражался тому, что последним столь впечатляющим оратором, которого он слышал, был Николае Карпати. Но впечатление, которое производил Карпати, было заранее продумано и являлось результатом манипулирования сознанием. Брюс же не пытался воздействовать на людей чем-либо, кроме истины Слова Божьего. Скажет ли он своей пастве, что, вероятно, знает, кто Антихрист? В какой-то мере Бизон надеялся, что да. Но публичное обличение кого-либо как врага Господа нашего может быть воспринято как клевета.

Или Брюс просто расскажет о том, что написано в Библии, и позволит всем дойти до всего своим умом? В новостях уже было полно слухов о готовящемся соглашении между Карпати — или как минимум ООН под руководством Карпати — и Израилем. Кто будет сомневаться в словах Брюса, если он предсказал соглашение за несколько дней до его подписания?

* * *

Рэйфорд слушал Брюса как зачарованный. Он был буквально парализован. Как будто Брюс прочел его мысли. Не так давно он бы посмеялся над этой теорией, над столь буквальным прочтением, очевидно, поэтического метафорического отрывка. Но Брюс говорил вполне разумные вещи. Он был сравнительно молод, а пастором был вообще всего несколько недель. Это не было его призванием, и он не учился этому. Это была даже не столько проповедь, сколько лекция, но то, с какой страстью и пониманием темы Брюс говорил, делало его выступление более чем убедительным.

— Сегодня у меня нет времени рассказывать вам о втором, третьем и четвертом всадниках, — сказал Брюс. — Кроме того, что всадник на рыжем коне означает войну, на вороном — мор, а на бледном — смерть. Что-бы вы знали, к чему готовиться, — добавил он устало, и кто-то нервно хихикнул. — Но я предупредил вас, что это все не для слабонервных.

И он перешел к главному, зачитав первый и второй стихи из шестой главы Откровения:

— «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь

белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он [как] победоносный, и чтобы победить».

Брюс театрально сделал шаг назад и начал убирать бумаги с пюпитра.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Я еще не закончил.

К удивлению Рэйфорда, люди начали аплодировать.

— Вы хлопаете от радости, что я, наконец, закончил, или чтобы я продолжал дальше до вечера? — спросил Брюс

Люди продолжали хлопать. Рэйфорд не понимал, что происходит. Он тоже аплодировал, и Бизон, и Хлоя. Они жадно слушали его слова и не хотели, чтобы он останавливался. Очевидно, слова Брюса согласовывались с тем, что открыл ему Бог. Он повторял из раза в раз, что не открывает ничего нового, что комментарии, которые он цитирует, были известны на протяжении десятилетий и что учение о конце света существует еще дольше. Но тех, кто считал эти идеи уделом буквоедов, фундаменталистов и узколобых проповедников, не взяли на небеса. Внезапно оказалось, что Писание нужно понимать буквально! Ничто не помогло так убедить людей, как потеря близких в Восхищении.

Теперь Брюс стоял перед пустым пюпитром с одной только Библией в руках.

— А сейчас я хочу рассказать вам о том, что, как я верю, Библия говорит о всаднике на белом коне, о первом всаднике Апокалип-

сиса. Я не буду озвучивать вам свое мнение. И не буду подводить вас к каким-либо выводам. Я надеюсь, Господь поможет вам провести все необходимые параллели. Скажу вам только одно: я считаю, что эта книга, написанная тысячи лет назад, описывает текущие события не хуже, чем завтрашняя газета.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бизон, сидевший на скамье сразу за Рэйфордом и Хлоей Стил, посмотрел на часы. С того момента, как он делал это последний раз, прошло больше часа. Желудок подсказывал ему, что он голоден, ну или как минимум, что не мешало бы что-то съесть. Разум говорил, что он готов просидеть так весь день, слушая Брюса Барнса, объясняющего на основании текста Библии, что происходит сейчас и что случится завтра. А сердце замирало от страха. Он знал, к чему клонит Брюс, рассказывая об образах из Книги Откровений. И не просто знал, кто был этот всадник на белом коне, но был знаком с ним лично и на себе испытал воздействие силы Антихриста.

Бизон провел достаточно времени с Брюсом и Стилами над Священным Писанием, чтобы не сомневаться в том, что Николае

Карпати был воплощенным Врагом Господа. И все же он не мог встать и подтвердить слова Брюса, исходя из собственного опыта. Как и Брюс, не мог сказать, что знал, кто Антихрист, и что кое-кто из сидящих здесь встречался с ним лично.

Бизон в совершенстве владел искусством своевременного упоминания людей и связей. Он вращался в высоких кругах достаточно долго, чтобы привычно ронять: «Встречался с ним», «Брал у него интервью», «Знаком с ним», «Ездил с ней в Париж», «Был у них в гостях».

Но исчезновения и личное столкновение со сверхъестественным начисто лишили его бывшего эгоцентризма. Прежний Бизон Уильямс не преминул бы воспользоваться возможностью рассказать всем, что он лично знаком не только с мировым лидером, но и с тем самым Антихристом, предсказанным в Писании. А нынешний просто сидел и, не отрывая глаз, следил за проповедью своего друга.

— Позвольте кое-что пояснить, — продолжал Брюс. — Я не верю, что под этими всадниками Он имел в виду конкретных людей, скорее некое общемировое явление. Некоторых из них вообще нельзя соотнести с людьми, как минимум, потому что четвертый всадник назван Смертью.

Но с первым всадником ситуация иная! Обратите внимание, что снимает первую печать, выпускающую первого всадника, Агнец. Агнец — это Иисус Христос, сын

Божий, который умер за наши грехи и воскрес, а недавно забрал свою паству на небо.

В Писании первый в последовательности всегда чрезвычайно важен — первенец, первый день творения, первая заповедь. Первый из четырех всадников, знаменующих первые семь судов, очень важен! Он как бы задает тон. Он ключ к пониманию как остальных всадников и печатей Судного дня, так и вообще всех судов Божиих.

Кто же первый всадник? Он, очевидно, символизирует Антихриста и его царство. Его цель — быть победоносным и победить. В его руке лук — символ войны, но нет упоминания стрел. Как же он будет побеждать? В другом месте сказано, что он — царь могущественный и что он победит именно благодаря дипломатии. Он объявит ложный мир, обещая объединить народы. Добьется ли он успеха? Несомненно! Ведь ему дан был венец.

С одной стороны, все это было новостью для Рэйфорда и, как он предполагал, для Хлои тоже. Но с другой — они так глубоко погрузились в изучение Писания вместе с Брюсом, с тех пор как уверовал во Христа, что Рэйфорд мог предугадать каждое следующее слово. Похоже, еще немного, и он станет специалистом. Рэйфорд не мог припомнить, чтобы что-нибудь еще ему давалось так легко. Он всегда неплохо учился, особенно по математике и естественным наукам. И с авиационными дисциплинами у него всегда хорошо получалось. Но это

было совсем другое. Всеобъемлющее. Жизненное. Настоящее. Знание, которое объясняло, что случилось с его женой и сыном, что предстоит испытать ему и его дочери, что случится завтра и в последующие семь лет.

Рэйфорд восхищался Брюсом. В его глазах он был человеком, который внезапно осознал, что в критический момент его христианство на поверку оказалась фальшивым, раскаялся и посвятил себя спасению других людей. Брюс Барнс отдался этому целиком.

В иной ситуации Рэйфорд беспокоился бы, что Брюс работает на износ, пытаясь объять необъятное. Но Брюс казался удовлетворенным и полным энергии. Конечно, ему необходимо больше спать, но его переполняло знание об истине, и он жаждал им поделиться. И если остальные чувствовали то же, что и Рэйфорд, они бы и подумать не могли о чем-то, кроме как сидеть здесь и слушать его наставление.

— На следующей неделе и далее мы будем говорить об остальных трех всадниках Апокалипсиса, — говорил Брюс. — Позвольте мне на прощание сказать вам, чего вам следует ожидать. Всадник на белом коне — Антихрист — будет лжецом, обещающим мир и объединяющим народы. В стихах с двадцать четвертого по двадцать седьмой девятой главы Книги Даниила из Ветхого Завета сказано, что он подпишет договор с Израилем.

Он будет притворяться их другом и защитником, но в конце он завоюет и разрушит. На сегодня мне пора заканчивать, но мы еще поговорим о том, почему все это происходит и что из этого следует. Я бы хотел завершить проповедь, доказав вам, что я не Антихрист.

Его слова вызвали живой интерес слушателей, включая Рэйфорда. Кое-где послышались сдержанные смешки.

— Я не имею в виду, что вы подозреваете меня, — сказал Брюс, вызвав новую волну смеха. — Но из нашего разговора можно сделать вывод, что все лидеры находятся под подозрением. Запомните, что никогда с этой кафедры я не буду обещать вам мир. В Библии сказано, что после подписания договора с Израилем у нас, вероятно, будет всего полтора года мирной жизни. А затем нас ожидает прямо противоположное. Явятся остальные три всадника и принесут с собой войну, голод, чуму и смерть. Это не самое приятное известие, я не хочу, чтобы вы тешили себя иллюзиями. Наша единственная надежда во Христе, но даже с ней мы, вероятно, не избежим страданий. Увидимся на следующей неделе.

Рэйфорд почувствовал возбуждение в толпе, когда Брюс закончил молитву, как если бы все чувствовали то же, что и он. Он хотел узнать больше, и у него была масса вопросов. Обычно в конце молитвы, когда органист начинал играть, Брюс бросался к вы-

ходу из церкви, чтобы успеть пожать руку на прощание уходившим. Но сегодня едва Брюс подошел к проходу между скамьями, его остановили. Люди обнимали его, благодарили и засыпали вопросами.

Рэйфорд и Хлоя сидели на одном из первых рядов. Краем глаза наблюдая, как Бизон общается с Хлоей, Рэйфорд слушал, о чем люди спрашивают Брюса.

— Вы утверждаете, что Николае Карпати — Антихрист? — спросил кто-то.

— Я говорил что-нибудь подобное? — сказал Брюс.

— Нет, но это совершенно очевидно. В новостях говорили о его планах и о какой-то сделке с Израилем.

— Читайте и думайте, — ответил Брюс.

— Но ведь это не может быть Карпати? Или может? Он кажется вам лжецом?

— А кем он кажется вам? — спросил Брюс.

— Спасителем.

— Почти как Мессия? — уточнил Брюс.

— Да!

— Есть всего один Спаситель, один Мессия.

— Я знаю, но это в духовном смысле, я имею в виду политический аспект. Не говорите мне, что Карпати не тот, кем кажется!

— Я цитирую вам только то, что сказано в Писании, — ответил Брюс. — И призываю вас внимательно следить за новостями. Мы должны быть мудры, как змея, и кротки, как голубка.

— По-моему, это описание отлично подходит Карпати, — заметила одна из женщин.

— Будьте осторожны, — сказал Брюс, — приписывая атрибуты Христа тому, кто открещается от него.

* * *

Когда служба закончилась, Бизон взял Хлою за руку, но она отреагировала совсем не так, как он надеялся. Она медленно обернулась, чтобы выяснить, что ему надо, и на ее лице не было и следа того ожидания, которое читалось в ее взгляде в пятницу. Очевидно, он чем-то ее обидел.

— Наверное, тебе интересно, почему я звонил, — начал он.

— Я предположила, что ты расскажешь, как будет время.

— Я хотел спросить, не хочешь ли ты захватить ко мне в гости. — Он объяснил ей, где это. — Может, заглянешь завтра около полудня? Посмотришь мою квартиру, а потом сходим куда-нибудь пообедать.

— Не знаю, — ответила Хлоя. — Пообедать с тобой я вряд ли смогу, но если мне будет по пути, то, может, заеду.

— Отлично. — Бизон чувствовал себя как выжатый лимон. Очевидно, что объясниться с ней будет совсем не сложно. Это совершенно точно не разобьет ей сердце.

* * *

Как только Хлоя ускользнула, к Бизону подошел Рэйфорд, чтобы пожать ему руку.

— Как твои дела, дружище?

— Вроде неплохо, — ответил Бизон. — Потихоньку обустройстваюсь.

Рэйфорда мучил один вопрос. Он покопался по сторонам, а потом опять взглянул на Бизона. Боковым зрением он видел, что вокруг топчутся сотни людей в ожидании возможности пообщаться лично с Брюсом Барнсом.

— Бизон, я кое о чем хочу тебя спросить. Ты когда-нибудь сожалел о том, что представил Хэтти Дюрхем Карпати?

Бизон сжал губы и закрыл глаза, потирая лоб.

— Каждый день, — прошептал он. — Я недавно говорил об этом с Брюсом.

Рэйфорд кивнул и, опершись коленом на скамью, наклонился к Бизону.

— Меня это беспокоило, — сказал Рэйфорд. — Я очень переживаю за нее. Понимаешь, мы были друзьями. Коллегами, но еще и друзьями.

— Я догадался, — ответил Бизон.

— Нет, у нас не было никакой интрижки, ничего подобного, — заверил его Рэйфорд. — Но меня беспокоит то, что с ней случилось.

— Я слышал, она взяла отпуск на месяц в «Пан-Континентал».

— Да, — сказал Рэйфорд, — Но это все для отвода глаз. Ты же понимаешь, что Карпати хочет, чтобы она была рядом, и он найдет возможность платить ей больше, чем она получала в авиакомпании.

— Без сомнения.

— Ей понравится новая работа и, конечно, он сам. И кто знает, как далеко могут зайти их отношения?

— Как сказал Брюс, вряд ли он нанял ее из-за интеллекта, — заметил Бизон.

Рэйфорд кивнул. Они оба считали, что Хэтти Дюрхем станет одной из игрушек Карпати. Если и есть какая-то надежда на спасение ее души, то она совершенно недоступна, пока Хэтти находится рядом с ним.

— Я беспокоюсь за нее, — продолжил Рэйфорд. — А так как я ее друг, я не считаю себя вправе предупреждать ее. Она была одной из первых, с кем я заговорил о Христе. Но она меня не послушала. До этого она интересовала меня больше, чем следовало, и, очевидно, сейчас она относится ко мне скорее негативно.

Бизон наклонился к нему:

— Может быть, у меня скоро появится возможность поговорить с Хэтти.

— И что ты ей скажешь? — спросил Рэйфорд. — Кто знает, может, они уже любовники. Она расскажет ему все, что знает. Если она расскажет ему, что ты стал верующим и пытаешься спасти ее, он узнает, что ему не удалось промыть тебе мозги, как всем остальным.

Бизон кивнул:

— Я думал об этом. Но я чувствую себя ответственным за то, что она с ним. И это объективно так. Мы можем молиться за нее, но я буду чувствовать себя совершенно бесполезным, если не смогу сделать хотя бы что-нибудь для того, чтобы вытащить ее оттуда. Мы должны вернуть ее сюда, чтобы она узнала правду.

— Возможно, она уже переехала в Нью-Йорк, — сказал Рэйфорд. — Может, мы найдем предлог, чтобы Хлоя позвонила ей на квартиру в Дес-Плейнз.

Когда они расстались на выходе из церкви, Рэйфорд задумался о том, стоит ли ему поощрять отношения между Хлоей и Бизоном. Ему очень нравился Бизон, по крайней мере, то небольшое, что он о нем знал. Он верил ему, даже доверял, считал его своим братом. Для молодого человека он был очень умен и проницателен. Но сама идея того, что его дочь может встречаться или даже влюбиться в человека, который на короткой ноге с самим Антихристом... Это он с трудом мог принять. Ему надо быть честным с ними обоими по этому вопросу, если их отношения куда-то продвинутся.

Но, увидев Хлою в машине, он понял, что беспокоиться не о чем, по крайней мере сейчас.

— Только не говори мне, что пригласил Бизона на обед, — сказала она.

— Даже не думал об этом. А что?

— Он ко мне относится как к сестре и в то же время приглашает меня завтра заехать к нему в гости.

Рэйфорд хотел сказать: «Ну и что с того?» — и спросить ее, не придумывает ли она слишком много, исходя из слов и действий человека, которого едва знает. Насколько ей было известно, Бизон, вероятно, был безумно в нее влюблен и просто не знал, как ей открыться. Но Рэйфорд промолчал.

— Да, ты прав, — прокомментировала она. — Я заиклилась.

— Я ничего не говорил.

— Я знаю, что ты думаешь, — сказала она. — В любом случае я злюсь на себя. Только что была такая важная проповедь, а я могу думать только о парне, от которого сама же сбежала. Это не важно. Но кого это волнует?

— Тебя, вероятно.

— А не следовало бы. Старое ушло, все изменяется, — отрезала Хлоя. — Беспокойство о парнях точно должно остаться в прошлом. Нет времени для таких пустяков.

— Поступай, как считаешь нужным.

— Это то, чего я как раз делать не хочу. Если бы я поступала так, я бы уже сегодня вечером увиделась с Бизоном, чтобы выяснить, что между нами происходит.

— Но ты ведь этого не сделаешь?

Она отрицательно покачала головой.

— Тогда ты не могла бы сделать кое-что для меня? Не могла бы ты позвонить Хэтти Дюрхем?

— Зачем?

— На самом деле мне просто интересно, переехала ли она уже в Нью-Йорк.

— Почему бы нет? Карпати ведь нанял ее.

— Не знаю. Сейчас она в отпуске на месяц. Просто позвони ей домой. Если там включен автоответчик, значит, она еще не приняла окончательного решения.

— Почему ты ей сам не позвонишь?

— Мне кажется, я уже достаточно вмешивался в ее жизнь.

* * *

Бизон заехал по дороге домой купить китайской еды на вынос и сейчас сидел и ел в одиночестве, глядя в окно. Он включил по телевизору бейсбол, но не смотрел его, сделав звук потише. Мысли его были противоречивы. Его статья была готова к отправке в Нью-Йорк, и ему не терпелось узнать мнение Стэнтона Бэйли о ней. Он также с нетерпением ждал прибытия своей офисной техники и материалов, которые должны были привезти завтра утром в редакцию. Тогда он наконец-то сможет все забрать и полноценно обустроиться.

И в то же время он не мог не думать о проповеди Брюса. Его поразило не столько содержание, сколько страстность Брюса. Ему надо получше узнать его. Возможно,

это излечит его от одиночества, да и Брюса тоже. Если уж Бизону было одиноко, то как-то должно быть мужчине, потерявшему жену и детей. Бизон привык к уединенной жизни, но в Нью-Йорке у него было полно друзей. А здесь могли позвонить разве что из офиса или кто-нибудь из членов Отряда Скорби.

И похоже, с Хлоей у него ничего не складывалось. Когда его понизили в должности, он воспринял переезд из Нью-Йорка в Чикаго позитивно — он сможет чаще ее видеть, сможет посещать хорошую церковь, узнавать там новое, и у него будут друзья. И в то же время он чувствовал, что поступил правильно, когда прекратил ухаживать за ней. Момент был неподходящий. Кому нужны романтические отношения на пороге конца света?

Бизон знал — ну или как минимум верил, — что Хлоя с ним не играет. Она бы не стала строить из себя недотрогу, просто чтобы поддерживать его интерес. Но не важно, делала она что-то нарочно или нет, это работало, и он чувствовал себя идиотом, потому что постоянно думал об этом.

Что бы ни случилось, что бы они ни делали и по какой бы причине, он просто должен выяснить с ней отношения. Возможно, он пожалеет об том, что они решили остаться друзьями, но он не видел другого выхода. Ради нее и ради себя он должен быть ей только другом, а там увидим, что из этого выйдет. Как ему казалось, она в большем и не заинтересована.

Он снял трубку и, поднеся ее к уху, услышал странный звук, а затем голос:

— У вас новое сообщение, пожалуйста, на-
жмите звездочку и два, чтобы его услышать.

«Сообщение? Я же не вызывал голосовую
почту», — мелькнула мысль. Бизон нажал на
указанные кнопки. Сообщение было от Сти-
ва Планка:

«Бизон, где тебя только черти носят? Если
ты не будешь отвечать на голосовую почту, я
перестану оставлять там сообщения. Я знаю,
что тебя нет в телефонной книге, но если ты
думаешь, что с Николае Карпати можно шу-
тить, задумайся, как я добыл этот твой номер.
Ты бы сам не отказался, чтобы у тебя, как у
журналиста, был доступ к таким источникам.
А теперь, Бизон, как друг другу, я знаю, что ты
регулярно проверяешь голосовую почту и ты
знаешь, что Карпати хочет с тобой встретиться.
Почему ты мне не позвонил? Ты выстав-
ляешь меня дураком. Я сказал ему, что найду
тебя и организую вам встречу. Я сказал ему,
что не понимаю, почему ты проигнорировал
его приглашение на церемонию введения в
должность, но я тебя знаю, как брата, ты ведь
не кинешь его снова? Он хочет с тобой встре-
титься. Я не знаю, по какому поводу и даже
буду ли я присутствовать при этом. Не знаю,
будет ли это для записи, но наверняка ты смо-
жешь задать ему пару вопросов по теме сво-
ей статьи. Просто приезжай сюда. Сможешь
собственноручно привезти свою статью в
«Уикли», поздороваться со своей знакомой
мисс Дюрхем и узнать, что нужно Николае.
В аэропорту О'Хара тебя ждет билет первого
класса на завтрашний рейс в девять утра на

имя Мак-Гилликадди. С самолета тебя встретит лимузин, и вы пообедаете вместе с Карпати. Просто сделай, как я говорю, Бизон. Может, он хочет поблагодарить тебя за знакомство с Хэтти. Кажется, они понравились друг другу. Итак, Бизон, если ты мне не перезвонишь, я считаю, что ты сюда едешь. Не разочаруй меня».

* * *

— Ну, как результаты? — поинтересовался Рэйфорд.

Хлоя изобразила голос автоответчика:

— Номер, который вы набираете, отключен. Новый номер...

— И какой новый номер?

Она протянула ему клочок бумаги. Номер был нью-йоркский. Рэйфорд вздохнул.

— У тебя есть новый номер Бизона?

— Он на стене рядом с телефоном.

* * *

Бизон позвонил Брюсу Барнсу.

— Мне очень неудобно тебя об этом просить, Брюс. — сказал он. — Но не могли бы мы встретиться сегодня вечером?

— Я собирался вздремнуть, — признался Брюс.

— Тебе, правда, надо выспаться. Мы можем встретиться как-нибудь в другое время.

— Нет, я не собираюсь отсыпаться. Ты хочешь встретиться вчетвером или только со мной?

— Только с тобой.

— Ты не возражаешь, если я к тебе приеду? Я немного устал от своего кабинета и пустого дома.

Они договорились на семь часов, и Бизон решил, что сделает еще один звонок, а потом оставит трубку снятой. Он не хотел рисковать нарваться на Планка или, еще хуже, на самого Карпати, до того как обговорит свои планы с Брюсом и помолится об их исполнении. Стив сказал, что будет считать, что если Бизон ему не перезванивает, значит, он придет, но со Стива станется проверить. А Карпати был совершенно непредсказуем.

Бизон позвонил Алисе, секретарше в чикагском отделении.

— Ты не могла бы сделать мне одолжение? — спросил он.

— Конечно, — ответила она.

Он сказал ей, что, возможно, завтра утром улетает в Нью-Йорк, но он не хотел бы, чтобы Верна Зи об этом знала.

— Но мне очень нужны мои вещи, поэтому я бы хотел завезти тебе запасной ключ от своей квартиры по дороге в аэропорт. Я был бы тебе очень признателен, если бы ты могла завезти мне домой мои вещи и запереть квартиру.

— Без проблем. Мне все равно завтра утром ехать в том направлении. Я встречаю своего жениха в аэропорту. Верна не узнает, что я по пути завезу твои вещи.

* * *

— Не хочешь завтра утром полететь со мной в Даллас, Хло? — спросил Рэйфорд.

— Наверное, нет. Ты же ведь весь день будешь занят?

Рэйфорд кивнул.

— Я останусь здесь. Может быть, воспользуюсь приглашением Бизона и загляну к нему.

Рэйфорд покачал головой.

— Я не успеваю за твоими мыслями, — сказал он. — Теперь ты уже хочешь поехать в гости к парню, который относится к тебе как к сестре?

— Я поеду туда не для того, чтобы увидеть его, — парировала она, — а для того, чтобы посмотреть его квартиру.

— Ах да, — сказал Рэйфорд, — как я мог подумать.

* * *

— Ты голоден? — спросил Бизон, не успев Брюс войти.

— Можно поесть, — ответил Брюс.

— Тогда пойдем прогуляемся, — предложил Бизон. — Ты сможешь посмотреть квартиру, когда мы вернемся.

Они расположились в кабинке в дальнем углу шумной пиццерии, и Бизон рассказал Брюсу последние новости от Стива Планка.

— Ты собираешься ехать? — спросил Брюс.

— Я не знаю, что и думать, и если бы ты знал меня лучше, ты бы знал, что мне это обычно несвойственно. Мой инстинкт журналиста подсказывает мне, что, конечно, без вопросов надо ехать. Да и кто бы отказался? Но я знаю, кто этот парень, и когда я его видел последний раз, он пристрелил одной пулей двоих.

— Я бы хотел, чтобы Рэйфорд и Хлоя знали обо всем этом.

— Я так и предполагал, — сказал Бизон. — Но я прошу тебя не впутывать их в это. Если я поеду, я бы предпочел, чтобы они ничего об этом не знали.

— Бизон, если ты поедешь, тебе понадобятся все наши молитвы.

— Хорошо, расскажи им, но после того, как я уеду, как-нибудь так. Я буду обедать с Карпати около полудня или сразу после по нью-йоркскому времени. Объясни им, что у меня важная командировка.

— Если ты так хочешь. Но ты должен понимать, что я представляю себе работу нашего отряда несколько иначе.

— Я знаю, и я согласен с тобой. Но они оба, вероятно, сочтут мой поступок безрас-

судным, возможно, он такой и есть. Если уж я совершаю такой поступок, я не хочу разочаровать их до того, как буду иметь возможность рассказать им обо всем и объясниться.

— А почему не сделать это заранее?

Бизон поднял голову и пожал плечами.

— Потому что я сам в этом еще не до конца разобрался.

— Звучит так, будто бы ты уже точно решил туда ехать.

— Думаю, да.

— Ты хочешь, чтобы я тебя отговорил?

— Нет, наверное. А ты собираешься?

— Я в таком же замешательстве, как и ты, Бизон. Я не вижу во всем этом ничего хорошего. Он опасный человек, убийца. Он может уничтожить тебя и выйти сухим из воды. Он это уже делал на глазах у толпы свидетелей. С другой стороны, как долго ты сможешь от него прятаться? Он нашел номер твоего телефона, хотя ты не был внесен в телефонные книги, через два дня после твоего переезда. Он без труда найдет тебя, а если ты будешь его избегать, он непременно разозлится.

— Я знаю. Но я всегда могу ему сказать, что был занят переездом и обустройством квартиры...

— Как оно и было на самом деле.

— Да, а теперь я здесь в назначенное время, прилетел, воспользовавшись предоставленным им билетом, чтобы выяснить, что ему нужно.

— Он попытается прочесть твои мысли и выяснить, что ты помнишь о том, что он совершил.

— Не знаю, что я ему отвечу. Я и на том заседании не знал, что делать. Я сразу почувствовал в той комнате Зло и в то же время знал, что Господь со мной. Я не знал, что говорить и как реагировать, но, вспоминая все это, я понимаю, что Господь велел мне молчать и позволить Карпати прийти к желаемым выводам.

— Бизон, ты и в этот раз можешь положиться на Господа. Но у тебя в голове должен быть некий план вроде того, что можно говорить, а что нельзя.

— Другими словами, спать нам сегодня не придется?

Брюс улыбнулся.

— Я не думаю, что в этом есть смысл.

— И я не думаю.

К тому моменту, как Бизон закончил показывать Брюсу свою квартиру, он уже решил, что завтра с утра поедет в Нью-Йорк.

— Почему бы тебе не позвонить своему другу, — начал Брюс.

— Планку?

— Да, ему, и сказать, что ты приедешь. Тогда ты сможешь не опасаться больше его звонка, включить телефон, так что тебе смогут звонить, я, например, или кто-нибудь еще.

Бизон кивнул:

— Хорошая идея.

Бизон оставил сообщение Стиву, но в тот вечер ему больше никто не звонил. Он думал позвонить Хлое и предупредить ее, чтобы не приезжала завтра утром, но в то же время он не хотел объяснять ей почему или придумывать что-то. Более того, он был убежден, что она не приедет. Она определенно не выразила никакого интереса во время их утреннего разговора.

Спал Бизон плохо. К счастью, на следующее утро он разминулся с Верной: он успел отдать ключ Алисе и уже выезжал с парковки, когда Верна туда заезжала и, конечно, его не заметила.

У Бизона не было никаких документов на имя Мак-Гилликадди. В аэропорту он забрал конверт, на котором было написано это выдуманное имя, осознав, что женщина за стойкой даже не знала, что внутри билет.

Он зарегистрировался на рейс за полчаса до начала посадки.

— Мистер Мак-Гилликадди, — обратился к нему пожилой мужчина за стойкой, — вы можете подняться на борт, когда вам будет угодно.

Бизон поблагодарил его.

Он был в курсе, что пассажиров первого класса, постоянных клиентов авиакомпании, пожилых людей, а также пассажиров с детьми приглашают на посадку первыми. Когда Бизон расположился в зале ожидания, мужчина спросил:

— Вы не хотите прямо сейчас подняться на борт?

— Простите? — сказал Бизон. — Прямо сейчас?

— Да, сэр.

Бизон поглядел по сторонам, пытаясь понять, не упустил ли он чего-то. Народу вообще было очень мало, не говоря уже о желающих вне очереди взойти на борт.

— У вас есть эксклюзивное право подниматься на борт, когда вам будет угодно, но, конечно, это не обязательно. На ваше усмотрение.

Бизон пожал плечами.

— Хорошо, я поднимусь на борт прямо сейчас.

В самолете пока была всего одна стюардесса. В салоне второго класса заканчивали уборку. Тем не менее стюардесса предложила ему на выбор шампанское, сок или прохладительные напитки и дала меню завтрака.

Бизон никогда особо не жаловал алкоголь, поэтому от шампанского отказался, и он был слишком взволнован, чтобы есть. Стюардесса спросила:

— Вы уверены? Вся бутылка зарезервирована для вас. — Она взглянула на карточку. — За счет Н.К.

— Спасибо, но все равно нет. — Бизон покачал головой. Был ли предел возможностей Карпати?

— Не хотите взять ее с собой?

— Нет, мэм. Спасибо. Вам нравится?

Стюардесса удивленно на него посмотрела:

— Шутите? Это же «Дом-Периньон»!

— Она ваша.

— Правда?

— Конечно.

— Вы не могли бы расписаться, что приняли ее, чтобы у меня не было проблем потом за то, что я ее взяла?

Бизон расписался на карточке. Что же будет дальше?

— Простите, сэр... — сказала стюардесса. — Разве это ваше имя?

— О, простите, — извинился Бизон. — Я задумался. — Он взглянул на карточку, зачеркнул свое собственное имя и написал: «Б. Мак-Гилликадди».

Обычно пассажиры плятятся на тех, кто сидит в первом классе, но Бизон привлек внимание даже своих соседей по салону. Он очень старался не выделяться, но совершенно очевидно, что к нему относились с особым вниманием. Он был уже на борту, когда все остальные только входили в самолет, во время полета стюардессы услужливо вертелись вокруг него, забирая у него напитки и спрашивая, не хочет ли он чего еще. Интересно, кому Карпати за это заплатил и сколько?

В аэропорту Бизону не пришлось искать в толпе человека с табличкой со своим именем. Едва он спустился к трапа, к нему подошел водитель в униформе, забрал ручную кладь и поинтересовался, не сдавал ли он чего-нибудь в багаж.

— Нет.

— Отлично, сэр. Следуйте, пожалуйста, за мной к машине.

Бизон много путешествовал по миру, бывало, его принимали как короля, а иногда относились как к нищему. Но даже его такое обращение выбивало из колеи. Он смиренно прошел за водителем по аэродрому к припаркованному длинному черному лимузину. Водитель открыл перед ним дверцу, и Бизон шагнул из солнечного света в темный салон.

Он не называл своего имени водителю, а тот не спрашивал. Он предположил, что все это часть гостеприимства Карпати. Но что, если его приняли за кого-то другого? Что, если это была всего лишь ужасная ошибка?

Как только глаза Бизона привыкли к полумраку салона и тонированным стеклам, он заметил человека в темном костюме, сидящего спиной к водителю и глядящего на него в упор.

— Вы из ООН? — спросил Бизон. — Или работаете непосредственно на мистера Карпати?

Мужчина не ответил. Он был абсолютно неподвижен. Бизон наклонился вперед.

— Простите, — сказал он. — Вы не...

Мужчина приложил палец к его губам. «Ну хорошо, — подумал Бизон. — Это мне знать не обязательно». Однако ему было любопытно, встретится ли он с Карпати в здании ООН или в ресторане. А еще было бы неплохо знать, будет ли при этом присутствовать Стив Планк.

— Вы не возражаете, если я поговорю с водителем? — произнес Бизон. Ни какой реакции не последовало. — Эй, водитель, послушайте!

Но переднее сиденье было отделено от остального салона оргстеклом. Мужчина, который выглядел как телохранитель, по-прежнему пялился на него, а Бизон размышлял, станет ли эта поездка для него последней. Странно, что он не испытывал того ужаса, который охватил его прошлый раз. Он не знал, был ли причиной этого Бог или его собственная наивность. Вполне вероятно, что он направляется на собственную казнь. Единственным доказательством этой поездки была неправильная подпись на карточке у стюардессы, но и ту он зачеркнул.

* * *

Рэйфорд Стил сидел в кабине «Боинга-777», стоявшего на военной взлетно-посадочной полосе в тени далласского аэропорта Форт-Ворт. Сидящий в кресле первого пилота инспектор уже дал ему понять, что он там только для того, чтобы вести свои записи. Рэйфорд должен провести все соответствующие предполетные проверки, связаться с диспетчерской, дожидаться разрешения, взлететь, выполнить распоряжения диспетчерской относительно курса, перейти в ре-

жим ожидания посадки и затем приземлится. Ему не сказали, сколько раз ему придется это повторить и будут ли еще какие-либо требования.

— Запомните, — заявил инспектор, — я здесь не для того, чтобы вас чему-то учить или помогать вам. Я не буду отвечать ни на какие вопросы и не прикоснусь ни к каким приборам.

Предполетная проверка прошла как по нотам. Ощущение от управления «семьсот семьдесят седьмым» было иным, нежели от огромного, грузного «семьсот сорок седьмого», но Рэйфорд справился. Когда он получил разрешение, он снял тормоз и почувствовал, как удивительно чутко отреагировало это чудо аэродинамики. Пока самолет мчался по взлетно-посадочной полосе, как скаковая лошадь, жаждущая пуститься галопом, Рэйфорд сказал инспектору:

— Это прямо как «порше» среди самолетов.

Инспектор даже не взглянул на него, не говоря уже об ответе.

Взлет прошел отлично, Рэйфорд это живо напомнило, как во времена службы в армии он летал на мощных, но гораздо менее габаритных истребителях.

— Все-таки это «ягуар»! — обратился он к инструктору, и тот хотя бы изобразил улыбку и слегка кивнул.

Приземлился Рэйфорд образцово. Инспектор подождал, пока он вырулит на ис-

ходную позицию и выключит двигатели, а потом сказал:

— Повторите еще два раза, и я вас отпускаю.

* * *

Вскоре лимузин, на котором ехал Бизон Уильямс, застрял в пробке. Бизон пожалел, что не взял с собой ничего почитать. Зачем вся эта таинственность? Он не понимал, в чем смысл всего этого спектакля. Ему только однажды предлагали воспользоваться вымышленным именем, — когда конкурирующее издание пыталось сделать ему предложение, от которого, по их мнению, он не сможет отказаться, и они не хотели, чтобы в «Глобал уикли» пронюхали, что он его рассматривает.

Бизон видел в отдалении штаб-квартиру ООН, но он не знал, было ли это конечным пунктом его назначения, пока водитель не подъехал к соответствующему выходу. Он надеялся, что они направятся куда-нибудь пообедать. Помимо того что он пропустил завтрак, перспектива что-нибудь съесть нравилось ему больше, чем перспектива умереть.

* * *

Провожая Рэйфорда до бесплатного автобуса «Пан-Континентал» до аэропорта Форт-Ворт, инспектор вручил ему стандартный официальный конверт.

— Я прошел? — с облегчением спросил Рэйфорд.

— Вы узнаете об этом примерно через неделю, — ответил инспектор.

— Тогда что же это такое? — недоумевал Рэйфорд, садясь в автобус и разрывая конверт.

Внутри был листок бумаги с логотипом канцелярии ООН и штампом Хэтти Дюрхем, личного ассистента Генерального Секретаря. Сообщение, написанное от руки, было очень простым:

«Капитан Стил,
Полагаю, вы знаете, что новый самолет президента США — «Боинг 777»?

Ваш друг,

Хэтти Дюрхем».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Бизон почувствовал уверенность, что смертельная опасность ему не грозит. Слишком много людей было задействовано в том, чтобы доставить его из Чикаго в Нью-Йорк, а затем в центр города. С другой стороны, если Николае Карпати сошло с рук убийство на глазах более чем дюжины свидетелей, одного репортера он смог бы ликвидировать без проблем.

Лимузин тем временем подъехал к пристани и остановился перед закрытым яхт-клубом «Гавань Манхэттена». Когда швейцар направился к лимузину, шофер опустил окно и дал ему знак, чтобы тот держался от машины подальше. Затем из машины вышел телохранитель, придержав за собой дверцу, и Бизон вылез обратно на свет божий.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — произнес телохранитель.

Бизон чувствовал бы себя в этом яхт-клубе вполне комфортно, если бы его не сопровождал человек в костюме, который целеустремленно вел его за собой мимо очереди постоянных клиентов, ожидающих столика. Метрдотель взглянул на них и кивнул, когда Бизон прошел за своим сопровождающим в дальний конец обеденной залы. Там мужчина остановился и прошептал:

— Вы обедаете с джентльменом в нише у окна.

Бизон огляделся. Кто-то энергично махал ему рукой, привлекая к себе взгляды. Так как солнце светило ему в спину, Бизон видел только силуэт невысокого сутулого человека с беспорядочно торчащими волосами.

— Я вернусь за вами ровно в час тридцать, — сказал телохранитель. — Не покидайте обеденный зал без меня.

— Но...

Телохранитель ушел, и Бизон взглянул на метрдотеля, но тот его проигнорировал. Затем все еще напряженно он пошел между столов к нише у окна, где его восторженно приветствовал старый друг Хаим Розенцвейг. Он понимал, что в общественных местах лучше общаться шепотом, но его переполняли эмоции.

— Кэмерон! — бурно радовался израильтянин, несмотря на его ужасный акцент. — Как я рад тебя видеть! Садись, садись! Отличное место здесь, правда? Самое лучшее для друзей Генерального Секретаря.

— Он к нам присоединится?

Казалось, Розенцвейга его вопрос удивил.

— Нет-нет! Он ужасно занят. Едва ли у него есть возможность выбираться куда-либо. Развлекает глав государств и послов, все жаждут его внимания. Я сам его вижу не больше пяти минут в день!

— Как долго вы пробудете в городе? — спросил Бизон, принимая меню и позволяя официанту расстелить льняную салфетку на его коленях.

— Недолго. Мы с Николае уже к концу недели закончим подготовку его визита в Израиль. Какой это будет великий день!

— Расскажите мне об этом, доктор.

— Конечно! Конечно! Но сначала нам надо кое-что выяснить. — Внезапно старик посерьезнел, и его голос зазвучал тревожно. Он перегнулся через стол и накрыл руку Бизона своими. — Кэмерон, я твой друг. Ты должен все мне рассказать. Как получилось так, что ты пропустил такое важное заседание?! Я ученый, но считаю себя в некоторой степени дипломатом. Я общался за кулисами с Николае и с твоим другом Планком и сделал все, чтобы тебя пригласили. И я не понимаю!

— Я тоже, — ответил Бизон.

А он что еще мог сказать? Розенцвейг, создатель формулы, благодаря которой израильская пустыня расцвела, как сад, был его другом с тех самых пор, как он писал о нем статью как о человеке года «Глобал уикли». Розенцвейг первым упомянул при Бизоне имя Николае Карпати. Карпати был румын-

ским политиком средней руки, который попросил Розенцвейга о личной встрече, после того как формула стала широко известна.

Главы стран всего мира пытались заслужить расположение Израйля, чтобы получить доступ к формуле. Многие посылали дипломатов, чтобы подлизываться к самому Розенцвейгу, когда не могли добиться результата от израильского премьера. Удивительно, но Карпати удалось произвести на Розенцвейга впечатление. Он сам организовал поездку, приехал один, и в то время казалось, что он не располагает полномочиями заключать какие-либо сделки, даже если бы Розенцвейг захотел. Карпати просил Розенцвейга всего лишь о проявлении доброй воли. И он его получил. А теперь, как понял Бизон, расплачивался по счетам.

— Где же ты был? — спросил Розенцвейг.

— Это вопрос века, — сказал Бизон. — А где все мы?

Розенцвейг моргнул, а Бизон почувствовал себя идиотом. Он нес околесицу, потому что не знал, что еще сказать. Не мог же он крикнуть: «Я был там! Я видел то же, что и ты, но тебе промыл мозги Карпати, потому что он Антихрист!»

Розенцвейг был умным, подвижным человеком, любящим интриги.

— Ты не хочешь мне говорить. Хорошо. Большое упущение, что тебя не было там. Конечно, ты избежал того ужаса, которым это все обернулось, но тем не менее это было

историческое событие. Закажи лосося. Тебе понравится.

Обычно Бизон принципиально никогда и ни за что не следовал рекомендациям в ресторанах. Возможно, это послужило еще одним основанием для его прозвища. Он понял, насколько был не в себе, осознав, что только что заказал предложенное Розенцвейгом блюдо. Но лосось ему понравился.

— Позвольте мне спросить вас кое о чем, доктор Розенцвейг?

— Пожалуйста, пожалуйста, зови меня Хаим.

— Как я могу называть вас Хаим, сэр, вы же Нобелевский лауреат!

— Сделай мне одолжение, пожалуйста.

— Хорошо, Хаим. — Бизон с трудом заставил себя обратиться к нему по имени. — Почему я здесь? К чему все это?

Старик стянул с колен салфетку, вытер ею свое бородатое лицо, смял и бросил на тарелку. Затем отставил ее в сторону, откинулся на спинку стула и скрестил ноги. Бизон и раньше наблюдал, как люди говорят на любимую тему, но никто не получал от этого столько удовольствия, как Хаим Розенцвейг.

— В тебе никак проснулся журналист?! Для начала я скажу тебе, что сегодня твой счастливый день. Николае хочет оказать тебе большую честь, но это такая огромная привилегия, что я не могу тебе об этом рассказать.

— Но вы же мне расскажете, сэр?

— Я расскажу тебе только то, что меня попросили, и ни слова больше. Остальное сделает сам Николае. — Розенцвейг взглянул на часы, пластиковая дешевка за двадцать долларов, которая казалось несообразной его статусу. — Отлично. У нас еще есть время. Он отвел на вашу встречу полчаса, пожалуйста, не забывай об этом. Я знаю, что вы друзья и что ты наверняка захочешь извиниться за то, что пропустил заседание, но помни, что он многое хочет предложить тебе, а времени для этого у него совсем мало. Сегодня вечером он улетает в Вашингтон для встречи с президентом. Кстати, президент предлагал встретиться в Нью-Йорке, можешь себе представить. Но Николае, как обычно, сама скромность, даже слышать об этом не захотел.

— Вы считаете Карпати скромным?

— Вероятно, таким же скромным, как любой лидер из тех, кого я встречал, Кэмерон. Конечно, я знаю немало чиновников и бизнесменов, которые действительно скромны, и у них есть на это право. Но большинство политиков, глав государств, мировых лидеров ужасно чванливы. Многим из них есть чем гордиться, и во многих отношениях то, чего им удастся достичь, происходит именно благодаря их эго. Но я никогда не встречал такого, как Николае.

— Да, он производит сильное впечатление, — признал Бизон.

— Это не главное, — настаивал доктор Розенцвейг. — Только подумай, Кэмерон.

Он не стремился к этой власти. Он занимал малозначимый пост в румынском парламенте, но стал президентом, хотя выборы были даже не запланированы. Он отказывался от этого поста!

«Не сомневаюсь», — подумал Бизон.

— А когда меньше месяца назад его пригласили выступить на заседании Ассамблеи ООН, он был настолько смущен, считая себя недостойным этой чести, что почти отказался. Но ты же был там! Ты слышал его выступление. Я бы предложил его кандидатуру на пост премьер-министра Израиля, если бы верил, что он согласится. Практически тут же Генеральный Секретарь спустился к нему и предложил Николае занять председательское место. Он был избран единогласно и с таким воодушевлением, и практически все главы стран мира одобрили его. Кэмерон, у него есть виды на тебя! Он блестящий дипломат. Он говорит на стольких языках, что ему едва ли нужен переводчик, даже для общения с вождями отдаленных племен Африки и Южной Америки! На днях он обменялся парой фраз на их родном языке с австралийскими аборигенами!

— Можно я тебя перебую, Хаим? — сказал Бизон. — Ты ведь, конечно, помнишь, что взамен отказа от должности Генерального Секретаря ООН Мвангати Нгумо обещали доступ к твоей формуле, чтобы он мог использовать ее в своей родной Ботсване. Это не настолько эгоистично и альтруистично, как кажется, и...

— Конечно, Николае мне все об этом рассказал. Но это не было заранее согласовано. Это было актом его личной благодарности за то, что президент Нгумо многие годы делал для ООН.

— Но как передача твоей формулы может служить выражением его личной благодарности, сэр? Ни у кого больше не было к ней доступа...

— Я был очень рад предложить ее ему.

— Ты? — У Бизона закружилась голова. Неужели способность Карпати к внушению была безгранична?

Старик расставил ноги и наклонился вперед, положив локти на стол.

— Кэмерон, все взаимосвязано. Отчасти поэтому мы здесь. Соглашение с бывшим Генеральным Секретарем было своего рода экспериментом, моделью.

— Я вас внимательно слушаю, доктор.

— Еще рано о чем-то говорить, но если моя формула сработает там так же хорошо, как в Израиле, Ботсвана станет одной из плодороднейших стран в Африке, если не во всем мире. Престиж президента Нгумо в его родной стране невероятно вырос. Очевидно, что он не смог бы это совмещать со своими обязанностями в ООН, да и весь мир только выиграл от нового лидера.

Бизон пожал плечами, но, вероятно, Розенцвейг этого не заметил.

— И что, Карпати собирается продолжать торговать формулой в обмен на политические бонусы?

— Нет-нет. Ты не понимаешь. Да, я убедил правительство Израиля передать лицензию на использование формулы Генеральному Секретарю ООН.

— Ох, Хаим! Но зачем? Неужели Израилю больше не нужны эти миллиарды долларов? Это же безумие! Формула сделала вас богатейшей нацией в мире и решала огромное количество проблем, но она работала, потому что была уникальной! Как вы думаете, почему русские напали на вас? Им не была нужна ваша земля! У вас же нет нефти! Они хотели вашу формулу! Только представьте, что было бы, если бы вся их земля была плодородной!

Доктор Розенцвейг поднял руку, как бы прося его остановиться:

— Я понял, Кэмерон. Но это не имеет отношения к деньгам. Израилю больше не нужны деньги.

— Что же тогда предложил Карпати, что вы согласились?

— То, о чем Израиль молился с начала своего существования, Кэмерон. Я имею в виду не 1948 год, когда страна возродилась. С самого начала времен мы, избранный Господом народ, о чем мы молились?

У Бизона кровь похолодела, он был способен только сидеть и безропотно кивать. Розенцвейг ответил на свой вопрос.

— «Шалом. Мир. Молись о мире Иерусалима». Наша страна такая уязвимая и беззащитная. Господь Всемогущий силой Своей защитил ее от нападения русских.

Ты знаешь, что погибло столько их солдат, что их пришлось хоронить в братской могиле, в кратере, образованном в нашей благословенной земле одной из их бомб, в земле, которую Господь называл неприкосновенной? Нам пришлось сжигать тела и кости. Там было столько металлолома от их оружия, что нам пришлось его использовать в качестве вторсырья для потребительских товаров, Кэмерон, — зловеще добавил он. — Разбилось столько их самолетов — собственно, все разбились, конечно. Неужели ты не понимаешь, почему мы так хотим мира?

— Хаим, ты сам сказал, что Господь Всемогуший защитил вас. Это объективно единственное объяснение того, что произошло в ночь того нападения. Если Господь на вашей стороне, зачем вам было торговаться о защите с Карпати?

— Ох, Кэмерон, Кэмерон, — устало сказал Розенцвейг. — Как показывает наша история, Господь весьма избирателен, когда дело касается нашего благополучия. Мы не можем понять его ни когда сыны Израиля сорок лет скитались по пустыне, ни во время Шестидневной войны, ни в момент того нападения русских, ни сейчас мы не понимаем и не понимаем Его. Он благоволит нам, куда мы соответствуем Его вечному плану, который мы не можем понять. Мы молимся Ему, стремимся к Нему, заискиваем перед Ним. И в то же время мы верим, что Господь помогает тому, кто сам помо-

гает себе. Конечно, ты знаешь это, поэтому ты и здесь.

— Ничего я не знаю, — запротестовал Бизон.

— Ну, одна из причин в том, почему ты здесь. Понимаешь, что подобное соглашение требует значительной предварительной подготовки....

— О каком соглашении мы говорим?

— Прости, Кэмерон, я думал, ты следишь за ходом моей мысли. Неужели ты думаешь, что было просто даже для меня, с учетом моего авторитета в Израиле, убедить власти отдать лицензию на формулу чужому человеку, пусть даже такому обаятельному, как Николае?

— Конечно, нет.

— Ты совершенно прав. Некоторые заседания затягивались затемно, и каждый раз, когда мне удавалось кого-нибудь убедить, появлялся кто-то новый. И всех нужно было уговаривать. Много раз я готов был сдаться от отчаяния. Но в итоге... в итоге они наделили меня полномочиями заключить соглашение с ООН.

— Ты имеешь в виду с Карпати?

— Конечно. Не стоит строить иллюзий. Сейчас он представляет собой ООН.

— Ты очень точно это сформулировал, — заметил Бизон.

— Частью соглашения является то, что я становлюсь членом его ближайшего окружения, точнее советником. Я буду сопредседа-

тельствовать в комитете, который будет решать, кому выдавать лицензию на формулу.

— Значит, деньги не уйдут в чужой карман?

— Конечно.

— И ООН гарантирует Израилю защиту от соседей?

— Все гораздо сложнее, Кэмерон. Понимаешь, формула сейчас является частью программы глобального разоружения, проводимой Николае. Любая страна, только заподозренная в нежелании уничтожить девяносто процентов своих вооружений и передать оставшиеся десять Николае, или, правильнее, наверное, сказать, ООН, никогда не будет рассматриваться даже как кандидат на получение лицензии на формулу. Николае поручился, что он — и я буду там, чтобы убедиться в этом, — будет более чем осмотрителен при рассмотрении вопроса о выдаче лицензий нашим ближайшим соседям и самым злейшим врагам.

— Но должно же быть что-то еще!

— Несомненно, но тут есть некая загвоздка, Кэмерон. Когда мир будет разоружен, Израилю не надо будет беспокоиться о защите своих границ.

— Это наивно.

— Не так наивно, как может показаться, потому что Николае Карпати можно назвать каким угодно, но только не наивным. Зная, что некоторые страны могут тайно сохранить или спрятать оружие или создать новое, в полном согласии между независимым

государством Израиль и Советом Безопасности ООН — за личной подписью Николае Карпати — последний дает торжественное обещание: любое государство, угрожающее Израилю, немедленно будет стерто с лица земли с использованием всего вооружения, доступного ООН. Если каждая страна отдаст по десять процентов, ты можешь себе представить суммарную огневую мощь.

— Что я не могу себе представить, Хаим, так это то, как человек, на протяжении всей своей политической карьеры известный как общепризнанный пацифист и ярый сторонник глобального разоружения, угрожает стереть страну с лица земли.

— Это все красивые слова, — сказал Розенцвейг. — Николае прагматик. В нем, конечно, много идеализма, но он знает, что лучший способ сохранять мир — иметь надежное средство навязать его.

— И на какой срок заключается соглашение?

— Так долго, как мы захотим. Мы предложили 10 лет, но Николае сказал, что ему не понадобится свобода выдачи лицензий на такой продолжительный срок. Он заявил, что ему хватит семи лет, а после этого все права на формулу вернутся к нам. Более чем великодушно. А если мы захотим продлить соглашение еще на семь лет, мы сможем это сделать.

«Через семь лет у вас уже не будет необходимости в мирном договоре», — подумал Бизон.

— И какое отношение все это имеет ко мне? — вслух спросил он.

— О, это самое приятное, — сказал Розенцвейг. — Как минимум для меня, потому что воздаст тебе должное. Не секрет, что Николае в курсе, что ты самый лучший журналист в мире. И чтобы доказать, что он не держит на тебя зла за то, что ты пренебрег его предыдущим приглашением, он собирается попросить тебя отправиться в Израиль на подписание договора.

Бизон замотал головой.

— Я понимаю, ты потрясен, — сказал Розенцвейг.

Самолет Рэйфорда приземлился в аэропорту О'Хара в час дня по чикагскому времени. Он позвонил домой и попал на автоответчик.

— Хлоя, — произнес он. — Я вернулся раньше, чем предполагал. Просто хотел сказать тебе, что буду дома в пределах часа...

Хлоя взяла трубку.

— Привет, папа, — пробормотала она. Голос у нее был мрачный.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет. Просто расстроена. Пап, ты знал, что Бизон Уильямс живет не один?

— Что?!

— Так и есть. Они помолвлены! Я видела ее. Она заносила коробки в его квартиру. Худенькая, коротко стриженная девушка в короткой юбке.

— Может, ты домом ошиблась?

— Нет, не ошиблась.

— Ты торопишься с выводами.

— Пап, послушай. Я была так зла, что отъехала немного и разревелась прямо на парковке. Затем около полудня я заехала в редакцию «Глобал уикли», чтобы найти его, и увидела там ее выходящей из машины. Я спросила ее: «Вы здесь работаете?», она ответила: «Да, чем могу помочь?» — и я сказала: «Мне кажется, я уже видела вас сегодня». Она ответила: «Вполне вероятно. Я была с моим женихом. Вы кого-то ищете?» Я тогда развернулась и ушла.

— Значит, с Бизоном ты не разговаривала?

— Шутишь? Я вообще не хочу с ним разговаривать. Секунду, кто-то звонит в дверь. Спустя минуту Хлоя вернулась.

— Поверить не могу. Неужели он думает, что это что-то изменит...

— Что это?

— Цветы! Конечно, отправитель неизвестен. Должно быть, он видел, как я отъезжала, и догадался, что я чувствую. Если тебе они не нужны, я выброшу их в мусорное ведро.

* * *

В два с небольшим в Нью-Йорке Бизон и Хаим Розенцвейг сидели в богато обставленной приемной комнате перед кабинетом Генерального Секретаря ООН. Хаим весело о чем-то болтал, а Бизон делал вид, что внимательно его слушает. Он молился про себя, не зная, было ли его предчувствие недоброго самовнушением, потому что он знал, что Николае Карпати был поблизости, или у этого человека действительно была демоническая аура, которую чувствовали все верующие. Бизона грела мысль, что Брюс сейчас о нем молится, и он пожалел, что решил ничего не говорить о своей поездке Рэйфорду и Хлое. Обратно он летел пятичасовым рейсом и был уверен, что успеет вовремя к собранию, которое назначил Брюс. Бизон уже ждал его с нетерпением. Он в мечтах представлял себе, что Хлоя может согласиться поужинать с ним вдвоем перед собранием.

— Так что ты обо всем этом думаешь? — спросил доктор Розенцвейг.

— Простите, доктор, — сказал Бизон. — Я отвлекся.

— Кэмерон, не нервничай. Да, Николае был расстроен, но тебе он желает только добра.

Бизон пожал плечами и кивнул.

— Я говорил о том, что мой близкий друг рабби Цион Бен-Иегуда закончил свое исследование, которое заняло три года, и я не

удивлюсь, если он получит за него Нобелевскую премию.

— А что он изучал все это время?

— Ты меня совсем не слушал, друг мой!

— Прости.

— Обещай мне, что с Николае ты будешь внимательней.

— Обязательно. Извини меня.

— Хорошо. Так слушай, Еврейский институт исследования Библии уполномочил рабби Бен-Иегуду в течение трех лет провести научное исследование.

— Какое?

— Что-то касающееся пророчеств о Мессии, чтобы мы, евреи, смогли узнать его, когда он явится.

Его слова поразили Бизона. Мессия являлся, но оставленные после Восхищения евреи этого не заметили. Когда Он явился первый раз, многие не признали Его. Что должен был Бизон сказать своему другу? Если бы он назвал себя святым Скорби, как Брюс любил обращаться к обретшим веру после Восхищения, как это могло повлиять на его жизнь? Розенцвейг был доверенным лицом Карпати. Бизон хотел сказать, что адекватное исследование пророчеств о Мессии может привести только к Иисусу. Но вместо этого он сказал:

— А в каких пророчествах говорится о Мессии?

— Честно говоря, — ответил Розенцвейг, — я не знаю. Пока Господь не уничтожил русские военно-воздушные силы, я не был особо религиозен, да и сейчас меня слож-

но назвать набожным. Я всегда воспринимал пророчества о Мессии так же, как и всю Тору. Это символ. Раввин в храме, который я иногда посещал в Тель-Авиве, говорил, что не имеет значения, верим ли мы, что Бог — это некая сущность или всего лишь идея. Это соответствует моему гуманистическому представлению о мире. Верующие люди, не важно евреи или нет, всегда впечатляли меня меньше, чем просто добрые люди.

Доктор Бен-Иегуда двадцать пять лет назад был моим студентом. Он был непоколебимо религиозным евреем, очень ортодоксальным, чуть ли не фундаменталистом. Конечно, он стал раввином, но определенно не из-за того, чему я его учил. Мне он нравился и всегда нравился. Недавно он сказал мне, что завершил свое исследование и что эта его работа, как никакая другая, принесла ему огромное удовлетворение и оправдала затраченные усилия.

Розенцвейг сделал паузу.

— Наверное, тебе интересно, почему я тебе все это рассказываю?

— Честно говоря, да.

— Я пытаюсь добиться того, чтобы рабби Бен-Иегуду включили в число сотрудников Николае Карпати.

— В качестве?

— Духовного советника.

— А он является таковым?

— Только он об этом не знает! — со смехом сказал Розенцвейг, хлопнув себя по колену. —

Но до настоящего времени он доверял моим суждениям. Поэтому ты здесь.

Бизон вопросительно поднял бровь.

— Я думал, это потому, что Карпати считает меня лучшим журналистом в мире.

Доктор Розенцвейг наклонился к нему и заговорщицки прошептал:

— А как ты думаешь, почему он так считает?

* * *

Рэйфорд с трудом дозвонился до Хлои из машины, но в итоге ему это удалось.

— Хотел спросить, не хочешь ли ты сегодня вечером сходить куда-нибудь со стариком? — предложил он, полагая, что ей надо повысить настроение.

— Не знаю, — сказала она. — Я бы рада, но разве мы не собираемся в восемь у Брюса?

— Я собираюсь.

— Тогда давай так и поступим. Со мной все в порядке. Я как раз разговаривала с Брюсом. Спрашивала его, придет ли сегодня Бизон.

— И что он ответил?

— Он не был уверен. Он надеялся, что да. А я — что нет.

— Хлоя!

— Мне самой страшно от того, что я говорю, пап. Ничего удивительного в том, что он был холоден со мной, если у него есть она —

та девушка, — кем бы она официально ни была. Но цветы! Зачем было их посылать?

— Но ты же не знаешь, он ли их послал.

— Ну, папа! Если они были не от тебя, то это мог быть только Бизон.

Рэйфорд рассмеялся:

— Жаль, что эта идея не пришла мне в голову.

— И мне жаль.

* * *

Когда к Бизону и Хаиму Розенцвейгу подошла Хэтти Дюрхем, они оба встали.

— Мистер Уильямс! — воскликнула она, обнимая его. — Не видела вас с тех пор, как получила эту работу.

«Видела, конечно, — подумал Бизон. — Но не помнишь».

— Генеральный Секретарь и мистер Планк ожидают вас, — сказала она Бизону. Затем, повернувшись к доктору Розенцвейгу, произнесла: — Доктор, Генеральный Секретарь просит, чтобы вы были готовы присоединиться к совещанию примерно через двадцать пять минут.

— Конечно, — сказал старик. Он подмигнул Бизону и похлопал его по плечу.

Бизон пошел вслед за Хэтти мимо столов по отделанному красным деревом коридору. Он подумал, что до этого видел ее только в униформе. Сегодня на ней был

превосходный костюм, и выглядела она как шикарная, обеспеченная и умная женщина. Этот образ только подчеркивал ее потрясающую красоту. Даже ее манера общаться показалась ему более интеллигентной, чем он помнил. Кажется, Карпати оказал на нее положительное воздействие.

Хэтти негромко постучала в дверь кабинета и заглянула внутрь:

— Господин Генеральный Секретарь, мистер Планк, здесь Кэмерон Уильямс из «Глобал уикли».

Хэтти толчком открыла дверь и удалилась, а Николае Карпати вышел навстречу Бизону, схватив его руку своими. Удивительно, но его улыбка и манера общения успокоили Бизона.

— Бизон! — произнес он. — Ведь я могу вас так называть?

— Вы меня всегда так звали, — сказал Бизон.

— Проходи! Проходи! Садись! Конечно, вы знакомы со Стивом.

Стив произвел на Бизона более сильное впечатление, чем Карпати. Николае всегда был одет официально, костюм застегнут на все пуговицы, аксессуары идеально подобраны, все на своем месте. Но Стив! Хотя он был ответственным редактором одного из самых престижных изданий в мире, он всегда одевался совсем не так, как должен бы журналист. Конечно, он всегда носил рубашки с длинным рукавами и неизменные подтяжки, но чаще всего его галстук был ослаблен, а рукава закатаны до локтя, так что он выглядел

как яппи средних лет или как студент университета Лиги Плюща.

Но сегодня Стив выглядел как брат-близнец Карпати. В руках у него был тонкий кожаный портфель, и выглядел он, как будто сошел с обложки «Джентльмен квотерли», посвященного крупнейшим компаниям мира. Даже прическа была на европейский манер — стрижка, сушка, укладка. У него были новые очки в дизайнерской оправе, угольно-черный костюм, белая рубашка с заколкой для воротника и галстук, который, вероятно, стоил столько, сколько он обычно платил за хорошую куртку. Ботинки из мягкой кожи, похоже, итальянские, и, если Бизон не ошибался, на правой руке Стива было новое кольцо с бриллиантом.

Карпати выдвинул дополнительный стул из-за стола для переговоров и поставил его рядом с другими двумя, чтобы сидеть вместе с Бизоном и Стивом. «Прямо по книге по управлению персоналом, — подумал Бизон. — Разрушайте барьеры между начальником и подчиненными».

Но, несмотря на создание иллюзии игры на равных, было очевидно, что основной целью этой встречи было произвести на Бизона впечатление. И это удалось. Хэтти и Стив изменились практически до неузнаваемости. И каждый раз, когда Бизон смотрел на сильное, резкое лицо Карпати с такой обезоруживающей, живой улыбкой, он всем сердцем хотел, чтобы этот человек был тем, кем кажется, а не тем, кем он являлся на самом деле.

Журналист ни на секунду не забывал и не упускал из внимания тот факт, что за всю историю человечества не было никого, кто умел бы убеждать или обманывать лучше, чем тот, кто сидит перед ним. Хотел бы он знать кого-нибудь, столь же обаятельного, как Карпати, но человека.

Бизон переживал за Стива, но тот не советовался с ним, когда уходил из «Глобал уикли» в штат Карпати. Сейчас как бы ни хотел Бизон рассказать ему о своей новообретенной вере, довериться ему все же не мог. Бизон надеялся и молился, чтобы Карпати не обладал сверхъестественным всеведением и не распознал в нем вражеского засланца.

— Для начала я напомним вам одну забавную идиому, — сказал Карпати. — А затем мы попросим Стива удалиться и поговорим по душам наедине.

Бизон кивнул.

— Бизон, вы когда-нибудь слышали выражение — «слон в комнате»? Я не знал его до приезда в Америку.

— Вы имеете в виду идиому, обозначающую ситуацию, когда люди игнорируют очевидную проблему, как, например, то, что кому-либо диагностировали смертельную болезнь?

— Именно. Давайте поговорим об этом игнорируемом очевидном и покончим с ним, а затем двинемся дальше, хорошо?

Бизон опять кивнул, чувствуя, что сердце забилося чаще.

— Признаюсь, я был смущен и даже слегка расстроен, когда вы проигнорировали за-

седание, на котором происходила инаугурация новых послов. Однако, как оказалось, это могло бы стать для вас таким же ударом, как и для всех нас.

Бизон приложил все усилия, чтобы воздержаться от саркастических комментариев. Единственное, что он не мог и не собирався делать, — это извиняться. Как он мог просить прощения за пропуск заседания, на котором присутствовал?

— Я очень хотел пойти и ни на что бы его не променял, — сказал Бизон. Карпати сидел, с нетерпением ожидая окончания фразы, как будто мог видеть его насквозь. — Если честно, — добавил Бизон. — У меня весь тот день как в тумане.

Ну да, в тумане, полном живых подробностей, которые он вряд ли сможет забыть.

Казалось, Карпати расслабился. Его поза стала менее формальной, он наклонился вперед, упер локти в колени и по очереди посмотрел то на Бизона, то на Стива. Похоже, он был слегка раздражен.

— Итак, — произнес он, — вероятно, я не дождался ни извинений, ни объяснений.

Бизон посмотрел на Стива, который взглядом и легким движением головы как бы намекал ему: «Скажи что-нибудь, Бизон! Извинись! Объяснись!»

— Ну что я могу сказать? — продолжил Бизон. — Мне очень неудобно за тот день.

Из того, что он мог сказать, это было самое близкое к тому, что они хотели услышать. Бизон знал, что Стив тут ни при чем, он

искренне верил, что Бизона там не было. Конечно, весь этот фарс придумал и организовал Карпати. Бизон подумал, что изобразить обиду из-за того, что он не получил никаких извинений и объяснений, было с его стороны отличным ходом. Очевидно, Карпати пытался выудить из Бизона доказательства того, что он знает, что на самом деле произошло. А Бизон мог только изображать идиота, уклоняться от ответа и молиться, чтобы Господь сделал что-нибудь, чтобы Карпати не заметил, что Бизон верующий и тем самым защищен от воздействия силы Антихриста.

— Ладно, — сказал Карпати, откинувшись обратно на спинку стула и как бы успокаиваясь. — Нам всем в какой-то степени неудобно, не так ли? Я скорблю по двум своим соотечественникам, один из которых на протяжении многих лет был моим другом. — Бизон почувствовал приступ тошноты. — А теперь, Бизон, я бы хотел поговорить с тобой как с журналистом, без нашего друга мистера Планка.

Стив встал, похлопал Бизона по плечу и тихо вышел. И Бизон с ужасом осознал, что он остался один на один сидеть в непосредственной близости от Николае Карпати, разве что Господь не оставит его.

Но эта близость не была продолжительной. Внезапно Николае встал и, обойдя стол, сел на свое привычное место. Перед тем как сесть, он нажал кнопку сигнала внутренней связи, и Бизон услышал, как за его спиной открылась дверь.

— Прошу прощения, — тихо сказала Хэти Дюрхем, взяла третий стул и вернула его к столу.

На пути обратно, она поправила стул, на котором сидел Стив. Также тихо она удалилась. Вся эта встреча, которая происходила как по сценарию, от формального объявления о его приходе до распределения, кто и где будет сидеть, казалась Бизону очень странной. Теперь, когда обстановка была приведена в тот вид, в котором она была до прихода Бизона, а Карпати удобно устроился за огромным столом, любая иллюзия равенства исчезла.

Но Карпати был по-прежнему чертовски обаятелен. Он скрестил пальцы и, улыбаясь, посмотрел на Бизона.

— Итак, Кэмерон Уильямс, — медленно произнес он. — Каково это — быть самым известным журналистом своего времени?

К чему был этот вопрос? Бизон был действительно уважаемым журналистом именно потому, что никогда не задавал подобных вопросов.

— Сейчас я просто разжалованный писака, — ответил он.

— И к тому же скромный, — сказал, ухмыляясь, Карпати. — Я докажу тебе, что даже если твои акции в «Глобал уикли» упали, это не значит, что весь мир и я лично считают так же. Я бы должен быть более расстроен из-за того, что ты пропустил мое заседание, чем твой издатель, и все же именно он принял это слишком близко к сердцу. Оставим это и движемся дальше. Одна ошибка не сводит на нет успешную карьеру.

Карпати сделал паузу, как будто ждал реакции Бизона. А тот все больше и больше начинал ценить умение молчать. Кажется, это было самой разумной стратегией поведения с Антихристом, и определенно это внушил ему Господь на том самом кровавом заседании, когда Карпати опрашивал все о том, что они видели. Бизон верил, что тогда молчание спасло его жизнь.

— Кстати, — продолжил Карпати, когда стало очевидно, что Бизону нечего ответить. — У тебя с собой статья по поводу теорий причины исчезновений?

Бизон не смог скрыть своего удивления:

— Вообще, да.

— Стив рассказал мне о ней, — небрежно заметил Карпати. — Я бы хотел на нее посмотреть.

— Боюсь, что я не могу ее кому-либо показывать до того, как «Уикли» получит окончательный вариант.

— Наверняка они видели черновики.

— Конечно.

— Стив сказал, что ты мог бы вставить в статью пару моих высказываний.

— Честно говоря, только если вы можете сказать что-то новое, полагаю, вашу точку зрения достаточно хорошо осветили в СМИ, так что нашим читателям она уже знакома.

Казалось, Карпати это расстроило.

— Я имею в виду, — сказал Бизон, — вы ведь по-прежнему придерживаетесь теории ядерной реакции, вызванной силами природы? Что удар молнии привел к спонтанному

взаимодействию между запасами ядерного оружия и...

— Твой друг доктор Розенцвейг тоже придерживается этой теории.

— Понимаю, сэр.

— Будет ли она отражена в твоей статье?

— Конечно. Я думал, вопрос в том, нужно ли мне очередное ваше высказывание по теме. Если вы не можете мне сказать ничего нового, то не нужно.

Карпати посмотрел на часы:

— Как ты знаешь, у меня очень плотный график. Как добрался? Без проблем? Как обед? Доктор Розенцвейг ввел тебя в курс дела?

Бизон кивнул в ответ на каждый вопрос.

— Я думаю, что он рассказал тебе о договоре между ООН и Израилем, который будет подписан через неделю в Иерусалиме, позволь мне лично пригласить тебя присутствовать при этом.

— Сомневаюсь, что «Уикли» отправит репортера из Чикаго на международное событие такого масштаба.

— Я не прошу тебя освещать это событие в качестве одного из корреспондентов, их и так понабегут тысячи со всего мира, как только обо всем будет объявлено официально. Я приглашаю тебя в качестве члена моей делегации, участвующего в подписании. Это привилегия, которой еще никогда не удостаивался ни один из представителей СМИ.

— Политика «Глобал уикли» не позволяет журналистам принимать покровительство от...

— Ах, Бизон, Бизон, — сказал Карпати, — Прости, что перебиваю, но я буду сильно удивлен, если через неделю ты все еще будешь числиться в штате «Глобал уикли». Чрезвычайно удивлен.

Бизон поднял брови и скептически взглянул на Карпати.

— Вы знаете что-то, чего не знаю я? — Как только он это произнес, то осознал, что случайно озвучил ключевой вопрос этой встречи.

Карпати рассмеялся:

— Мне ничего не известно о планах тебя уволить. Наказание за невыполненное задание, как я думаю, уже было приведено в исполнение. И хотя ты ранее уже отказался работать на меня, я искренне верю, что у меня есть для тебя предложение, которое заставит тебя изменить свое мнение.

«Не слишком на это рассчитывай», — подумал Бизон, но вслух произнес:

— Я вас внимательно слушаю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Прежде чем говорить о сути, — начал Карпати, уходя от нее, что всегда ужасно раздражало Бизона, — позволь мне кое о чем рассказать. Помнишь, я уверял тебя, что могу решить любую твою проблему?

Помнил ли Бизон об этом? До дня убийства это была его самая жуткая встреча с Карпати. Информатор Бизона, уроженец Уэльса, с которым они вместе учились в колледже, был найден мертвым после того, как слишком близко подобрался к международным банковским операциям, в которых был замешан его собственный босс — Джошуа Тодд-Котран, глава Лондонской биржи.

Бизон прилетел в Англию, чтобы провести расследование вместе с другом, который работал в Скотленд-Ярде, но в итоге чуть сам не погиб при взрыве бомбы, заложенной в автомобиль, которая убила работника Ярда.

Бизон выяснил, что объявленное самоубийство его уэльского друга на самом деле было убийством, а самому Бизону пришлось бежать из Британии под фальшивым именем. По возвращении в Нью-Йорк не кто иной, как Николае Карпати, обещал ему, что, если Тодд-Котран был замешан в какие-то закулисные интриги, он лично об этом позаботится. И вскоре после этого Тодд-Котран был убит на глазах у Бизона непосредственно самим Карпати на заседании в ООН, о чем, как кажется, помнил только сам Бизон.

— Я помню, — отозвался Бизон, подумав, что это очень мягко сказано.

— Я дал тебе понять, что не потерплю неискренность или двуличие в моей администрации в ООН. И ситуация с Тоддом-Котраном разрешилась сама собой, не так ли?

«Это называется, разрешилась сама собой?» — про себя спросил Бизон, но промолчал.

— Вы верите в удачу, мистер Уильямс?

— Нет.

— А я верю. И всегда верил. Раз в жизни везет любому, даже преступнику. Но обычно чем лучше кто-то работает, тем он кажется удачливей. Вы понимаете, о чем я?

— Нет.

— Попробую объяснить проще. Ты был в ужасной опасности. Люди вокруг тебя погибли. Я сказал тебе, что позабочусь об этом, хотя было очевидно, что лично я с этим сделать ничего не мог. Признаюсь, что когда

я так смело обещал тебе, что смогу решить твою проблему, я не был так уж уверен, как смогу это сделать. Так как я не религиозен, в такой ситуации мне остается предположить, что у меня хорошая карма. Ты не согласен?

— Честно говоря, сэр, я совсем не понимаю, о чем вы.

— И тебя удивляет, что ты мне так нравишься? — широко улыбнулся Карпати. — Ты именно тот человек, который мне нужен! Я хочу сказать, что и у тебя, и у меня была проблема. Кто-то желал твоей смерти, а двое человек из числа моих доверенных лиц были вовлечены в серьезные преступления. Совершив самоубийство и застрелив попутно Тодда-Котрана, мой старый друг Джонатан Стонагал решил проблемы нас обоих. Это влияние хорошей кармы, если я правильно понимаю идеи наших друзей с Востока.

— Тогда зачем вы говорили, что скорбите из-за смерти друзей, тогда как на самом деле вы рады, что они оба мертвы?

Карпати даже откинулся назад, как будто вопрос произвел на него сильное впечатление.

— Именно. Я радовался за тебя. И скорбел о своей потере. Они были моими старыми друзьями и когда-то доверенными советниками, даже наставниками. Но когда они сошли с пути истинного, мне надо было что-то сделать по этому поводу. И поверь, я бы сделал. Но Джонатан успел раньше меня.

— Могу себе представить, — ответил Бизон.

Карпати пристально смотрел на него, как если бы хотел прочесть его мысли.

— Не устаю удивляться тому, — продолжил Николае. — Как быстро все меняется.

— С этим сложно поспорить.

— Меньше месяца назад я заседал в румынском сенате. Через мгновение я стал президентом страны, а еще через час — Генеральным Секретарем ООН.

Метафора Карпати вызвала у Бизона улыбку, но на самом деле его восхождение к власти и в самом деле было настолько стремительным.

— Этого почти достаточно, чтобы заставить атеиста поверить в Бога, — добавил Карпати, и Бизон тотчас посерьезнел.

— Но вы же приписываете это своей хорошей карме, — произнес он.

— Если честно, — сказал Карпати, — это скорее умаляет мои достоинства. По многим причинам мне действительно кажется, что такова моя судьба, хотя я никогда об этом не мечтал, не пытался представить или уж тем более спланировать. Я ни на что не претендовал с тех пор, как баллотировался в румынский сенат, но все это свалилось на меня. Я могу только отдать все свои силы этому делу и надеюсь, что мои действия будут соответствовать тому высокому доверию, которое мне оказали.

Еще месяц назад Бизон выругался бы ему в лицо. Хотел бы он знать, были ли его чувства столь очевидны. По всей видимости, нет.

— Бизон, — продолжил Карпати, — ты мне нужен. И в этот раз меня не устроит отрицательный ответ.

* * *

Рэйфорд повесил трубку телефона в машине после разговора с Брюсом Барнсом. Рэйфорд спросил, нельзя ли ему приехать сегодня вечером пораньше, чтобы показать кое-что Брюсу, но что именно он не сказал. Рэйфорд вытащил записку от Хэтти из нагрудного кармана и расправил ее на руле. Что все это значило и откуда она, или, правильнее сказать, ее босс, узнал, где его искать?

Зазвонил телефон. Он нажал на кнопку и произнес в микрофон, расположенный на козырьке от солнца перед ним:

— Рэй Стил.

— Пап, ты с кем-то разговаривал по телефону?

— Да. А что?

— Эрл пытается с тобой связаться.

— Что-то случилось?

— Я не знаю. Голос у него серьезный. Я сказала ему, что ты едешь домой, и он был очень удивлен. Сказал что-то типа того, что никто ему никогда ни о чем не сообщает. Он думал, что ты вернешься из Далласа позже, и...

— Так и предполагалось.

— В любом случае он хотел перехватить тебя в аэропорту до отъезда.

— Я позвоню ему. Увидимся вечером. Я приеду чуть пораньше, чтобы поговорить с Брюсом. Ты можешь поехать со мной и подождать в приемной, или можем поехать каждый на своей машине.

— Пап, я уверена, что когда буду ждать в приемной, обязательно столкнусь с Бизоном. И я этого не хочу. Ты поезжай сам, я приеду чуть позже.

— Ох, Хлоя...

— Папа, не начинай.

* * *

Бизон внезапно перестал бояться. Им руководили исключительно любопытство и бравада. Конечно, ему интересно было узнать, что на уме у Карпати, но кажется, на того большее впечатление производило, когда Бизон озвучивал свои собственные мысли. Бизон не собирался говорить ему, что он знает и что на самом деле думает, и вряд ли вообще когда-либо скажет, но он чувствовал, что должен высказаться прямо сейчас.

— Наверное, мне не следовало приходить сюда, не зная, чего вы хотите, — начал Бизон. — Я почти ничего и не знаю. Я не сразу смог связаться со Стивом.

— Давай поговорим всерьез и начистоту, — сказал Карпати. — Я дипломат, и я ис-

кренен с тобой. Ты уже достаточно хорошо меня знаешь, чтобы понимать это. — Он сделал паузу, как если бы хотел услышать от Бизона подтверждение. Но Бизон даже не кивнул. — Бизон, хватит, уже хватит. Ты не извиняешься за то, что проигнорировал мое приглашение, не предлагаешь никаких объяснений, и все же я не держу на тебя зла. Но ты не можешь себе позволить снова оскорблять меня отказом.

— Не могу? И что тогда со мной будет?

— Вероятно, этим опять будет заниматься Стэнтон Бэйли, тебя еще больше понизят в должности. Или даже уволят. Так или иначе ты все потеряешь. Я не наивен, Бизон. Я знаю, почему тебя так прозвали, и это то, что меня в тебе восхищает. Но со мной так не получится. Не то чтобы я считал себя кем-то особенным, но весь мир и СМИ так считают. Игнорировать меня можно только на свой страх и риск.

— Следовательно, я должен вас бояться и поэтому благосклонно принять любую роль, которую вы для меня уготовили?

— Конечно, нет! Игнорировать меня небезопасно, да, но только в силу очевидных практических причин, которые я только что назвал. Страх должен всего лишь послужить мотивом для того, чтобы ты откликнулся на мою просьбу и выслушал мое предложение. Ты никогда не должен работать со мной из страха. Хотя я не думаю, что страх способен убедить тебя принять подобное решение.

Бизон уже хотел спросить, что, по мнению Карпати, может его убедить, но было слишком очевидно, что Николае ждет этого вопроса, поэтому Бизон промолчал.

— Как говорят в старых фильмах, которые вы, американцы, так любите? «Предложение, от которого невозможно отказаться». Именно такое я хочу сделать тебе.

* * *

— Рэйфорд, извини, что обращаюсь к тебе с такой просьбой, но нам совершенно необходимо сегодня встретиться и поговорить.

— Эрл, я почти доехал до дома.

— Извини, я бы не просил, если бы это не было важно.

— Что случилось?

— Если бы я мог сказать по телефону, мне бы не пришлось извиняться за то, что я настаиваю на личной встрече.

— Ты хочешь, чтобы я прямо сейчас вернулся обратно в аэропорт?

— Да, еще раз извини.

* * *

— Есть законы и есть правила, — говорил Карпати. — Я подчиняюсь законам. Правила же я могу позволить себе игнорировать, если могу это оправдать. Например, в вашей

стране запрещено приносить с собой на стадион какую-либо еду, чтобы организаторы могли на этом заработать. Превосходно, я понимаю причины введения подобного правила, и если бы я сам был владельцем, то, наверное, поступил бы так же. Но я не считаю преступлением пронести с собой тайком что-нибудь съедобное. Идея ясна?

— Да, вполне.

— Есть правило, касающееся глав государств и официальных организаций вроде ООН. Общеизвестным считается факт, что глава государства может полностью или частично владеть основными СМИ только при режиме репрессивной диктатуры.

— Точно.

— Является ли это законом?

— В США — да.

— А в остальном мире?

— По-разному.

— В этом-то все и дело.

Карпати, очевидно, хотел, чтобы Бизон спросил, в чем именно, но тот промолчал.

— Тебе нравится термин «сухой остаток», я слышал, как ты его использовал, — продолжил Генеральный Секретарь. — Итак, в сухом остатке я собираюсь купить основные СМИ и хочу, чтобы ты участвовал в этом.

— Участвовал в чем?

— В работе команды, которая всем этим будет управлять. Я стану единоличным владельцем крупнейших в мире газет, телевизионных станций и телеграфных агентств. Ты

сможешь возглавить любую компанию на твой выбор.

— Генеральный Секретарь ООН, владеющий всеми крупнейшими СМИ? Но как вы это обоснуете?

— Если закон нуждается в изменении, он меняется. Если и был когда-либо благоприятный момент для оказания положительного влияния на СМИ, то это сейчас, Бизон. Ты не согласен?

— Нет.

— Миллионы исчезли. Люди напуганы. Они устали от войн, кровопролитий, хаоса. Они хотят знать, что скоро наступит мир. Мой план по разоружению поддержали практически единогласно.

— Но не американское ополчение.

— И бог с ними, — сказал Карпати с улыбкой. — Если моя идея будет реализована, неужели ты думаешь, что кучка фанатиков, бегающих по лесам в камуфляже и палящих из своих допотопных ружей, будет представлять угрозу для мирового сообщества? Бизон, я просто выполняю затаенное желание добрых граждан всего мира. Конечно, паршивые овцы останутся, но я никогда не буду запрещать СМИ честно рассказывать о них, я делаю это из лучших побуждений. Мне не нужны деньги. У меня их полно.

— ООН так богата?

— Бизон, я расскажу тебе кое о чем, что известно очень немногим, потому что я доверяю тебе и я знаю, что ты меня не обма-

нешь. Я являюсь единственным наследником состояния Джонатана Стонагала.

Бизон не смог скрыть своего удивления. То, что Карпати был упомянут в завещании мультимиллиардера, никого бы не удивило, но то, что он является единственным наследником? Это означало, что Карпати теперь принадлежат крупнейшие банки и финансовые организации мира.

— Но... но как же его семья? — Бизон кое-как справился с шоком.

— Я уже все урегулировал с ними без вмешательства суда. Они все получили по сто миллионов долларов в обмен на обещание хранить молчание и никогда не оспаривать завещание.

— Да, я бы тоже не отказался, — заметил Бизон. — Но как много они потеряли, не получив того, что им справедливо причиталось?

Карпати улыбнулся:

— Ты все еще не понимаешь, почему я тобой восхищаюсь? Джонатан был богатейшим человеком в истории. Для него деньги были всего лишь товаром. У него даже кошелек не было. Конечно, он был экономным, но в своей, особой манере. С него стало позволено кому-либо еще заплатить по счету за ужин, а в следующий момент он мог потратить сотни миллионов на покупку какой-нибудь компании. Для него это были всего лишь цифры.

— А что это будет для вас?

— Бизон, я раскрою тебе свою душу. Эти колоссальные ресурсы я употребляю на то,

чтобы реализовать мечту всей моей жизни. Я хочу мира. Я хочу всемирного разоружения. Я хочу, чтобы все люди мира жили как один. Я хочу, чтобы земля стала единой мировой деревней, коль скоро воздушные и информационные коммуникации объединили ее десятилетия назад. Но чтобы действительно объединить нас потребовались именно исчезновения — пожалуй, это лучшее, что когда-либо случалось на этой планете. Когда я выступаю, меня смотрят и слушают во всем мире.

Я не заинтересован в личном богатстве, — продолжил Николае. — Моя жизнь это прекрасно доказывает. Я признаю ценность денег и не имею ничего против использования их как средства убеждения, коль скоро они являются стимулирующим фактором для человека. Но я забочусь только о благе человечества.

Бизон опять почувствовал приступ тошноты, перед его мысленным взором возникло множество образов. Карпати виртуозно срежиссировал якобы самоубийство Стонагала, создав больше свидетелей, чем требуется какому-либо суду. А теперь этот человек пытается произвести на Бизона впечатление своим альтруизмом и щедростью?

Бизон почему-то подумал о Чикаго и внезапно почувствовал, что очень скучает по Хлое. Что это? Что-то в глубине его страстно желало хотя бы просто поговорить с ней. И хуже всего было то, что впервые он

совершенно ясно осознал, что не хочет быть ей просто другом. Неужели из-за шокирующих признаний Карпати у него возникла потребность в чем-то или ком-то спокойном и надежном? Хлоя была такой чистой, такой свежей. Как мог он принять свои чувства к ней за простое увлечение молоденькой женщиной?

Карпати смотрел на него в упор.

— Бизон, ты ведь никому никогда не скажешь о том, что я рассказал тебе сегодня? Об этом никто не должен знать. Работай на меня, и ты сможешь наслаждаться привилегиями и возможностями, которые тебе и не снились. Подумай об этом, но в итоге скажи «да».

Бизон старался продолжать думать о Хлое. Он восхищался Рэйфордом, ее отцом. И с Брюсом Барнсом — человеком, с которым у него не могло быть ничего общего до того, как он уверовал во Христа, — его связывали весьма доверительные отношения. Но главным объектом его внимания была Хлоя, и Бизон понял, что Господь внушил ему эти мысли, чтобы помочь сопротивляться гипнотическому внушению Николае Карпати.

Любил ли он Хлою Стил? Он не мог ответить. Он едва ее знал. Влекло ли его к ней? Конечно. Хотел ли он с ней встречаться, начать с ней отношения? Несомненно.

— Бизон, если бы ты мог выбирать, где жить, что бы ты выбрал?

Бизон услышал вопрос и попробовал потянуть время, поджав губы, как если бы задумался над ответом. Но думать он мог только о Хлое. Чтобы она сказала, если бы узнала об этом? Вот он сидит здесь лицом к лицу с самым могущественным человеком в мире, который предлагает ему карт-бланш, а он только и может, что думать о двадцатиполетней девице из Чикаго, вылетевшей из колледжа.

— Ну так где, Бизон?

— Там, где я сейчас живу, — ответил Бизон.

— В Чикаго?

— Да.

И правда, внезапно он понял, что не может представить себе жизнь вдали от Хлои. Ее слова и движения последние пару дней говорили о том, что почему-то она отдалась от него, но он верил, что еще не поздно повернуть все вспять. Когда он проявлял к ней интерес, она давала понять, что это взаимно. Когда он подавал ей неявный сигнал, она ему отвечала. Он поговорит с ней начистоту и будет надеяться на лучшее. Конечно, были еще немаловажные вещи, о которых стоило бы подумать, но сейчас он точно знал только то, что ужасно скучает по Хлое.

— С чего бы кому-то захотелось жить в Чикаго? — спросил Карпати. — Это один из центральных аэропортов страны, но что там еще есть? Бизон, я предлагаю тебе расширить границы своих фантазий. Подумай о

Вашингтоне, Лондоне, Париже, Риме, Новом Вавилоне. Ты многие годы прожил здесь, в Нью-Йорке, это ведь столица мира — по крайней мере, пока мы не перенесли отсюда свою штаб-квартиру.

— Вы спросили меня, где бы я хотел жить, если бы мог выбрать любое место в мире, — сказал Бизон. — Если честно, я могу жить где угодно, где есть Интернет и факс, я могу писать статьи хоть на Северном полюсе. Я не выбирал Чикаго, но сейчас я бы не хотел уезжать оттуда.

— Даже если я предложу тебе за переезд миллионы?

Бизон пожал плечами и рассмеялся:

— Вы так много внимания уделяете богатству, и в то же время утверждаете, что деньги для вас ничего не значат. У меня их, конечно, немного, но они не являются для меня значимым стимулом.

— Что же тогда является?

Бизон вознес быструю и беззвучную молитву. Господь, Христос, спасение, Скорбь, любовь, друзья, неспасенные души, Библия, изучение, подготовка ко второму пришествию, Общинная церковь Новой Надежды, Хлоя. Это то, что двигало им, но мог ли он сказать об этом? Должен ли? Боже, вложи слова в мои уста!

— Правда и справедливость, — сухо сказал Бизон.

— А, американское кредо! — воскликнул Карпати. — Как у Супермена!

— Скорее, как у Кларка Кента¹, — ответил Бизон. — Я ведь всего лишь репортер в еженедельном издании огромной метрополии.

— Отлично, ты хочешь жить в Чикаго. Чем бы ты хотел заниматься, если бы мог выбирать?

Внезапно Бизон вернулся к реальности. Хотел бы он и дальше предаваться мечтаниям о Хлое, но время поджимало. Стоило отправиться в эту странную поездку как минимум ради того, чтобы узнать, что Карпати унаследовал состояние Стонагала. Бизону не нравился этот словесный поединок с Николае, а последний вопрос явно таил в себе ловушку.

— Чего бы я хотел? Знаете, когда я думал о том, что буду делать, когда стану староват для того, чтобы мотаться по всему миру в поисках интересных сюжетов, я представлял себя издателем. Это было бы здорово собрать большую команду талантливых людей, давать им задания, обучать их, создать издание, которое продемонстрировало бы все их способности. Хотя я бы, конечно, скучал по беготне, расследованиям, интервью и сочинению статей.

— А что, если бы ты мог совмещать эти занятия? Иметь власть, и штат, и издание, и в то же время самостоятельно заниматься самыми интересными темами?

— Думаю, это было бы идеально.

¹ Супермен — фантастический герой комиксов, придуманный в 1936 году. По сюжету в обычной жизни Супермен живет как журналист Кларк Кент.

— Бизон, до того, как я расскажу тебе, как это можно осуществить, объясни мне, почему ты говоришь об своих мечтах в прошедшем времени, как если бы они уже не актуальны.

Бизон проявил неосторожность. Попросив Бога о помощи, он получил необходимый ответ. Но, действуя по собственной инициативе, он просчитался. Его подвело то, что он знал, что миру осталось всего семь лет после подписания договора между Карпати и Израилем.

— Думаю, я просто гадаю, сколько осталось этому миру, — сказал Бизон. — Мы все еще не оправились от последствий исчезновений и...

— Бизон! Ты просто оскорбляешь меня! Мы сейчас ближе к миру во всем мире, чем когда-либо за сотни лет! Мои робкие предложения столь активно поддерживали, что я верю, что мы стоим на пороге идеального глобального общества! Поверь мне! Оставайся со мной! Присоединись ко мне! Ты сможешь осуществить своим мечты! Ты говоришь, деньги ничего не значат для тебя? Прекрасно! Для меня тоже! Позволь мне предложить тебе ресурсы, благодаря которым ты никогда больше не будешь ни думать, ни беспокоиться о деньгах. Я предлагаю тебе должность, издание, штат сотрудников, штаб-квартиру и даже дом, так что ты сможешь заниматься всем, чем хочешь, и даже жить в Чикаго.

Карпати сделал паузу, как он всегда делал, в ожидании, что Бизон схватит наживку. Тот так и сделал.

— Именно это я и хотел услышать, — произнес он.

— Минуточку, Бизон, — сказал Карпати и вызвал Хэтти.

Вероятно, он подал ей иной сигнал, чем обычно, потому что она не ответила по внутренней связи, а заглянула в дверь. Когда Бизон обернулся, чтобы убедиться в этом, она ему подмигнула.

— Мисс Дюрхем, — обратился к ней Карпати. — Вы не могли бы сообщить доктору Розенцвейгу, мистеру Планку и президенту Фитцхью, что я немного выбиваюсь из графика. По моим оценкам, я пробуду здесь еще порядка десяти минут, затем проведу еще десять минут с Хаимом и Стивом, а в Вашингтоне мы будем к пяти.

— Хорошо, сэр.

* * *

Рэйфорд припарковался в аэропорту и поспешил через терминал к центру управления полетами в кабинет Эрла Халлидея. Эрл на протяжении многих лет был его руководителем полетов, на его глазах Рэйфорд вырос из блестящего молодого пилота в первого-классного профессионала. Рэйфорд был рад, что общаться они будут у Эрла, а значит, смо-

гут начистоту поговорить сразу о сути дела, без всякой бюрократической волокиты.

Когда он подошел, Эрл стоял в дверях своего кабинета, посматривая на часы.

— Отлично, — произнес он. — Заходи.

— Я тоже рад тебя видеть, — сказал Рэйфорд, садясь и засовывая фуражку под мышку.

Эрл уселся на единственный стул, который оставался в его захламленном кабинете, — тот самый, что стоял за столом.

— У нас проблема, — начал он.

— Спасибо, что успокоил, — отозвался Рэйфорд. — Что, Эдвардс подал на меня жалобу за, как ты там его назвал, соблазнение в свою веру?

— Это только часть проблемы. Но если бы не это, я бы сейчас сообщал тебе потрясающую новость.

— Которую?

— Сначала давай уточним, правильно ли я тебя понял. Когда я первый раз общался с тобой на тему разговоров о Боге на работе, ты сказал, что тебе нужно подумать об этом. И я ответил, что, если ты обещаешь мне, что это прекратится, я решу проблему с рапортом Эдвардса, так?

— Верно.

— Когда ты согласился отправиться в Даллас на переаттестацию, правильно ли я предположил, что это означает, что ты решил сотрудничать?

— Не совсем. Наверное, тебе интересно, как прошла моя аттестация?

— Я уже знаю, как все прошло, Рэй, — выкрикнул Эрл. — А теперь ответь на мой вопрос! Что значит, не совсем?! Ты отправился в Даллас, чтобы получить аттестат на управление «Боингом-777», не имея ни малейшего намерения отказаться от своих религиозных выходов на работе?

— Ничего подобного я не говорил.

— Тогда что ты имеешь в виду, Рэй?! Ты никогда со мной в игры не играл, я слишком стар для этого. И когда ты рассказывал мне все эти бредни про церковь и Восхищение, я ведь был с тобой вполне корректен?

— Даже слишком.

— Я воспринял это по-дружески, ты же слушаешь, как я хвастаюсь своими внуками, так?

— Но я ничем не хвастался.

— Нет, но эта тема всегда у тебя вызывает такое возбуждение! Ты нашел нечто, что дает тебе утешение и объясняет твои утраты, и отлично, думаю я, чем бы дитя ни тешилось. Когда ты начал настаивать, чтобы я пошел в церковь, начал читать Библию и все такое, я сказал тебе, надеюсь, вежливо, что считаю это делом личным и был бы тебе признателен, если бы ты это прекратил.

— Я и прекратил. Хотя я молюсь за тебя.

— Спасибо, конечно. И еще я сказал тебе, чтобы ты следил за собой на работе. Но, нет, для тебя это все еще было таким необычным, тебя просто распирало от новых эмоций, как будто ты нашел очередной рецепт быстро разбогатеть. И что ты сделал? Из всех людей

ты выбрал в качестве объекта для агитации Ника Эдвардса. Он перспективный парень, Рэй, людям наверху он нравится.

— Мне он тоже нравится. Поэтому я беспокоюсь за него и его будущее.

— Да, конечно, но он, как и я, ясно дал тебе понять, что он не желает об этом слышать. Меня же ты оставил в покое, почему не можешь оставить в покое его?

— Я думал, что так и сделал.

— Ты думал, что сделал. Эрл вытащил из ящика стола папку и перелистнул на какую-то страницу. Значит, ты отрицаешь, что сказал ему, я цитирую: «Мне все равно, что ты обо мне думаешь».

— Эта фраза вырвана из контекста, но я не буду отрицать, что идея верна. Я всего лишь сказал ему, что...

— Я очень хорошо знаю, что ты ему сказал, Рэй, потому что мне ты это тоже говорил! Я говорил тебе, что не хочу видеть, как ты становишься одним из этих безумных фанатиков, которые считают себя лучше других и пытаются всех спасти. Ты пояснил, что всего лишь беспокоишься обо мне, и я ценю это, но я предупредил, что ты рискуешь потерять мое уважение.

— А я сказал, что мне все равно.

— Ты не понимаешь, что это звучит оскорбительно?

— Эрл, как я могу тебя оскорбить тем, что я забочусь о твоей бессмертной душе настолько, что готов рискнуть нашей дружбой? Я сказал Нику то же, что и тебе. Что обо мне

думают другие, меня больше не волнует. Конечно, какую-то часть меня это все еще беспокоит. Никто не хочет выглядеть идиотом. Но какой из меня будет друг, если я не буду говорить тебе о Христе просто потому, что буду переживать о том, что ты обо мне подумаешь?

Эрл вздохнул и покачал головой, опять взглянув в папку:

— Значит, ты утверждаешь, что Ник вырвал твою фразу из контекста. Но все, что ты только что сказал, описано в его рапорте.

— Серьезно?

— Да.

Рэйфорд посмотрел на Эрла в упор:

— А что ты сам об этом думаешь? Он же слышал мои слова. И понял мою позицию.

— Очевидно, он не согласился с этой твоей позицией, иначе зачем это? — Эрл закрыл папку и бросил ее на стол.

— Эрл, перед исчезновением я был точно таким же, как ты и Ник. Но...

— Я все это уже слышал, — отрезал Эрл.

— Я пытаюсь объяснить, что хорошо понимаю тебя. Я чуть с женой не развелся, потому что считал, что она стала религиозным фанатиком.

— Ты рассказывал мне.

— Я и сейчас считаю, что она и была фанатиком. И она была права. Оказалось, что права!

— Рэйфорд, если ты так хочешь проповедовать, почему бы тебе не уйти из авиации и не стать священником?

— Ты увольняешь меня?

— Надеюсь, мне не придется этого делать.

— Ты хочешь, чтобы я извинился перед Ники, сказал ему, будто понял, что слишком надавил на него, но мои намерения были самыми наилучшими?

— Хотел бы я, чтобы все было так просто.

— Но разве не это ты мне предлагал на днях?

— Да! И я свою часть сделки выполнил. Я не передал копию этого рапорта ни в отдел кадров, ни своему начальству и сказал об этом Нику. Я объяснил, что это станет частью моего личного досье на тебя, потому что ты мой подчиненный...

— Что ровным счетом ничего не значит.

— Конечно, мы с тобой оба это знаем, да и Ник не идиот. Но мой ответ его, кажется, удовлетворил. Я предположил, что своей поездкой в Даллас на аттестацию ты даешь мне понять, что внял моим словам и проблему можно считать решенной.

Рэйфорд кивнул:

— Я планировал вести себя благоразумней и приложить все усилия, чтобы у тебя не было проблем из-за того, что ты меня защищаешь.

— Я всегда готов тебя защищать, Рэй. Ты этого стоишь. Но ты, похоже, передумал и сегодня утром опять взялся за старое. Где была твоя голова?

Рэйфорд вздрогнул и откинулся на спинку стула. Он положил фуражку на стол и вытянул руки вперед ладонями вверх.

— Сегодня утром? О чем ты говоришь? Я думал, все прошло хорошо, даже прекрасно. Я ведь все сдал?

Эрл нависал над столом, сердито глядя на Рэйфорда.

— Значит, ты не пытался проверить с экзаменатором тот же трюк, что со мной, Ником и любым другим вторым пилотом, с которым тебе приходилось вместе работать на протяжении последних недель?

— Ты имеешь в виду разговоры о Боге?

— Да!

— Нет! Я даже чувствую себя по этому поводу немного виноватым. Я вообще практически не разговаривал с ним. Он был ужасно суров, почти ни слова не проронил, кроме обычной болтовни про то, что он делать будет, а что нет.

— И ты проповедей ему не читал?

Рэйфорд покачал головой, пытаясь вспомнить, не сделал и не сказал ли он чего-либо, что могло бы быть неправильно истолковано.

— Нет. Я не прятал свою Библию. Обычно она лежит в моей сумке, но когда мы встретились с ним первый раз, я держал ее в руках, потому что читал в автобусе. Слушай, а жалоба точно не от водителя автобуса? Он увидел, что я читаю, и спросил про Библию, и мы поговорили о том, что произошло.

— Как обычно.

Рэйфорд кивнул. Но он вроде не жаловался.

— Мне так точно нет. Жалоба от твоего экзаменатора.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Рэйфорд. — Но ты же мне веришь, Эрл, правда?

— Хотел бы я тебе верить, — вздохнул Эрл. — И не смотри на меня так. Я знаю, что мы с тобой давно дружим, и я никогда бы не подумал, что ты мне солжешь. Помнишь тот случай, когда ты отказался от полета, потому что выпил пару бокалов, так как думал, что твой рейс перенесли?

— Я даже предложил заплатить другому пилоту.

— Помню. Но что прикажешь мне думать сейчас, Рэй? Ты говорил, что не капал на мозги тому парню. И я хочу тебе верить. Но ты так поступал со мной, и с Ником, и с другими. Я склонен думать, что сегодняшнее утро не было исключением.

— Видимо, мне стоит поговорить с тем парнем, — сказал Рэй.

— Нет, не стоит.

— Почему я не могу посмотреть в лицо тому, кто меня обвиняет? Эрл, я ни слова тому человеку не сказал о Боге. Я уже сожалею об этом, тем более если у меня из-за этого будут проблемы. Я хочу знать, почему он так сказал. Наверное, это какая-то ошибка, может, жалоба от водителя автобуса, поданная через вторые руки, но, как я говорил, с его стороны не было никакого сопротивления. Хотя, должно быть, он что-то сообщил экзаменатору. Иначе с чего бы экзаменатор

вообще решил, что я делал что-то подобное раньше, разве что Библия так вывела его из себя?

— Не могу себе представить, чтобы водитель автобуса о чем-то общался с экзаменатором. Зачем ему это, Рэй?

— Я в замешательстве, Эрл. Не уверен, что стал бы извиняться, если бы эта жалоба была предъявлена на законных основаниях, но я уж точно не могу извиняться за то, чего не делал.

* * *

Бизон вспомнил, как Розенцвейг рассказывал ему, что президент предлагал прилететь в Нью-Йорк для встречи с Карпати, но тот из-за своей неимоверной скромности настоял на том, чтобы самому поехать в Вашингтон. Сейчас Карпати небрежно просит свою ассистентку передать президенту, что он задерживается. Было ли это запланировано? Или он просто так давал всем понять, где их место?

Спустя несколько минут Хэтти постучала в дверь и вошла.

— Господин Генеральный Секретарь, — сообщила она, — президент Фитцхью отправляет за вами свой самолет.

— Ох, передайте ему, что в этом нет нужды, — сказал Карпати.

— Сэр, самолет уже в воздухе, вы можете отправиться, когда вам будет угодно. Пилот доложит в Белый дом, когда вы вылетите.

— Спасибо, мисс Дюрхем, — поблагодарил Карпати. Затем он обратился к Бизону: — Какой милый человек! Вы с ним встречались?

Бизон кивнул.

— Моя первая статья про человека года была о нем.

— Когда его избрали в первый раз или во второй?

— Во второй.

Бизон вновь поразился энциклопедической памяти этого человека. Не было никаких сомнений в том, кто станет человеком года в этот раз. Но эту статью Бизону писать не хотелось.

* * *

Эрл нервно ходил из стороны в сторону.

— А теперь я скажу тебе, какое еще сообщение мы получаем в этот сверхнеудачный момент. На следующей неделе вводят в эксплуатацию новый президентский самолет, «Боинг-777».

У Рэйфорда замерло сердце. Записка от Хэтти Дюрхем, аналогичного содержания, до сих пор лежала у него в кармане.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Рэйфорд поерзал на стуле, глядя на своего начальника.

— Я слышал об этом, конечно, — уклончиво ответил он. — Кто в Америке не знает о новом самолете президента? Я бы с удовольствием посмотрел на него, если в нем есть все то, о чем говорят.

— Наверняка высший класс, — сказал Эрл. — Образец самых передовых технологий, средств связи, безопасности и комфорта.

— Ты уже второй человек за сегодня, который говорит мне об этом самолете. К чему ты клонишь?

— К тому, что Белый дом связался с нашим руководством. Кажется, они решили, что пришло время отправить имеющегося пилота на пенсию. Они хотят, чтобы мы порекомендовали им нового. Люди в Далласе

сократили список кандидатов из старших пилотов до шести, а мне его прислали, потому что ты один из списка.

— Меня это не интересует.

— Не торопись ты так! Как ты можешь так говорить? Кто откажется летать на одном из самых современных самолетов в мире, к тому же прекрасно оборудованном, и работать на самого могущественного человека в мире? Или, наверное, правильнее сказать, второго могущественного, с тех пор как в ООН появился этот Карпати?.

— Все просто. Я не хочу переезжать в Вашингтон.

— Что тебя здесь держит? Хлоя возвращается в колледж?

— Нет.

— Тогда она тоже ничем не связана. Или у нее есть работа?

— Она ее ищет.

— Так пусть найдет ее в Вашингтоне. Зарплата там в два раза выше, чем у тебя сейчас, а ты ужеходишь в число самых высокооплачиваемых сотрудников «Пан-Континентал».

— Ну, деньги для меня уже не так много значат, — отозвался Рэйфорд.

— Хватит! — рявкнул Эрл. — Меня вот не зовут управлять новейшим самолетом!

— Это уже не про меня, Эрл, и ты знаешь почему.

— Ох, избавь меня от проповеди. Но, Рэй, это возможность иметь квартиру больше и лучше, чем сейчас, вращаться в других кругах...

— В Чикаго меня как раз держит тот круг, в котором я вращаюсь. Моя церковь.

— Рэй, но заработная плата...

— Да плевать мне на деньги. Ты же помнишь, нас теперь всего двое с Хлоей.

— Извини.

— Нам бы, наоборот, стоило уменьшить размах. Наш дом больше, чем нам действительно нужен, и денег у меня больше, чем я реально могу потратить.

— Тогда прими это как вызов! Никаких обычных рейсов, целый штат старших пилотов и штурманов. Ты сможешь летать по всему миру, каждый раз в новое место. Это блистательная карьера, Рэй.

— Ты же сказал, что помимо меня есть еще пятеро кандидатов.

— Да, они все отличные ребята. Но если я выскажусь в твою пользу, ты получишь это место. Проблема в том, что из-за всей этой истории с рапортом Ника Эдвардса в этой самой папке я не могу лоббировать твои интересы.

— Ты же говорил, что этот рапорт есть только у тебя.

— Да, но из-за твоего глупого поведения сегодня утром я не могу так рисковать и скрывать его. Что, если я обеспечу тебе работу на Белый дом, а этот экзаменатор раскудахтается? Как только это все всплывет, Эдвардс немедленно все подтвердит. И ты не получишь никакой новой работы, и я буду выглядеть идиотом, потому что скрывал жалобу и защищал твои интересы. Конец истории.

— Ну, история и так закончена, — сказал Рэйфорд. — Я не могу переехать.

Эрл встал.

— Рэйфорд, — медленно произнес он, — успокойся и послушай меня. Попробуй взглянуть на это непредвзято. Позволь мне объяснить, как я воспринимаю твой ответ, и дай мне шанс убедить тебя.

Рэйфорд начал протестовать, но Эрл его прервал:

— Пожалуйста! Я не могу принять решение за тебя и даже пытаться не буду. Но позволь мне договорить. Хотя я и не разделяю твое отношение к исчезновениям, я рад, что ты нашел утешение в религии.

— Это не...

— Рэй, я знаю. Знаю. Я тебя слушал, и я тебя услышал. Для тебя это не религия, это Иисус. Правда, я был внимателен? Меня вообще восхищает то, как ты отдался этому всей душой. Ты действительно набожен. В тебе я не сомневаюсь. Но не отказывайся так просто от работы, за которую тысячи пилотов душу бы продали. Честно, я совершенно не уверен, что тебе придется переезжать. Как думаешь, часто президент США путешествует по воскресеньям? Наверняка не чаще, чем ты сам сейчас совершаешь воскресные рейсы.

— Да, в силу выслуги лет я редко летаю по воскресеньям.

— Ты сможешь назначить кого-нибудь на воскресный рейс вместо тебя. Ты будешь капитаном, самым главным, боссом. Тебе не придется больше отчитываться передо мной.

— Я это все равно буду делать! — протестовал Рэйфорд, улыбаясь. — Шучу.

— Конечно, с твоей стороны разумнее было бы жить в Вашингтоне, но спорю, что, если твоим единственным условием будет проживание в Чикаго, они на это согласятся.

— Все равно это невозможно.

— Почему?

— Потому что я хожу в церковь не только по воскресеньям. Мы встречаемся чаще. Я очень близок с нашим пастором. Мы встречаемся почти каждый день.

— И ты своей жизни без этого не представляешь?

— Да.

— Рэй, а что, если это просто период такой? Что, если ты со временем утратишь свой пыл? Я не имею в виду, что ты лицемеришь или собираешься отступить от того, что обрел. Я хочу сказать, что новизна со временем исчезнет и ты вполне мог бы работать в другом месте, возвращаясь в Чикаго на выходные.

— Эрл, почему для тебя это так важно?

— Ты не знаешь?

— Нет.

— Потому что об этом я мечтал всю свою жизнь, — сказал Эрл. — Все время, пока я был старшим пилотом, я проходил все аттестации на новейшем оборудовании и подавал заявку на место пилота каждому новому президенту.

— Я и не знал об этом.

— Конечно, не знал. Да и кто бы признался и позволил всем узнать, что каждые четыре или восемь лет из кожи вон лезет, глядя, как другой получает работу его мечты? Если ты получишь эту работу, это будет почти идеально. Я смогу хотя бы опосредованно порадоваться этому.

— Вот ради этого я хотел бы иметь возможность получить эту работу.

Эрл опустил на стул.

— Ну хоть за объедки спасибо.

— Я не хотел тебя обидеть, Эрл. Серьезно.

— Я знаю. Правда в том, что я знаю пару других парней из списка, так вот я бы им даже свою машину вести не доверил.

— Ты же вроде говорил, что они отличные ребята.

— Я просто пытаюсь донести до тебя, что, если ты откажешься, эта работа достанется другому.

— Эрл, я действительно не..

Эрл знаком попросил его умолкнуть.

— Рэй, сделай мне одолжение, а? Не принимай решение прямо сейчас. Я хочу сказать, я понимаю, что ты уже практически все решил, но не спеши сообщать мне об этом официально до того, как ты хорошенько обдумаешь эту идею?

— Я помолюсь об этом, — уступил Рэйфорд.

— Я так и предполагал.

— Ты запрещаешь мне звонить экзаменатору?

— Категорически. Хочешь подать жалобу — делай это в письменном виде по официальным каналам, как положено.

— Ты уверен, что хочешь рекомендовать человека, которому ты не веришь, на такую ответственную работу?

— Если ты скажешь, что ничего не делал, мне придется тебе поверить.

— Я даже не заикался об этом, Эрл.

— Бред какой-то, — покачал головой Эрл.

— Кто принял жалобу?

— Моя секретарша.

— От кого?

— От его Секретаря, я полагаю.

— Можно мне ее увидеть?

— Мне не следует ее тебе показывать.

— Эрл, дай мне на нее взглянуть. Неужели ты думаешь, что я тебя выдам?

Эрл вызвал секретаршу:

— Франсина, принесите, что у вас есть по поводу жалобы сегодня утром из Далласа.

Она принесла ему лист с напечатанным текстом. Эрл пробежал его глазами и передвинул через стол Рэйфорду. Там было написано следующее: «В одиннадцать тридцать семь утра принят звонок от женщины, которая назвала себя Джин Гарфилд, секретаршей экзаменатора аттестационной комиссии «Пан-Континентал» Джима Лонга из Далласа. Она спросила, как подать жалобу на Рэйфорда Стила за религиозное домогательство, которому он подверг мистера Лонга во время аттестации сегодня утром. Сказала,

что свяжусь с ней. Номера она не оставила, но обещала перезвонить».

Рэйфорд поднял бумагу.

— Эрл, я думал, ты лучше умеешь разбираться в ситуации.

— Что ты имеешь в виду?

— Это все дурно пахнет.

— Ты думаешь, это что-то незаконное?

— Во-первых, у парня, с которым я летал, на беджике была двусложная фамилия. И вообще, ты когда-нибудь видел, чтобы у рядового экзаменатора была личная секретарша?

Эрл скорчил рожу.

— Неплохой ход.

— Кстати, о звонках, — сказал Рэйфорд. — Хотелось бы знать, откуда был сделан звонок. Это сложно будет выяснить?

— Не очень. Франсина! Соедини меня со службой безопасности, пожалуйста.

— Ты не мог бы попросить ее еще кое-что для меня проверить? — спросил Рэйфорд. — Попроси ее связаться с отделом кадров и выяснить, если в штате сотрудников «Пан-Континентал» некий Джим Лонг и некая Джин Гарфилд.

* * *

— Если ты не возражаешь, — сказал Карпати, — я бы хотел попросить твоих старых друзей присоединиться к нам.

«Что, уже? — мысленно удивился Бизон. — Неужто пришло время рассказать им последние новости?»

— Вы здесь заказываете музыку, — произнес он вслух. Его поразило, что Карпати болезненно отреагировал на его слова. — Я хотел сказать, вы созвали это совещание. Приглашайте их, конечно.

Бизон не был уверен, что это не было игрой его воображения, но ему показалось, что Стив Планк и Хаим Розенцвейг выглядят несколько озадаченными, как будто им было что-то известно. Хэтти вошла вслед за ними, придвинула один из стульев от стола к стулу Бизона и, когда мужчины сели, опять вышла.

— У мистера Уильямса есть условие, — объявил Карпати. Планк и Розенцвейг шепотом обменялись парой фраз. — Он хочет жить в Чикаго.

— Это все только облегчит, — сказал доктор Розенцвейг. — Не так ли?

— И правда, — ответил Карпати. Бизон взглянул на Планка, тот подтверждающее кивнул. Генеральный Секретарь повернулся к Бизону: — Вот мое предложение: ты станешь председателем правления и издателем газеты «Чикаго трибюн»¹, которую я в ближайшие пару месяцев выкуплю у семьи Ригли. Я переименую ее в «Мидвест трибюн», и

¹ «Чикаго трибюн» («Chicago Tribune») — наиболее популярная газета Чикаго и американского Среднего Запада. В значительной степени является региональным изданием.

она будет издаваться под эгидой Мирового Сообщества. Штаб-квартира по-прежнему останется в башне «Трибюн» в Чикаго. В нагрузку к этому посту тебе полагается лимузин с водителем, личный камердинер, любой штат прислуги, который ты сочтешь необходимым, дом с прислугой на северном побережье озера Мичиган, а также вилла на озере Женева в южном Висконсине. Я никак не буду вмешиваться в процесс принятия решений, за исключением требования изменить название газеты и издательства. Ты сможешь управлять газетой так, как тебе будет угодно. — Тут в его голосе появилась нотка сарказма. — И каждое твое слово будет держаться на двух китах, или скорее двух башнях-близнецах — правде и справедливости.

Бизон чуть не расхохотался в голос. Его не удивило, что Карпати мог себе позволить подобную покупку. Но не было такого способа, чтобы столь значимая политическая фигура, как Генеральный Секретарь ООН, могла, спрятавшись за издательской компанией, нарушить все правила журналистской этики и приобрести одно из ведущих изданий Америки.

— У вас ничего не выйдет, — произнес Бизон.

Он умолчал о главном: Карпати никогда бы не дал кому-либо из своих подчиненных полной свободы действий, разве что если бы был абсолютно уверен, что полностью контролирует его разум.

— Это уже моя проблема, — сказал Карпати.

— Но, имея полную свободу действий, — продолжил Бизон, — я тоже буду вашей проблемой. Я убежден, что люди имеют право знать. Первое же журналистское расследование, которым я займусь сам, будет посвящено выяснению собственника издания.

— Огласка меня не смущает, — улыбнулся Карпати. — Неужели есть что-то плохое в том, что ООН принадлежит газета, освещающая новости Мирового Сообщества?

— Разве не вы лично будете владеть изданием?

— Это терминологический вопрос. Если более уместно будет, чтобы газетой владела ООН, а не я сам, я пожертвую деньги или даже куплю издание, а затем передам его ООН.

— Но тогда «Трибюн» станет корпоративным изданием, обслуживающим интересы ООН.

— А значит, совершенно законным.

— Но она перестанет быть независимым новостным изданием.

— А тут уже все зависит от тебя.

— Вы серьезно? Вы позволите вашему собственному изданию критиковать вас? Не соглашаться с ООН?

— Я буду только рад этому. Мои намерения чисты, мои цели служат делу мира, моя аудитория — население всего земного шара.

Бизон в отчаянии повернулся к Стиву, хотя прекрасно знал, что Стив был подвержен воздействию магнетизма Карпати.

— Стив, ты же его советник по вопросам общения со СМИ! Скажи ему, что эта затея невозможна. Никто не воспримет это всерьез!

— Сначала другие СМИ не воспримут это всерьез, Бизон, — признал Стив. — Но через некоторое время издательский дом Мирового Сообщества приобретет и их.

— Но, монополизировав издательскую индустрию, вы уничтожите конкуренцию, и у людей не будет возможности выбирать?

Карпати кивнул:

— Можно и так сказать. Если бы мои намерения не были идеально чисты, я бы тоже сомневался в правильности этого шага. Но разве есть что-то дурное в том, чтобы контролировать мировые новости, если ты стремишься к миру, гармонии и единению?

— А как же способность к независимому мышлению? — спросил Бизон. — Где площадка для обсуждения альтернативных идей? Что будет с судом общественного мнения?

— Суд общественного мнения, — заметил Стив, — требует по большей части то, что предлагает Генеральный Секретарь.

Бизон потерпел полное поражение, и он это знал. Хаим Розенцвейг вряд ли что-то понимал в журналистской этике, но когда такой человек, как Стив Планк, поддержал безумную идею этого якобы великодушного диктатора, Бизон понял, что он в меньшинстве.

— Не могу представить, чтобы я участвовал в подобной затее, — сказал Бизон.

— Люблю я этого парня! — воскликнул Карпати, и Планк с Розенцвейгом улыбнулись и кивнули. — Подумай об этом на досуге. Поразмышляй. Я сумею сделать это легальным настолько, что даже тебя все устроит. И тогда я не приму отказа. Мне нужна газета, а я ее получу. Я хочу, чтобы ты управлял этой газетой, и я получу тебя. Свобода, Бизон Уильямс. Абсолютная свобода. Когда тебе покажется, что я вмешиваюсь в твои дела, ты будешь волен уйти, получив свои деньги.

* * *

Поблагодарив Эрла Халлидея за доверие и пообещав не принимать пока окончательное решение — хотя он и не мог себе представить, что согласится на эту работу, — Рэйфорд отправился к телефонам-автоматам, где обычно было достаточно безлюдно. Секретарша Эрла Франсина подтвердила, что в «Пан-Континентал» не числилось никакой Джин Гарфилд. И хотя в штате было не менее шести Джимов Лонгов, четверо из них были операторами по обработке багажа, а оставшиеся двое — чиновниками средней руки. Никто из них не работал в Далласе, не был экзаменатором и уже тем более не имел секретарши.

— Кто же хотел тебя подставить? — спросил Эрл.

— Даже представить себе не могу.

Франсина также сообщила, что звонок, который она приняла утром, был сделан из Нью-Йорка.

— Они смогут определить точный номер через несколько часов, — сказала она, но внезапно Рэйфорда осенило, кто это был.

Он не понимал, зачем бы ей это делать, но такой номер могла отколоть только Хэтти Дюрхем. Только у нее были связи среди работников «Пан-Континентал», достаточные, чтобы узнать, где был и чем занимался Рэйфорд сегодня утром. И что это еще за история с самолетом президента?

Он вызвал справочную и спросил номер штаб-квартиры ООН. Сначала его соединили с коммутатором, затем с администрацией и, наконец, с Хэтти — она была четвертым человеком, который принял звонок.

— Это Рэйфорд Стил, — спокойно сказал он.

— О, здравствуйте капитан Стил! — Радость в ее голосе заставил его почувствовать себя неуютно.

— Я сдаюсь, — произнес Рэйфорд. — Чего бы ты ни добивалась, ты победила.

— Я не понимаю.

— Да ладно тебе, Хэтти, не прикидывайся.

— А! Моя записка! Я просто подумала, что это будет забавно, потому что на днях я общалась со знакомой из «Пан-Континентал», и она упомянула, что мой старый друг сегодня будет проходить переаттестацию на «Боинге-777» в Далласе. Мне показалось, будет мило,

если тебя будет ждать моя записка. Разве не так?

— Да, очень весело. И что она означала?

— Записка? Да ничего особенного. Ты ведь и так об этом знал? Все ведь знают, что новый самолет президента будет «Боинг-777»?

— Да, и зачем мне об этом напоминать?

— Это была шутка, Рэйфорд. Я шутила, намекая, не проходишь ли ты переаттестацию, чтобы стать пилотом самолета президента. Неужели ты не понял?

Было ли такое возможно? Не могла же она быть столь наивна и невинна? Могла ли она совершить такой нелепый поступок, который так удивительно совпал с реальностью? Он хотел было спросить ее, откуда она узнала, что ему предложат быть пилотом президента, но, если она об этом еще не знала, он совершенно определенно не хотел ставить ее в известность.

— Понял. Очень смешно. А к чему тогда была липовая жалоба?

— Липовая жалоба?

— Не трать мое время попусту, Хэтти. Ты единственная, кто знал, где я был и что делал, и, вернувшись сюда, я узнаю о липовой жалобе на религиозные домогательства.

— Ах это! — Она рассмеялась. — Это было просто догадка. Ведь у тебя там был экзаминатор?

— Да, но я не...

— Разве ты не приставал к нему со своими идеями?

— Нет.

— Да ладно тебе, Рэйфорд. Ты же лез с ними практически ко всем, с кем работал, ко мне, к собственной дочери, к Кэмерону Уильямсу, к Эрлу Халлидею. Неужели ты не читал проповеди экзаменатору?

— На самом деле нет.

— Что ж, ладно, я ошиблась. Но это же было забавно, не думаешь? Ведь с большой вероятностью я могла оказаться права. Что бы ты подумал, если бы действительно давил на него и по возвращении увидел жалобу? Ты бы извинился перед ним, а он бы все отрицал. Люблю розыгрыши! Да ладно тебе, идея была отличная.

— Хэтти, если ты пытаешься отыгаться на мне за то, как я к тебе относился, то, наверное, я это заслужил.

— Нет, Рэйфорд, это не так. С этим покончено. Между нами ничего нет. Если бы у нас с тобой что-то было, я бы никогда не была там, где сейчас, и поверь мне, я никогда не мечтала ни о чем ином. Это не было мстью. Я просто хотела пошутить. Мне жаль, если тебя это не повеселило.

— Доставила ты мне неприятностей.

— Да ладно! Неужели потребовалось много времени, чтобы проверить эту историю?

— Хорошо, ты права. У тебя есть для меня в запасе еще какие-нибудь сюрпризы?

— Не думаю, но ты особо не расслабляйся.

Рэйфорд не поверил ни единому ее слову. Карпати не мог не знать о том, что он был в числе кандидатов в пилоты президента.

Записка Хэтти, предложение работы, то, что ее маленькая шутка чуть все не испортила, — совпадений было слишком много, чтобы нелепая попытка Хэтти выставить все розыгрышем могла их объяснить. Рэйфорд вернулся на парковку в скверном настроении. Он надеялся, что у Хлои настроение улучшилось. А если нет, то хотя бы к вечернему собранию они оба успокоятся.

* * *

Хаим Розенцвейг положил свою грубую руку на колено Бизону.

— Советую тебе согласиться на эту престижную должность. Если ты откажешься, наверняка согласится кто-то другой, но тогда эта газета уже не будет такой хорошей.

Бизон не был готов спорить с Хаимом.

— Спасибо, — сказал он. — Мне надо об этом серьезно подумать.

Но на самом деле он собирался всерьез рассматривать предложение Карпати. Как же он хотел поговорить обо всем этом в первую очередь с Хлоей, а затем уже с Брюсом и Рэйфордом.

И разговор тактично прервала Хэтти Дюрхем. Она подошла к Карпати, чтобы что-то конфиденциально ему сообщить, и тут Стив начал что-то шептать на ухо Бизону. Но у того была удивительная способность отличать то, что стоит слушать, от того, что не стоит. В этот

момент он решил, что выгодней подслушать, о чем разговаривают Хэтти и Карпати. Он наклонился к Стиву, делая вид, что внимательно его слушает. Бизон был уверен, что Стив попытается уболтать его согласиться на предложенную должность: объяснит ему, что сам лоббировал его интересы, признает, что сперва для него, как журналиста, это тоже звучало безумно, но мир сильно изменился, бла-бла-бла. А Бизон кивал и смотрел ему в глаза и в то же время слушал разговор Хэтти и Карпати.

— Объект мне только что позвонил, — сказала она.

— Да? И что?

— Он быстро все понял.

— А про борт номер один?

— Не думаю, что он догадывается.

— Отлично. А остальное?

— Пока никакой реакции.

— Спасибо, дорогая.

Объект. Звучало скверно. Остальное, сколько Бизон мог предположить, относилось к вечернему полету Карпати на президентском самолете.

Карпати опять обратил все свое внимание на гостя.

— Бизон, как минимум обсуди это со своими близкими. Если у тебя есть особенные желания, которые ты бы хотел воплотить, если бы была возможность, помни, что ты хозяин ситуации. Ты продавец, я покупатель, и я хочу получить того человека, которого хочу.

— Вы провоцируете меня отвергнуть ваше предложение просто для того, чтобы продемонстрировать вам, что меня нельзя купить.

— Как я уже неоднократно говорил, именно поэтому я считаю, что ты идеально подходишь для этой работы. Не упusti шанс всей твоей жизни ради какой-то мелочи.

Бизон чувствовал, что его зажали в угол. С одной стороны от него сидел Стив, которым он восхищался и с которым вместе работал многие годы, настоящий журналист с принципами. С другой — доктор Розенцвейг, которого Бизон любил как отца, блестящий ученый мирового уровня, но во многих вопросах чрезвычайно наивный, поэтому он идеально подходил на роль инструмента, одной из пешек шахматной партии Армагеддона. А за дверью находилась Хэтти Дюрхем, с которой Бизон познакомился в самолете в момент, когда Господь непосредственно вмешался в дела этого мира. Бизон представил ее Николае Карпати, просто чтобы порисоваться. И вот где они все сейчас.

Прямо перед ним со своей приятной, обезоруживающей улыбкой сидел Карпати. Из всех, с кем Бизон общался сегодня днем, Карпати был ему наиболее понятен. Но именно на Карпати он менее всего мог повлиять. Не слишком ли поздно взывать к здравому смыслу Стива и предупреждать его о том, во что он ввязался? Не слишком ли поздно спасти Хэтти от последствий того злополучного знакомства? Неужели Хаим

настолько очарован геополитическими перспективами, что не прислушается к голосу разума и истины?

И если он доверится кому-либо из них, есть ли надежда, что Генеральный Секретарь не узнает правду о том, что Бизон защищен от него силой своей веры?

Бизон с нетерпением ждал возвращения в Чикаго. Его там ждала квартира, совсем новая и чужая. А еще ждали друзья, и хотя они тоже были новыми, никому в мире Бизон так не доверял. Брюс, который всегда готов выслушать, объяснить, помолиться за тебя и дать совет. Рэйфорд, с его аналитическим, практическим мышлением, всегда готовый помочь, но никогда не навязывающий свое мнение.

Но больше всего Бизон скучал по Хлое. Была ли на то воля Господа? Было ли это Божьим промыслом, что именно ее образ возник в его мыслях, когда он был практически беззащитен перед Карпати? Бизон едва знал эту женщину. Женщину? Она была почти девчонка, но казалась... какой? Взрослой? Не так. Притягательной. Как она слушала его! Она как будто все понимала и сопереживала. Он без слов мог понять, что она хотела ему сказать.

Ему было очень комфортно с ней, как если бы она внушала ему ощущение безопасности. Он едва ли пару раз прикасался к ней. Первый был, когда он вытер след от шоколадного кренделя с уголка ее рта, а второй раз — в церкви, накануне утром, когда он

хотел привлечь ее внимание. И все же сейчас, в двух часах лета от нее, он испытывал неизбывное желание обнять ее.

Конечно, он не мог себе этого позволить. Он едва ее знал и не хотел напугать. И все же в мыслях он мечтал о том дне, когда они смогут спокойно держаться за руки или даже обниматься. Он мог себе представить, как они просто сидят где-то, наслаждаясь обществом друг друга, она — склонив голову ему на грудь, он — обнимая ее.

Внезапно он осознал, что ужасно одинок.

* * *

Когда Рэйфорд приехал, Хлоя по-прежнему была расстроена. Он решил ничего не говорить ей о том, что с ним произошло за день. Все это было слишком странно, а у нее, по всей видимости, тоже выдался тот еще денек. Он обнял ее, и она расплакалась. Рэйфорд заметил огромный букет цветов, торчащий из мусорного ведра.

— Все стало только хуже, папа. Но, по крайней мере, я кое-что поняла — он мне очень безразличен.

— Обычно ты не склонна к подобной аналитике, — произнес Рэйфорд и тут же пожалел о сказанном.

— Я не склонна к аналитике, потому что я женщина, да?

— Прости! Мне не следовало так говорить.

— Я, конечно, сижу здесь и рыдаю, в общем, реагирую на ситуацию эмоционально. Но, папа, я пять семестров числилась среди лучших студентов колледжа, это уже не эмоции, это факты. По складу ума я больше похожа на тебя, чем на маму, помнишь?

— Еще бы я не помнил. Но мы все еще здесь именно потому, что мы такие, как есть.

— Я рада, что мы есть друг у друга. По крайней мере, была, пока ты не обвинил меня в том, что я типичная женщина.

— Я не говорил ничего подобного.

— Но ты так думаешь!

— Ты уже умеешь читать мысли?

— О да, я такая эмоциональная предсказательница.

— Все, сдаюсь, — сказал Рэйфорд.

— Да ладно тебе, папа. Не сдавайся так быстро. Никто не любит быстрых побед.

* * *

На обратном пути Бизон, опять наслаждаясь благами первого класса, с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться. Подумать только, издатель «Трибюн»! Ну, может, лет через двадцать, и то если она не будет принадлежать Карпати и если второе пришествие не случится раньше. Бизон чувствовал себя как

человек, выигравший в лотерею в обществе, где деньги не имели никакой ценности.

После ужина он откинулся в кресле и любовался закатом. Много-много лет прошло с тех пор, как он приезжал в город ради кого-то. Успеет ли он вернуться сегодня достаточно рано, чтобы увидеться с ней до вечернего собрания? Если не будет пробок, возможно, у него даже будет время поговорить с ней о том, о чем он на самом деле хотел.

Бизон не хотел отпугнуть Хлою, но считал необходимым извиниться за свою нерешительность. Он просто не хотел торопить события. Кто же знал? Может, он ей не нравился. Уверен он был только в том, что не хотел быть тем, кто сожжет все мосты. Может, ему стоит позвонить ей из самолета?

* * *

— Брюс мне сегодня предложил работу, — как бы невзначай сказала Хлоя.

— Шутишь? — спросил Рэйфорд, — Какую?

— То, что я умею. Читать, исследовать, готовить лекции, обучать.

— Где? Что?

— В церкви. Он хочет расширить свое ведомство.

— За деньги?

— За полный рабочий день. Я могу работать дома или в церкви. Он будет давать мне

задания, помогать составлять учебный план, все такое. Он не хочет, чтобы я спешила с преподаванием, потому что у меня недостаточно опыта. Многие люди, которым я буду читать лекции в церкви, всю свою жизнь посещали церковь и воскресную школу.

— Что же ты будешь преподавать?

— То же, что и он. Мои исследования будут помогать в подготовке его проповедей. Со временем я буду вести уроки в воскресной школе и обучать небольшие группы. Он собирается попросить тебя и Бизона тоже этим заняться, но, конечно, он еще не знает, что у Бизона есть невеста.

— А ты предусмотрительно ему ничего не рассказала.

— Это пока, — сказала Хлоя. — Если Бизон не понимает, что это неправильно — а вполне возможно, что так и есть, — кто-то должен ему сказать об этом.

— И ты согласилась на эту работу?

— Если никто больше не вызовется. Я ведь все знаю из первых рук.

— А ты не пытаешь таким образом сбегать от проблем?

— Пап, я даже не представляю, как сильно я надеялась, что у меня что-то получится с Бизоном. Но сейчас мне он не нужен, даже если он сам упадет к моим ногам.

Зазвонил телефон. Рэйфорд взял трубку, затем, прикрыв ее, произнес:

— У тебя есть хороший шанс это доказать: Бизон звонит из самолета.

Хлоя прищурилась, как если бы размышляла, стоит ли подходить к телефону.

— Дай мне трубку, — потребовала она.

* * *

Бизон был уверен, что Рэйфорд сказал дочери, кто звонит. Но ее приветствие прозвучало равнодушно, она даже не обратилась к нему по имени, так что он счел необходимым представиться:

— Хлоя, это Бизон! Как дела?

— Бывало и лучше.

— Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

— Все отлично. Ты чего-то хотел?

— Да, я хотел увидаться с тобой сегодня вечером.

— В смысле?

— Ну... в прямом. Можно?

— Мы же увидимся на собрании в воскресенье, разве нет? — отозвалась она.

— Да, но я хотел спросить, как у тебя со временем до собрания?

— Не знаю. А что ты хотел?

— Просто поговорить.

— Я тебя слушаю.

— Хлоя, что-то не так? Я что-то пропустил? Мне кажется, ты расстроена.

— Намекну: цветы в мусорном ведре, — сказала она.

«Цветы в мусорном ведре», — мысленно повторил он. Он никогда не слышал этой идиомы. Возможно, это что-то значило для представителей ее поколения. Бизон был хорошим журналистом, но такое выражение было ему неизвестно.

— Прости? — попробовал уточнить он.

— Поздновато для этого, — отрезала она.

— Я хотел сказать, прости, я не понял, что ты имела в виду.

— Ты слышал меня?

— Да, но ничего не понял.

— Что тебе неясно во фразе «цветы в мусорном ведре»?

Конечно, Бизон вел себя несколько отстраненно с ней в пятницу вечером, неужели это было ее ответом? Но она стояла того, чтобы разобраться.

— Так, давай начнем с цветов, — сказал он.

— Ну хорошо, — ответила она.

— О каких цветах ты говоришь?

* * *

Рэйфорд отчаянно жестикулировал, пытаясь успокоить Хлою. Он опасался, что она сейчас сорвется, но Хлоя держалась твердо, о чем бы они там ни говорили. Если ее предположения были верны, она не собиралась допускать, чтобы все вернулось на круги

своя. Может, Бизон не до конца отказался от своих прошлых привычек? Может, действительно были еще какие-то вопросы, которые необходимо было срочно разрешить? Но разве нельзя это было отнести ко всем четверым членам Отряда Скорби?

— Увидимся сегодня вечером, хорошо? — подытожила Хлоя, — Нет, не до собраний. Я не знаю, будет ли у меня время после него... Я думаю, это зависит от того, во сколько мы закончим... Да, он говорил с восьми до десяти, но, Бизон, неужели ты не понимаешь, что я не хочу с тобой сейчас общаться? И я не уверена, что захочу потом... Да, увидимся. — Она повесила трубку. — Ох, какой же он настойчивый! Эту его сторону я и представить себе не могла.

— Все еще хочешь, чтобы что-то получилось? — спросил Рэйфорд.

Она отрицательно покачала головой:

— Что бы там ни было, оно умерло.

— Но тебе все еще больно.

— Еще как. Я даже не представляла масштаба своих иллюзий.

— Мне жаль, милая.

Она упала на диван и закрыла лицо руками.

— Пап, я, конечно, понимаю, что мы с ним друг другу ничего не должны, но тебе не кажется, что мы с ним достаточно много разговаривали и достаточно тесно связаны, чтобы я поняла, что у него кто-то есть?

— Похоже на то.

— Неужели я совсем неправильно его поняла? Неужели он считает нормальным говорить мне, что я ему нравлюсь, забыв упомянуть, что он сам не свободен?

— Не могу себе этого представить.

Рэйфорд не знал, что еще сказать. Если в словах Хлои была доля истины, он тоже потеряет уважение к Бизону. А тот казался таким хорошим парнем. Рэйфорд все же надеялся, что они смогут ему помочь.

* * *

Бизон страдал. Он по-прежнему страстно хотел увидеть Хлою, но это уже не была та идеалистическая картинка, которую он себе представлял. Он что-то сделал или не сделал, и, судя по противоречивым сигналам, понадобится больше, чем простое извинение, чтобы докопаться до сути.

«Цветы в мусорном ведре, — подумал он. — Что же это, черт побери, значит?»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Войдя в квартиру, Бизон наткнулся на кучу коробок. Надо будет поблагодарить Алису. Ему не терпелось заняться обустройством домашнего офиса, но надо было спешить, чтобы успеть перехватить Хлою до собрания.

Он приехал в Общинную церковь Новой Надежды на полчаса раньше и увидел машину Рэйфорда, припаркованную рядом с машиной Брюса. «Отлично, — подумал он, — все в сборе». Он посмотрел на часы. Неужели он забыл перевести часы? Неужели опоздал? Бизон поспешил в кабинет к Брюсу и, постучав, сразу зашел. Брюс и Рэйфорд одарили его недовольными взглядами. Они были вдвоем.

— Извините, боюсь, я немного не вовремя.

— Да, Бизон, — сказал Брюс, — нам надо кое-что закончить, увидимся в восемь, хорошо?

— Хорошо. Я тогда поговорю с Хлоей, она здесь?

— Она придет чуть позже, — ответил Рэйфорд.

— Тогда я подожду ее снаружи.

* * *

— Ну, прежде всего, — сказал Брюс Рэйфорду, — я хочу тебя поздравить. Какое бы решение ты ни принял, это великая честь и огромное достижение. Немного я могу себе представить пилотов, которые отказались бы от такого.

Рэйфорд откинулся на спинку стула.

— Честно говоря, об этом я почти не думал. Наверное, я должен испытывать чувство благодарности.

Брюс кивнул.

— Думаю, да. Ты хотел совета или просто выговориться? Конечно, я помолюсь с тобой об этом.

— Я буду рад совету.

— Видишь ли, Рэйфорд, у меня странное чувство по этому поводу. Я ценю, что ты хочешь остаться здесь, в Чикаго, но подумай, что, если это Господь посылает тебе эту возможность? Я тоже хочу оставаться здесь, и в то же время меня тянет в дорогу, основывать новые группы верующих, посетить Израиль.

Я понимаю, что ты хочешь остаться здесь не только ради меня, но...

— Но ради тебя, Брюс.

— Спасибо, но кто знает, как долго я здесь пробуду?

— Ты нужен нам, Брюс. Очевидно, что Господь не просто так оставил тебя здесь.

— Полагаю, Хлоя сказала тебе, что я ищу тех, кто будет помогать мне доносить суть Писания до людей.

— Да. Ее эта идея очень вдохновляет. А я хочу учиться.

— Обычно новообращенные не становятся пастырями или наставниками, но сейчас у нас нет выбора. Я и сам фактически новообращенный. Я знаю, что ты станешь хорошим наставником, Рэйфорд. Проблема в том, что я не могу избавиться от мысли, что ты должен серьезно взвесить все за и против. Работать непосредственно на президента — совершенно уникальная возможность. Только подумай о том влиянии, которое ты сможешь оказать на президента Соединенных Штатов.

— Ох, я не думаю, что президент много общается с пилотом, если они вообще общаются.

— Он не собеседует нового пилота?

— Сомневаюсь.

— Подумай, а что, если ему захочется узнать, кому он доверяет свою жизнь каждый раз, когда самолет отрывается от земли?

— Я уверен, что он доверяет тем, кто выбирает пилота.

— Но наверняка будут ситуации, в которых вы будете взаимодействовать.

Рэйфорд пожал плечами:

— Может быть.

— Президент Фитцхью, каким бы сильным и независимым он ни был, должно быть, так же в душе напуган и ищет ответы, как и рядовые граждане. Подумай, что именно ты сможешь рассказать лидеру свободного мира о Христе.

— И потерять тем самым свою работу, — заметил Рэйфорд.

— Тебе, конечно, придется выбрать удачный момент. Но президент потерял несколько родных. Что он сказал, когда его спросили, что он думает об исчезновениях? Что-то о том, что уверен, что это не деяние Господа, потому что всегда верил в Него.

— Ты говоришь об этом так, будто я действительно приму это предложение о работе.

— Рэйфорд, я не могу решить за тебя, но я хочу, чтобы ты помнил: ты должен быть верен не этой церкви, не Отряду Скорби, не мне лично. Ты должен быть верен Христу. Если ты решишь не воспользоваться этой возможностью, убедись, что она не послана тебе Господом.

Рэйфорд подумал, что это очень похоже на Брюса, взглянуть на проблему совершенно по-новому.

— Как ты думаешь, я должен рассказать об этом Хлое и Бизону?

— Мы одна команда, — сказал Брюс.

— Кстати, — продолжил Рэйфорд. — Можно еще один неожиданный вопрос? Что ты думаешь по поводу романтических отношений в настоящий момент?

Казалось, Брюс смутился.

— Хороший вопрос, — пробормотал он. — Честно говоря, я знаю, почему ты спрашиваешь.

В этом Рэйфорд сомневался.

— Я понимаю, каким одиноким ты себя чувствуешь. Конечно, у тебя есть Хлоя, но наверняка ты ощущаешь ту же болезненную пустоту внутри, что и я после потери жены. Я думал о том, что мне придется одному прожить следующие семь или сколько там мне отпущено лет. Это одиночество мне не нравится, но я знаю, что у меня будет много дел. Говоря совсем откровенно, я надеюсь, что Господь пошлет мне кого-нибудь. Не так скоро, конечно. Я буду тосковать и скорбеть по своей жене еще долго, как если бы она умерла. Да, я знаю, что она на небесах, но для меня она умерла. Иногда сердце сжимается от одиночества так, что трудно дышать.

Это было таким же откровением, как и рассказ Брюса о том, что он пропустил Восхищение. И Рэйфорд был ошарашен тем, что узнать это довелось именно ему. Он спрашивал всего лишь ради Хлои. Она влюбилась в Бизона, и если у них ничего не получится, следует ли ей искать кого-то еще, или это неразумно с учетом того, что до второго пришествия осталось каких-то несколько лет?

— Меня интересует техническая сторона вопроса, — пояснил Рэйфорд. — Если двое влюбляются, как им поступить? Сказано ли в Библии что-нибудь на счет вступления в брак в этот период?

— Ничего конкретного, — ответил Брюс, — насколько я знаю. Но в любом случае это не запрещено.

— А дети? Не будет ли это неразумно со стороны пары приводить детей в этот мир сейчас?

— Я не думал об этом, — сказал Брюс. — Ты собрался завести еще детей, в твоём-то возрасте?

— Брюс, я не собираюсь жениться. Я думаю о Хлое. Не хочу сказать, что у нее есть конкретные планы, но вдруг...

Брюс откинулся назад так, что стул скрипнул.

— Только представь, что значит заводить детей сейчас, — произнес он. — Не надо беспокоиться о начальной школе, не говоря уже о средней или колледже. Главное — подготовить его или ее ко второму пришествию Христа.

— Но это также значит обречь ребенка на жизнь, полную опасностей и страха, с огромной вероятностью погибнуть от одного из предстоящих судов.

Брюс облокотился на стол и подпер ладонями подбородок.

— Тоже верно, — сказал он. — Я бы посоветовал, прежде чем решаться на это, всерьез все обдумать, молиться и принимать необходимые меры предосторожности.

* * *

Бизон никогда особенно не умел ждать. Он осмотрел книжные полки в рекреации перед кабинетом Брюса. Вероятно, прежний пастор хранил там те справочники, которые использовал реже остальных. Там было полно книг по эзотерическим вопросам Ветхого Завета. Бизон пролистал пару, они показались ему ужасно скучными.

Затем он наткнулся на церковный ежегодник с фотографиями прихожан двухлетней давности. Там под литерой «Б» был портрет Брюса Барнса, только помоложе и с длинными волосами. Лицо его, казалось, круглее, с как будто наклеенной улыбкой, а вокруг него стояли жена и дети. Какое сокровище Брюс потерял! Его жена была симпатичной пышечкой с усталой, но искренней улыбкой.

На следующей странице была фотография доктора Вернона Биллингса, исчезнувшего старшего проповедника. На вид ему было хорошо за шестьдесят, его сфотографировали вместе со всей семьей — миниатюрной женой, тремя детьми и их супругами. Брюс упоминал, что их призывали на небо всей семьей. Пастор Биллингс своими морщинками и неровной улыбкой немного напоминал Генри Фонда. Судя по портрету, он бы понравился Бизону.

Бизон перелистнул на конец ежегодника и нашел Стилов. Там было фото Рэйфорда в

летней униформе. Он выглядел практически так же, как сейчас, разве что с тех пор в его волосах добавилось седины, а в лице стало меньше резкости. А рядом с ним была Ирэн. Бизон впервые увидел ее фотографию. Ирэн была яркой и жизнерадостной, и если бы верить псевдонауке фотопсихологии, то жена казалась более преданной своему мужу, нежели он ей. Она сидела, наклонившись к нему, а он прямо и напряженно.

На фотографии был и Рэйфорд-младший, обозначенный на подписи как «Рэйми, 10». Его имя и имя его матери были помечены звездочками. Возле имени Рэйфорда не было звездочки. Возле имени Хлои — тоже, было только написано: «Восемнадцать лет, первокурсница Стэнфордского университета, Пало-Альто, Калифорния (на фото отсутствует)».

Бизон обратился к примечаниям, и узнал, что звездочками были помечены члены церкви. А остальные, как он предположил, были просто прихожанами.

Бизон взглянул на часы. Было без десяти восемь. Он выглянул в окно и посмотрел на парковку. Машина Хлои уже была там, рядом с его собственной, а также машинами Рэйфорда и Брюса. Он приблизился к стеклу, прижав лицо руками, чтобы не бликовало, и увидел Хлою на водительском месте. Десяти минут для разговора было явно недостаточно, но он мог хотя бы поздороваться с ней и проводить внутрь.

Как только Бизон вышел из дверей, Хлоя возникла из машины и поспешила к церкви.

— Привет, — сказал он.

— Привет, Бизон, — отозвалась она без малейшего энтузиазма.

— Цветы все еще в мусорном ведре? — поинтересовался он, надеясь хоть как-то понять, что с ней происходит.

— Именно, — ответила она, проходя мимо него и самостоятельно открывая дверь. Он проследовал за ней по лестницу, через фойе к кабинетам.

— Не уверен, что они уже закончили, — заметил он, когда она подошла к двери кабинета Брюса и постучала.

Вероятно, Брюс сказал ей то же самое, потому что она, извинившись, закрыла дверь. Было очевидно, что Хлоя предпочла бы быть где угодно, только не там, и рядом с кем угодно, кроме него. Она явно плакала: все лицо было в красных пятнах. Он страстно желал помириться с ней. Что-то подсказывало ему: ее поведение не было просто капризом или особенностью ее характера, с которой ему придется смириться. Что-то случилось, и Бизон непосредственно был с этим связан. И самым правильным будет во всем этом разобраться. Но с этим придется подождать.

Хлоя сидела, скрестив руки и ноги, покачивая левой ногой.

— Смотри, что я нашел, — сказал Бизон, сунув старый церковный справочник прямо ей под нос.

Она даже внимания на него не обратила, пробурчав что-то неразборчивое.

Бизон открыл книгу на странице с лите-рой «Б» и показал ей семьи Брюса и пастора Биллингса. Внезапно она смягчилась, взяла справочник и начала его рассматривать.

— О, жена Брюса, — нежно сказала она. — Только посмотри, какие милые дети!

— Твоя семья там тоже есть, — вставил Бизон.

Хлоя не сразу перелистнула на литеру «С», изучая внимательно страницу за страницей, как будто искала других знакомых.

— С ним я ходила в старшую школу, — по ходу комментировала она. — С ней мы учились вместе в четвертом классе. Миссис Шульц преподавала у меня физкультуру на первом курсе.

Когда она, наконец, добралась до фотографий своей семьи, эмоции взяли верх. Ее лицо исказилось, и она расплакалась, глядя в книгу.

— Рэйми тогда было всего десять, — с трудом проговорила она.

Бизон инстинктивно положил ей руку на плечо, и она немедленно сжалась.

— Пожалуйста, не надо.

— Извини, — сказал он, и тут дверь кабинета открылась.

— Мы закончили, — объявил Рэйфорд. Он заметил, что Бизон выглядел как-то неуверенно, а Хлоя просто ужасно. Он надеялся, что она не накричала на него.

— Папа, посмотри, — сказала она, вставая и протягивая ему справочник.

Рэйфорд почувствовал, как комок подкатывает к горлу, и сделал глубокий вдох, прежде чем взглянуть на фото. И горько вздохнул. Это было почти невыносимо.

Он закрыл справочник и отдал его Бизону, но в тот же момент услышал, как скрипнул стул Брюса.

— Что вы там все рассматриваете?

— Всего лишь это, — ответил Бизон, показывая ему обложку и пытаясь запихнуть книгу на место. Но Брюс все равно ее достал. — Она где-то двухлетней давности, — добавил Бизон.

— С месяц после того, как мы начали сюда приходить, — сказал Рэйфорд.

Брюс открыл книгу прямо на фотографии своей семьи, некоторое время стоя смотрел на нее, потом спросил:

— Ты ведь здесь тоже есть, Рэйфорд?

— Да, — коротко сказал Рэйфорд, и Бизон заметил, как он пытается увести Хлою в кабинет.

Брюс открыл страницу с фотографией Стилов и, улыбаясь, кивнул. Он взял справочник с собой в кабинет, засунул его под Библию и блокнот со своими записями и открыл собрание молитвой.

Брюс начал несколько нервно, но потом увлекся рассказом и успокоился. Он переоскакивал с Откровения на книги Иезекииля и Даниила, сравнивая пророчества с тем,

что происходило в Нью-Йорке и во всем остальном мире.

— Кто-нибудь из вас сегодня слышал новости о двух свидетелях в Иерусалиме?

Бизон покачал головой, Рэйфорд тоже. Хлоя не ответила. Она не делала никаких записей и не задавала вопросов.

— Сообщалось, что банда из полдюжины головорезов попыталась напасть на тех двоих, но все нападавшие сгорели заживо.

— Сгорели? — переспросил Бизон.

— Никто не знает, откуда взялся огонь, — продолжил Брюс. — Но мы же знаем, не так ли?

— Знаем ли?

— Посмотри в одиннадцатой главе Откровения. Ангел говорит апостолу Иоанну: «И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище. Это суть две маслины и два светильника, стоящие пред Богом земли. И если кто захочет их обидеть, то огонь выйдет из уст их и пожрет врагов их; если кто захочет их обидеть, тому надлежит быть убиту».

— Они дышали на них пламенем, как драконы?

— Так написано в книге, — сказал Брюс.

— Хотел бы я посмотреть подобное по Си-эн-эн, — хмыкнул Бизон.

— Следи за новостями, — ответил Брюс. — Мы еще не такое увидим.

* * *

Рэйфорд размышлял, привыкнет ли он когда-нибудь ко всем этим божественным откровениям. Он с трудом понимал, насколько сильно изменился и как много осознал за последний месяц. Внезапное вмешательство Господа в дела всего человечества и его собственные повлияло на его мышление. Из человека, который искал документальное подтверждение всему, он превратился в того, кто с ходу верит самым невероятным новостям, если они подтверждены Писанием. Обратное тоже было верно: он верил всему, что было написано в Библии, что рано или поздно это появится в новостях.

Брюс обернулся к Бизону:

— Как прошел день?

Рэйфорду показалось, что он имел в виду что-то, понятное только им двоим.

— Рассказывать дольше, чем я могу себе позволить здесь, — ответил Бизон.

— Это уж точно, — прокомментировала Хлоя. Это первое, что она произнесла за вечер.

Бизон взглянул на нее и сказал:

— Брюс, я все расскажу тебе завтра, а вечером мы все вместе это обсудим здесь.

— Нет, давайте поговорим об этом сейчас, — возмутилась Хлоя, — Мы же здесь все друзья.

Рэйфорд хотел бы заставить собственную дочь замолчать, но она была уже слишком

взрослой для этого. Если она хотела поднять какой-то вопрос, безотносительно того, как она об этом узнала, это было ее право.

— Ты даже не знаешь, где я был сегодня, — сказал ей Бизон, очевидно озадаченный.

— Но я знаю, с кем ты был.

Рэйфорд заметил, что Бизон косо посмотрел на Брюса, но значения этого взгляда не понял. Очевидно, они двое знали что-то, о чем остальные не догадывались. Неужели Брюс сказал Хлое, что Бизон встречался с Карпати?

— Ты ей?..

Брюс отрицательно завертел головой.

— Мне кажется, Хлоя, ты ошибаешься, — произнес Бизон. — Позвольте мне обсудить все завтра с утра с Брюсом, и я вынесу все на ваш суд завтра вечером.

— Ну конечно, — сказала Хлоя. — Но у меня есть вопрос и тема для молитвы на сегодня.

Брюс посмотрел на часы.

— Ну, давай.

— Мне интересно, что вы думаете о романтических отношениях в настоящий момент.

— Ты не первая, кто меня сегодня об этом спрашивает, — заметил Брюс. — Наверное, потому что мы очень одиноки.

Хлоя фыркнула и мрачно посмотрела на Бизона.

«Наверное, она предположила, что этот вопрос Брюсу задал Бизон», — подумал Рэйфорд.

— Пусть это будет темой одного из наших заседаний, — предложил Брюс.

— Как насчет следующего? — настаивала Хлоя.

— Хорошо. Мы обсудим это завтра.

— А не могли бы вы также рассказать о нормах морали для вновь обращенных? — продолжила Хлоя.

— Что ты имеешь в виду?

— Расскажите о том, как мы должны жить теперь, когда мы называем себя последователями Христа. Ну, знаете, мораль, секс, все такое.

Бизона передернуло. Хлоя была не похожа на себя.

— Хорошо, — согласился Брюс. — Мы можем это обсудить. Но я не думаю, что для вас будет серьезным откровением узнать, что правила, которые были применимы до Восхищения, актуальны и теперь. Я имею в виду, что это будет короткий урок. Нас призывают к чистоте, я уверен, что вас это не удивляет...

— Возможно, это не так очевидно для всех нас, — парировала Хлоя.

— Мы поговорим об этом завтра вечером, — отрезал Брюс. — Что-нибудь еще срочное?

И до того как кто-то успел что-либо сказать или предложить тему для завершающей молитвы, Хлоя произнесла:

— Нет. Значит, до завтра.

И ушла.

Трое мужчин помолились, собрание закончилось неловко, потому что никто не хотел говорить, как сказал бы Николае Карпати, о слоне в комнате.

Бизон приехал домой совершенно расстроенным. Он не привык к тому, что не мог чего-то исправить, и больше всего его злило то, что он понятия не имел, что не так. Он сменил официальный костюм на походные ботинки, камуфляжные штаны, джинсовую рубашку и кожаную куртку. И позвонил Стилам. Трубку взял Рэйфорд, но пару минут спустя он сказал, что Хлоя подойти не может. Это было всего лишь предположением, но Бизону показалось, что Рэйфорд так же опечален ее поведением, как и он сам.

— Рэйфорд, она сейчас рядом с тобой?

— Верно.

— Ты знаешь, в чем у нее проблема?

— Отчасти.

— Я хочу с этим разобраться.

— Я с тобой согласен.

— Я хочу разобраться с этим сегодня.

— Именно. Совершенно верно. Попробуй позвонить ей завтра.

— Рэйфорд, ты намекаешь, что приехать к вам прямо сейчас будет самым правильным?

— Да, совершенно верно, не могу обещать, что она будет на месте, но позвонить можно.

— Значит, если я приеду прямо сейчас, тебя это не обидит.

- Нет. Я жду, что ты позвонишь завтра.
- Выезжаю.
- Хорошо, Бизон. Тогда и поговорим.

* * *

Рэйфорду не нравилось обманывать Хлою. Это было почти как лгать ей. Но ему понравилась эта закодированная беседа с Бизоном. Он вспомнил, как много лет назад, когда он только встречался с Ирэн, они поссорились. Он ее чем-то очень расстроил, и она сказала, чтобы он не звонил ей, пока она сама не выйдет на связь, и умчалась в бешенстве.

Он не знал, что делать, но мать дала ему отличный совет: «Иди к ней прямо сейчас, найди ее и отправь мяч на ее половину. Она сколько угодно может устраивать сцены и бросать тебя, но только если она прогонит тебя, когда ты пришел мириться, это будет всерьез. Она, возможно, не до конца понимает, что делает, но глубоко в душе, насколько я знаю женщин, она бы предпочла, чтобы ты преследовал ее, чем позволил убежать».

Поэтому он в своем роде поддержал намерение Бизона так же поступить с Хлоей. Рэйфорд знал, что они еще не были парой, но считал, что оба этого хотели. Он понятия не имел, какую роль играла та, другая женщина в жизни Бизона, но был уверен, что если Бизон поднимет эту тему, Хлоя спросит его

и все выяснит. Если Бизон с кем-то жил, это была проблема не только Хлои, но и Рэйфорда с Брюсом. Но аргументы Хлои казались не слишком убедительными.

— Итак, он собирается позвонить мне завтра? — спросила Хлоя.

— Я ему так сказал.

— Как он отреагировал?

— Он просто уточнил.

— Но ведь ты все четко объяснил.

— Я старался.

— Я ложусь спать, — сказала она.

— Давай еще немного поболтаем.

— Я устала, папа. И я наговорила за сегодня.

Она направилась к лестнице. Рэйфорд остановил ее:

— Ты поговоришь с ним завтра, когда он позвонит?

— Не думаю. Хочу увидеть, как он отреагирует на проповедь Брюса завтра вечером.

— И как, по-твоему, он отреагирует?

— Папа! Ну откуда я знаю? Я знаю только то, что видела сегодня утром. А теперь я пойду уже спать.

— Просто хотел узнать твое мнение по этому поводу, дорогая. Поговори со мной.

— Давай поговорим завтра.

— Ты бы осталась поговорить со мной, если бы я говорил не о тебе с Бизоном, а о своей работе?

— Пожалуйста, не ставь нас с Бизоном рядом даже в одном предложении, папа. И мой ответ «нет», если тебя не уволили,

ты не меняешь работу или что-то похожее. Я действительно предпочла бы поговорить в другой раз.

Рэйфорд знал, что если он расскажет ей о том, что с ним произошло сегодня, начиная с записки Хэтти и заканчивая ложной жалобой на домогательство и встречей с Эрлом, это, несомненно, привлекло бы ее внимание. Но ему об этом хотелось поговорить явно больше, чем ей.

— Ты не могла бы мне помочь убрать на кухне?

— Папа, на кухне все чисто. А все, что нужно сделать, я сделаю завтра, хорошо?

— Таймер на кофемашине на утро поставлен?

— Как всегда с начала времен, папа. Да что с тобой?

— Чувствую себя немного одиноко. Не готов еще ложиться спать.

— Если ты хочешь, чтобы я осталась с тобой, я останусь, пап. Но почему бы тебе просто не посмотреть телевизор и не расслабиться?

Больше Рэйфорд ее задерживать не мог.

— Хорошо, я так и сделаю, — сказал он. — Я буду здесь в гостиной со включенным телевизором.

Она посмотрела на него с недоумением и, скопировав его интонации, произнесла:

— Я буду там в моей комнате наверху с выключенным светом.

Он кивнул.

Она покачала головой.

— Теперь, когда мы оба отчитались и знаем, где кто будет и что будет делать, могу я идти?

— Да, конечно.

Рэйфорд подождал, пока Хлоя поднимется наверх, чтобы включить фонарь перед входом. Бизон знал адрес и место, потому что был здесь уже один раз.

Новости заканчивались, начиналось время ток-шоу, но Рэйфорда это мало интересовало. Он смотрел это только для виду. Иногда он поглядывал за занавеску, не появилась ли машина Бизона.

— Пап? — позвала Хлоя сверху. — Ты не мог бы сделать потише? Или пойти посмотреть в свою комнату?

— Я сделаю потише, — сказал он, когда увидел свет фар подъезжающей машины. Перед тем как уменьшить звук, Рэйфорд помчался к двери и, успев перехватить Бизона до того, как тот позвонит в дверь, прошептал: — Я иду наверх спать. Дай мне пару минут, а потом звони. Я буду в душе, и ей придется тебе открыть.

Рэйфорд закрыл дверь и запер ее на засов. Затем выключил телевизор и поднялся наверх. Проходя мимо двери Хлои, он услышал:

— Папа, ты мог не выключать, а просто сделать потише.

— Все нормально, — ответил он. — Я собираюсь принять душ и лечь спать.

— Спокойной ночи, папа.

— Спокойной ночи, Хло.

Рэйфорд ждал в душе, не включая воду и открыв дверь ванной. Как только раздался звонок в дверь, он немедленно включил воду. Он услышал, как Хлоя кричит:

— Папа! Кто-то звонит в дверь!

— Я в душе!

— Ох, папа!

* * *

«Отличная идея!» — думал Бизон, впечатленный тем, что Рэйфорд Стил настолько доверял ему, что разрешил ему поговорить со своей дочерью, хотя та явно на него обиделась. Он подождал немного и позвонил в дверь. Из глубины дома послышалось:

— Минуточку! Уже иду!

В крошечном окошке в центре двери появилось лицо Хлои. Ее глаза округлились от удивления.

— Бизон! — воскликнула она. — Позвони мне завтра, ладно? Я уже легла спать!

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал Бизон.

— Не сегодня.

— Именно сегодня, — сказал он. — И я не уйду, пока мы не поговорим.

— Не уйдешь? — спросила она.

— Да, не уйду.

Хлоя сказала, что он блефует. Она включила свет у входной двери, и он услышал, как она поднимается вверх по лестнице.

Он просто не мог в это поверить. Это будет сложнее, чем он предполагал. Но он сказал, что не уйдет, поэтому пути назад не было. Как бы там ни было, Бизон был человеком слова. В значительной степени, конечно, из-за упрямства. Но именно благодаря этому он стал тем, кем стал.

Его по-прежнему одолевала потребность пообщаться с Хлоей, которая охватила его еще днем в Нью-Йорке. Он решил, что дождется, когда она выйдет. Если понадобится, он будет здесь на ступеньках утром, когда она встанет.

Бизон переместился на дальнюю ступеньку от входа и сел спиной к двери, опершись на одну из колонн. Он знал, что если она подойдет проверить, то неизбежно увидит его. Если она надеется услышать звук уезжающей машины, то определенно ничего не услышит.

— Папа! — позвала Хлоя из-за двери спальни Рэйфорда. — Ты закончил?

— Нет еще! А что?

— Там внизу Бизон Уильямс, и он отказывается уходить!

— И что ты от меня хочешь?

— Избавься от него!

— Избавляйся от него сама! Это твоя проблема!

— Ты же мой отец! Это твой долг!

— Он ударил тебя? Или угрожал тебе?

— Нет. Но, папа!

— Лично у меня нет причин заставлять его уезжать, Хлоя! Если ты хочешь — разбейся с этим сама.

— Я ложусь спать! — сказала она.

— Я тоже.

Рэйфорд выключил воду и услышал, как Хлоя яростно хлопнула дверью сначала его спальни, а затем своей. Неужели она действительно пойдет спать, оставив Бизона на пороге? Останется ли Бизон? Рэйфорд на цыпочках подошел к двери и приоткрыл ее, чтобы можно было следить за Хлоей. Ее дверь по-прежнему была закрыта. Рэйфорд залез в постель и лег неподвижно, прислушиваясь. Хотя больше всего ему хотелось расхохотаться. Он, один из кандидатов в пилоты президента США, подслушивает за собственной дочерью. Давно ему не было так весело.

* * *

Бизон сообразил, насколько прохладной была ночь, только просидев несколько минут, опершись на холодную колонну. Его куртка скрипела при каждом движении, и он поднял меховой воротник, чтобы согреть шею. Запах кожи напомнил ему о тех местах, куда он надевал эту куртку. Не раз он думал, что в ней он и умрет.

Бизон вытянул ноги перед собой, скрестил лодыжки и вдруг осознал, насколько

устал. Если ему придется здесь спать, он с готовностью сделает это.

Затем в тишине он услышал негромкий скрип ступенек внутри дома. Хлоя решила спуститься вниз, чтобы посмотреть, на месте ли он. Если бы это был Рэйфорд, шаги были бы громче и увереннее. Рэйфорд, вероятно, предложил бы ему оставить это и поехать домой, чтобы решить все потом. Бизон услышал, как скрипит пол рядом с дверью. Драматического эффекта ради он оперся головой о колонну и устроился так, как если бы собирался вздремнуть.

Шаги вверх по лестнице были менее осторожными. И что теперь?

Рэйфорд слышал, как Хлоя открыла дверь своей спальни и в темноте спустилась вниз. Теперь она вернулась. Не закрывая дверь, она включила свет. Рэйфорд наклонился, чтобы увидеть, как она выйдет, что и случилось секунду спустя, хотя затем свет она выключила. Она подколола волосы и надела махровый халат до полу. Включив свет наверху лестницы, она с осознанным пафосом спустилась. Если бы Рэйфорду предложили сделать ставки, он бы предположил, что она не собирается прогонять Бизона.

Бизон увидел на газоне собственную тень и понял, что в доме включили свет, но он не хотел показаться слишком самонадеянным

или нетерпеливым. Он оставался на месте, как если бы спал. Дверь отперли и открыли, но больше никаких звуков не было. Он взглянул украдкой. Вероятно, это было ее приглашением войти. «Это уже прогресс, — подумал Бизон. — Но недостаточно». И остался сидеть спиной к двери.

Полминуты спустя он услышал, как Хлоя опять подошла к двери. Она распахнула наружную створку двери и произнесла:

— Тебе что, нужно официальное приглашение?

— Что? — Бизон как бы удивленно обернулся. — Что уже утро?

— Очень смешно. Заходи. У тебя есть десять минут.

Он встал, чтоб зайти, а Хлоя, захлопнув дверь перед ним, прошла в комнату и села на дальний конец дивана в гостиной. Бизон открыл дверь.

— Отлично, — сказал он. — Можно я куртку тогда снимать не буду.

— Прийти сюда было твоей идеей, не моей, — заметила она. — Прости, что не обращаюсь с тобой как с приглашенным гостем.

Хлоя сидела на диване, подоткнув под себя ноги, скрестив руки и всячески давая ему понять, что слушать не расположена. Бизон повесил свою куртку на кресло и поставил скамейку для ног перед Хлоей. Затем сел на нее, глядя Хлое в глаза, как будто бы думал, с чего начать.

— Я не одета для приема гостей, — произнесла она.

— Ты прекрасно выглядишь безотносительно того, что на тебе надето.

— Ох, избавь меня... — сказала она. — Чего ты хочешь?

— Вообще-то я хотел подарить тебе цветы, — ответил он. — Коль скоро свои ты выбросила.

— Ты думаешь, я пошутила? — сказала она, указывая куда-то за его спиной. Он обернулся. И точно, в мусорное ведро был засунут огромный букет цветов.

— Я не думал, что ты шутила, — оправдывался Бизон. — Я просто думал, это образное выражение, просто я его никогда не слышал.

— О чем ты говоришь?

— Когда ты сказала мне, что цветы в мусорном ведре, я подумал, что это какая-то неизвестная мне идиома. Что-то вроде «шила в мешке не утаишь» или «что упало, то пропало».

— Я сказала, что цветы в мусорном ведре, и именно это я и имела в виду. Я всегда имею в виду то, что говорю, Бизон.

Бизон был в замешательстве. Такое ощущение, что они говорили на разных языках и не факт, что об одном и том же.

— Так, ты не могла бы мне сказать, почему ты их выбросила? Возможно, так мне станет понятней.

— Потому что они мне не нужны.

— Бог мой, как же я не догадался. Это все объясняет. А не нужны они тебе потому что... — Он сделал паузу и кивнул, призывая ее продолжить фразу.

— Они оскорбительны из-за того, откуда они.

— А откуда они?

— Хорошо, из-за того, от кого они.

— Так от кого же они?

— Да ладно тебе дурачиться! У меня нет на это ни времени, ни настроения.

Хлоя попробовала встать, но тут Бизон разозлился.

— А ну-ка сядь! — Возмущенно глядя на него, она вернулась в прежнюю позу. — Ты должна мне все объяснить!

— Нет, это ты мне должен все объяснить!

Бизон вздохнул:

— Я объясню все, что ты хочешь, Хлоя, но больше никаких игр. Очевидно, что нас тянет друг к другу. Я знаю, что в пятницу вечером дал тебе понять, что ты мне неинтересна, но сегодня я понял...

— Сегодня утром, — перебила его она, с трудом сдерживая слезы, — я выяснила, почему я внезапно стала тебе неинтересна. Ты, наверное, почувствовал себя виноватым за то, что всего мне не рассказал, и подумал, что цветы смогут все исправить....

— Хлоя, давай поговорим о серьезных вещах! Я не имею никакого отношения к этим цветам!

И тут Хлоя умолкла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Какое-то время она сидела молча, с недоверием глядя на Бизона.

— Серьезно? — наконец произнесла она.

Он отрицательно покачал головой.

— Вероятно, у тебя есть еще какой-то поклонник.

— Ах так, — протянула она. — Еще один? Значит, у меня их целых два?

Бизон в отчаянии протянул к ней руки.

— Хлоя, — воскликнул он, — у нас, очевидно, какие-то трудности с взаимопониманием последнее время.

— Очевидно.

— Можешь считать меня самонадеянным, но мне казалось, что с самого момента нашей встречи мы запали друг на друга.

Бизон сделал паузу в ожидании ее реакции.

Она кивнула.

— Ничего серьезного, — сказала она, — Но, да, я считала, что мы нравимся друг другу.

— Помнишь, я оказался с тобой в самолете, когда ты молилась вместе с отцом, — напомнил он.

Она слегка кивнула.

— Это был очень особенный момент, — продолжил он.

— Да, — согласилась она.

— У меня сегодня был очень тяжелый день, и я не мог дожидаться момента, когда вернусь сюда и расскажу тебе обо всем.

У Хлои дрожали губы.

— Это самая невероятная история, которую я когда-либо слышала, Бизон. Нет, я ни на секунду в тебе не сомневаюсь, я знаю, что у тебя сейчас сложный период. Но я считала, что мы как-то связаны.

— Я не знаю, как это правильно называть, — смутился Бизон. — Но, как я написал тогда в записке, я постоянно думаю о тебе.

— По всей видимости, не только обо мне.

Бизон осекся.

— Не только о тебе? — переспросил он.

— Ничего, продолжай свою тронную речь.

— Тронную речь?

«Неужели она считает, что я заранее продумал, что буду ей говорить? И почему она уверена, что у меня кто-то есть? У меня же сто лет никого нет!» Бизон был обескуражен и по-

думал было о том, чтобы сдать. Но все же решил, что не может так просто от нее отказаться. Да, Хлоя заблуждалась, делала странные и, очевидно, скоропалительные выводы, но она стоила того, чтобы за нее бороться.

— Между вечером пятницы и воскресеньем я много думал о нас.

— Вот мы и подошли к самому главному, — произнесла она и расплакалась.

Что такое творилось у нее в голове? Неужели она могла предположить, что он готов был ночевать у нее на пороге только для того, чтобы после того, как она его впустила, бросить ее ради другой?

— Я понял, что в пятницу вечером вел себя с тобой неоднозначно, — произнес Бизон. — Или скорее наоборот. Я пытался дистанцироваться.

— Не настолько мы были и близки.

— Не были, но к этому все шло, — настаивал он. — Неужели ты не думала о нашем будущем?

— Конечно, думала. До вечера пятницы.

— Мне слегка неловко признавать это... — начал он неуверенно.

— Да уж, наверное, — ехидно заметила Хлоя.

— Но я понял, что слишком поторопился, учитывая то, как недавно мы встретились, твой возраст и...

— Ах вот оно что! Проблема не в твоём возрасте, а в моём!

— Хлоя, прости. Дело не в твоём возрасте и не в моём, в их разнице. Я переживал из-

за этого, пока не осознал, что нам осталось всего каких-то неполных семь лет и это такая мелочь. Но я совсем запутался. Я много думал о нашем будущем, понимаешь, о том, что может получиться из наших с тобой отношений, хотя у нас пока и отношений-то никаких нет.

— И не будет, Бизон. Я не готова тебя с кем-то делить. Наши отношения возможны, только если мы будем единственными друг для друга, и — впрочем, не важно. Я подняла тему, о которой вряд ли кто-либо из нас задумывался раньше.

— Похоже, все обстоит как раз иначе, — сказал Бизон, — Я только что признался, что думал об этом, да и, судя по твоим словам, ты тоже пыталась что-то планировать.

— После событий сегодняшнего утра больше не буду.

— Хлоя, у меня есть к тебе одна просьба, но не хочу, чтобы ты поняла меня неправильно. Возможно, она прозвучит немного снисходительно, даже по-родительски, но поверь, у меня и в мыслях этого нет. — От его слов девушка напряглась, как если бы ожидала выговора. — Хлоя, ты не могла бы минуту помолчать?

— Что? — возмутилась она. — Мне нельзя говорить?

— Я выразился иначе.

— Нет, именно это ты и сказал.

Бизон чуть не накричал на нее. Он обратился к ней очень сурово, но в текущей ситуации это было необходимо.

— Хлоя, ты меня не слушаешь. Ты обрываешь меня на середине фразы. Ты делаешь намеки, которых я не понимаю. Как я могу оправдаться, когда вместо обвинений какие-то загадки и полунамеки. Ты постоянно упоминаешь, что не желаешь меня делить. Если ты хочешь о чем-то спросить или обвинить меня в чем-то, сделай это, чтобы я мог закончить свою мысль.

* * *

Рэйфорд лежал неподвижно, стараясь сдерживать собственное дыхание, чтобы лучше слышать, но все равно улавливал лишь отрывки разговора, пока Бизон не повысил голос. Рэйфорд услышал его слова и мысленно порадовался. Хлоя тоже больше не сдерживалась.

— Я хочу знать, есть ли у тебя кто-нибудь еще, до того как... ах, Бизон, ну о чем мы говорим? Ведь есть гораздо более важные вещи, о которых стоит сейчас думать!

Рэйфорд не слышал ответа Бизона, потому что тот говорил шепотом, и еще ему надоело подслушивать. Он подошел к двери и крикнул:

— Не могли бы вы оба либо говорить нормально, либо по-тихому шептаться? Если я не буду вас слышать, я, наконец, смогу уснуть!

— Папа, иди спать! — отозвалась Хлоя.

* * *

Бизон улыбнулся. Хлоя тоже подавила ухмылку.

— Хлоя, я все выходные только и делал, что размышлял об этих более важных вещах, о которых мы должны думать. Я даже убедил себя, что мы с тобой сможем быть просто друзьями... до того момента сегодня днем, когда, сидя в том кабинете, я внезапно утратил способность думать о чем-либо, кроме тебя.

— Я внезапно завладела всеми твоими мыслями? Ты, наверное, видел меня в редакции «Глобал уикли»?

— В редакции? О чем ты?

Было видно, что Хлоя колеблется.

— Ну а какой тогда кабинет ты имел в виду?

Бизон скривился. Он не планировал рассказывать о своей встрече с Карпати.

— Не могли бы мы вернуться к этому позже, когда разберемся с другими вопросами? Я говорил, что меня внезапно охватила потребность увидеть тебя, поговорить с тобой, вернуться к тебе.

— Вернуться откуда? Или мне следует спросить, от кого?

— Я бы не хотел об этом говорить, пока не буду уверен, что ты готова это услышать.

— Я готова, Бизон, потому что я уже знаю.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я была там!

— Хлоя, если ты была в чикагском офисе, то должна знать, что меня сегодня там не было, кроме разве что раннего утра.

— Так ты все-таки был там.

— Я завез ключи Алисе.

— Алиса. Так вот как ее зовут.

Бизон недоуменно кивнул.

— Как ее фамилия, Бизон?

— Фамилия? Понятия не имею. Я ее всегда называл по имени. Она новенькая. Заменила исчезнувшую секретаршу Люсинды.

— Ты действительно хочешь, чтобы я поверила, будто ты не знаешь ее фамилию?

— А зачем мне об этом врать? Ты с ней знакома?

Хлоя сверлила его взглядом. Бизон осознал, что они наконец-то добрались до сути. Только он не знал чего.

— Не могу сказать, что прямо-таки ее знаю, — замялась Хлоя, — Я только разговаривала с ней, вот и все.

— Ты разговаривала с Алисой, — повторил он, пытаясь это осознать.

— Она сказала мне, что вы помолвлены.

— Не могла она такого сказать! — выкрикнул Бизон и сразу умолк, взглянув наверх. — О чем ты говоришь?

— Мы ведь говорим об одной и той же Алисе, не так ли? — продолжила Хлоя. — Худенькая, короткие темные волосы, короткая юбка, работает в «Глобал уикли».

— Да, это она, — кивнул Бизон. — Но тебе не кажется, что, если бы мы были помолвлены,

я бы наверняка знал ее фамилию? Ну и да, наша с ней помолвка сильно удивила бы ее жениха.

— Так она помолвлена, но не с тобой? — с сомнением произнесла Хлоя.

— Она что-то упоминала, что сегодня должен приехать ее жених, — припомнил Бизон. Хлоя сидела как громом пораженная. — Можно я спрошу, как ты оказалась в «Глобал уикли» и пообщалась с Алисой? Ты искала меня?

— На самом деле да, — призналась Хлоя. — Я видела ее раньше и была удивлена, обнаружив ее в редакции.

— Я же говорил, Хлоя, меня там не было.

— А где бы был?

— Сначала ответь на мой вопрос. Где ты видела Алису?

Хлоя ответила так тихо, что Бизону пришлось наклониться вперед, чтобы услышать:

— В твоей квартире.

Бизон наконец расслабился, все стало на свои места. Он бы рассмеялся, если бы не боялся обидеть Хлою. Поэтому он приложил все усилия, чтобы оставаться серьезным.

— Это моя вина, — сказал он. — Я пригласил тебя, мои планы поменялись, а я тебя не предупредил.

— У нее были ключи от твоей квартиры, — прошептала она.

Бизон понимающе кивнул.

— Я дал их ей, чтобы она могла завезти мое оборудование, которое должны доста-

вили в офис. Потому мне самому днем надо было быть в Нью-Йорке.

На смену отчаянию пришло сочувствие. Хлоя избегала смотреть Бизону в глаза, и она с трудом сдерживала слезы.

— Значит, ты действительно не посылал мне цветы? — шепотом спросила она.

— Если бы я знал, что надо, я бы сделал это.

Хлоя отняла руки от груди и закрыла ими лицо.

— Бизон, мне так неудобно, — всхлипнула она и расплакалась. — Нет мне прощения. Я переживала по поводу вечера пятницы, а потом просто сделала из мухи слона.

— Не знал, что настолько тебе небезразличен, — сказал Бизон.

— Конечно, небезразличен. Я не жду, что ты сможешь понять или простить меня, после того как я вела себя так, так... ох, я пойму, если ты больше не захочешь меня видеть. — Она по-прежнему не смотрела на него. — Тебе лучше уйти, — добавила она. — Я, еще когда ты пришел, выглядела не очень, а сейчас и подавно.

— Тогда можно я переночую у вас на крыльце? Просто я хочу быть здесь, когда ты будешь выглядеть очень.

Она взглянула на него, не отрывая рук от лица, и улыбнулась сквозь слезы:

— Не стоит, Бизон.

— Хлоя, мне очень жаль, это все случилось из-за того, что я не рассказал тебе о своей поездке.

— Нет, Бизон. Это все моя вина. Мне очень стыдно.

— Хорошо, — сказал он. — Ты извинилась, я тебя простил. Может, покончим с этим?

— Это меня только еще больше расстраивает.

— И что же мне делать?

— Ты так добр ко мне!

— Пожалуйста, хватит!

— Подожди меня минутку, ладно? — Хлоя спрыгнула с дивана и побежала наверх.

* * *

С того момента, как он попросил их либо говорить нормально, либо шепотом, Рэйфорд сидел наверху лестницы вне пределов их видимости. Он уже собирался ретироваться в свою спальню, и как раз когда он вставал, на него чуть не налетела Хлоя.

— Папа! — возмущенно прошептала она. — Что ты здесь делаешь?

— Подслушиваю. А на что это еще похоже?

— Это отвратительно!

— Я? Посмотри, до чего ты довела Бизона. Чуть не линчевала его, не дав оправдаться.

— Папа, я была такой дурой.

— Все как в комедии ошибок, дорогая, и, как правильно сказал Бизон, это всего лишь доказало, насколько он тебе небезразличен.

— Ты знал, что он приедет?

Рэйфорд кивнул.

— Ты знал, что он приедет сегодня? Ты все знал?

— Увы мне, да.

— И ты заставил меня открыть дверь.

— Нет мне прощения.

— Определенно.

— Нет, ты определенно должна меня поблагодарить.

— Конечно. Но теперь ты вполне можешь идти спать. Я хочу переодеться и предложить Бизону пойти прогуляться.

— Ты хочешь сказать, что мне с вами нельзя? Даже следовать на почтительном расстоянии?

* * *

Бизон услышал, как наверху о чем-то шепчутся, затем звук льющейся воды, открывающихся и закрывающихся ящичков. Когда Хлоя спустилась, на ней были джинсы, хлопчатобумажная рубашка, куртка, кепка и кроссовки.

— Тебе пора уходить? — спросила она. — Или ты готов прогуляться?

— Значит, ты меня все-таки выгоняешь?

— Я хочу поговорить где-нибудь еще, так чтобы отец мог заснуть.

— А мы мешаем ему спать?

— Вроде того.

* * *

Рэйфорд услышал, как закрылась входная дверь, и преклонил колени перед кроватью. Он молился, чтобы у Бизона с Хлоей все было хорошо безотносительно того, что ждало их в будущем. Даже если они останутся просто хорошим друзьями, он все равно будет безмерно благодарен Господу. Он лег в кровать и забылся некрепким, прерывистым сном, чтобы не пропустить возвращения Хлои, и молясь, чтобы Господь послал ему откровение, как реагировать на предложение работать на президента.

* * *

Ночь была ясной, но прохладной.

— Бизон, — сказала Хлоя, когда они завернули за угол и направились к Арлингтон-Хайтс. — Я хотела сказать, что...

Бизон схватил ее за руку:

— Хлоя, не надо. У нас осталось всего семь лет. Мы не можем жить прошлым. На этих выходных мы оба совершили достаточно ошибок и уже попросили за это прощения, так что давай покончим с этим.

— Честно?

— Да. — Они продолжили гулять. — Я выясню, кто послал тебе цветы.

— Я думала об этом, и у меня есть подозрение.

— Кого ты подозреваешь?

— Это довольно неудобно, потому что в этом, наверное, и моя вина.

— Твой бывший парень?

— Нет! Я же говорила тебе, когда мы только познакомились, что парень у меня был в университете, старшекурсник. После того как он выпустился, я ничего о нем не слышала, кажется, он женился.

— Тогда наверняка это не он. А другие парни из Стэнфорда? Они хотели бы, чтобы ты вернулась?

— Присылать цветы не в их стиле.

— Твой отец?

— Он отрицает.

— И кто остается?

— Ну, сам подумай, — сказала Хлоя.

Бизон прищурился, размышляя.

— Остается Брюс. Но не думаешь же ты?

— Ну а кто еще?

— Ты подавала ему какие-то знаки?

— Даже не знаю. Мне он нравится. Я восхищаюсь им. Меня до глубины души трогает его искренность. Он такой эмоциональный, такой душевный.

— Ему сейчас очень одиноко. Он только что потерял всю свою семью. Не могу себе представить, чтобы он в такой момент посылал тебе цветы.

— Я говорила ему, что мне нравятся его проповеди, — предположила Хлоя. — Может,

я была более дружелюбна, чем следовало. Но это потому, что я никогда не думала о нем в этом ключе, понимаешь?

— Разве? Он молод и умен.

— Бизон! Да он же старше тебя!

— Не намного.

— Да, но ты находишься на пределе возрастного диапазона, который меня интересует.

— Вот спасибо! Как скоро ты отправишь меня домой?

— Ах, Бизон, это так неудобно! Брюс мне нужен как друг и учитель.

— Ты уверена, что не заинтересована в большем?

Она отрицательно покачала головой:

— Я даже представить себе этого не могу. Не то чтобы я не считала его привлекательным, я просто не могу думать о нем в таком ключе. Знаешь, он попросил меня на него работать полный день. Я даже не предполагала, что в этом может быть какой-то скрытый мотив.

— Хлоя, не делай преждевременных выводов.

— Я к этому чересчур склонна, да?

— Ты не того человека спросила.

— Что мне делать, Бизон? Я не хочу причинять ему боль. Не могу же я просто сказать ему, что не воспринимаю его как мужчину. Мне кажется, это реакция на потерю семьи. Что-то вроде компенсации потребности в близком человеке.

— Не могу себе представить, как это — потерять жену, — вздохнул Бизон.

— И детей.

— Да.

— Ты как-то упоминал, что у тебя никогда не было серьезных отношений.

— Да. Пару раз я думал, что это серьезно, но, как выяснилось, я поспешил с выводами. Когда я учился в старшей школе, у меня была девушка на год старше, которая бросила меня, потому что я был слишком нерешительным.

— Быть того не может!

— Представь себе, в этом вопросе я несколько старомоден.

— Это радует.

— Я очень быстро избавился от каких-либо чувств к ней.

— Могу себе представить. Так ты не был среднестатистическим парнем из колледжа?

— Хочешь знать правду?

— Даже не знаю. А стоит?

— Ты бы предпочла услышать, что у меня огромный опыт, потому что я такой крутой, или что я девственник?

— И ты скажешь мне то, что я хочу услышать?

— Я скажу тебе правду. Мне просто интересно, что бы ты предпочла.

— Опытный мужчина или девственник? — повторила Хлоя. — Элементарно. Конечно, второе.

— Угадала, — тихо произнес Бизон, более от смущения, чем из бахвальства.

— Ничего себе, — сказала Хлоя, — В наши дни этим можно гордиться.

— Должен сказать, что я скорее рад, чем горд. Мои мотивы тогда были отнюдь не так чисты, как сейчас. Я, конечно, понимаю, что не надо спать с кем попало, но я воздерживался не из соображений морали. Когда у меня были шансы, мне было неинтересно. А так как я концентрировал свое внимание на учебе и собственном будущем, возможностей было не так много. Правда в том, что меня всегда считали ходоком, потому что я вращался в соответствующих кругах. Но когда у меня дело доходило до чего-то подобного, я ретировался. Вот такой я консервативный.

— Ты как будто оправдываешься.

— Возможно. Я не хотел. Очень неловко в моем возрасте совсем не иметь подобного опыта. Я всегда по многим параметрам опережал свое поколение.

— Мне кажется, ты недоговариваешь, — сказала Хлоя, — Ты не считаешь, что Господь хранил тебя еще до того, как ты узнал о нем?

— Я никогда об этом не думал в таком ключе, но вполне возможно, что так и было. Мне никогда не приходилось беспокоиться о венерических болезнях и всяких эмоциональных метаниях, которыми неизбежно сопровождаются интимные отношения.

Бизон смущенно потер шею.

— Тебя это смущает, не так ли? — спросила Хлоя.

— Да, немного.

— Думаю, ты предпочел бы ничего не знать о моем сексуальном опыте или его отсутствии.

Бизон скривился:

— Если ты не против. Понимаешь, мне всего тридцать, а я веду себя как старик, даже когда произношу слово «секс». Так что, наверное, я бы предпочел не знать.

— Но, Бизон, что, если из наших отношений что-то выйдет? Неужели тебе не любопытно?

— Может быть, я потом тебя спрошу.

— Но что, если ты безумно влюбишься в меня и вдруг обнаружишь что-то, с чем не сможешь мириться?

Бизону было ужасно стыдно. Стоило признаться женщине, что он девственник, и это как бы автоматически превратило его в представителя одного из социальных меньшинств. Она была такой непосредственной и открытой. Он не хотел об этом ни говорить, ни слышать, ни знать, особенно если она была более опытной, чем он. Но в ее словах была доля истины. Ему показалось, что она достаточно уверенно говорит об их совместном будущем. Опять же он сам принял решение спасти их отношения. Не столько в ответ на ее вопрос, сколько на свои мысли, он пожал плечами.

— Я избавляю тебя от догадок, — сказала Хлоя, — Мои парни в старшей школе и на первом курсе и я никогда не были, как это назвала бы моя мама, образцами приличия. Но к счастью, сексом мы никогда не занимались. Наверное, поэтому наши отношения не продолжались долго.

— Ну, Хлоя, это отлично, но не могли бы мы сменить тему?

— Да ты и правда ведешь себя как старый ханжа!

— Наверное, — Бизон покраснел. — Я без труда беру интервью у президентов, но подобная искренность мне в новинку.

— Да ладно тебе, Бизон, на ток-шоу ежедневно и не такое услышишь.

— Ну, я тебя не воспринимаю как гостя ток-шоу.

— Я слишком откровенна?

— Мне подобное поведение непривычно, поэтому у меня получается не очень.

Хлоя рассмеялась:

— Какова вероятность того, что двое гуляющих в полночь неженатых американцев девственники?

— Особенно после того, как всех правильных христиан забрали на небо.

— Просто фантастика, — улыбнулась она, — Но ты вроде хотел поговорить о чем-то еще.

— О да.

— Расскажи мне, зачем ты ездил в Нью-Йорк.

* * *

Было уже больше часа ночи, когда Рэйфорда разбудил звук входной двери. Ее открыли, но не закрыли. Он услышал, как Хлоя и Бизон прощаются.

— Мне правда пора идти, — сказал Бизон. — Завтра утром должен прийти ответ из Нью-Йорка по поводу моей статьи, и я хочу к тому моменту уже проснуться, чтобы нормально общаться.

Когда Бизон ушел, Хлоя наконец закрыла дверь. Казалось, наверх она поднималась легче, чем спускалась ранее вечером. Рэйфорд услышал, как она на цыпочках подошла к двери его спальни и заглянула.

— Я не сплю, дорогая, — произнес он. — У тебя все в порядке?

— Даже лучше, — ответила она и зашла, сев на край его кровати. — Спасибо, папа, — донесся из темноты ее голос.

— Вы поговорили?

— Да. Он потрясающий.

— Вы целовались?

— Нет, что ты!

— Держались за руки?

— Нет! Прекрати! Мы просто разговаривали! Ты не согласишься, что ему сегодня предложили!

— Предложили?

— Сейчас нет времени об этом говорить. Ты завтра улетаешь?

— Нет.

— Тогда поговорим об этом утром.

— Я бы тоже хотел тебе рассказать о предложении, которое получил сегодня, — добавил Рэйфорд.

— Что за предложение?

— Поговорим об этом утром. На сегодня событий уже хватит. В любом случае я от него откажусь.

— Пап, пожалуйста, повтори, что это не ты прислал мне цветы, чтобы порадовать? Если это был ты, а я с ними так поступила, мне нет прощения.

— Я не посылал их, Хло.

— Это хорошо. И Бизон этого не делал.

— Ты уверена?

— На этот раз да.

— О-о-о...

— Ты думаешь о том же, о чем и я, пап?

— Ну, я сразу подумал про Брюса, после того как Бизон заявил, что он тут ни при чем.

— Что мне делать, пап?

— Если ты собираешься работать с Брюсом, тебе необходимо об этом с ним поговорить.

— Но почему я? Не я же это начала! Я не подавала ему никаких надежд, ну или, по крайней мере, не имела ничего такого в виду.

— Ну, ты можешь все проигнорировать. Он же прислал цветы анонимно. Значит, ты не должна задумываться, от кого они.

— Да. Но я же и правда не знаю?

— Именно.

— Мы встречаемся с ним завтра днем, — сообщила Хлоя. — Чтобы поговорить о работе.

— Тогда поговорите о работе.

— А цветы проигнорировать?

— Разве ты это уже не сделала?

Хлоя рассмеялась:

— Если у него хватит смелости признаться, что он мне их послал, мы обсудим, что это все значит.

— Отличный план.

— Но, пап, если мы с Бизоном продолжим встречаться, это станет всем очевидно.

— А вы бы не хотели, чтобы люди знали?

— Зная, какие чувства Брюс испытывает ко мне, я бы не хотела причинить ему боль.

— Но ты же не знаешь, какие там чувства!

— Тоже верно. А если он мне не скажет, то я ничего и не буду знать.

— Спокойной ночи, Хлоя.

— Но это же так неловко работать на него или вместе с ним, пап?

— Спокойной...

— Я просто не хочу...

— Хлоя, уже чертовски поздно.

— Да, папа, спокойной ночи.

* * *

Ранним утром Бизона разбудил звонок от Стэнтон Бэйли.

— Кэмерон! — проорал он в трубку. — Ты не спишь?

— Нет, сэр.

— Судя по голосу, не похоже!

— Я совершенно проснулся, сэр.

— Работал допоздна?

— Да, но сейчас в норме, мистер...

— Ты всегда был предельно честен, Кэм.

Поэтому я до сих пор и недоумеваю, почему ты утверждаешь, что был на той встрече, но это в прошлом. Тебя отправили в ссылку. Я бы предпочел, чтобы ты здесь заменил Планка, но что сделано, то сделано.

— Да, сэр.

— Но ведь чутье у тебя сохранилось.

— О чем вы?

— Твое чутье. Что ты чувствуешь, написав очередной шедевр?

— Рад, что вам понравилось, мистер Бэйли, но я писал не для того, чтобы получить какую-то награду.

— Как и все мы! Разве хоть кто-то творит только для того, чтобы его признали лучшим? Я — никогда. Хотя я видел тех, кто действовал именно так. Ничего у них не вышло. Им есть чему у тебя поучиться. Основательно, подробно, но лаконично, с цитатами, с различными точками зрения, каждая из которых подана непредвзято. Мне очень понравилось, что ты не выставил полными идиотами ни этих чудаков с инопланетянами, ни религиозных фанатиков. Каждый имеет право на свое мнение. И все эти точки зрения отражают чаяния жителей Америки, не важно, верят они, что это была какая-то зеленая хрень с Марса или Иисус на белом коне.

— Сэр?

— Или чего они там еще себе напридумывали. Ты понимаешь, что я имею в виду. В любом случае твоя последняя статья — просто шедевр, я в восторге от твоей неизменно блистательной работы и не позволю, чтобы тебя от нее отвлекали. Ты продолжишь писать как обычно, проживешь какое-то осмысленное время в Чикаго, так чтобы со стороны выглядело, что я всего лишь приглядываю за моим звездным мальчиком, и вернешься в Нью-Йорке раньше, чем ты думаешь. Когда оканчивается срок аренды твоей квартиры?

— Через год, но на самом деле мне здесь даже нравится...

— Очень остроумно. Просто дай мне знать, когда тебя попросят продлить аренду, Кэмерон, и мы вернем тебя сюда. Не знаю, как насчет должности главного редактора, потому что нам его надо найти раньше, да и, вероятно, нет смысла загонять тебя, вольного стрелка, в офис. Но, по крайней мере, ты будешь получать прежнюю зарплату, какую и заслуживаешь, и будешь работать здесь, в Нью-Йорке.

— Спасибо.

— Эй, отдохни денек! Твоя статья через неделю будет на всех журнальных прилавках, и после этого несколько дней все только о тебе и будут говорить.

— Ловлю вас на слове.

— И еще, Кэмерон, держись подальше от этой редакционной цыпочки, как ее там?

— Верна Зи?

— Да, Верна. Она нормально справляется, просто оставь ее в покое. Ты не обязан появляться в редакции, разве что тебе самому там что-то понадобится. Чем планируешь заняться?

— Стив хочет, чтобы я поехал в Израиль на следующей неделе поучаствовать в подписании договора между Израилем и ООН.

— У нас туда полно народу едет, Кэмерон. Я собирался поручить главную статью нашему корреспонденту по религиозным вопросам.

— Джимми Борланду?

— А в чем проблема?

— Во-первых, я не считаю этот сюжет религиозным, особенно когда в Нью-Йорке обсуждают единую общемировую религию, евреи говорят о восстановлении Храма, а католики выбирают нового папу. Это прозвучит эгоистично, но вы действительно считаете, что Джимми справится с главной статьей номера?

— Может, и нет. Но вроде тема ему подходит. Он там неоднократно бывал по своим вопросам, ну и Израиль все-таки считается религиозной страной.

— Не обязательно.

— Мне всегда нравилось, что ты говоришь мне обо всем прямо, Кэмерон. Вокруг все только поддакивать горазды. Значит, ты не считаешь, что это религиозная тема, просто потому, что все будет происходить, на так называемой Святой земле?

— Все, во что замешан Карпати, — геополитика, даже если вопрос касается религии. Хотя, конечно, религия в Израиле имеет огромное значение, опять же вся эта тема с Храмом, а еще те двое проповедников у Стены Плача.

— Да, а что с теми безумцами? Они вроде заявили, что в Израиле три с половиной года не будет дождей, и пока это действительно так. Там вообще засушливое место, но если так долго не будет дождя, там все высохнет и превратится в пыль. Насколько сильно зависит формула того ученого — как его, Розенцвейга, — от дождя?

— Я точно не знаю, сэр. Вроде осадков нужно меньше, чем при выращивании без ее применения, но кажется, чтобы она работала, вода все-таки нужна.

— Хотел бы я, чтобы Джимми взял у тех двоих эксклюзивное интервью, — заметил Бэйли. — Но ведь они опасны?

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Пара парней пыталась убить их, и в итоге они упали замертво прямо где стояли. Или что там еще сообщали на днях? Кого-то сожгли заживо. Говорят, те двое призвали на помощь небесный огонь!

— А кто-то говорил, что они сами дышали пламенем.

— Я тоже об этом слышал! — сказал Бэйли. — Ничего себе воняет у этих парней изо рта.

Он рассмеялся. Бизон не смог себя заставить последовать его примеру. Он верил во

всю эту историю с дыханием огнем, потому что об этом рассказывалось в Писании и потому что он не относил тех, кто верил в Восхищение, к той же категории, что и фанатов НЛО.

— Если честно, — продолжил Бэйли, — Я еще не сказал Борланду, что он пишет главную статью, но думаю, что слухи до него уже дошли. Я могу отдать это задание тебе, наверное, я так и поступлю, но это означает, что кого-то придется оставить здесь, потому что мы исчерпали бюджет. Возможно, я отправлю одним фотографом меньше.

Бизону бы, конечно, хотелось, чтобы у него был фотограф, способный запечатлеть сверхъестественное на пленку.

— Не надо, — сказал он, — Планк предлагает мне лететь в качестве одного из членов контингента ООН. — В трубке было долгое молчание. — Сэр?

— Не знаю, что тебе сказать, Кэмерон. Меня радует, что они, по всей вероятности, простили тебя, коль скоро ты полетишь за их счет.

— Вам придется мне довериться, сэр. Я никогда не продавался.

— Я это знаю, и Планк тоже. Но что Карпати понимает в журналистике?

— Я не уверен, что понимает.

— И я. Ты знаешь, чего я опасюсь.

— Чего?

— Что он попытается переманить тебя.

— Вряд ли у него это получится, — заметил Бизон.

— И все же я полагал, что он будет обижен на тебя сильнее, чем я, а он приглашает тебя сопровождать его на этом подписании?

— На самом деле он хочет, чтобы я участвовал в подписании как член его делегации.

— Но это совершенно неуместно.

— Я знаю.

— Разве что ты дашь понять, что не являешься членом делегации. Это было бы потрясающе! Только представь: единственный представитель прессы за столом переговоров!

— Да, но как мне этого добиться?

— Как-нибудь ненавязчиво. Например, надень какую-нибудь нашивку, по которой тебя можно будет однозначно опознать как представителя «Уикли».

— Это я смогу сделать.

— Ты можешь взять ее с собой и надеть, когда все уже займут свои места.

— Это как-то не слишком честно.

— Не обманывай сам себя, сынок. Карпати политик из политиков, и у него свои причины хотеть видеть тебя там. Не последняя из которых — желание организовать твой уход из «Глобал уикли».

— Но у меня нет таких планов, сэр.

— Я знаю, что нет. Послушай, ты уверен, что сможешь участвовать в этом подписании, я имею в виду, быть среди делегатов, а не с прессой, если ты не поедешь с делегацией ООН?

— Понятия не имею. Могу уточнить.

— Уточни. Потому что я лучше сам куплю тебе билет на обычный рейс, чем допущу, чтобы ты летел за счет ООН. Я не хочу, чтобы ты был что-то должен Карпати, и я многое готов сделать, чтобы увидеть, как ты заглядываешь ему через плечо, когда он подписывает этот договор.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бизону понравилась идея устроить себе выходной, тем более что никаких особых планов у него не было. Он обустроил в свободной спальне рабочее место. Когда все было подключено и настроено, Бизон проверил электронную почту и нашел там длинное письмо от Джеймса Борланда, корреспондента по религиозным вопросам «Глобал уикли».

«М-да...» — подумал он.

«Я бы тебе позвонил, чтобы поговорить начистоту, но думаю, лучше изложить все на бумаге, чтобы высказать тебе все до того, как услышу твои привычные отговорки. Ты прекрасно знал, что мне должны были поручить написание статьи, посвященной подписанию договора. Это же будет происходить в религиозной столице мира, Кэмерон. И кто, по-твоему, должен этим заниматься?»

То, что я в отличие от тебя не специализируюсь на подобных статьях и раньше не писал ничего подобного, вовсе не означает, что я не справлюсь. Я бы даже, вероятно, обратился к тебе за советом, но ты бы наверняка потребовал, чтобы тогда под статьей стояло и твое имя, причем до моего.

Старик говорит, что он сам решил поручить эту статью тебе, но я могу себе живо представить, как ты уговариваешь его так поступить и тем самым оставить меня не у дел. Я все равно поеду в Израиль. И если ты будешь держаться от меня подальше, я тоже не буду тебе мешать».

Бизон немедленно позвонил Борланду.

— Джимми, — произнес он. — Это Бизон.

— Получил мое письмо?

— Да.

— Мне больше нечего сказать.

— Верю, — сказал Бизон. — Ты достаточно ясно выразился.

— Тогда что тебе надо?

— Я хочу кое-что тебе разъяснить.

— Ну да, ты попытаешься убедить меня, что все было как утверждает Бэйли и что ты не просил передать тебе это задание.

— Честно говоря, Джим, я действительно сказал Бэйли, что считаю этот сюжет скорее политическим, чем религиозным, и усомнился, что ты с ним справишься.

— Ты не считаешь, что просто подсел меня, перехватив мою статью?

— Возможно, и так, Джим, но это не было намеренно. Я сожалею, и если для тебя это так важно, я сделаю так, чтобы статью вернули тебе.

— Ладно. И в чем подстава?

— Я хочу написать несколько статей по твоим сюжетам и еще одну.

— Ты хочешь заняться религиозной тематикой?

— Всего на пару недель. По-моему, у тебя самая завидная работа в «Уикли».

— И почему я тебе не верю, Бизон? Ты, как Том Сойер, хочешь меня заставить покрасить забор вместо тебя?

— Я абсолютно серьезен, Джим. Я вместо тебя напишу статьи про единую мировую религию, восстановление Храма, двух проповедников у Стены Плача, выборы нового папы и еще одну, тоже из твоей юрисдикции, но про которую я пока никому не говорил, а я позабочусь, чтобы тебе отдали главную статью номера про договор.

— Тебе удалось меня заинтересовать. Что за сенсацию я пропустил?

— Ты ничего не пропустил. Просто один мой друг был в нужном месте в нужное время.

— Кто? Где?

— Я не открываю своих источников, но если ты случайно знаешь рабби Циона Бен-Иегуду...

— Знаю.

— Правда?

— Я о нем слышал. Как и все. Впечатляющий деятель.

— Ты слышал, чем он сейчас занимается?

— Вроде каким-то исследованием? Опять какое-то старье?

— Значит, это тебе тем более неинтересно. Ты ищешь в моей просьбе какой-то подвох?

— Именно, Бизон. Ты считаешь меня идиотом?

— Конечно, нет, Джимми. Ты одного никак не хочешь понять: я тебе не враг.

— Всего лишь конкурент, предпочитающий сохранить за собой право писать центральные статьи.

— Я только что предложил тебе обратное!

— Что-то здесь нечисто, Бизон. Совещение по вопросу единой религии — скучнейшая тема, тем более что из этого ничего не выйдет. Вряд ли что-то помешает евреям восстановить свой Храм, потому что это никого, кроме них, не интересует. Я допускаю, что из тех двоих со Стены Плача может получиться неплохая статья, но все, кто пытался подобраться к ним поближе, сгорели заживо. Думаю, любой журналист в мире хотел бы взять у них интервью, но подойти пока никто не осмелился. Кто будет следующим папой, и так всем известно. И кого в мире волнуют исследования какого-то раввина?

— Эй, Джим, притормози чуть-чуть, — прервал его Бизон. — Тут у тебя передо мной

явное преимущество, я понятия не имею, кто будет следующим папой.

— Да ладно тебе, Бизон. Где ты был все это время? Все ставки на архиепископа Мэтьюза из...

— Цинциннати. Серьезно? Я брал у него интервью для...

— Я в курсе, Бизон. Читал. Здесь только и обсуждают твою очередную Пулитцеровскую премию¹ за эту статью.

Бизон никак не отреагировал, размышляя о том, есть ли границы у человеческой зависти.

Должно быть, Борланд почувствовал, что зашел слишком далеко.

— Если честно, Бизон, я просто должен отдать тебе эти статьи. Ты наверняка напишешь хорошо. Но неужели у тебя действительно не было подозрений, что он первый кандидат на священный престол?

— Нет.

— Вот ведь хитрец. У него надежная поддержка, так что, я думаю, он победит. И не я один так считаю.

— Ну так, коль скоро я с ним знаком и, полагаю, он мне доверяет, ты не будешь возражать, если эта история будет частью нашей сделки?

¹ Пулитцеровская премия (Pulitzer Prize) — одна из наиболее престижных наград США в области литературы, журналистики, музыки и театра. С 1917 г. премия вручается ежегодно в первый понедельник мая попечителями Колумбийского университета в Нью-Йорке. Размер премии — 10 тысяч долларов.

— Так по-твоему, мы сейчас заключаем сделку? — спросил Джимми.

— Почему бы нет? Ты ведь очень хочешь написать центральную статью?

— Бизон, ты думаешь, я не знаю, что ты едешь в Израиль в составе контингента ООН и будешь участвовать в подписании? Или про то, что ты планируешь устроить там представление с надеванием свитера или кепки с логотипом «Глобал уикли»?

— Ну так напиши об этом в своей статье. Заместителю редактора по религиозным вопросам довелось постоять рядом с Генеральным Секретарем ООН.

— Это совсем не смешно. Да Планк ни за что не согласится, чтобы эту статью писал кто-то другой, раз он добился для тебя такой привилегии.

— Джим, послушай, я сумею настоять на своем.

— Тебя же вроде лишили права голоса после того, как ты пропустил то совещание у Карпати? Почему ты считаешь, что Бэйли тебя послушает? Ты же сейчас всего лишь рядовой журналист из Чикаго.

Бизон почувствовал, как взыграло его задетое самолюбие, и отреагировал, не подумав:

— Ну да, всего лишь журналист из Чикаго, который написал главную статью для ближайшего номера и получил задание написать следующую.

— Тушэ!

— Извини, Джим. Я несколько перегнул. Но я серьезно. Я не пытаюсь обманом убедить

тебя, что твоя тематика важнее, чем центральная статья номера. Я убежден, что происходящее сейчас в религиозной сфере гораздо интереснее подписания этого договора.

— Погоди, Бизон. Ты ведь не из тех, кто купился на все эти пророческо-апокалиптические теории, что все это уже было описано в Библии?

«Так оно и есть», — подумал Бизон, но он не мог пока допустить, чтобы об этом стало известно.

— А что, эта точка зрения широко распространена? — поинтересовался он.

— Тебе виднее, ты же написал статью про все это.

— Ну, в моей статье отражены многие мнения.

— Да, но тебе же попадались эти фанаты того, что произошло Восхищение паствы. Они были бы счастливы обнаружить за всеми историями, о которых ты хочешь написать, руку судьбы, которая втиснет их в план Господа.

— Ты же корреспондент по религиозным вопросам, Джим. Как считаешь, в этом есть что-то разумное?

— Ну, не похоже, чтобы Господь мог так поступить.

— Значит, ты допускаешь, что Бог есть.

— В некотором роде.

— В каком?

— Бог есть в каждом из нас, Бизон. Ты же знаешь мою точку зрения.

— И твое мнение не изменилось после этих исчезновений?

— Нет.

— Был ли Господь в тех, кто исчез?

— Конечно.

— Получается, часть Бога исчезла?

— Ты меня слишком буквально воспринимаешь, Бизон. Ты еще скажи, что подписание договора подтверждает, что Карпати — Анти-христ.

«Как бы я хотел тебя в этом убедить, — подумал Бизон. — И однажды я попробую».

— Я знаю, что договор имеет огромное значение, — произнес он вслух. — Возможно, большее, чем многие могут предположить, но само подписание — это просто шоу. То, что соглашение заключили, — хорошая тема для репортажа, и это уже история.

— Может, подписание и пустое представление, но достойное центральной статьи, Бизон. Почему ты считаешь, что я с ней не справлюсь?

— Дай мне слово, что те другие статьи мои, и ты получишь свою статью про договор.

— Договорились.

— Ты серьезно?

— Конечно, серьезно. Уверен, что ты считаешь, что обвел меня вокруг пальца, но я не так прост, Бизон. Мне плевать, насколько моя статья будет хуже твоих, но я вырежу ее, наклею в альбом и смогу показывать внукам.

— Понимаю.

— Конечно, понимаешь. У тебя вся жизнь впереди, ты напишешь еще в два раз больше таких статей по сравнению с тем, что уже сделал.

* * *

— Хлоя! Спускайся сюда!

Рэйфорд был настолько поражен, что не мог заставить себя сесть. Он переключал каналы на телевизоре в гостиной и случайно услышал специальный выпуск новостей.

Хлоя сбежала вниз по лестнице.

— Мне надо в церковь, — объявила она. — Что случилось?

Рэйфорд дал ей знак замолчать, и они оба уставились на экран. Корреспондент Си-эн-эн в Белом доме сообщал:

«Вероятно, этот необычный жест явился результатом встречи Генерального Секретаря ООН Николае Карпати и президента Джеральда Фитцхью вчера вечером. Президент Фитцхью, подавая пример остальным главам государств, продемонстрировал твердую поддержку администрации нового Генерального Секретаря, но предложение одолжить ему новый президентский самолет выводит это на совершенно новый уровень.

Вчера вечером Белый дом направил имеющийся президентский самолет за Карпати в Нью-Йорк, а сегодня было заявлено, что первым пассажиром нового президентского самолета станет не президент, а Карпати».

— Что это значит? — воскликнула Хлоя.

— Речь идет о полете в Израиль на церемонию подписания договора, — пояснил Рэйфорд.

— Но ведь президент туда тоже летит?

— Да, но на старом самолете.

— Ничего не понимаю.

— Я тоже.

Репортер продолжил:

— Скептики считали это результатом какого-то кулуарного соглашения, но буквально несколько минут назад президент сделал по этому поводу заявление.

На Си-эн-эн включили запись. Президент выглядел возмущенным.

— Этим своим жестом я дам отличную возможность позлословить всем скептикам и прочим политикам, — заявил он. — Но американцы, любящие мир, и те, кто устал от привычной политики, порадуются вместе со мной. Новый самолет прекрасен. Я его видел и горжусь им. Там достаточно места, чтобы вместить и делегацию США, и делегацию ООН, но я решил, что для первого полета самым правильным будет предоставить его в распоряжение исключительно контингента ООН.

До того момента как имеющийся президентский самолет не станет бортом номер два, мы будем называть новый «Боинг-777» «первым самолетом Мирового Сообщества» и с наилучшими пожеланиями предлагаем им воспользоваться Генеральному Секретарю Карпати. Пора всему миру сплотиться вокруг этого необыкновенного миротворца, и я горжусь тем, что могу дать другим пример своим скромным жестом.

Я также призываю своих коллег по всему миру серьезно обдумать предложение

Карпати по разоружению. Сильная оборона на протяжении многих поколений была священной коровой в нашей стране, но я уверен: мы все согласны, что уже давно настало время для истинного мира, избавленного от оружия. Я надеюсь в ближайшее время сделать заявление по поводу нашего решения данного вопроса.

— Папа, но ведь это значит, что ты?..

Но Рэйфорд опять знаком попросил Хлою замолчать, так как Си-эн-эн переключилась на прямую трансляцию ответа Карпати из Нью-Йорка.

Николае смотрел прямо в камеру, так что казалось, будто он смотрит в глаза каждому зрителю. Говорил он тихо, но с чувством.

— Я бы хотел поблагодарить президента Фитцхью за столь великодушный поступок. Мы все здесь в ООН очень сильно тронуты, признательны и в то же время смущены. Мы с нетерпением ждем прекрасной церемонии подписания в Иерусалиме в следующий понедельник.

— Хитер же он. — Рэйфорд покачал головой.

— Это та работа, о которой ты мне говорил? Ты будешь управлять этим самолетом?

— Не знаю. Вероятно, да. Я не знал, что прежний борт номер один вдруг станет бортом номер два, самолетом вице-президента. Интересно, они действительно отправили имеющегося пилота в отставку? Занятная перетасовка. Если имеющийся пилот остается на самолете, когда он становится бортом

номер два, что происходит с тем, кто был пилотом борта номер два?

Хлоя пожала плечами.

— Ты уверен, что не хочешь летать на новом самолете?

— Более чем. Я не хочу иметь ничего общего с Карпати.

Бизону позвонила Алиса из чикагского офиса.

— Если ты собираешься продолжать работать из дома, — сказала она, — тебе стоит завести две телефонных линии.

— Так и есть, — ответил Бизон. — Но одна занята компьютером.

— Мистер Бэйли пытался дозвониться до тебя, но линия была занята.

— Зачем он звонил? Он должен знать, что я на месте.

— Он не звонил. Мардж Поттер о чем-то общалась с Верной и упомянула об этом.

— Спорю, что Верна была в восторге.

— О да. Разве что не танцевала. Она считает, что у тебя опять проблемы с начальством.

— Это вряд ли.

— Знаешь, что она думает?

— Не томи.

— Что Бэйли не понравилась твоя статья и он тебя увольняет.

Бизон расхохотался.

— Это не так? — поинтересовалась Алиса.

— С точностью до наоборот, — ответил Бизон. — Но сделай мне одолжение и не говори Верне.

Бизон поблагодарил ее за доставку его вещей, ни слова не сказав о том, что Хлоя приняла ее за его невесту, и закончил разговор, чтобы позвонить Бэйли. Сначала он попал на Мардж Поттер.

— Бизон, я по тебе уже скучаю, — пожаловалась она. — Что же тогда произошло?

— Когда-нибудь я все тебе расскажу, — пообещал он. — Слышал, что босс меня искал.

— Да, я пыталась дозвониться до тебя по его просьбе. Сейчас у него Джим Борланд, и, судя по звукам, говорят они на повышенных тонах. Не помню, чтобы Джим когда-либо так разговаривал.

— А Бэйли?

Мардж рассмеялась.

— Ну, не чаще пары раз за день, — сказала она. — Он тебе перезвонит.

— Я бы хотел прервать их общение, Мардж. Он хотел со мной связаться как раз по поводу их встречи.

Стэнтон Бэйли был на связи практически мгновенно.

— Уильямс, ты меня реально достал, изображая из себя ответственного редактора, которым ты не являешься.

— Сэр?

— Ты не имеешь права назначать кого-то писать центральную статью, говорить Борланду, что я изначально думал, что он будет

писать про договор, а затем подлизываться к нему, предлагая написать за него какие-то никчемные статьи и отдавая ему центральную тему номера.

— Я ничего подобного не делал.

— Он этого не делал! — кричал Борланд.

— С вами обоими я не справлюсь, — сказал Бэйли. — Итак, в чем дело?

* * *

Когда Хлоя ушла в церковь выяснить по поводу своей новой работы, Рэйфорд подумал, не позвонить ли начальству. Эрл Халлидей хотел как можно раньше узнать о его решении и, вероятно, сам ему позвонит, если тот замешкается.

Сегодняшние новости только укрепили Рэйфорда в принятом решении. Он не мог отрицать, что быть пилотом самолета президента очень престижно. А пилотом Карпати тем более. Но намерения и мечты Рэйфорда кардинально поменялись. Очевидно, что быть пилотом борта номер один или даже первого самолета Мирового Сообщества не входило в число его заветных желаний на ближайшие семь лет.

Даже когда они жили вчетвером, размеры собственного дома иногда его смущали. В другое время он бы им гордился. Это было подтверждение его статуса, места в жизни, уровня достижений. А сейчас это место

было покинутым. Хорошо, что у него осталась Хлоя. Он бы ни слова не сказал, если бы она решила вернуться в колледж, но тогда он бы не знал, что делать во время пересменок. Единственное, что занимало его мысли, — как безопасно перевезти по воздуху сотни людей. Но так как дома ему нечего было делать, кроме как есть и спать, находиться там было просто невыносимо.

Каждая комната, каждая мелочь, каждое свидетельство женского вмешательства напоминало ему об Ирэн. Периодически возникало что-то, что наполняло его воспоминаниями о Рэйми. То он находил за диванной подушкой конфету из тех, что очень любил Рэйми. То пару его книжек. То игрушку, спрятанную за цветочным горшком.

Рэйфорд становился все более эмоциональным, но его это больше не беспокоило. Его скорбь была скорее меланхоличной, чем болезненной. Чем лучше он познавал Бога, тем с большим нетерпением ждал момента, когда сможет соединиться с Ним, а также Ирэн и Рэйми после второго пришествия.

В своих воспоминаниях он возвращался к своим любимым. Сейчас, когда он разделял их веру, он понимал и любил их все больше и больше. Когда в его сердце закрадывалось сожаление, когда он стыдился того, каким отцом и мужем он был, он просто молился о прощении за свою слепоту.

Рэйфорд решил приготовить для Хлои ужин. Это будет одно из ее любимых блюд — паста с креветками в чесночном соусе с

приправами. Он улыбнулся. Несмотря на его влияния и те отрицательные черты, что она унаследовала, Хлоя была совершенно замечательной. Она была отличным примером того, как Христос может изменить человека. Он хотел ей об этом сказать, а ужин просто поможет выразить его чувства. Можно было бы купить что-то готовое или сходить с ней куда-нибудь. Но он хотел все сделать сам.

Рэйфорд провел час в продуктовом магазине, закупая все необходимое, и еще полтора часа — колдуя на кухне, чтобы к возвращению дочери все было готово. Он сам себе напомнил Ирэн, живо вспомнив, с какой надеждой она смотрела на него каждый вечер. Он решил, что достаточно ее благодарил и говорил комплименты. Только сейчас он понял, что она все это делала для него из той же любви и преданности, что он испытывал к Хлое.

Прежде он этого не осознавал, и его вялые комплименты, должно быть, казались такими же небрежными, какими они были по сути. Теперь просить прощения у Ирэн было поздно, разве что объявиться в Царствии Небесном лично вместе с Хлоей.

* * *

Бизон закончил разговор со Стэнтоном Бэйли и Джимом Борландом, недоумевая, почему он просто не принял предложение

Карпати взять в свои руки управление «Чикаго трибюн» и покончить со всем этим. Ему удалось убедить обоих, что он был искренен, так что в итоге старик Бэйли без удовольствия, но согласился, а Бизон размышлял, стоило ли все это того, чтобы опять попасть в немилость. Его конечной целью было аккуратно увязать между собой все эти религиозные сюжеты, чтобы Борланд понял, как надо работать, а Бэйли нашел бы себе идеального ответственного редактора.

Самого Бизона эта должность привлекала не больше, чем тогда, когда его уговаривали ее занять после ухода Стива Планка. Но он надеялся, что Бэйли найдет человека, для которого эта работа будет в удовольствие.

Он внес в компьютер информацию о тех сюжетах, которые получил по результатам сделки с Джимми Борландом. Не так давно он бы оценил готовящиеся события так же, как и Борланд. Но это было до того, как он изучил текст пророчеств и узнал, что Николае Карпати идеально соответствует предсказанному.

Сейчас он надеялся, что все эти события произойдут более-менее одновременно. Вполне вероятно, что он участвует в непосредственном исполнении пророчеств тысячелетней давности. Не важно, напишут об этом на первых полосах или нет, эти события будут иметь не меньшее влияние на дальнейшую непродолжительную судьбу человечества, чем подписание договора с Израилем.

Бизон позвонил Стиву Планку.

— Ты определился с ответом? — спросил Стив. — Что мне передать Генеральному Секретарю?

— Ты его так называешь? — удивленно произнес Бизон. — Даже не по имени?

— Я так решил. Это дань уважения, Бизон. Даже Хэтти называет его мистер Генеральный Секретарь, а, если я не ошибаюсь, они проводят вместе практически столько же времени вне работы, что и на ней.

— Не наступай мне на больную мозоль. Ведь это я их познакомил.

— Ты сожалеешь об этом? Ты подарил мировому лидеру любимого человека и навсегда изменил жизнь Хэтти.

— Этого-то я и боюсь, — сказал Бизон, осознавая, насколько опасно близок он был к тому, чтобы показать свое истинное лицо доверенному лицу Карпати.

— Она была никто, и звали ее никак, а теперь она на первой странице книги истории.

Это не то, что хотел услышать Бизон, но в его планы не входило сообщать Стиву, что бы он хотел услышать.

— Так по какому поводу ты звонишь?

— Мое мнение сегодня мало отличается от вчерашнего, — ответил Бизон. — И ты его знаешь.

— Я тебя не понимаю, Бизон. В чем проблема? Почему ты так себя ведешь? Это же то, чего ты всегда хотел.

— Я журналист, Стив, а не специалист по связям с общественностью.

— Это ты меня имеешь в виду?

— Но ведь так и есть, Стив. Я не виню тебя за это, но не пытайся изображать из себя того, кем ты не являешься.

Очевидно, Бизон задел своего старого друга.

— Эх, ладно, не важно, — сказал Стив. — Хорошо ты меня припечатал, так чего ты хотел?

Бизон рассказал ему о сделке, которую заключил с Борландом.

— Ты совершил ошибку, — сказал Стив, очевидно все еще рассерженный. — Если помнишь, я никогда не доверял ему писать главные статьи для номера.

— Это и не будет главной статьей. Те сюжеты, которые он мне отдал, — вот они будут сенсациями.

Стив повысил голос:

— Но это была бы самая важная статья в твоей жизни! Это самое освещаемое событие в истории человечества.

— И после этих слов ты пытаешься меня убедить, что ты не пиарщик?

— Почему? Что такое?

— Ты считаешь, что подписание мирного договора между Израилем и ООН важнее исчезновения миллиардов людей по всему миру?

— Ах, это. Конечно же.

— Ах, это. Конечно же, — передразнил Бизон. — Черт побери, Стив! Статья должна

быть о договоре, а не о церемонии подписания, и ты об этом знаешь.

— Иными словами, ты не едешь?

— Конечно, я еду, но не вместе с вами.

— Ты не хочешь лететь на новом президентском самолете?

— Что?

— Да ладно тебе, мистер международный журналист. Включи новости, парень!

* * *

Рэйфорд с нетерпением ждал как возвращения Хлои, так и вечернего собрания. По словам Хлои, Бизон не менее рьяно жаждал принять предложение Карпати, чем Рэйфорд — Белого дома. Но что скажет по этому поводу Брюс, было совершенно неизвестно. Иногда у него был кардинально отличающийся взгляд на вещи, и часто это шло на пользу делу. Рэйфорд представить себе не мог, как подобные изменения могут отразиться на их жизни, но ему хотелось поговорить об этом и помолиться. Он взглянул на часы. Обед будет готов через полчаса. Как раз тогда Хлоя обещала вернуться домой.

— Нет, — твердо сказал Бизон, — я не хочу туда лететь ни на новом, ни на старом президентском самолете. Я благодарен вам за приглашение стать членом делегации и даже

буду сидеть с вами за одним столом в момент подписания, но даже Бэйли считает, что я должен ехать от имени «Глобал Уикли».

— Ты рассказал Бэйли о нашем предложении?

— Конечно, не о рабочем. О совместной поездке.

— Как ты думаешь, почему твоя поездка в Нью-Йорк не афишировалась? Ты думаешь, мы хотели, чтобы в «Уикли» об этом знали?

— Я подумал, что вы бы не хотели, чтобы они знали о вашем коммерческом предложении, об этом они и не знают. Но как бы мне надо было объяснять свое появление в Израиле на подписании?

— Мы надеялись, что к тому времени мнение твоего бывшего работодателя для тебя не будет иметь значение.

— Стив, не надо делать никаких предположений, — заметил Бизон.

— И тебе не надо.

— Что ты имеешь в виду?

— Не стоит рассчитывать, что тебе будут предлагать лучший шанс всей твоей жизни, в то время как ты будешь воротить от него нос, как от приглашения на то совещание.

— Итак, работа завязана на сотрудничестве во время поездки в Израиль?

— Если ты хочешь это так называть.

— Знаешь, Стив, она мне от этого не нравится больше.

— Знаешь, Бизон, я не уверен, что ты создан для политики и журналистики такого уровня.

— Да уж, до этого я еще не докатился.

— Я не это имел в виду. Кстати, помнишь твои авторитетные предсказания по поводу новой единой мировой валюты? Что это никогда не произойдет? Посмотри завтрашние выпуски новостей, дружище. И запомни, что это все благодаря закулисным дипломатическим ходам Николае Карпати.

Бизон видел так называемую дипломатию от Николае Карпати. Вероятно, с ее помощью он убедил президента США передать ему свой новый «боинг», не говоря уже о том, что заставил свидетелей убийства поверить в то, что это было самоубийство.

Пришло время рассказать о своей поездке Брюсу.

— Рэйфорд, ты не мог бы заехать?

— Когда, Эрл?

— Прямо сейчас. Тут такое творится с новым президентским самолетом. Ты слышал?

— Конечно. В новостях только об этом и говорят.

— Скажи «да», и ты будешь управлять самолетом, который полетит в Израиль с Николае Карпати на борту.

— Я все еще не решил.

— Рэй, мне нужно с тобой увидеться. Заедешь?

— Не сегодня, Эрл. Я здесь кое-чем занят, увидимся завтра.

— Что там такого важного?

— Это личное.

— Что-то готовишь?

— Именно. Обед для моей дочери.

На секунду в трубке повисла тишина. Затем Эрл произнес:

— Рэйфорд, я всецело за семейные ценности. Бог знает сколько у нас пилотов с неудачными браками и детьми-наркоманами. Но твоя дочь...

— Хлоя.

— Она же по возрасту должна в колледже учиться. Она наверняка поймет тебя. Неужели ты думаешь, она бы не согласилась отложить обед на пару часов, если бы знала, что ее отец может получить самую престижную работу для пилота в мире?

— Увидимся завтра, Эрл. Я завтра лечу в Балтимор около полудня, вернусь поздно вечером. Можем увидеться до вылета.

— В девять пойдет?

— Отлично.

— Рэйфорд, я хочу тебя предупредить: все те парни из списка, которые хотят получить эту работу, сейчас сходят с ума. Спорить готов, что они сейчас используют все свои связи, тайные и явные, чтобы узнать, кто же станет пилотом и все такое.

— Хорошо. Надеюсь, один из них получит эту работу, и мне не придется больше об этом беспокоиться.

Судя по голосу, Эрл Халлидей был взволнован.

— Но, Рэйфорд... — начал он, но тут Рэйфорд его прервал:

— Эрл, давай договоримся, что после разговора завтра утром мы больше не будем тратить время друг друга. Ты знаешь мой ответ, единственная причина, по которой я до сих пор его официально не озвучил, — это потому, что ты меня попросил об этом во имя нашей дружбы. Я думаю об этом, молюсь и разговариваю с теми, кто беспокоится обо мне. Не надо меня упрашивать или стыдить. Если я откажусь от работы, о которой все так мечтают, и позже пожалею об этом, это будет только моя проблема.

* * *

Бизон подъехал к парковке у Общинной церкви Новой Надежды, как раз когда Хлоя оттуда выезжала. Они сравнялись и опустили оконные стекла.

— Привет, красотка, — приветствовал ее Бизон. — Ты что-нибудь знаешь об этой церкви?

Хлоя улыбнулась:

— Только то, что по воскресеньям здесь толпа народа.

— Хорошо. Попробую сюда заглянуть. Итак, ты берешься за работу?

— Я могу спросить тебя о том же.

— У меня уже есть работа.

— Похоже, у меня тоже, — ответила она. — За сегодня я узнала больше, чем за год в колледже.

— Как все прошло с Брюсом? Я хочу сказать, ты дала ему понять, что знаешь, что он послал тебе цветы?

Хлоя оглянулась, как если бы боялась, что Брюс мог их услышать.

— Я все тебе об этом расскажу, — сказала она, — когда будет время.

— Сегодня после собрания?

Она покачала головой.

— Я вчера очень поздно легла. Из-за одного парня, понимаешь?

— Правда?

— Да. Не могла от него избавиться. Постоянно путался под ногами.

— Позже, Хлоя.

Бизон не мог винить Брюса за то, что Хлоя вызывала в нем интерес, каким бы он ни был. Просто ему казалось странным бороться за женщину со своим новым другом и пастором.

— Что это так пахнет? — воскликнула Хлоя, поставив машину в гараж. — Креветки в чесночном соусе?

Она зашла на кухню и поцеловала отца.

— Мои любимые! Мы кого-то ждем?

— Почетный гость только что прибыл, — ответил Рэйфорд. — Может, ты хочешь пообедать в столовой? Мы вполне можем накрыть там.

— Не стоит, здесь отлично. По какому поводу?

— Твоя новая работа. Расскажи мне о ней.

— Папа! Что на тебя нашло?

— Кажется, я исследую женскую сторону своей натуры, — хмыкнул он.

— О нет! — простонала она. — Только не это!

За обедом она рассказала ему о заданиях Брюса и тех исследованиях, которые она уже провела.

— Итак, ты собираешься и дальше этим заниматься?

— Читать, учиться и получать за это деньги? Это же прекрасно, папа.

— А что Брюс?

Она вздрогнула:

— А что с Брюсом?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

К тому моменту, когда Рэйфорд и Хлоя занялись мытьем посуды, она ему уже все рассказала о своем неловком разговоре с Брюсом.

— Значит, он не сознался, что посылал тебе цветы? — спросил Рэйфорд.

— Это было так странно, папа, — сказала она. — Я постоянно поднимала тему одиночества и того, как много все мы четверо значим друг для друга, но он не пытался ее поддержать. Он соглашался, что у всех нас есть свои потребности, и затем возвращался к теме нашего исследования или давал мне задание что-нибудь найти. В конце концов, я прямо сказала, что меня интересует вопрос романтических отношений в период Скорби, и он ответил, что мы, вероятно, обсудим это вечером. Оказалось, чуть раньше этот же

вопрос ему задавали и другие. Он признался, что его самого эта тема тоже волнует, поэтому он занимается ее изучением.

— Может, сегодня вечером он выложит все начистоту.

— Пап, дело совсем не в этом. Не думаешь же ты, что он в присутствии тебя и Бизона признается, что посылал мне цветы? Но, возможно, мы сможем прочесть это между строк и понять, почему он это сделал.

Когда отец и дочь приехали в церковь, Бизон был уже на месте. Брюс начал традиционную встречу Отряда Скорби с просьбы разрешить ему рассказать всем о том, что у кого случилось в жизни. Все кивнули.

Изложив суть предложений, полученных Бизоном и Рэйфордом, Брюс начал свою исповедь. Его терзали сомнения, что он не слишком подходит для роли пастора новообращенных верующих.

— Каждый день я борюсь с чувством стыда. Я знаю, что был прощен и исцелен, но тридцать лет жизни во лжи не могут пройти бесследно. И хотя сказано, что как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши, мне очень сложно забыть о прошлом. Он также признался, что страдает от одиночества и усталости. Особенно когда думает о потребности отправиться в странствия, чтобы попытаться объединить небольшие группы тех, кто назван в Библии святыми Великой Скорби.

Бизон хотел прямо спросить Брюса, почему тот не послал Хлое вместе с букетом свою карточку, но понимал, что это не к месту. Брюс вернулся к разговору о новых карьерных перспективах Рэйфорда и Бизона.

— До настоящего момента я не высказывал своего мнения, но пусть оно вас не шокирует. Я считаю, что вы оба должны всерьез подумать о том, чтобы принять эти предложения.

Тут начался страшный гвалт. Впервые все четверо спорили так яростно на такие личные темы. Бизон заявлял, что не сможет смириться с тем, что ему придется поступиться своими принципами журналиста и позволить Николае Карпати манипулировать им и новостями. Его поразило, что столь заманчивое предложение не вскружило Рэйфорду голову. А сам Бизон внезапно осознал, что скорее согласен с Брюсом, что Рэйфорду стоит всерьез подумать об этой работе.

— Сэр, — начал Бизон, — вы не клюнули на это — это само по себе отличный знак. Если бы вы хотели получить эту работу, зная то, что знаете, у всех нас был бы повод для беспокойства. Но подумайте о преимуществах, которые сулит близость к власти предрасполагающим?

— И в чем же выгода? — поинтересовался Рэйфорд.

— Ваша личная, вероятно, невелика, — ответил Бизон. — Кроме разве что финансовой составляющей. Но возможность доступа непосредственно к президенту может

послужить нашему общему делу! Вы не задумывались об этом?

Рэйфорд настаивал, что они все заблуждаются, считая, что пилот президентского самолета знает больше, чем любой человек, ежедневно читающий газеты.

— Возможно, сейчас так и есть, — парировал Бизон. — Но если Карпати и правда купит все ведущие СМИ, только те немногие, кто будут рядом с президентом, и будут знать правду.

— Это как раз повод тебе принять предложение Карпати, — заметил Рэйфорд.

— Может, махнемся не глядя? — предложил Бизон, и оба рассмеялись.

— Взгляните на себя со стороны, — подытожил Брюс. — Мы все лучше понимаем и спокойнее оцениваем чужие дела, чем свои собственные.

Рэйфорд хмыкнул:

— По-твоему, мы оба отказываемся признать очевидное?

Брюс улыбнулся:

— Может, и так. Вполне вероятно, что Господь послал нам это испытание, чтобы проверить ваши мотивы и веру. Но, как бы то ни было, это все слишком серьезно, чтобы просто игнорировать.

Бизону было интересно, поколебалась ли решимость Рэйфорда так же, как и его собственная. Сначала он был абсолютно уверен, что никогда не примет предложение Карпати. А сейчас не знал, что и думать. Из тупика всех вывела Хлоя.

— Я считаю, что вы оба должны согласиться на эти предложения.

Бизону показалось странным, что Хлоя озвучила свое мнение именно на собрании, где присутствовали все четверо. Очевидно, ее отец испытывал схожие чувства.

— Хло, ты же сказала, что я просто должен быть объективен, — произнес Рэйфорд. — Ты всерьез считаешь, что мне стоит согласиться?

Хлоя кивнула.

— Не из-за президента. Из-за Карпати. Если он тот, кто мы думаем, а мы все знаем, что это так, скоро он станет гораздо могущественнее президента США. Вы оба или хотя бы один из вас должны быть как можно ближе к нему.

— Я как-то был с ним рядом, — напомнил Бизон. — И мне этого вполне хватило.

— Неужели вас волнует только собственная безопасность и здравомыслие? — настаивала Хлоя. — Бизон, я понимаю, через какой ужас ты прошел, но если мы не сможем подобраться к Карпати, ему удастся всех обмануть.

— Но как только я скажу хоть слово, — сказал Бизон, — он меня уничтожит.

— Не исключено. Но, возможно, Господь защитит тебя. Не исключено, что все, что ты сможешь делать, — это сообщать нам о происходящем, а мы будем доносить это до верующих.

— Значит, я должен отказаться от всех своих принципов?

— А они имеют для тебя больше значения, чем ответственность перед твоими братьями и сестрами во Христе?

Бизон не знал, что ей ответить. Эта способность ему так нравилось в Хлое. Но с самого начала его журналистской карьеры в нем настолько плотно засели представления о независимости и честности прессы, что он едва ли мог себе представить, как пытается изображать из себя того, кем не является. А идея корчить из себя якобы независимого издателя и в то же время получать деньги от Карпати казалась ему и вовсе фантастической.

Брюс вскочил и обратил всю силу своего убеждения на Рэйфорда. Бизон был только рад, что перестал быть объектом обсуждения, хотя прекрасно понимал, как себя чувствует Рэйфорд.

— Я думаю, Рэйфорд, что тебе решение принять проще, — произнес Брюс. — Ты можешь поставить несколько условий, вроде того, чтобы тебе позволили остаться здесь жить, раз для тебя это важно, и поймешь, насколько серьезны их намерения.

Рэйфорд был потрясен. Он посмотрел на Бизона:

— Если бы мы голосовали, неужели вы все трое за, а я один против?

— Я мог бы задать тот же вопрос, — сказал Бизон. — Вероятно, мы двое единствен-

ные, кто считает, что на эти предложения соглашаться не надо.

— Тебе так точно надо, — то ли в шутку, то ли всерьез возразил Рэйфорд.

Бизон рассмеялся:

— Что ж, готов признать, что у меня был приступ куриной слепоты или, как минимум, политической близорукости.

Рэйфорд с трудом представлял, к чему он готов, а к чему нет, о чем он честно заявил. Брюс предложил всем стать на колени и помолиться — они часто так делали в одиночестве, но никогда вместе. Брюс перетащил свой стул на другую сторону стола, и они вчетвером повернулись и стали на колени. Рэйфорда всегда очень трогало, когда он слушал, как другие молятся. Хотел бы он, чтобы Господь вслух сказал ему, что делать. Но в своей молитве он попросил, чтобы Он ниспослал им мудрости и понимания.

Преклонив колени, Рэйфорд осознал, что ему опять надо просто отдаться на милость Господа. Наверное, скоро это станет частью его натуры взамен логики, эгоизма, скупости — и всего того, за что он так крепко держится.

Рэйфорд чувствовал себя таким ничтожным, таким несовершенным перед Господом, что казалось, не мог склониться достаточно низко. Он сжался и припал к земле, прижав подбородок к груди, но все равно чувствовал себя слишком высокомерным и незащищенным. Брюс молился вслух, как

вдруг прервался, и Рэйфорд услышал, как тот тихо плачет. Он почувствовал, что у него самого в горле как будто возник комок. Рэйфорду очень не хватало жены и сына, но его переполняла благодарность за то, что рядом с ним была Хлоя и близкие друзья, и за то, что сам он будет спасен.

Рэйфорд стоял на коленях перед своим стулом, закрыв лицо руками и беззвучно молясь. Он желал исполнить волю Господа, в чем бы она ни заключалась, даже если с человеческой точки зрения казалось, что она лишена смысла. Казалось, его сокрушило переполняющее чувство собственного ничтожества, и он упал ниц на ковер. У него проскользнула мысль, как смешно он, должно быть, выглядел со стороны, но он немедленно отбросил ее. Никто не смотрел на него, потому что никого это не волновало. Тот, кто предположил бы, что умудренный опытом пилот потерял рассудок, был бы прав.

Рэйфорд распластался по полу, закрыв лицо руками, так что тыльные стороны ладоней касались пыльного ковра. Время от времени один из них возносил вслух краткую молитву, и он осознал, что сейчас все они лежали ниц, опустив лицо в пол.

Рэйфорд потерял счет времени, смутно догадываясь, что, должно быть, несколько минут прошло в абсолютной тишине. Никогда он так живо не осознал присутствие Господа. Наверное, то же чувствовал Моисей на Святой земле, когда Господь воззвал к нему и велел снять обувь свою. Рэйфорду хотелось

зарыться глубже в ковер, а еще лучше под пол, чтобы скрыться там от чистоты и бесконечной мощи Господа.

Он не знал точно, сколько времени вот так пролежал, молясь и слушая. Через некоторое время он услышал, как Брюс встал и, напевая гимн, вернулся на свое место. Вскоре все они уселись обратно на свои стулья, негромко напевая. У всех четверых лица были в слезах. Наконец Брюс заговорил.

— Сегодня мы испытали нечто необыкновенное, — начал он. — Думаю, это можно считать повторным воссоединением с Ним и друг с другом. Если есть что-то, в чем нужно признаться друг другу, или за что-то попросить прощения, давайте сделаем это сегодня. Хлоя, вчера ты определенно на что-то намекала, ты не могла пояснить, что имелось в виду?

Рэйфорд взглянул на дочь.

— Прошу прощения, — смутилась она. — Это было недоразумение. Я уже все выяснила.

— Значит, уже нет необходимости обсуждать тему секса в период Скорби?

Она улыбнулась:

— Нет, я думаю, с этим все ясно. Но кое о чем я все же хотела бы спросить, и прошу прощения, что делаю это в присутствии всех...

— Все в порядке, — успокоил ее Брюс. — Задавай любые вопросы.

— Мне анонимно прислали цветы, и я бы хотела знать, сделал ли это кто-нибудь из сидящих в этой комнате.

Брюс перевел взгляд:

— Бизон?

— Не я. — Бизон скорчил гримасу. — Я уже пострадал от этих подозрений.

Когда Брюс посмотрел на Рэйфорда, тот только улыбнулся и покачал головой.

— Значит, остаюсь только я, — подытожил Брюс.

— Вы? — спросила Хлоя.

— А разве нет? Ты ведь ограничила список подозреваемых присутствующими в этой комнате.

Хлоя кивнула.

— Боюсь, что тебе придется поискать в другом месте, — сказал пастор, покраснев. — Это был не я, хотя мне льстит мысль, что ты меня подозревала. Жаль, что я не додумался так поступить.

Должно быть, удивление Рэйфорда и Хлои было слишком явным, потому что Брюс немедленно пустился в объяснения.

— Ох, нет, вы не так меня поняли, — произнес он. — Просто... Посылать девушке цветы — это красивый жест, и надеюсь, они тебя порадовали, вне зависимости от того, от кого они были.

Казалось, Брюс с облегчением сменил тему и вернулся к своим изысканиям. Он попросил Хлою рассказать о том, что ей удалось выяснить в течение дня. В десять, когда они собирались расходиться, Бизон обратился к Рэйфорду:

— Как бы замечательно я себя ни чувствовал во время молитвы, я не получил никакого наставления о том, как мне поступить.

— Я тоже.

— Наверное, только вы двое. — Брюс взглянул на Хлою, ища подтверждения, и она кивнула. — Нам совершенно ясно, как вы должны поступить. И каждый из вас знает, как должен поступить другой. Но решение принять можете только вы.

Бизон проводил Хлою из церкви.

— Это было потрясающе, — сказала она.

Он кивнул.

— Не знаю, где бы я был без вас, друзья.

— Нас — друзей? — Она улыбнулась. — Ты по-прежнему хочешь, чтобы мы с тобой были просто друзьями?

— Как я могу хотеть больше от девушки, у которой есть тайный обожатель?

Она подмигнула ему:

— А может, стоит.

— Если серьезно, по-твоему, кто это?

— Даже не знаю, с кого начать.

— Так много вариантов?

— Так мало. Точнее, ни одного.

* * *

Рэйфорд задумался, не могла ли Хэтти Дюрхем иметь какое-то отношение к цветам, отправленным Хлое, но он не готов был

озвучить это предположение дочери. Что за безумные мысли вертятся в голове у Хэтти, если она творит подобное? Еще один ее фирменный розыгрыш?

В среду утром, к своему удивлению, Рэйфорд обнаружил в кабинете Эрла Халлидея самого президента «Пан-Континентал» Леонарда Густафсона. До этого он встречался с ним дважды. Рэйфорд должен был что-то заподозрить, еще когда вышел из лифта. Все вокруг выглядело иначе. На столах был порядок, галстуки у всех были на месте, мусор и беспорядок ликвидированы, а люди бросали на Рэйфорда понимающие взгляды, пока он шел к кабинету распорядителя полетов.

Густафсон, бывший военный, был ниже Рэйфорда и худее Эрла, но все равно казалось, что и без того небольшой кабинет Эрла как будто сжался от самого его присутствия. В комнату пришлось принести дополнительный стул. Как только Рэйфорд вошел, Густафсон вскочил и крепко сжавил руку пилота, все еще держа на сгибе руки снятый форменный пиджак.

— Стил, дружище, как твои дела? — произнес он, указывая на стул, как если бы находился в собственном кабинете. — Я сегодня в Чикаго проездом по делам, но когда я узнал, что ты сегодня должен зайти к Эрлу, то решил заглянуть поздравить тебя, отпустить и пожелать самого наилучшего.

— Отпустить?

— Конечно, мы тебя не увольняем, успокойся. Ты можешь уходить с уверенностью, что здесь никто на тебя зла не держит. Ты сделал у нас потрясающую, нет, просто звездную карьеру, нам тебя будет не хватать, но мы гордимся тобой.

— А что, обо всем уже объявили в новостях? — спросил Рэйфорд.

Густафсон рассмеялся неестественно громко.

— Может, это делают прямо сейчас, и мы, конечно, тоже сделаем заявление. Это повод для гордости — и для тебя, и для нас. Ты работал на нас, а теперь будешь работать на самого него. Это же потрясающе!

— А что с другими кандидатами — отпали?

— Нет, но можно сказать, что у нас есть достоверная информация: эта работа твоя, если ты, конечно, согласен.

— Как так получилось? Кто-то кому-то сильно задолжал?

— Нет, Рэйфорд, не говори глупости. Наверное, у тебя есть друзья наверху.

— Нет вроде. Я никогда не встречался с президентом и не знаю никого из его окружения.

— Вероятно, тебя рекомендовал кто-то из сотрудников Карпати. Ты с ним знаком?

— Никогда с ним не встречался.

— Знаешь кого-нибудь, кто с ним знаком?

— Кажется, да, — пробормотал Рэйфорд.

— Похоже, ты сумел этим воспользоваться в нужный момент, — сказал Густафсон, похлопав Рэйфорда по плечу. — Ты идеально подходишь для этой работы, Стил. Мы желаем тебе удачи.

— Значит, у меня нет возможности отказать, даже если бы я захотел?

Густафсон сел, наклонившись вперед и уперев локти в колени.

— Эрл упоминал, что у тебя есть какие-то опасения. Не соверши самую большую ошибку в своей жизни, Рэйфорд. Ты хочешь эту работу. И ты сам это знаешь. И тебе ее предлагают здесь и сейчас. Соглашайся. Я бы согласился. И Эрл тоже. Любой из потенциальных кандидатов убил бы ради этого.

— Для самой большой ошибки в моей жизни уже слишком поздно, — произнес Рэйфорд.

— Ты о чем? — спросил Густафсон, и Рэйфорд заметил, как Эрл прикоснулся к его руке, как бы напоминая, что он имеет дело с религиозным фанатиком, который верит, что упустил свой шанс попасть на небеса живым. — Ах, это! Ну, я имею в виду с тех пор, — добавил Густафсон.

— Мистер Густафсон, а как Николае Карпати сообщит президенту Соединенных Штатов, кто будет управлять его самолетом?

— Понятия не имею, да и какая разница? Политика есть политика, у нас демократы и республиканцы, где-то еще лейбористы и большевики.

Рэйфорд считал, что аналогия не самая удачная, но с логикой было сложно не согласиться.

— Итак, кто-то с кем-то заключил сделку, а я просто наемный работник.

— Так можно сказать про всех нас, — констатировал Густафсон. — Но все в восторге от Карпати. Кажется, что он выше любой политики. Я бы предположил, что президент отдал ему в распоряжение свой новый «боинг», потому что Карпати ему нравится.

«Ну да, — подумал Рэйфорд. — А я пасхальный кролик».

— Так ты согласен?

— Никогда раньше меня не выпихивали с работы.

— Никто тебя не выпихивает, Рэйфорд. Тебя здесь все любят. Мы просто не можем найти оправдание тому, что один из наших лучших пилотов отказывается от самой престижной в мире работы для пилота.

— А как же мое личное дело? На меня же вроде написали рапорт?

Густафсон понимающе улыбнулся:

— Рапорт? Ничего об этом не знаю. А ты, Эрл?

— Я ничего подобного не видел, сэр, — подтвердил тот. — А если что-то такое произошло, то я уверен, что мы бы быстро и легко устранили это препятствие.

— Кстати, Рэйфорд, — спросил Густафсон, — ты знаком с неким Николасом Эдвардсом?

Рэйфорд кивнул.

— Твой друг?

— Был моим вторым пилотом пару раз. Я бы хотел надеяться, что мы друзья.

— Ты слышал, что его повысили до капитана?

Рэйфорд отрицательно помотал головой и мрачно подумал про себя: «Вот она, политика».

— Это ведь отличная новость! — сказал Густафсон.

— И правда, — отозвался Рэйфорд, у него кружилась голова.

— Тебе еще что-нибудь мешает? — поинтересовался Густафсон.

Рэйфорд понимал, что выбора ему не оставляли.

— Обратите внимание, что я пока не дал своего окончательного согласия. Как минимум я хочу остаться жить в Чикаго.

Густафсон скорчил рожу и покачал головой.

— Эрл сообщил мне. Не могу этого понять. Я-то думал, что ты захочешь быть подалее отсюда и воспоминаний о жене и второй дочери.

— Сыне.

— Да-да, он вроде в колледже учился.

Рэйфорд не стал в очередной раз его исправлять, но успел заметить, как вздрогнул Эрл.

— В любом случае, — продолжил Густафсон, — ты можешь увезти свою дочь от навязчивых поклонников и...

— Простите, сэр?

— ...и у тебя будет отличная квартира в пригороде Вашингтона.

— Что за навязчивые поклонники?

— Ну, может, пока все не так очевидно, Рэйфорд, но я чертовски уверен, что не хотел бы, чтобы кто-то анонимно оказывал знаки внимания моей дочери. Не важно, какие.

— Но как вы?..

— Я хочу сказать, Рэйфорд, что я бы никогда не простил себе, если бы что-то случилось с моей девочкой, а у тебя есть отличный шанс увезти ее от тех, кто мог бы ей угрожать.

— Но мою дочь не преследуют, и ей не угрожают. О чем вы вообще говорите?

— Я говорю о розах, или какие там цветы ей прислали? К чему это было?

— Это я и сам бы хотел знать. Насколько мне известно, о том, что она получила этот букет, знали всего трое, за исключением того, кто его, собственно, послал. Откуда вы об этом знаете?

— Не припомню. Кто-то обмолвился, что иногда у человека есть причины уехать не менее весомые, чем повод воспользоваться новыми возможностями.

— Но если вы меня не увольняете, то у меня нет причин уезжать.

— Даже если кто-то преследует твою дочь?

— Кто бы там ее ни преследовал, он сможет так же легко найти ее и в Вашингтоне, — заметил Рэйфорд.

— И все же...

— Меня смущает, что вы в курсе всего этого.

— Не стоит отвергать лучшую работу в своей жизни из-за какой-то нелепой загадки.

— Для меня она не такая уж нелепая.

Густафсон встал.

— Я не привык упрашивать людей сделать то, чего я хочу.

— Другими словами, если я откажусь, моя работа в «Пан-Континентал» на этом также закончится?

— Следовало бы так и поступить, но, полагаю, тогда бы ты подал на нас в суд за то, что мы пытались убедить тебя стать пилотом президента.

У Рэйфорда не было намерения судиться, но он все равно промолчал.

Густафсон сел обратно.

— Сделай мне одолжение, — попросил он. — Съезди в Вашингтон, поговори с людьми там, например с руководством отдела кадров. Скажи им, что ты выполнишь полет в Израиль на подписание мирного договора. А затем уже примешь окончательное решение. Сделаешь это для меня?

Рэйфорд знал, что Густафсон никогда не признается, откуда узнал про те цветы, и решил, что лучше выведает все у Хэтти. Вслух он произнес:

— Да, сделаю.

— Отлично! — сказал Густафсон, пожимая руки Рэйфорду и Эрлу. — Думаю, мы достигли компромисса. Эрл, пусть сегод-

няшний рейс в Балтимор будет для Эрла последним перед полетом в Израиль. На самом деле, он окажется так близко от Вашингтона, что, может быть, лучше назначить кого-нибудь на замену, чтобы пригнать его самолет сюда, в то время как у него будет возможность прямо сегодня встретиться с людьми из Белого дома. Ты сможешь это организовать?

— Уже сделано, сэр.

— Эрл, — сказал Густафсон, — будь ты лет на десять моложе, ты сам был бы идеальным кандидатом на это место.

Рэйфорд заметил, как Эрл болезненно скривился. Густафсон не мог знать, как страстно Халлидей желал получить эту работу. По пути к самолету Рэйфорд проверил свой почтовый ящик. Среди пакетов и внутриофисных напоминаний обнаружилась записка. Текст был очень коротким:

«Спасибо, что рекомендовали меня к повышению раньше положенного срока. Я действительно очень Вам благодарен. Удачи.

Капитан Николас Эдвардс».

Несколько часов спустя, когда Рэйфорд вышел из кабины своего «Боинга-747» в Балтиморе, его встретил сотрудник «Пан-Континентал», который выдал ему документы, необходимые для прохода в Белый дом. На месте его без проблем провели через ворота. Охранник поприветствовал его по имени и

пожелал удачи. Оказавшись, наконец, в кабинете помощника руководителя кадрового департамента, Рэйфорд сообщил, что пока согласен быть пилотом только на рейсе в Израиль в следующий понедельник.

— Прекрасно, — ответили ему. — Мы уже начали проверку вашей личности и рекомендаций, подключив ФБР и секретную службу. Понадобится еще какое-то время, чтобы все завершить, так что у вас есть отличный шанс произвести впечатление на нас и на президента еще до того, как вы пройдете все проверки, при этом не принимая на себя ответственности за самого президента.

— Значит, чтобы управлять самолетом Генерального Секретаря ООН не требуется столь тщательная проверка личности, как для президента?

— Совершенно верно. Опять же в ООН уже утвердили вашу кандидатуру.

— Серьезно?

— Да.

— Но кто?

— Генеральный Секретарь лично.

* * *

Бизон как раз общался по телефону с Мардж Поттер из штаб-квартиры «Глобал уикли» в Нью-Йорке, когда услышал последние новости. Было объявлено, что в течение года весь мир перейдет на использование

доллара в качестве единой денежной единицы. Этот план был инициирован ООН и будет осуществляться под ее руководством. Финансирование будет обеспечиваться налогом в пользу ООН в размере одной десятой процента с каждого доллара.

— Вроде звучит вполне разумно, — заметила Мардж.

— Спроси корреспондента по финансовым вопросам, Мардж, — сказал Бизон. — Это же сикстиллиарды долларов в год.

— А сколько это — сиксиллиард?

— Больше, чем мы с тобой способны считать, — вздохнул Бизон. — Мардж, ты вроде собиралась поискать кого-нибудь, кто мог бы помочь организовать мне интервью на мои религиозные темы?

В трубке было слышно, как она перебирает бумаги.

— Те, с кем тебе надо общаться на тему единой религии, сейчас здесь, в Нью-Йорке, — сказала она. — Они разъедутся в пятницу, но мало кто из них отправится в Израиль. Те, кто занимается восстановлением Храма, на следующей неделе будут в Иерусалиме. Мы пытаемся связаться с теми двумя психами у Стены Плача, но я бы не стала слишком рассчитывать на успех.

— Я рискну.

— Куда переслать твои останки?

— Я выживу.

— Пока это никому не удавалось.

— Я не собираюсь им угрожать, Мардж. Я помогу им донести их весть до всего мира.

— Как скажешь.

— Ты понимаешь, почему о них надо написать?

— Это твоя жизнь, Бизон.

— Спасибо.

— Тебе лучше поймать этого кардинала Мэтьюза по пути сюда. Он мотается туда-сюда между заседаниями по вопросу единой религии в Нью-Йорке и своей епархией в Цинциннати, а в следующий понедельник сразу после подписания договора отправится в Ватикан, чтобы принять участие в выборах папы.

— Но ведь он будет в Иерусалиме?

— О да. Ходит слух, что он станет следующим папой, поэтому он налаживает контакты в Иерусалиме по поводу какого-то важного храма или что-то в этом роде. Но ведь католики же не покинут Ватикан?

— Кто знает, Мардж.

— Это точно. У меня совершенно нет времени думать о подобных вещах, потому что мне приходится быть девочкой на побегушках у тебя и всех тех, кто не способен сам справиться с самой муторной частью работы.

— Мардж, ты самая лучшая.

— Лесть тебя доведет, Бизон.

— До чего?

— Просто доведет.

— А что там с моим раввином?

— Твой раввин отказывается от любых контактов с прессой до того, как объявит о результатах своих изысканий.

— А когда это случится?

— Только сегодня сообщили, что Си-эн-эн предоставляет ему на своем международном спутниковом канале час непрерывного вещания, так что евреи по всему миру смогут одновременно услышать его, хотя, конечно, для кого-то это будет поздняя ночь.

— И когда это случится?

— В понедельник днем, после подписания договора. Церемония подписания в десять утра по иерусалимскому времени. Рабби Бен-Иегуда выйдет в эфир в два пополудни.

— Очень умно выступить ровно тогда, когда вся элита мировых СМИ собралась в Иерусалиме.

— Все эти религиозные деятели отнюдь не глупы, Бизон. Парень, который, вероятно, станет следующим папой, будет на подписании договора запудривать мозги израильтянам. Этот твой раввин считает себя таким чертовски важным, будто чтение его научной работы привлечет больше внимания, чем подписание договора. Поверь, Бизон, я специально озабочусь телевизионной программой, чтобы, не дай бог, не увидеть это его выступление.

— Да ладно тебе, Мардж. Он расскажет нам, как опознать Мессию.

— Я же даже не еврейка.

— Я тоже, но я бы хотел знать, как отличить Мессию. А ты нет?

— Хочешь серьезно и начистоту, Бизон? Полагаю, я видела Мессию. Я его узнала без посторонней помощи. Если и есть кто-то,

кого нам сам Господь послал, чтобы спасти этот мир, то я считаю, что это новый Генеральный Секретарь ООН.

Бизон невольно вздрогнул.

* * *

Рэйфорд нашел свое имя в списке пассажиров первого класса на ближайший рейс из Балтимора в Чикаго. Он позвонил из аэропорта Хлое, чтобы объяснить ей, почему прилетит позже, чем ожидалось.

— С тобой пыталась связаться Хэтти Дюрхем.

— Чего она хотела?

— Она хотела организовать тебе встречу с Карпати до того, как ты станешь его пилотом.

— Я всего лишь отвезу его в Тель-Авив и обратно. Зачем мне с ним встречаться?

— Скорее он хочет с тобой встретиться. Хэтти рассказала ему, что ты христианин.

— Чудно! Он мне никогда не будет доверять.

— Возможно, он просто планирует приглядывать за тобой.

— В любом случае мне надо переговорить с Хэтти лично. Когда он хочет встретиться?

— Завтра.

— Внезапно я стал ужасно занятым человеком. А у тебя что нового?

— Очередной подарок от тайного поклонника, — заявила она, — На этот раз конфеты.

— Конфеты? — переспросил Рэйфорд, в нем живо ожили все страхи, которые возникли после разговора с Леонардом Густафсоном. — Ты ведь их не ела?

— Нет еще. А что?

— Не надо трогать эту дрянь, пока ты не узнаешь, от кого она.

— Ох, папа.

— Мало ли что, дорогая. Пожалуйста, не надо рисковать.

— Ладно, хотя это мои любимые! И выглядят очень соблазнительно.

— Даже не открывай их, пока мы все не выясним, хорошо?

— Хорошо, но ты наверняка их сам захочешь попробовать. Это те самые, которые ты мне обычно привозил из Нью-Йорка, из того небольшого магазинчика.

— Леденцы «Уиндмилл» из Хольман-Мидоус?

— Они самые.

Это была уже явная насмешка. Сколько раз Рэйфорд говорил Хэтти, что ему нужно купить эти конфеты в том магазине во время остановок в Нью-Йорке. Она даже несколько раз ходила с ним вместе. Итак, Хэтти уже не скрывала, что загадочные подарки посылала она. Но зачем? Вряд ли это было мстью за то, что он когда-то за ней ухаживал. Какое отношение это имело к Хлое? И был ли

в курсе этого Карпати или даже, может, он стоял за всем этим? Очевидно было только то, что Рэйфорд попытается это выяснить.

* * *

Бизон осознал, что наконец вернулся к привычному рабочему ритму. После массовых исчезновений в его жизни творился такой хаос, что он всерьез начал сомневаться, что когда-либо сможет опять наслаждаться прежней бурной деятельностью. С одной стороны, он обрел веру, с другой — был понижен в должности и вынужден переехать. Сейчас он, кажется, восстановил благосклонность руководства «Глобал уикли», а благодаря своим инстинктам получил право написать статьи, которые, по его мнению, станут сенсационными.

Он сидел в своем импровизированном домашнем офисе, отправляя факсы, электронные письма, разговаривая по телефону, получая информацию от Мардж, других репортеров «Уикли» или через личные контакты. В течение короткого времени ему надо было взять интервью у огромного количества людей, и создавалось впечатление, что все события происходят одновременно. И хотя какая-то часть его сознания не могла не ужасаться происходящему, Бизон наслаждался этой гонкой. Ему отчаянно хотелось донести истину до собственной семьи, однако ни его

отец, ни брат даже слышать бы об этом не захотели. Одна эта мысль свела бы его с ума, если бы он не погрузился с головой в трудную, но захватывающую работу.

У Бизона на все про все было несколько дней до и после подписания договора. Как будто всю его жизнь поставили на ускоренную перемотку вперед, чтобы впихнуть как можно больше в оставшиеся семь лет. Он понятия не имел, как будет выглядеть Царство Божие на земле, хотя Брюс и рассказывал им троим об этом. Бизон страстно желал Явления во Славе и последующего тысячелетнего царствия Христа на земле. Но в его представлении, пока он не узнал и не понял больше, необходимо было как можно скорее достигать понятных, естественных целей, таких как журналистские расследования, сочинение статей, любовь, брак, возможно, даже рождение ребенка.

Хлоя была лучшим, что у него появилось в этой новой жизни. Но будет ли у него время, чтобы оценить по достоинству отношения, которые обещали большее, чем он когда-либо испытывал в своей жизни? Она отличалась от всех женщин, которых он знал, и все же он не понимал сути этого отличия. Вера украсила ее, сделала ее другим человеком, и все же она привлекала его еще до того, как они уверовали во Христа.

У него в голове не укладывалось, что сама их встреча могла быть частью какого-то Божественного плана. Как бы он хотел, чтобы они встретились много лет назад и вместе

подготовились бы к Восхищению! Но если он хотел увидаться с ней до отъезда в Израиль, то это необходимо было делать прямо сегодня.

Бизон взглянул на часы. Ему нужно было сделать еще один звонок, а затем он свяжется с Хлоей.

* * *

Рэйфорд дремал в салоне первого класса, слушая музыку в наушниках. На экране перед ним мелькали сюжеты из последних новостей, но он быстро потерял интерес к сообщениям о рекордной волне преступлений, которая захлестнула Америку. Его разбудило упоминание имени Карпати. Совет Безопасности ООН каждый день заседал по несколько часов, завершая работу над планом перехода к единой мировой валюте и всеобщего разоружения, предложенных Генеральным Секретарем. Изначально планировалось уничтожить девяносто процентов вооружений, а оставшиеся десять передать в ведение ООН. Сейчас обсуждалось, что каждая страна должна также предоставить своих военных в миротворческие силы ООН.

Карпати попросил президента Соединенных Штатов возглавить комиссию по контролю над разоружением. С его стороны это был очень спорный ход. Противники США утверждали, что Фитцхью будет при-

страстен и неблагонадежен, что он добьется, чтобы остальные уничтожили свое оружие, в то время как Штаты смогут свое сохранить.

Карпати лично ответил на эти выпады в своей обычной прямой и сочувственной манере. Слушая его, Рэйфорд невольно вздрогнул. Несомненно, не будь он христианином, он бы доверял и поддерживал этого человека.

— Соединенные Штаты многие годы стояли на страже мира, — заявил Карпати. — Они же возглавят процесс разоружения, первыми уничтожив свое оружие и отправив оставшиеся десять процентов в Новый Вавилон. Представители всех стран смогут свободно приехать, убедиться в соблюдении Америкой всех требований, чтобы затем поступить аналогично.

Позвольте мне кое-что добавить, — продолжил Генеральный Секретарь. — Это масштабный и важный процесс, на завершение которого могут уйти годы. Любая страна может затянуть выполнение процедурного протокола на месяцы, но мы не должны этого допустить. Соединенные Штаты подадут пример, и все остальные страны должны потратить на уничтожение запасов вооружений и передачу остатков ООН не больше, чем они. К тому времени, как в Новом Вавилоне будет построена новая штаб-квартира ООН, все оружие должно быть там.

Скоро начнется эпоха мира. Мы стоим на пороге возникновения единого Мирового Сообщества.

Заявление Карпати было встречено громом аплодисментов, даже со стороны представителей прессы.

Позднее, в том же выпуске новостей, Рэйфорд увидел короткий специальный репортаж о новом президентском самолете, «Боинге-777», который будет доставлен в аэропорт Даллес в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорк, где будет ждать своего первого официального рейса под управлением нового капитана, имя которого будет объявлено позже. Он был выбран из числа лучших пилотов крупнейших авиакомпаний.

В других новостях также цитировали Карпати: он сообщил прессе, что завтра днем он и представители экуменического совета собрания религиозных лидеров мира сделают потрясающее заявление.

* * *

Бизон связался с помощником архиепископа Питера Мэтьюза из Цинциннати. Да, он здесь, но отдыхает. Завтра утром он отправляется в Нью-Йорк на финальное заседание экуменического совета, а затем полетит в Израиль и в Ватикан.

— Я могу приехать, когда и куда ему угодно, — сказал Бизон.

— Я дам вам знать его ответ в течение получаса.

Бизон позвонил Хлое.

— У меня всего несколько минут, — начал он. — Не могли бы мы встретиться вдвоем до вечернего собрания?

— Да, а что случилось?

— Ничего особенного, — успокоил ее Бизон. — Я просто хотел провести с тобой как можно больше времени вместе, пока я точно знаю, что способен это сделать.

— Способен? Так вот как это называется!

— Да, мэм, а вы?

— Думаю, я тоже способна. А значит, у нас есть что-то общее.

— У тебя есть планы на сегодняшний вечер?

— Нет. Отец задерживается. Он был на собеседовании в Белом доме.

— Он согласился на их предложение?

— Он собирается совершить первый рейс, а потом уже принять решение.

— Я мог бы лететь с ним.

— Я знаю.

— Я заеду за тобой в шесть? — предложил Бизон.

— Отлично.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Как и было обещано, помощник кардинала Мэтьюза вскоре перезвонил Бизону, новости у него были хорошие. Кардинал был так впечатлен интервью, которое брал у него мистер Уильямс для статьи в «Уикли», что предлагает тому сопровождать его в Нью-Йорк следующим утром.

Бизон заказал билет на последний вечерний рейс из Чикаго в Цинциннати. Ровно в шесть он был у Хлои, захватив с собой в качестве сюрприза китайскую еду. Он рассказал ей о своих планах на вечер и добавил:

— Я не хотел тратить время нашего общения на поиски ресторана.

— Папа будет завидовать, когда вернется, — сказала Хлоя. — Он любит китайскую кухню.

Бизон запустил руку в пакет и с ухмылкой достал еще одну порцию.

— Спорю, что это его порадует.

Вместе они больше часа просидели на кухне за едой и болтовней. Они говорили буквально обо всем — о своем детстве, семьях, главных событиях в жизни, надеждах, страхах и мечтах. Бизону нравилось слушать, как говорит Хлоя, не только смысл ее слов, но просто сам звук ее голоса. Он не знал, было ли это потому, что она была самым интересным собеседником из всех, что он когда-либо встречал, или потому, что он в нее влюблен. В итоге он решил, что и то и другое верно.

Вернувшись домой, Рэйфорд застал Хлою и Бизона за компьютером Рэйми, который не включали с самого его исчезновения. За пару минут Бизон настроил Хлое Интернет и создал ей электронный почтовый ящик.

— Так ты сможешь со мной связаться в любой точке мира, — объяснил он.

Рэйфорд оставил Бизона и Хлою за компьютером, а сам решил изучить конфеты из Хольман-Мидоус. Они были надежно упакованы и доставлены надежной компанией. Адресовано было Хлое, но никакой записки не было. Рэйфорд пришел к выводу, что с ними ничего не делали, даже если их по какой-то необъяснимой причине прислала Хэтти Дюрхем, так что не было никакой причины от них отказываться.

— Кто бы ни был поклонником вашей дочери, у него определенно хороший вкус, — заявил Бизон.

— Спасибо, — отозвалась Хлоя.

— Вообще-то я имел в виду конфеты.

Хлоя покраснела:

— Я знаю, что ты имел в виду.

* * *

По настоянию Рэйфорда Бизон согласился на время поездки оставить машину в гараже у Стилов. Бизон и Хлоя раньше ушли с собрания Отряда Скорби, чтобы успеть в аэропорт. На дороге было свободнее, чем они ожидали, так что они приехали в аэропорт более чем за час до вылета.

— Мы могли подольше задержаться в церкви, — сказал Бизон.

— Лучше было подстраховаться, — ответила Хлоя. — Терпеть не могу прибегать в последний момент.

— Я тоже, — вздохнул он. — Но обычно именно так и получается. Ты можешь просто высадить меня на обочине.

— Если ты готов заплатить за парковку, я могу подождать вместе с тобой.

— Тебя не смущает, что придется возвращаться одной среди ночи?

— Я сотню раз так делала, — сказала Хлоя. — Здесь полно охранников.

Она припарковалась, и они пошли через огромный терминал. На плече Бизон тащил кожаную сумку. В нее влезало все, что ему было нужно для жизни и работы. Казалось, Хлое было немного неловко, но Бизон не

мог ей предложить ничего понести, а так как их отношения еще не дошли до стадии, когда можно держаться за руки, они просто шли рядом. Каждый раз, когда он к ней обращивался, чтобы что-то сказать, ремень соскальзывал с плеча, и ему приходилось его поправлять, так что в итоге они воспользовались бегущей дорожкой. Так они добрались до выхода на посадку.

Бизон зарегистрировался и выяснил, что самолет будет практически пустым.

— Хотел бы я, чтобы ты поехала со мной, — легкомысленно заявил он.

— И я бы... — начала она, но, вероятно, передумала.

— Что?

Она покачала головой.

— Ты бы тоже хотела со мной поехать?

Она кивнула.

— Но я не могу и не поеду, так что давай даже не поднимать эту тему.

— Что же мне с тобой делать? — поинтересовался он. — Засунуть тебя в сумку?

Хлоя рассмеялась.

Они стояли у окна, наблюдая за работой грузчиков багажа и регуляторов наземного движения. Бизон старательно делал вид, что просто смотрит в окно, хотя на самом деле он любовался отражением Хлои всего в нескольких сантиметрах от его собственного. Пару раз ему казалось, что ее внимание переключалось с созерцания летного поля на отражение на стекле, и надеялся, что она

смотрит на него. «Я пытаюсь выдавать желаемое за действительное», — думал он.

— Наш рейс задерживается на двадцать минут, — объявила женщина у стойки.

— Ты не обязана со мной тут сидеть, Хлоя, — сказал Бизон. — Хочешь, я провожу тебя обратно до машины?

Она опять рассмеялась:

— Да у тебя просто паранойя по поводу этой старой парковки! Нет, уговор был такой: я привожу тебя сюда, жду с тобой у выхода на посадку, чтобы тебе не было одиноко, а затем дожидаясь, пока ты спокойно сядешь в самолет. Я помашу тебе вслед, когда самолет взлетит, притворюсь, что не могу сдвинуться с места и последовать за тобой, и только когда даже его след исчезнет, рискну отправиться к машине.

— Ты все это придумала, пока мы сюда шли?

— Конечно. А теперь сядь и расслабься, как будто ты постоянно путешествуешь по миру.

— Хотел бы я на мгновение представить, что это не так.

— Но тогда ты бы нервничал по поводу предстоящего полета и хотел, чтобы я была с тобой?

— Я просто хочу, чтобы ты была со мной.

Она отвернулась. «Не торопись», — сказал он себе. И хотя их отношения были уже на стадии взаимного подшучивания и словесных пикировок, в них все еще было до безумия много неопределенности. Он не хотел

ей говорить ничего такого, чего не сказал бы, даже если бы не уезжал на несколько дней.

— Я бы тоже хотела, чтобы ты был здесь со мной, — как бы беспечно произнесла она. — Но ты меня бросаешь.

— Никогда и ни за что.

— Не бросишь меня?

— Как можно. — Он старался шутить, чтобы не отпугнуть ее.

— Что ж, это радует. Терпеть не могу расставания.

Рэйфорд собирал вещи для поездки в Нью-Йорк на следующий день, прислушиваясь, не вернулась ли Хлоя, когда ему позвонил Эрл и спросил, связались ли с ним представители Карпати.

— Слушай, это не та Хэтти Дюрхем, что когда-то работала у нас?

— Она самая.

— Теперь она секретарша Карпати?

— Что-то вроде того.

— Мир тесен.

* * *

— Наверное, глупо просить тебя быть осторожнее в Цинциннати, и в Нью-Йорке, и в Израиле после всего того, что ты пережил, — начала Хлоя.

Бизон улыбнулся:

— Если ты еще не уходишь, не надо раньше времени прощаться.

— Я не уеду, пока самолет не скроется из глаз, — запротестовала она. — Я же сказала тебе.

— Тогда можно пока пойти съесть что-нибудь вкусненькое, — сказал он, показывая на лоток с кренделями дальше по коридору.

— У нас же был отличный десерт, — напомнила она. — Шоколад и печенье.

— Выпечка с предсказаниями не в счет, — возразил он. — Да ладно тебе. Помнишь, как мы первый раз вместе ели подобные крендели?

В день их знакомства Бизон заметил в уголке ее рта след шоколада от кренделя и стер его, а затем не придумал ничего лучше, чем слизнуть его со своего пальца.

— Помню, что я была неаккуратна, — ответила Хлоя. — А ты попытался подшутить над этим.

— Как ты относишься к кренделям? — спросил Бизон, как она тогда, в день их первой встречи в Нью-Йорке.

— Неужели я к ним отношусь?

Бизон рассмеялся не потому, что ему было смешнее, чем в прошлый раз, но потому, что, как он для себя решил, какой бы глупой ни была эта шутка, истинное ее значение было понятно только им двоим.

— Я правда не хочу есть, — призналась Хлоя, пока они разглядывали прилавок под усталым взглядом парнишки-продавца, ожидавшего их заказа.

— Я тоже, — ответил Бизон. — Это про запас.

— На сегодня или на завтра? — спросила она.

— Как мы с тобой договоримся.

— Мы что, будем есть их вместе? Я имею в виду, в одно и то же время?

— Разве это не увлекательно?

— У тебя просто неиссякаемая фантазия.

Бизон попросил два кренделя в двух разных пакетах.

— Не могу этого сделать, — огрызнулся продавец.

— Тогда дайте мне один, — сказал Бизон, протягивая деньги и незаметно передавая оставшуюся мелочь Хлое.

— И мне, пожалуйста, один крендель, — попросила она, расплачиваясь.

Парень скорчил гримасу, но упаковал крендели в отдельные пакеты и вернул сдачу.

— Не мытьем, так катаньем, — пошутил Бизон.

Они неспешно вернулись к выходу на посадку. Там уже собралось несколько пассажиров, и женщина у стойки объявила, что их самолет, наконец, прибыл. Бизон и Хлоя сидели и смотрели на устало проходящих мимо прибывших пассажиров.

Бизон аккуратно свернул пакетик с кренделем и положил его в свою сумку.

— Завтра в восемь утра я буду лететь в Нью-Йорк, — сказал он, — и съем его за утренним кофе, думая о тебе.

— Здесь будет всего семь утра, — напомнила Хлоя. — Я еще не встану, но буду мечтать о вкусном кренделе и о тебе.

«Мы по-прежнему ходим вокруг да около, — подумал Бизон. — Все шутки шутим».

— Тогда я подожду до того момента, когда ты встанешь, — предложил он. — Скажи, когда ты собираешься съесть свой крендель?

Хлоя задумчиво закатила глаза.

— Хм, — произнесла она. — Когда у тебя будет самое важное официальное заседание?

— Ближе к полудню в большом отеле в Нью-Йорке. Карпати собирается сделать заявление совместно с кардиналом Мэтьюзом и остальными религиозными лидерами.

— Когда бы оно ни было, именно тогда я его и съем, — заявила Хлоя. — Слабо сделать это тогда же?

— Ты узнаешь, что меня бесполезно проверять на слабо. — Бизон улыбнулся, хотя говорил совершенно серьезно. — Я не знаю страха.

— Как же! — фыркнула Хлоя. — Ты до смерти боишься здешней парковки, хотя не тебе идти по ней одному поздней ночью.

Бизон потянулся к ее пакету с выпечкой.

— Эй, что ты делаешь? — возмутилась она. — Ты же не голоден, забыл?

— Просто хочу понюхать, как он пахнет, — ответил Бизон, — чтобы лучше запомнить этот момент.

Она открыла пакетик и сунула ему под нос.

— Пахнет вкусно! — произнес он. — Сдобное тесто, шоколад, орехи, масло и тому подобное.

Он протянул пакетик обратно Хлое, чтобы она могла понюхать.

— Мне нравится, — сказала она.

Бизон протянул вторую руку и прикоснулся ладонью к ее щеке. Она не отодвинулась, но взглянула ему в глаза.

— Запомни этот момент, — попросил Бизон. — Я буду думать о тебе, когда уеду.

— Я тоже, — сказала Хлоя. — А теперь закрой пакет. Я не хочу, чтобы крендель зачерствел и утратил запах, напоминающий о тебе.

* * *

Рэйфорд проснулся раньше Хлои и спустился на кухню. На столе лежал маленький пакетик с кренделем. «Один остался», — подумал он и хотел было съесть его. Но вместо этого написал Хлое записку: «Извини, съел последний, надеюсь, ты не сердишься». А на обороте: «Шутка» — и положил записку поверх пакета. Он выпил кофе и сок, надел тренировочный костюм и отправился на пробежку.

* * *

Бизон летел в салоне первого класса вместе с кардиналом Мэтьюзом из Цинциннати в Нью-Йорк. Мэтьюзу было изрядно за пятьдесят, это был тучный мужчина с двойным подбородком и коротко стриженными черными волосами, как оказалось, некрашеными. Только воротничок свидетельствовал о его статусе. У него с собой был дорогой кейс и ноутбук, Бизон заметил, что, судя по посадочному талону, кардинал сдал в багаж еще четыре чемодана.

Мэтьюз путешествовал в сопровождении неразговорчивого помощника, который следил, чтобы кардиналу не докучали ненужные люди. Он без слов переместился на передний ряд, освободив Бизону место рядом с кардиналом.

— Почему вы не рассказали мне, что вы один из кандидатов на папский престол? — начал Бизон.

— Прямо с места в карьер, да? — произнес Мэтьюз. — Не хотите немного шампанского с утра?

— Нет, благодарю.

— Не возражаете, если я выпью?

— Как вам будет угодно. Скажите мне, когда у вас будет настроение пообщаться.

Помощник Мэтьюза услышал их разговор и дал знак стюардессе, которая немедленно принесла кардиналу бокал шампанского.

— Как обычно, — сказала она.

— Спасибо, Кэрин, — поблагодарил Мэтьюз, как если бы хорошо ее знал. Вероятно, так и было. Когда она ушла, он прошептал: — Семья Литовски из моего первого прихода. Лично ее крестил. Она уже много лет работает на этом рейсе. Так о чем мы говорили?

Бизон не отреагировал. Он знал, что кардинал понял вопрос и все прекрасно помнит. Но если он хотел потешить свое самолюбие, ему придется это сделать самому.

— Ах да, вас интересовало, почему я не упомянул про папство. Думаю, потому, что я считал, будто все в курсе. Карпати, напроимер.

«Он-то точно знал, — подумал Бизон. — Не удивлюсь, если он это и организовал».

— Карпати надеется, что вы победите на выборах?

— Не для записи, — прошептал Мэтьюз. — Нет нужды гадать, у нас есть уже результаты голосования.

— У нас?

— Это фигура речи. Мы, нас, я, у меня есть результаты голосования. Понимаете?

— Но как вы можете быть так уверены?

— Я был членом коллегии кардиналов более десяти лет. За все эти годы выбор папы никогда не был для меня сюрпризом. Знаете, как называет меня Николае? Пи Эм.

Бизон недоуменно пожал плечами:

— Он зовет вас по инициалам? В этом есть какой-то особенный смысл?

Помощник Мэтьюза оглянулся на них и отрицательно покачал головой. «Значит, это

что-то, о чем я должен знать», — предположил Бизон. Но он никогда не стеснялся задавать глупые вопросы.

— Понтифекс Максимус, — улыбнулся Мэтьюз. — В переводе с латыни Великий Понтифик.

— Поздравляю, — сказал Бизон.

— Спасибо, но полагаю, вы в курсе, что Николае вкладывает в мое папство больший смысл, нежели просто управление святой матерью нашей, Римско-католической Церковью.

— Расскажите поподробней, пожалуйста.

— Об этом официально объявят чуть позже сегодня, но, если вы не будете меня цитировать, я эксклюзивно расскажу вам, в чем дело.

— С чего бы вам это делать?

— Потому что вы мне нравитесь.

— Вы же меня едва знаете.

— Но я знаю Николае.

Бизон вжался в кресло.

— Значит, я нравлюсь Николае.

— Именно.

— Иными словами, эта наша совместная поездка на самом деле никак не зависела от моих действий?

— Ну да, — ответил Мэтьюз. — Карпати высоко о вас отзывался. Он хочет, чтобы я все вам изложил, как есть. Только не считайте меня негодяем или эгоистом из-за того, что я вам расскажу.

— Это заявление выставит вас в таком свете?

— Нет, потому что заявление будет делать Карпати.

— Я вас внимательно слушаю.

* * *

— Приемная Генерального Секретаря Карпати, у телефона мисс Дюрхем.

— Это Рэйфорд Стил.

— Рэйфорд! Как де...

— Давай перейдем сразу к делу, Хэтти. Я хочу сегодня прийти пораньше, чтобы переговорить с тобой наедине.

— Это было бы прекрасно, капитан Стил. Но должна вас заранее предупредить, что я кое с кем встречаюсь.

— Это не смешно.

— Я тоже серьезно.

— У тебя будет время?

— Конечно. Генеральный Секретарь хочет встретиться с вами в четыре часа. Жду вас к трем тридцати.

Когда Хлоя зашла на кухню, полностью готовая идти на работу, Рэйфорд уже повесил трубку. Она увидела его записку.

— Папа! Как ты мог! — воскликнула она, и ему показалось, что она была готова расплакаться. Она схватила пакет и потрясла его. Записка перевернулась, и Хлоя с облегчением выдохнула: — Папа, тебе давно пора

вырасти. Ты можешь хоть раз в жизни вести себя как взрослый.

Он уже собирался отправляться в аэропорт, а она на работу, когда по Си-эн-эн начали прямую трансляцию пресс-конференции с заседания лидеров мировых религий в Нью-Йорке.

— Смотри, папа, — сказала Хлоя, — Бизон сейчас там.

Рэйфорд поставил сумку на пол и подошел к Хлое, которая замерла перед телевизором с кружкой кофе в руке. Корреспондент озвучил, что должно произойти:

— Мы ожидаем совместного заявления от лица коалиции религиозных лидеров и ООН, которое будет сделано Генеральным Секретарем ООН Николае Карпати. Кажется, он сегодня герой дня, которому удалось упорядочить идеи и сплотить представителей столь различных систем верований. С тех пор как он вступил в должность, ни дня не прошло без великих свершений.

Мы предполагаем, что мировые религии предложат новый, более сплоченный и терпимый, чем когда бы то ни было, взгляд на глобальные вопросы. В прошлом экуменическое движение потерпело поражение, и вскоре мы узнаем, сделают ли современные нововведения его более жизнеспособным. На трибуну поднимается кардинал Питер Мэтьюз, архиепископ Римско-католической Церкви в Цинциннати и предполагаемый преемник папы Иоанна XXIV, который за-

нимал папский престол всего пять месяцев, а затем исчез несколько недель назад.

Камера крупным планом показала трибуну, где, толкаясь, чтобы засветиться в первых рядах, толпилось более двух десятков религиозных лидеров со всего мира в национальных костюмах. Когда архиепископ Мэтьюз наконец пробрался к микрофонам, Хлоя вскрикнула:

— Папа, посмотри! Там Бизон!

Она указала на одного из репортеров, который стоял не вместе с остальными журналистами, а как бы балансировал на дальнем краю трибуны. Судя по всему, равновесие ему удавалось сохранять. Дважды он вынужденно соскакивал вниз, но неизменно возвращался.

Пока Мэтьюз в очередной раз вещал о важности международного сотрудничества, Рэйфорд и Хлоя во все глаза смотрели на Бизона. Он стоял позади всех, и никто не обращал на него внимания.

— Что это у него там? — спросил Рэйфорд. — Какой-то блокнот или диктофон?

Хлоя присмотрелась и ахнула. Она побежала на кухню и вернулась с пакетиком с выпечкой.

— Это крендель! — объяснила она. — Мы договорились съесть их одновременно!

Рэйфорд ничего не понял, но порадовался, что все-таки не съел тот крендель.

— Что ты?.. — начал он, но Хлоя заставила его замолчать.

— Пахнет так же, как и вчера вечером! —
восхитилась она.

Рэйфорд фыркнул.

— И что так пахло вчера вечером? — по-
интересовался он.

— Тсс!

И действительно, у них на глазах Бизон быстро и незаметно засунул руку в пакет, под шумок достал оттуда крендель, засунул его в рот и начал жевать. Хлоя проделала то же самое. Рэйфорд заметил, что она улыбалась и плакала одновременно.

— Да ты всерьез влюбилась, — констатировал он и отправился в аэропорт.

* * *

Бизон не знал, заметил ли кто-нибудь, кроме Хлои Стил, его проделку. Что эта девушка с ним сделала? В одно мгновение он из международного журналиста превратился во влюбленного романтика, который совершает безумства, чтобы привлечь к себе внимание. Хотя он надеялся, что не привлечет слишком много внимания. Практически никто не смотрит на тех, кто маячит по краям кадра. Он вполне допускал, что Хлоя смотрела передачу, но не видела его.

Но важнее его выходки было событие, которое никак нельзя было назвать типичным итогом международной конференции. Каким-то образом, то ли благодаря под-

держке избрания Мэтьюза папой, то ли своей сверхъестественной способности к внушению, Карпати удалось заставить религиозных лидеров сделать беспрецедентное по своей значимости заявление.

Они объявили не просто о желании сотрудничать и относиться друг к другу более терпимо, но и о создании совершенно новой религии, которая объединит в себе верования их всех.

— И хотя преданным последователям религиозных учений это может казаться невозможным, — сказал Мэтьюз, — мы все здесь абсолютно единодушны в своем решении. Наши религии вызвали не меньше конфликтов и кровопролитий по всему миру, чем любое правительство, армия или оружие. Но с сегодняшнего дня мы объединяемся под знаменем Веры Мирового Сообщества. Наш знак будет состоять из священных символов всех религий, обозначающих всеобщее единство, и с настоящего момента так и будет. Не имеет значения, верим ли мы, что Бог был реальным человеком или идеей, во всем ли Он или надо всем, в нас ли Господь или мы сами Боги или даже Бог, мы едины.

Когда настало время вопросов, за дело взялись опытные корреспонденты, специализирующиеся на религиозных темах.

— А что случится, скажем, с управлением Римско-католической Церковью? Будет ли теперь необходимость в папе?

— Мы выберем папу, — ответил Мэтьюз. — И мы надеемся, что лидеры остальных

религий будут назначаться в привычном порядке. Но все они будут служить Вере Мирового Сообщества и обеспечивать верность и преданность своей пастве высшей цели.

— Есть ли какой-либо принципиальный догмат, по которому вы все согласны?

Этот вопрос был встречен смехом со стороны участников совещания. Мэтьюз попросил ответить растафарианина. Тот сделал заявление через переводчика:

— В две вещи мы все верим точно. Во-первых, в то, что человек изначально добр. А во-вторых, что исчезновения были своего рода Божественным очищением. В одних религиях исчезло больше адептов, в других меньше. В некоторых вообще никто не исчез. Но тот факт, что достаточное количество адептов каждой из религий осталось, доказывает, что по значимости они все примерно равны. Мы будем проявлять терпимость, поверив, что остались только лучшие.

Бизон переместился к остальным журналистам и поднял руку.

— Кэмерон Уильямс, «Глобал уикли», — представился он. — Я хочу задать уточняющий вопрос господину у микрофона, или Мэтьюзу, или всем. Как идея, что люди по сути своей хорошие, согласуется с предположением о том, что якобы плохих людей насильно удалили? Неужели они изначально не были хорошими?

Никто не спешил ответить. Растафарианин посмотрел на Мэтьюза, а тот беспомощно смотрел на Бизона, не желая совершить

необдуманный поступок и давая ему понять, что тот застал его врасплох.

В конце концов, кардинал взял микрофон.

— Мы здесь не для того, чтоб обсуждать теологические нюансы, — заявил он. — Я один из тех, кто верит, что исчезновения были в своем роде очищением, а те, кто остался, в основе своей все добры. И больше всего это качество проявлено в Генеральном Секретаре ООН Николае Карпати! Давайте поприветствуем его!

Религиозные лидеры на трибуне разразились проявлениями восторга. Кто-то из представителей прессы тоже хлопал, и только в этот момент Бизон осознал, сколько народу собралось позади журналистов. Из-за вспышек он не разглядел этого с трибуны, как и не слышал их до появления Карпати.

Генеральный Секретарь был в своем репертуаре, расхваливая лидеров экуменического совета и поддерживая это прекрасное историческое решение, которое должно было быть принято давным-давно.

Он ответил на несколько вопросов, включая касающиеся восстановления Храма в Иерусалиме.

— Я счастлив сказать, что это произойдет. Как многие из вас знают, в течение десятилетий на это тратились огромные деньги, за прошедшее время за пределами Израиля были созданы части конечного сооружения. И коль скоро процесс рекон-

струкции иницирован, он будет завершен без промедления.

— Но что будет с Куполом Скалы?

— Я очень рад, что вы задали этот вопрос, — сказал Карпати. Бизон предположил, что наверняка это сделали по наущению самого Генерального Секретаря. — Наши братья-мусульмане согласились не только переместить свой храм, но и саму священную часть скалы в Новый Вавилон, давая возможность евреям восстановить Храм на его изначальном месте.

Позвольте мне еще на минуту задержать ваше внимание. Я бы хотел сказать, что мы, несомненно, сейчас переживаем судьбоносный момент мировой истории. Благодаря введению единой валюты, появлению единой веры как результата сотрудничества и терпимости представителей многих религий, а также всеобщему разоружению и политике мира, наша планета действительно становится единым целым.

Многие из вас слышали, что я использую термин «Мировое Сообщество». Это достойное название для нашего нового мирового порядка. Народы всех стран смогут беспрепятственно общаться, молиться и торговать друг с другом. На современном уровне развития транспорта и коммуникаций мир перестает быть скоплением стран и народов, но станет мировым сообществом, единой общиной, все граждане которой равны. Я благодарю религиозных лидеров, присутствующих здесь, которые внесли свой вклад в создание

этой прекрасной мозаики, и я хотел бы сделать заявление в их честь.

С переездом штаб-квартиры ООН в Новый Вавилон наша великая организация будет переименована. Отныне она будет известна как Мировое Сообщество!

Когда аплодисменты, наконец, стихли, Карпати подытожил:

— Поэтому название новой общемировой религии Вера Мирового Сообщества идеально соответствует ее сути.

Генеральный Секретарь покидал место пресс-конференции, в то время как охрана пыталась отогнать атаковавших его репортеров с микрофонами и камерами. Вдруг Карпати заметил Бизона, остановился и дал знак своим телохранителям, что хочет кое с кем переговорить. Когда они стеной стали вокруг него и Бизона, Карпати обнял журналиста. Самое большее, что мог сделать Бизон, — это не отшатнуться.

— Вы совсем не бережете мою репутацию как независимого репортера, — прошептал он на ухо Карпати.

— У вас есть для меня хорошие новости? — спросил Николае, держась на расстоянии вытянутой руки от Бизона и глядя ему в глаза.

— Еще нет, сэр.

— Мы увидимся в Иерусалиме?

— Конечно.

— Ты будешь на связи со Стивом?

— Да.

— Скажи ему, что тебе требуется, и мы все организуем. Я обещаю.

Бизон осторожно подошел к небольшой группе, перед которой вещал кардинал Питер Мэтьюз. Бизон дождался, пока архиепископ его заметит, а затем наклонился к нему и прошептал на ухо:

— Что я пропустил?

— Что ты имеешь в виду? Ты же был там.

— Вы говорили, что Карпати сделает заявление о новых функциях следующего папы, чем-то большим и более важным, чем просто управление католиками.

Мэтьюз покачал головой:

— Вероятно, я переоценил вас, дружище. Я еще не папа, но разве из речи Генерального Секретаря не следовало, что есть потребность в лидере новой религии? И где, как не в Ватикане, лучше всего разместить ее штаб-квартиру? И кто справится с этим лучше, чем новый папа?

— Иными словами, вы будете папой пап.

Мэтьюз улыбнулся и кивнул.

— Пи Эм, — загадочно произнес он.

* * *

Два часа спустя Рэйфорд Стил прибыл в штаб-квартиру ООН. С того самого момента, как он позвонил Брюсу Барнсу перед посадкой в самолет, он непрерывно молился.

— Мне кажется, что мне предстоит встреча с самим дьяволом, — признался Рэйфорд. — Меня в этой жизни мало что пугает, Брюс. Я всегда этим гордился. Но предстоящая встреча меня страшит.

— Для начала, Рэйфорд, пойми, что только во второй половине периода Скорби Антихрист будет представлять собой сатану во плоти.

— А кто же тогда Карпати сейчас? Третьеразрядный демон?

— Нет, но тебе нужна поддержка молитвой. Ты же помнишь, что рассказывал Бизон.

— Бизон на десять лет меня моложе и в гораздо лучшей форме, — сказал Рэйфорд. — Я боюсь запаниковать.

— Не бойся. Будь мужественным. Господь знает, где ты, а Он всегда выбирает лучший момент. Я буду молиться за тебя, и Бизон с Хлоей тоже.

Эта мысль и вправду успокоила Рэйфорда. Да и тот факт, что Бизон тоже был в Нью-Йорке, действовал на него ободряюще. Просто осознание того, что журналист был где-то неподалеку, позволяло Рэйфорду чувствовать себя менее одиноким. Но, несмотря на все свое беспокойство по поводу необходимости встретиться лицом к лицу с Карпати, он понимал, что общение с Хэтти Дюрхем тоже будет не из легких.

Когда он вышел из лифта, Хэтти уже ждала его. Рэйфорд надеялся, что у него будет возможность овладеть ситуацией, собраться

с мыслями и успокоиться. Но не тут-то было. Она стояла прямо перед ним, молодая, красивая, еще более ошеломительная из-за загара и подчеркивавшей ее фигуру дорогой одежды. Увиденное было для него совершенно неожиданно, на мгновение он даже испытал влечение к ней. И тут же понял, что в этом месте присутствует зло.

Память Рэйфорда живо подсказала ему, почему Хэтти производила на него такое сильное впечатление в тот момент, когда его семейная жизнь разладилась. Он молился про себя, благодаря Бога за то, что Тот уберет его от поступка, о котором он бы сожалел всю свою жизнь. Но голос Хэтти вернул его к реальности. Ее дикция и произношение стали более утонченными, но, судя по тону, она по-прежнему оставалась такой же легкомысленной пустышкой, как и была.

— Капитан Стил, — с чувством приветствовала его Хэтти. — Как я рада вас снова видеть! Как все?

— Кто все?

— Хлоя, Бизон и все остальные.

«Все остальные — это и есть Хлоя и Бизон», — подумал Рэйфорд, но вслух ничего не сказал.

— У всех все отлично.

— Это прекрасно.

— Мы можем поговорить где-нибудь наедине?

Она провела его на свое рабочее место, которое было совершенно открытым. Вокруг не было никого, кто мог бы их подслу-

шать, даже потолки были высотой по меньшей мере двадцать футов. Ее стол и прочая мебель были расположены в некоем углублении, похожем чем-то на вокзал, но без ограничивающих его стен.

Звук их шагов отдавался гулким эхом, и у Рэйфорда сложилось ощущение, что они были очень далеко от кабинета Генерального Секретаря.

— Что у вас нового с тех пор, как мы делись последний раз, капитан Стил?

— Хэтти, я не хочу показаться невежливым, но не могла бы ты прекратить называть меня капитаном Стилом и делать вид, что ты не в курсе того, что у меня происходит. Новое в моей жизни ровно то, что ты и твой новый босс вторгаются в мою работу и семью, а я, кажется, ничего не могу с этим поделать.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Стэнтон Бэйли сжал подлокотники своего огромного кресла и резко откинулся назад, пристально глядя на Бизона.

— Кэмерон, — произнес он, — мне тебя никогда не понять! Что это была за выходка с перекусом посреди пресс-конференции?

— Это был всего лишь крендель. Я был голоден.

— Я всегда голоден, — проорал Бэйли. — Но я не ем в прямом эфире перед камерами!

— Я не думал, что меня заметят.

— Ну, теперь ты знаешь наверняка. И если Планк и Карпати все-таки пустят тебя на церемонию подписания в Иерусалиме, воздержись от подобных перекусов.

— Это был крендель.

— Никаких больше кренделей!

* * *

Хотя Рэйфорд на протяжении многих лет был начальником Хэтти Дюрхем, сейчас, сидя напротив нее за впечатляющих размеров столом, он чувствовал себя как ее подчиненный. Вероятно, то, что он сразу перешел к делу, привело ее в чувства.

— Послушай, Рэйфорд, — сказала она, — ты мне по-прежнему нравишься, несмотря на то что кинул меня. Я никогда не сделаю ничего, что может причинить тебе боль.

— Ну да, попытка подать на меня рапорт с жалобой вряд ли могла бы мне повредить.

— Я просто пошутила. И ты сразу меня раскусил.

— Это доставило мне массу неприятностей. Как и твоя записка в Далласе про новый самолет президента.

— Но я же говорила, что это тоже была шутка.

— Совсем не смешная. Слишком уже совпала с реальностью.

— Ладно, Рэйфорд, если ты так чувствителен к дружескому подтруниванию, я не буду больше так делать. Я просто думала, что немного юмора не повредит дружескому общению.

— Брось, Хэтти. Неужели ты думаешь, что я в это поверю? Это на тебя совсем не похоже. Ты не разыгрываешь своих друзей. Только не ты.

— Хорошо. Извини.

— Этого недостаточно.

— Прости, но я больше не хочу это обсуждать.

Хэтти Дюрхем обладала уникальной способностью выводить Рэйфорда из состояния душевного равновесия. Он сделал глубокий вдох и постарался взять себя в руки.

— Хэтти, я хочу, чтобы ты рассказала мне про цветы и конфеты.

Хэтти совсем не умела врать.

— Цветы и конфеты? — переспросила она после неловкой паузы.

— Хватит дурачиться, — настаивал Рэйфорд. — Просто признай, что это сделала ты, и объясни мне зачем.

— Я делаю только то, что мне говорят, Рэйфорд.

— Серьезно? Это выше моего понимания. Следует ли мне поинтересоваться у самого могущественного человека в мире, зачем он посылает цветы и конфеты моей дочери, которую в жизни не видел? Это что, попытка ухаживания? Если да, то почему он не подписался?

— Он за ней не ухаживает, Рэйфорд. Он уже кое с кем встречается.

— Что ты имеешь в виду?

— У него есть девушка.

— Кое-кто, кого мы знаем? — Рэйфорд посмотрел на нее с отвращением.

Казалось, Хэтти с трудом сдерживает улыбку.

— Ну, тебе я могу сказать, что у нас с ним отношения, но пресса об этом пока не зна-

ет, так что мы были бы признательны, если бы...

— Давай заключим сделку. Ты прекратишь посылать эти дурацкие подарки Хлое и расскажешь мне, зачем все это было нужно, а я сохраню ваш маленький секрет, идет?

Хэтти заговорщицки наклонилась вперед.

— Идет, — ответила она. — Я скажу, что я по этому поводу думаю, ладно? Потому что я не знаю точно. Я просто делаю то, что мне говорят. А он просто гений.

Рэйфорд в этом не сомневался. Ему просто хотелось знать, почему Николае Карпати тратит время на такие пустяки.

— Продолжай.

— Он действительно хочет, чтобы ты стал его пилотом.

— Хорошо, — осторожно ответил Рэйфорд.

— Ты ведь сделаешь это?

— Сделаю что? Я имел в виду, что слежу за ходом твоей мысли, хотя не уверен, что все понимаю. Он хочет, чтобы я был его пилотом, и что из этого следует?

— Он знает, что ты счастлив там, где ты сейчас.

— Пока все понятно.

— Он хочет не просто сманить тебя работой, но и сделать так, чтобы ты захотел уехать оттуда, где ты сейчас.

— И тот факт, что он ухаживает за моей дочерью, должен был подтолкнуть меня к решению работать на него?

— Нет, конечно. Предполагалось, что ты не узнаешь, кто стоит за всем этим!

— Ага. Я должен был забеспокоиться, что Хлою преследует кто-то из Чикаго, и был бы более склонен переехать и согласиться на новую работу.

— Именно так.

— У меня много вопросов, Хэтти.

— Валяй.

— Почему предполагалось, что я сбегу, узнав, что за Хлоей кто-то ухаживает? Ей почти двадцать один. Самое время обзаводиться поклонниками.

— Но ведь подарки были анонимными. Это должно было нервировать и расстраивать.

— Так и было.

— Тогда мы достигли своей цели.

— Хэтти, неужели ты думала, что я не смогу сложить два плюс два, когда ты прислала любимые конфеты Хлои, которые можно купить только в одном магазине в Нью-Йорке?

— Гм... — произнесла она. — Наверное, это было не слишком умно.

— Ладно, предположим, что это сработало бы. Я бы решил, что кто-то следит или ухаживает за моей дочерью с дурными намерениями. Неужели Карпати, который на такой короткой ноге с президентом, не в курсе, что меня пригласили быть пилотом борта номер один?

— Ох, Рэйфорд! Он хочет, чтобы ты согласился именно на эту работу.

Рэйфорд ссутулил плечи и вздохнул:

— Хэтти, ради всего святого, объясни мне, что происходит? В Белом доме и в «Пан-Континентал» мне намекают, что мою кандидатуру продвигает Карпати. Меня за глаза утвердили как пилота делегации ООН для полета в Израиль. Карпати хочет, чтобы я был его пилотом, и в то же время хочет, чтобы я был капитаном президентского самолета?

К вящему раздражению Рэйфорда, Хэтти взглянула на него со спокойной и снисходительной улыбкой и произнесла таким тоном, как если бы говорила со школьником:

— Рэйфорд Стил, неужели ты действительно не понимаешь? Ты просто не знаешь, кто Николае Карпати на самом деле.

На секунду Рэйфорда парализовало. Он лучше ее знал, кем на самом деле был Карпати. Вопрос был в том, имела ли она хотя бы отдаленное представление об этом.

— И кто же он? — спросил он. — Объясни мне.

Хэтти оглянулась, как если бы Карпати мог появиться в любой момент. Но Рэйфорд знал, что никто не мог подобраться незамеченным в гулкой зале с мраморным полом.

— Николае не собирается возвращать самолет.

— Что?

— Что слышал. Самолет уже в Нью-Йорке. Сегодня ты сможешь на него полюбоваться. Его красят.

— Красят?

— Сам увидишь.

В голове у Рэйфорда все перепуталось. Самолет наверняка покрасили в Сिएтле перед вылетом в Вашингтон. Зачем его перекрашивать?

— И как это сойдет ему с рук?

— Он собирается поблагодарить президента за подарок и...

— Он уже сделал это на днях. Я слышал его речь.

— Но в этот раз он даст всем понять, что благодарит за подарок, а не за одолжение. Тебя наймет Белый дом, и ты останешься при самолете на зарплате из президентского бюджета. И что сможет сделать президент? Сделать обиженное лицо? Сказать, что Николае лжет? Ему просто придется найти способ соответствовать тому великодушному образу, который создал для него Николае. Разве это не гениально?

— Но это же совершенно бесцеремонно! Это просто воровство! Почему я должен хотеть работать с таким человеком? Почему ты с ним работаешь?

— Рэйфорд, я буду работать с Николае и на него так долго, как он мне позволит. Хотя мы знакомы недавно, я так многому научилась. Это вовсе не воровство. По словам Николае, США сейчас ищут способы поддерживать ООН, это будет отличным вариантом. Ты же знаешь, что мир объединяется и кто-то должен возглавить новое общемировое правительство. Передача в дар этого самолета — один из способов продемонстрировать,

что президент Фитцхью подчиняется Генеральному Секретарю Карпати.

Хэтти говорила как по писаному. Карпати ее отлично выдрессировал. Может, она и не понимает смысла своих слов но, как минимум искренне верит в их правильность.

— Так, — подытожил Рэйфорд. — Каким-то образом Карпати удалось добиться того, чтобы я стал первым в списках пилотов-кандидатов на управление бортом номер один в «Пан-Континентал» и Белом доме. Он заставил тебя донимать меня дома, чтобы я захотел переехать. Я соглашаюсь на эту работу, Карпати получает самолет и не возвращает его. Я его пилот, но платит мне американское правительство. И все это связано с тем, что Карпати в итоге станет мировым лидером.

Хэтти сидела, поставив локти на стол и подперев подбородок перекрещенными пальцами.

— Это ведь было совсем не сложно? — чуть приподняв голову, произнесла она.

— Не понимаю, зачем я ему сдался?

— Он спросил, кто самый лучший пилот из тех, с которыми я когда-либо работала, и почему.

— И я выиграл, — догадался Рэйфорд.

— Да.

— Ты ему сказала, что мы чуть не завели интрижку?

— Интрижку?

— Не важно.

— Конечно, я ничего ему об этом не говорила, и ты тоже не скажешь, если хочешь сохранить хорошую работу.

— Но ты же сказала ему, что я христианин.

— Конечно, почему нет? Ты же всем об этом говоришь. Я думаю, что он тоже христианин.

— Николае Карпати?

— Ну да! По меньшей мере, живет он по христианским принципам. Он делает все ради всеобщего блага. Это одно из его любимых выражений. Как в случае с самолетом. Он знает, что на самом деле президент США хочет этого, хотя никогда об этом не задумывался. Возможно, сначала это вызовет у него раздражение, но, так как это было сделано для блага всего мира, в конечном счете он это поймет и порадуетсЯ тому, как все произошло. Он будет выглядеть великодушным героем, а обеспечит ему это Николае. Это ведь очень по-христиански, правда?

* * *

А Бизон в это время яростно строчил в своем блокноте. Его диктофон остался в сумке в отеле, так как он предполагал забрать его по возвращении в отель из офиса «Глобал уикли», чтобы взять интервью у рабби Марка Фейнберга, одного из главных поборников восстановления Храма. Но, войдя в лобби отеля, Бизон практически столкнулся с

Фейнбергом, который катил за собой огромный чемодан.

— Простите, дорогой друг. Мне удалось взять билеты на более ранний рейс. Я уезжаю прямо сейчас. Не хотите со мной пройти?

Бизон извлек из одного кармана блокнот, из другого — ручку.

— Что вы думаете по поводу последних заявлений? — спросил он.

— Вот что я скажу: сегодня я стал в некоторой степени политиком. Верю ли я в Бога как в идею? Нет. Я верю, что Господь — это личность! Верю ли я, что все религии мира смогут сотрудничать и стать одной? Скорее, нет. Мой Бог ревнив и не готов делить свое величие с кем бы то ни было. Однако можем ли мы быть терпимыми друг к другу? Несомненно.

Но вы спросите, почему я утверждаю, что стал политиком? Потому что я готов пойти на уступки ради восстановления Храма. До тех пор пока меня не принуждают пожертвовать моей верой в единого истинного Бога Авраама, Исаака и Иакова, я готов терпимо относиться и сотрудничать со всеми, у кого доброе сердце. Я не соглашаюсь ни с их верой, ни с их методами, по крайней мере с большинством из них, но если они хотят жить дружно, я буду жить с ними дружно. Больше всего я хочу, чтобы Храм был восстановлен на своем изначальном месте. На сегодняшний момент этот вопрос практически решен. По моим оценкам, Храм будет построен в течение года.

Рабби прорвался через двери на выход и попросил портье вызвать ему такси.

— Но, сэр, — возразил Бизон, — если глава новой мировой религии считает себя христианином...

Фейнберг отмахнулся от него.

— Ах! Мы все знаем, что этим главой будет Мэтьюз, и он же, вероятно, будет новым папой. Он считает себя христианином? Да он и есть христианин до мозга костей. Он верит, что Иисус был Мессией. А я скорее поверю, что мессия — Карпати.

— Вы серьезно?

— Поверьте, я думал об этом. Мессия должен принести справедливость и продолжительный мир. Посмотрите, что Карпати удалось сделать всего за несколько недель! Разве он не соответствует всем требованиям? Об этом мы узнаем в понедельник. Вы знаете, что мой коллега, рабби Цион Бен-Иегуда...

— Да, я буду смотреть его выступление. — Бизон мог бы со многими поговорить о Карпати, но предпочел эту тему оставить для личного общения с Бен-Иегудой. От Фейнберга он хотел рассказ о Храме, поэтому вернулся к этому вопросу. — Что такого важного в восстановлении Храма?

Рабби Фейнберг топтался и вертелся, глядя на вереницу такси, очевидно беспокоясь, что может опоздать. Он не смотрел на Бизона, но это не мешало ему отвечать на его вопросы. По сути, рабби прочел Бизону краткий курс еврейской истории для гоев.

— Царь Давид хотел построить Храм для Господа, — рассказывал Фейнберг, — но Господь чувствовал, что Давид, который был воином, пролил слишком много крови, поэтому он велел построить Храм сыну Давида — Соломону. Храм был величественен. Иерусалим был городом, освященным именем Господним, куда люди могли приходить, чтобы поклоняться Ему. Храм отражал славу Бога, он стал символом десницы Господней, которая защищает Его избранный народ. Благодаря Храму люди чувствовали себя в безопасности настолько, что, даже отвернувшись от Бога, они верили, будто Иерусалим будет неприступен, покуда стоит Храм.

Подъехало такси, и портье загрузил огромный чемодан в багажник.

— Дай ему на чай и поехали со мной, — предложил Фейнберг.

Бизону пришлось выдавить из себя улыбку, когда он вытаскивал банкнот из кармана и вручал его портье. Даже если ему придется заплатить за такси, это интервью обойдется ему недорого.

— В аэропорт Кеннеди, — сказал водителю раввин.

— У вас есть телефон? — поинтересовался Бизон у таксиста. Тот вручил ему сотовый телефон. — Только для звонков с платежом по кредитной карте.

Бизон попросил у Фейнберга квитанцию из отеля, чтобы узнать номер их телефона. Он связался с портье и предупредил, что

его вещи останутся в номере дольше, чем он предполагал.

— Сэр, вашу сумку уже забрали.

— Кто?

— Вашу сумку забрал какой-то мужчина. Он назвался вашим другом и сказал, что позаботится, чтобы вы получили свои вещи.

Бизон оторопел.

— И вы отдали мои вещи первому встречному, который заявил, что он мой друг?

— Сэр, все совсем не так, как вы думаете. Полагаю, этого человека совсем несложно найти. Его каждый день показывают в новостях.

— Мистер Карпати?

— Да, сэр. Один из его людей, некий мистер Планк, обещал, что он доставит вам вашу сумку.

Фейнберг выглядел довольным, когда Бизон повесил трубку.

— Назад к Храму! — прокричал он, и водитель немедленно нажал на тормоза. — Да не ты! — рявкнул на него Фейнберг. — Мы!

Бизон поинтересовался, чем бы занимался человек столь неукротимой энергии и энтузиазма, если бы не был раввином.

— Я бы был блестящим игроком в ракетбол, — ответил рабби. — Собственно, я и играю. На пятерку с минусом. А вы?

— Я больше не играю.

— Но вы же так молоды!

— Я слишком занят.

— Никогда не отказывайтесь от физических упражнений, даже если вы очень за-

няты, — наставительно произнес раввин, похлопывая себя по плоскому, твердому прессу. — Ах да, Храм, — продолжил он. Вскоре они встали в пробке, и Бизон продолжал делать свои записи.

* * *

Когда Хэтти отвлеклась, чтобы ответить на телефонный звонок, Рэйфорд незаметно вытащил из кармана томик Нового Завета и псалмов. Он заучивал наизусть текст псалмов, и по мере того как росло его беспокойство перед предстоящей встречей с Карпати, он обратился к тем, что любил более всего и повторил их про себя.

Он нашел девяностый псалом и прочел подчеркнутые ранее строки: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: прибежище мое и защита моя, Бог мой, на которого я уповаю! Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих».

Когда он оторвался от книги, Хэтти уже закончила разговаривать и выжидающе смотрела на него.

— Извини, — сказал он, закрывая Библию.

— Все в порядке, — отозвалась она. — Генеральный Секретарь готов тебя принять.

* * *

Когда таксист заверил Фейнберга, что тот не опоздает на самолет, раввин вернулся к излюбленной теме:

— Храм и сам город Иерусалим были разрушены царем Навуходоносором. Семьдесят лет спустя был дан приказ восстановить город и соответственно Храм. Новый Храм, построенный под руководством Зоровавеля и Иешуа, не шел ни в какое сравнение с Храмом Соломона, так что некоторые старики даже плакали, глядя на его фундамент.

Тем не менее он верой и правдой служил Израилю, пока не был осквернен греко-римским правителем Антиохом Епифанским. Около 40 года до Рождества Христова Ирод Великий разрушил Храм до основания и перестроил его. Этот Храм стал известен как Храм Ирода. Но вы знаете, что из этого вышло.

— Боюсь, что нет.

— Вы пишете статьи на религиозные темы и не знаете, что случилось с Храмом Ирода?

— На самом деле я не специалист по религиозным вопросам, а только заменяю его.

— Что значит заменяете?

Бизон улыбнулся:

— Вы говорите, что первоклассно играете в ракетбол, и не знаете термин «замена»?

— Это выражение не из ракетбола, я уверен, — заявил рабби Фейнберг. — Меня вообще мало интересует спорт, кроме разве что футбола, который вы называете соккером. Я расскажу вам, что случилось с Храмом Ирода. Римский военачальник Тит осадил Иерусалим, и хотя он отдал приказ не разрушать Храм, евреи не поверили ему. Они сожгли Храм, предпочтя этот выход передаче его в руки язычников. Сейчас Храмовая гора, место, где стоял иудейский Храм, занята мусульманами, там построен Купол Скалы.

Бизону стало любопытно.

— Как же мусульман убедили перенести мечеть?

— Это всего лишь доказывает величие Карпати, — сказал Фейнберг. — Кто, как не мессия, мог убедить набожных мусульман переместить вторую по значимости для них святыню, уступающую разве что Мекке, месту рождения Мухаммеда? Понимаете, Храм, Купол Скалы построены на горе Мория, где, как мы верим, Авраам выразил свою готовность принести Богу в жертву своего сына Исаака. Конечно, мы не верим в божественность Мухаммеда, поэтому до тех пор, пока на Храмовой горе находится мечеть, мы считаем, что святое для нас место осквернено.

— Грядет великий день для Израиля.

— Воистину великий! Со дня возникновения нашего государства мы со всего

мира собирали средства на восстановление Храма. Работа уже начата. Многие несущие конструкции уже собраны и скоро будут доставлены на место. Я доживу до дня восстановления Храма, он будет еще более величественней, чем во времена Соломона.

* * *

— Вот, наконец, мы и встретились, — сказал Николае Карпати, вставая и выходя из-за стола, чтобы пожать руку Рэйфорду Стиллу. — Спасибо, мисс Дюрхем. Мы расположимся здесь. — Хэтти вышла, прикрыв за собой дверь. Николае указал Рэйфорду на стул и уселся напротив. — Вот наш круг и замкнулся.

Рэйфорд чувствовал себя на удивление спокойно. За него молились, и его грели мысли о том, что обещал текст псалма.

— Сэр?

— Меня всегда занимало, насколько мал этот мир. Наверное, поэтому я искренне верю, что мы действительно становимся мировым сообществом. Вы поверите, что знакомству с вами я обязан израильскому ботанику Хаиму Розенцвейгу?

— Конечно, это имя мне знакомо, но мы никогда не встречались.

— Это действительно так. Но вы с ним встретитесь. Если не во время визита сюда, то в субботу на борту самолета, направляю-

щегося в Израиль. Он представил мне молодого журналиста, который написал о нем статью. Этот журналист на борту вашего самолета познакомился со стюардессой мисс Дюрхем и затем представил ее мне. Сейчас она моя помощница, и она рассказала мне о вас. Мир тесен.

Эрл Халлидей сказал то же самое, когда узнал, что Хэтти Дюрхем, их бывшая коллега, сейчас работает на человека, который хочет, чтобы Рэйфорд стал пилотом самолета президента. Рэйфорд предпочел в ответ промолчать.

Он не верил в случайность их встречи. Дело вовсе не в том, какую форму имеет этот мир, просто все в нем происходит так, как того желает Господь. И по Его воле Рэйфорд оказался сегодня в кабинете Карпати. Сам он не хотел и не просил чести работать на президента, но уже смирился с происходящим.

— Итак, вы хотите быть пилотом президента?

— Нет, сэр, у меня иные намерения. Я хочу совершить рейс в Иерусалим с вашей делегацией на борту по просьбе Белого дома, а потом уже принять решение о предложении стать пилотом президента.

— Иными словами, вы не стремитесь к этой должности?

— Нет, сэр.

— Но все же хотите.

— Надо попробовать.

— Мистер Стил, я сделаю вам предсказание. Я уверен, что вы увидите самолет, испытаете на практике это чудо техники и больше не захотите летать ни на чем другом.

«Возможно, так оно и будет. Но совсем по другой причине, — подумал Рэйфорд. — Только если такова будет воля Господа»

— Я бы также попросил вас не выдавать наш маленький секрет, о котором пока не было объявлено. Мисс Дюрхем заверила меня, что вы человек, заслуживающий доверия, человек слова, а с недавних пор еще и верующий.

Рэйфорд кивнул, не желая это как-то комментировать.

— Тогда я верю, что вы сохраните мое доверие, пока не будет сделано официальное заявление. Президент США в знак своей поддержки одолжил ООН свой новый самолет.

— Об этом сообщали в новостях, сэр.

— Конечно, не упоминалось, что самолет вместе с командой передали нам в исключительное пользование.

— Очень красивый жест со стороны президента.

— Действительно, красивый, — подтвердил Карпати. — И такой великодушный.

Рэйфорд начал понимать, как Карпати очаровывает людей, сопротивляться его обаянию помогало только осознание того, что тот лжет.

— Когда вы возвращаетесь домой?

— У меня пока нет обратного билета, так что я в вашем полном распоряжении. Однако мне надо появиться дома до нашего вылета в субботу.

— Вы мне нравитесь, — сказал Карпати. — Итак, вы в моем распоряжении. Превосходно. И да, вы, конечно, понимаете, что если вы получите эту работу — а вы ее получите, — это не повод использовать ее как кафедру для проповедей?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что ООН, которую вскоре станут именовать Мировым Сообществом, как и я лично, не ограничивается принадлежностью к какой-то одной конфессии.

— Я верю во Христа, — заявил Рэйфорд. — Я хожу в церковь, читаю Библию и рассказываю людям о своей вере.

— Но не на работе.

— Если вы будете моим начальником и это станет приказом, я должен буду подчиниться.

— Именно так все и будет, — кивнул Карпати. — Полагаю, мы поняли друг друга.

— Так точно.

— Вы мне нравитесь, и, я думаю, мы сработаемся.

— Я не знаю вас, сэр, но уверен, что могу работать с кем угодно.

Откуда эта мысль пришла ему в голову? Рэйфорд едва сдержал улыбку. Если у него получится работать с Антихристом, то страшнее уже, наверное, быть не может.

* * *

Когда такси подъехало к международному аэропорту Кеннеди, рабби Марк Фейнберг сказал:

— Вы ведь не против заплатить за всю поездку? Я же дал вам интервью.

— Конечно, — ответил Бизон. — «Глобал уикли» будет счастлива оплатить вам дорогу в аэропорт, конечно, если нам не придется спонсировать ваш полет в Израиль.

— Теперь, когда вы упомянули об этом... — подмигнув, произнес раввин, но заканчивать фразу не стал. Он просто помахал Бизону рукой на прощание, достал свой чемодан из багажника и поспешил к терминалу.

* * *

Николае Карпати нажал кнопку внутренней связи:

— Мисс Дюрхем, машина для поездки в ангар готова?

— Да, сэр. Она у заднего входа.

— Мы готовы отправляться.

— Я позвоню, когда пойдут представители службы безопасности.

— Спасибо. — Николае обернулся к Рэйфорду: — Я хочу, чтобы вы посмотрели на самолет.

— Конечно, — кивнул Рэйфорд, хотя он предпочел бы отправиться домой. Какого черта он брякнул, что Карпати может распоряжаться им, как пожелает?

* * *

— Возвращаемся в отель, сэр?

— Нет, — сказал Бизон. — Пожалуйста, к штаб-квартире ООН. И можно еще раз воспользоваться вашим сотовым телефоном?

— Оплата...

— Только кредитной карточкой, я помню. — Он набрал номер Стива Планка в ООН. — Зачем было забирать мою сумку?

— Просто хотел оказать тебе услугу, дружище. Ты сейчас в «Плазе»? Я привезу ее тебе.

— Да, я остановился там, но лучше я к тебе приеду. Ты ведь этого хотел, правда?

— Да.

— Я буду через час.

— Карпати может не быть на месте.

— Я еду, чтобы увидеться с тобой, а не с ним.

* * *

Когда раздался звонок, Карпати встал, и дверь перед ним распахнулась. Два охранника сопровождали Николае и Рэйфорда

по коридорам к грузовому лифту, затем на первый, подземный этаж до парковки, где их ожидал лимузин.

Водитель выскочил, чтобы открыть дверь перед Карпати. Рэйфорда проводили к другой стороне машины, также услужливо открыв перед ним дверь.

Ему показалось несколько странным, что в офисе ему не предложили ни чая, ни кофе, в то время как сейчас Карпати уговаривал ему воспользоваться баром в лимузине, где было все — от вина и виски до пива и лимонада. Рэйфорд выбрал кока-колу.

— Вы не пьете?

— Больше нет.

— Раньше пили?

— Я никогда особо много не пил, но бывало всякое. Я не брал в рот ни капли спиртного после потери своей семьи.

— Соболезную.

— Спасибо, но мне приходится с этим мириться. Я ужасно скучаю по ним....

— Конечно.

— Но я спокоен за них.

— Вы верите, что Иисус Христос забрал праведников на небо, верно?

— Да.

— Не буду притворяться, что разделяю вашу веру, но уважаю, раз эти идеи приносят вам душевное спокойствие.

Рэйфорд хотел было возразить, но задумался о целесообразности, как назвал бы это Брюс Барнс, «дачи показаний» Антихристу.

— Я сам тоже не пью, — заметил Карпати, потягивая сельтерскую воду.

* * *

— Почему ты не хотел, чтобы я к тебе приехал? — спросил Стив Планк. — Мне было несложно.

— Я хочу попросить об одолжении.

— Услуга за услугу, Бизон. Согласись на предложение Карпати, и тебе в жизни больше не придется ни о чем просить.

— Честно говоря, Стив, у меня сейчас в работе столько отличных статей, что даже мысль о смене деятельности мне кажется крамольной.

— Напиши их для нас.

— Это невозможно. Но если можешь, помоги мне. Я хочу попасть к Стене Плача, чтобы увидеть тех двоих проповедников.

— Николае их терпеть не может. Считает, что они сумасшедшие. Наверняка так и есть.

— Тогда он не должен возражать против моей попытки взять у них интервью.

— Я посмотрю, что могу сделать. Он сегодня с кандидатом в пилоты для нового самолета.

— Ты не говорил.

* * *

Карпати и Рэйфорд вышли из лимузина перед огромным ангаром в аэропорту Кеннеди. Генеральный Секретарь сказал водителю:

— Передай Фредерику, чтобы показал все, как обычно.

Когда двери ангара открылись, самолет был освещен сотней прожекторов. На стороне, которая была обращена к Рэйфорду, было написано «Борт номер один» и изображена печать президента США. Однако когда они обошли самолет с другой стороны, Рэйфорд увидел команду маляров на строительных лесах. Печати и названия не было. На их месте была эмблема ООН, но вместо названия там значилось «Мировое Сообщество». А на том месте, где было название самолета, маляры наносили последние штрихи на надпись «МС борт номер один».

— Как много времени еще надо, чтобы полностью его перекрасить? — крикнул Карпати прорабу.

— К полуночи он высохнет с обеих сторон, — ответили ему. — На покраску этой половины ушло около шести часов. Вторая сторона пойдет быстрее. К субботе точно будет готов к полету.

Карпати поднял большой палец вверх в знак отличной работы, и маляры зааплодировали.

— Мы бы хотели подняться на борт, — прошептал Карпати.

И через пару минут им организовали подъемник, который позволил им войти через хвостовой отсек на борт нового блестящего самолета. Рэйфорд видел бессчетное количество современных самолетов и примерно знал, чего ожидать, но этот был чем-то совершенно особенным.

Здесь было все, что нужно для роскошной жизни, каждая деталь была дорогой, функциональной и прекрасной. В хвостовой части были ваннные комнаты с душем. Затем салон для прессы, в котором можно было смело устраивать вечеринку. Каждое кресло было оборудовано отдельным телефоном, модемным разъемом, видеомагнитофоном и телевизором. В середине самолета был ресторан, обеспеченный всем необходимым и в то же время достаточно просторный, чтобы там можно свободно передвигаться.

Ближе к головной части самолета находились президентские апартаменты и конференц-зал. В одном из отсеков располагалось высокотехнологичное оборудование для обеспечения безопасности и внутреннего наблюдения, аварийные средства связи, а также аппаратура, обеспечивающая связь с любой точкой мира.

Сразу за кабиной пилота находился отсек для членов команды и отдельный — для пилота.

— Если мы задержимся где-то на пару дней, вы, конечно, не захотите оставаться на борту, — сказал Николае. — Но вряд ли вы где-то найдете лучшие условия.

* * *

Бизон был в кабинете у Стива, когда зашла Хэтти Дюрхем, чтобы сообщить тому, что Николае отъехал.

— А, мистер Уильямс! — воскликнула она. — Просто не знаю, как вас отблагодарить за то, что вы представили меня мистеру Карпати.

Бизон не знал, что на это ответить. Он не хотел сказать, что рад был это сделать. На самом деле он очень сильно из-за этого переживал. Поэтому он просто кивнул.

— Знаете, кто сегодня заходил? — спросила она.

Он знал, но не выдал этого.

— Кто?

Бизон понял, что ему надо быть очень осторожным в общении с ней и Стивом, а особенно с Карпати. Они не должны узнать, насколько близки они с Рэйфордом, а если ему удастся скрыть от них информацию о его развивающихся отношениях с Хлоей, это будет еще лучше.

— Рэйфорд Стил. Он был капитаном самолета, на котором мы познакомились.

— Я помню, — ответил он.

— Вы знали, что его выбрали пилотом президента?

— Это ведь большая честь, верно?

— Он ее заслужил. Он лучший пилот из тех, с кем я работала.

Бизон почувствовал себя неловко из-за необходимости говорить о своем друге и брате по вере, как о чужом человеке.

— Что значит хороший пилот? — поинтересовался он.

— Мягкий взлет и посадка. Активное общение с пассажирами. Отношение к команде как к равным, а не как к рабам.

— Впечатляет, — отозвался Бизон.

— Хочешь посмотреть на самолет? — спросил Стив.

— А можно?

— Он в служебном ангаре в аэропорту Кеннеди.

— Я только что оттуда.

— Хочешь вернуться?

Бизон пожал плечами.

— Наверняка статью про новый самолет и его пилота кому-нибудь уже поручили, но мне бы, конечно, хотелось его увидеть.

— Ты все еще можешь полететь на нем в Израиль.

— Нет, не могу, — сказал Бизон. — Мой босс по этому поводу выразился предельно ясно.

Когда Рэйфорд вечером вернулся домой, он знал, что Хлоя поймет, что он не в настроении.

— Брюс отменил сегодняшнюю встречу, — сообщила она.

— Хорошо, — отозвался Рэйфорд. — У меня совсем нет сил.

— Расскажи мне про Карпати.

Рэйфорд попробовал ей ответить. Что он мог сказать? Это был дружелюбный, очаровательный, приятный человек, если бы не его ложь, Рэйфорд начал бы сомневаться, не ошибся ли он в нем.

— Но ведь никаких сомнений по поводу того, кем он является, уже не осталось? — подытожил он.

— У меня сомнений нет, — заявила Хлоя. — Но я с ним не встречалась.

— Зная тебя, он бы тебя не одурачил.

— Хочется верить, — сказала она. — Но даже Бизон признает, что он удивительный человек.

— А от него самого есть новости?

— Он обещал позвонить в полночь по его времени.

— Мне посидеть с тобой, чтобы ты не уснула?

— Вряд ли. Он даже не знает, что мы съели крендели одновременно. Я ни за что в жизни не упущу возможность рассказать ему об этом.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Чтобы попасть к Стене Плача, Бизон Уильямс вынужден был задействовать все свои козыри. В субботу, проспав пару часов, чтобы адаптироваться к разнице во времени, он оставил сообщения Хаиму Розенцвейгу, Марку Фейнбергу и даже Питеру Мэтьюзу. Карпати, по словам Планка, начисто отказался ему помогать в организации встречи с проповедниками.

— Я предупреждал тебе, — заявил Стив. — Он считает их сумасшедшими, и ему не понравилось, что ты хочешь написать о них.

— Так он не знает никого, кто мог бы меня туда провести?

— Это закрытая зона.

— Об этом я и говорю. Неужели, наконец, нашлось что-то, чего не может Николае Великий?

Стив разозлился.

— Ты прекрасно знаешь, что он запросто мог бы эту Стену купить, — яростно сказал он. — Но он не поможет тебе попасть туда. Он не хочет, чтобы ты туда ехал, Бизон. Хотя раз в жизни поступи благоразумно и не лезь туда.

— Да, это очень на меня похоже.

— Бизон, я хочу тебя кое о чем спросить. Если ты продолжишь вести себя так вызывающе с Карпати, а затем отвергнешь его предложение или доведешь его до того, что он сам его аннулирует, где ты собираешься работать?

— Найду где.

— Но где?! Неужели ты не понимаешь, что его влияние бесконечно? Люди его любят! Они все для него сделают. После встречи с ним люди совершали то, о чем раньше и мечтать не смели.

«Ну да, рассказывай», — подумал Бизон, а вслух произнес:

— Работа зовет. Но все равно, спасибо.

— Сейчас эта работа у тебя есть, но ничто не вечно.

Стив даже не предполагал, насколько он был прав.

Вторым в списке Бизона была кардинал Питер Мэтьюз. Он уютно устроился в пентхаусе пятизвездочного отеля в Тель-Авиве, и хотя на звонок ответил, в помощи отказал.

— Я восхищаюсь вами, Уильямс, — сказал он. — Но я рассказал тебе, как для публикации, так и конфиденциально, все, что знаю.

У меня нет никакой связи с теми людьми у Стены, можешь меня процитировать, если тебе нужно это.

— Я хочу найти кого-нибудь, кто поможет мне подойти к этим людям достаточно близко, чтобы поговорить с ними. Если они захотят убить меня, или сжечь, или просто проигнорируют, это будет их право.

— Конечно, у меня есть доступ к Стене Плача в силу моего статуса, но мне нет никакого резона помогать тебе туда попасть. Извини. Для записи: я считаю, что эти двое — какие-то престарелые любители Торы, изображающие из себя якобы реинкарнированных Моисея и Илию. Костюмы у них скверные, а проповеди и того хуже. Я понятия не имею, почему погибли те, кто пытался причинить им вред. Может, у этих двоих есть сообщники, которые прячутся в окрестностях и убивают всех, кто выглядит как потенциальная угроза. А теперь мне надо идти. Ты будешь на подписании договора в понедельник?

— За этим я сюда и прилетел, сэр.

— Тогда там и увидимся. Окажи себе услугу и не пятнай свою репутацию статьей об этих двух безумцах. Если тебе нужен интересный сюжет, можешь составить мне компанию сегодня днем, когда я буду осматривать Иерусалим в поисках мест, которые могут представлять интерес для Ватикана.

— Но, сэр, что вы думаете о том, что с того момента, как те двое начали проповедовать, в Иерусалиме не было дождей?

— Ничего не думаю, кроме разве что того, что их проповеди даже облакам не интересны. Здесь вообще нечасто идет дождь.

* * *

Рэйфорд познакомился с командой борта номер один Мирового Сообщества всего за пару часов до взлета. Никто из них никогда не работал в «Пан-Континентал». В краткой напутственной речи он подчеркнул, что первостепенное значение имеет безопасность.

— Это то, для чего все мы здесь. Затем следуют процедура и протокол. Мы строго придерживаемся правил, во время полета делаем соответствующие пометки в журнале и проверки. Выглядим хорошо, не маячим перед глазами, обслуживаем владельцев нашего самолета и их гостей. Обслуживая сановников и выказывая им свое почтение, помните, что нашей главной заботой остается их безопасность. Самый лучший экипаж — тот, которого не видно. Безопасность и комфорт пассажирам внушают люди в униформе и качественный сервис, а не ваша индивидуальность.

Старший помощник Рэйфорда был старше его и, вероятно, сам претендовал на должность первого пилота. Но он был человеком дружелюбным и определенно опытным. Штурман был достаточно молод, Рэйфорд не взял бы его в команду, но со своими обязан-

ностями тот справлялся. Бригада бортпроводников прежде работала вместе на президентском самолете, но казалось, что новый самолет даже на них произвел чрезвычайно сильное впечатление и вряд ли их за это можно было винить. Это было настоящее чудо техники, хотя скоро они к нему привыкнут и будут воспринимать как нечто само собой разумеющееся.

Управлять «Боингом-777», как сказал Рэйфорд инспектору на переаттестации в Далласе, было как сидеть за рулем «ягуара». Но по мере полета возбуждение постепенно сходило на нет. Через некоторое время он передал управление самолетом второму пилоту и пошел в свою каюту. Рэйфорд растянулся на постели, и внезапно его охватило чувство полного одиночества. Как бы гордилась им Ирэн, узнав, что он стал пилотом президентского самолета. Для него самого это значило немного, но в глубине души он чувствовал, что его действия направляет Господь, хотя понятия не имел, почему и зачем. Откуда-то у Рэйфорда появилась уверенность, что его работа в «Пан-Континентал» закончилась. Он позвонил Хлое и, как оказалось, разбудил ее.

— Прости, Хло, — извинился он.

— Все в порядке, пап. Как впечатления?

— Потрясающе.

Они обсуждали в свое время, что все звонки из самолета на землю наверняка прослушиваются, поэтому избегали некорректных высказываний о Карпати или

людях из его окружения. И не упоминали имени Бизона.

— Кто-нибудь знакомый там есть?

— Только Хэтти. Мне ужасно одиноко.

— Мне тоже. Мне еще никто не звонил. Должны позвонить рано утром в понедельник по вашему времени. Когда ты будешь в Иерусалиме?

— Примерно через три часа мы приземлимся в Тель-Авиве, а затем нас на специальных автобусах доставят в Иерусалим.

— Вы летите не прямо в Иерусалим?

— Нет, там негде приземляться семьсот семьдесят седьмому «боингу». Тель-Авив всего в тридцати пяти милях от Иерусалима.

— Когда ты возвращаешься?

— Изначально планировалось, что во вторник утром, но сейчас сообщили, что в понедельник вечером мы летим в Багдад и уже оттуда во вторник утром отправляемся обратно. Это увеличивает протяженность нашего маршрута примерно на шестьсот миль или, проще говоря, означает, что в воздухе мы проведем на час дольше.

— А что в Багдаде?

— Это единственный аэропорт вблизи Вавилона, который способен принимать самолеты такого размера. Карпати хочет посетить Вавилон и показать его своим сопровождающим.

— Ты туда тоже поедешь?

— Думаю, да. Это примерно в пятидесяти милях к югу от Багдада. Если я соглашусь на эту работу, полагаю, что в ближайшие не-

сколько лет мне частенько придется бывать на Ближнем Востоке.

— Уже скучаю по тебе. Жаль, что не могу быть там с тобой.

— Знаю я, по кому ты скучаешь, Хлоя.

— Папа, по тебе я тоже скучаю.

— Да ладно, еще месяц-полтора, и ты вообще обо мне забудешь. Я вижу же, куда идут ваши отношения с тем парнем, как бишь его там.

— Брюс звонил. Он сообщил, что с ним связалась какая-то женщина по имени Аманда Уайт, которая утверждает, что была знакома с мамой. Она сказала Брюсу, что она познакомилась с мамой на собрании одной из групп по изучению Библии при церкви, но только сейчас смогла вспомнить ее имя. Она запомнила, что имя звучит похоже на сирень и стиль.

Рэйфорд хмыкнул:

— Ирэн Стил. Никогда бы не подумал. И чего она хотела?

— Она сказала, что уверовала во Христа, в значительной степени благодаря тому, что говорила мама на том собрании, и сейчас ищет церковь. Она интересовалась, действует ли по-прежнему церковь Новой Надежды.

— Где же она была до этого?

— Горевала по своему мужу и взрослым дочерям, которые были взяты на небо.

— Наша мама сыграла столь важную роль в ее жизни, а она даже не запомнила ее имени?

— Вот бывает же так! — промолвила Хлоя.

* * *

Бизону удалось поспать около полутора часов, пока его не разбудил звонок Хаима Розенцвейга, который только что приехал.

— Кэмерон, даже я страдаю от разницы во времени, — посочувствовал доктор Розенцвейг. — Сколько бы я ни летал туда-обратно, каждый раз приходится по-новому адаптироваться. Ты давно прилетел?

— Вчера утром. Мне нужна ваша помощь.

Бизон рассказал Розенцвейгу, что ему нужно попасть к Стене Плача.

— Я пытался, — признался он. — Но ближе чем на сотню ярдов не подойти. Те двое явно проповедовали, а толпа вокруг них была в разы больше, чем показывали по Си-эн-эн.

— Чем ближе к подписанию договора, тем больше там собирается народу. Возможно, из-за этого эта парочка и активизировалась. Все больше и больше народу приходит туда, чтобы послушать их проповеди, говорят, некоторые ортодоксальные евреи даже обращаются в христианство. Все это очень странно. Николае спрашивал о них по дороге сюда и даже посмотрел несколько репортажей по телевизору. Я раньше никогда не видел, чтобы он был в такой ярости.

— Что он сказал?

— Только это. Он не произнес ни слова. Но, как мне показалось, он покраснел и сжал зубы. Я не настолько хорошо его знаю,

но вполне способен понять, когда он раздражен.

— Хаим, мне нужна твоя помощь.

— Кэмерон, я не ортодоксальный еврей, я не хожу к Стене и, даже если бы и мог, все равно вряд ли рискнул бы, потому что это опасно. И тебе этого делать не советую. Самая главная тема сейчас — договор, который подпишут в понедельник утром. Мы с Николае и израильской делегацией в пятницу в Нью-Йорке все, наконец, доделали. Николае был просто великолепен. Он потрясающий человек, Кэмерон. Я с нетерпением жду того дня, когда ты тоже будешь на него работать.

— Хаим, ну пожалуйста. Каждый журналист в мире мечтает взять эксклюзивное интервью у этих проповедников, но я тот, кто не сдастся, пока не сделает этого или не погибнет, пытаясь это сделать.

— Это, кстати, вполне вероятно.

— Доктор, я никогда не просил вас ни о чем, кроме как уделить мне время, и вы всегда были так добры ко мне.

— Не знаю, чем я могу тебе помочь, Кэмерон. Я бы отвел тебя туда, если бы был уверен, что меня самого пустят. Но тебе туда никак не пройти.

— Но вы ведь знаете кого-нибудь, у кого точно есть доступ?

— Конечно, знаю! Я знаком со множеством ортодоксальных евреев и раввинов. Но...

— А с Бен-Иегудой?

— Ох, Кэмерон! Он очень занятой человек. В понедельник днем ему выступать в прямом эфире с результатами своего исследования. Наверняка он сейчас вовсю готовится, как школьник перед выпускным экзаменом.

— А что, если нет, Хаим? Что, если он настолько хорошо изучил вопрос, что может говорить об этом, не заглядывая в конспекты? Что, если он уже закончил подготовку и как раз ищет, чем бы себя занять, чтобы не перенапрячься и снять стресс от ожидания?

На другом конце трубки повисла тишина, и Бизон молился, чтобы Розенцвейг сдался.

— Не знаю, Кэмерон. Не хотел бы я, чтобы меня беспокоили в такой опасной близости от столь важного для меня события.

— Пожалуйста, Хаим, просто позвоните ему, пожелайте успехов и поинтересуйтесь его планами на выходные. Я приеду когда угодно и куда угодно, если он проведет меня к Стене.

— Только если он захочет отвлечься, — сказал Розенцвейг. — Если я почувствую, что он по уши в работе, я даже спрашивать его не буду.

— Спасибо, сэр! Вы мне перезвоните?

— В любом случае. И, Кэмерон, пожалуйста, не обнадеживайся и не обижайся, если у меня ничего не получится.

— Я бы даже не подумал.

— Я знаю. Но я чувствую, насколько это важно для тебя.

* * *

Бизон спал как убитый, поэтому он мог только гадать, как долго звонил телефон. Он резко уселся на кровати, непонимающе глядя, как садящееся солнце постепенно окрашивается в оранжевый цвет, а его лучи рисуют причудливые узоры на постельном белье. Потянувшись к телефону, Бизон увидел свое отражение в зеркале. Покрасневшие, впалые щеки, опухшие, полуоткрытые глаза, волосы торчат во все стороны. Картину довершал ужасный вкус во рту и то, что он спал прямо в одежде.

— Алло?

— Скажи-ите, эта Кэмегон Ви-ильямс? — произнес голос с сильным еврейским акцентом.

— Да, сэр.

— Эта доктог Цион Бен-Иегуда.

Бизон вскочил на ноги, как если бы этот уважаемый ученый вошел в комнату.

— Да, доктор Бен-Иегуда. Большая честь говорить с вами, сэр!

— Спаси-ибо, — ответил раввин. — Я звоню из автомата пегед вашим готэлем.

Бизон силился его понять.

— Да?

— У меня есть маши-ина и води-итель.

— Машина и водитель, ясно, сэр.

— Ви готови ехать?

— Ехать?

— К Стене.

— А, да, сэр, то есть нет, сэр. Мне нужно десять минут. Вы можете подождать десять минут?

— Я должен был позвонить-ить заганее. Наш обсчий дугт убеди-ил миня, что это очень сгочно для вас.

Бизон силился понять его английский.

— Да, это очень срочно! Пожалуйста, дайте мне десять минут! Спасибо, сэр!

Одним движением Бизон сорвал с себя одежду и запрыгнул в душ. Он не стал дожидаться, пока вода нагреется. Намылился, смыл с себя пену и наскоро побрился. Тратить время на поиски адаптера для фена он тоже не стал, просто сорвал с вешалки полотенце и начал яростно вытирать свои длинные волосы, как если бы хотел снять с себя скальп. Быстро расчесался и почистил зубы.

Что надевают при поездке к Стене Плача? Он понимал, что внутрь его не пустят, но не оскорбит ли он своего провожатого тем, что придет без пиджака и галстука? Бизон их с собой вообще не брал, потому что не планировал официально одеваться даже на завтрашнюю церемонию подписания.

В итоге он выбрал свою обычную рубашку из плотной ткани, джинсы, высокие ботинки и кожаную куртку. Положив фотоаппарат и диктофон в самую маленькую из своих кожаных сумок, Бизон сбежал вниз по лестнице. Выскочив из дверей, он резко остановился, осознав, что понятия не имеет, как выглядит рабби Бен-Иегуда. Похож ли

он на Розенцвейга или на Фейнберга или не похож ни на одного из них?

Оказалось, последнее. Цион Бен-Иегуда, в черном костюме и черной фетровой шляпе, вышел с пассажирской стороны из стоящего у обочины белого «мерседеса» и неуверенно помахал рукой. Бизон бросился к нему.

— Доктор Бен-Иегуда? — спросил он, пожимая ему руку.

Это был мужчина средних лет, элегантный и энергичный, с сильными резкими чертами лица и единственной седой прядью в темно-каштановых волосах.

— На вашем языке мое имя звучит как название города Сион¹, — произнес раввин на своем ужасном английском. — Зовите меня так.

— Сион? Вы уверены?

— В том, как меня зовут? — Раввин улыбнулся. — Абсолютно.

— Нет, я имел в виду, вы уверены, что я могу вас...

— Я понял, что вы имели в виду, мистер Уильямс. Зовите меня Сион.

На слух Бизона доктор Бен-Иегуда произносил что Сион, что Цион практически одинаково.

— Называйте меня Бизон.

¹ Сион (Цийон) — юго-западный холм в Иерусалиме, на котором стояла городская крепость. Для евреев Сион стал символом Иерусалима и всей Земли обетованной, к которой еврейский народ стремился со времени рассеяния после разрушения Иерусалимского храма.

— Бизон?

Так как раввин держал открытой дверь переднего сиденья, Бизон уселся на него.

— Это мое прозвище.

— Хорошо, Бизон. Кстати, водитель не говорит по-английски.

Бизон обернулся и увидел, что водитель протягивает ему руку. Он пожал ее, а водитель произнес что-то неразборчивое. Бизон в ответ улыбнулся и кивнул. Доктор Бен-Иегуда сказал что-то водителю на иврите, и они поехали.

— Ну что ж, Бизон, — заговорил раввин, когда Бизон развернулся к нему лицом. — Доктор Розенцвейг сообщил мне, что вы хотите попасть к Стене Плача, что, как вы понимаете, невозможно. Но я могу подвести вас достаточно близко, чтобы свидетели заметили вас, если вы осмелитесь привлечь их внимание.

— Свидетели? Вы называете их свидетелями? Мы с друзьями тоже...

Доктор Бен-Иегуда протестующее поднял руки и отвернулся, давая понять, что не будет ничего объяснять.

— Вопрос в том, осмелитесь ли вы?

— Я осмелюсь.

— И я не буду нести ответственность за все, что может произойти с вами?

— Конечно, нет, но я бы очень хотел взять у вас интервью.

Раввин опять сделал протестующий жест.

— Я ясно давал понять представителям прессы и доктору Розенцвейгу, что не даю никаких интервью.

— Меня интересует информация о вас. Я не буду задавать вам никаких вопросов по поводу выступления, потому что уверен, что вы озвучите все свои основные выводы завтра днем. Ведь у вас всего час для того, чтобы рассказать о том, чему вы посвятили целых три года.

— Именно так. Что до личных данных — пожалуйста. Мне сорок четыре года. Я вырос в Хайфе, в семье ортодоксального раввина. У меня две докторские степени — по еврейской истории и по древним языкам. Всю свою жизнь я посвятил науке и преподаванию, но я в большей степени считаю себя ученым и историком, чем преподавателем, хотя мои студенты очень щедро обо мне отзываются. Я думаю, читаю и молюсь на иврите и чувствую себя неловко из-за того, что так скверно говорю по-английски, особенно в такой эгалитарной стране. Я знаю грамматику и синтаксис английского языка лучше, чем многие англичане и большинство американцев, за исключением вас, конечно, но у меня никогда не было возможности практиковать и уж тем более довести до совершенства мое произношение. Я женился всего шесть лет назад, и у меня двое приемных детей-подростков — сын и дочь.

Чуть более трех лет назад я получил государственный заказ на всестороннее исследование всех упоминаний о Мессии, чтобы евреи

могли опознать Его, когда Он явится. Это, без сомнения, была самая стоящая работа в моей жизни. В процессе я изучил греческий и арамейский, так что теперь в общей сложности владею двадцатью двумя языками. Теперь исследование, наконец, завершено, я с нетерпением жду момента, когда смогу в прямом эфире озвучить его результаты всему миру. Я не рассчитываю, что мое выступление сможет соперничать с программами про секс, насилие или юмор, но надеюсь, что оно вызовет достаточный резонанс.

— Даже не знаю, о чем еще вас спрашивать, — признал Бизон.

— Тогда давайте покончим с интервью и займемся делом.

— Мне любопытно, почему вы согласились мне помочь.

— Доктор Розенцвейг — мой учитель и один из моих самых дорогих коллег. Его друг — мой друг.

— Я вам очень признателен.

— Меня восхищают ваши статьи. Я читал то, что вы писали о докторе Розенцвейге, и многие другие. Помимо этого, должен признать, что эти проповедники мне тоже интересны. Возможно, благодаря моим языковым навыкам мы сможем с ними общаться. Пока я только видел, как они проповедуют толпе. Они обращаются и к тем, кто угрожает им. Но мне неизвестно, чтобы кому-то удалось побеседовать лично.

«Мерседес» припарковался рядом с туристическими автобусами. Водитель остался

ждать в машине, а Бизон и доктор Бен-Иегуда поднялись вверх по лестнице, чтобы насладиться видом на Стену Плача, Храмовую гору и окрестности.

— Вы нигде более не увидите таких скоплений народа, — сказал раввин.

— Но они так тихо себя ведут, — прошептал Бизон.

— Проповедники говорят без микрофонов, — пояснил доктор Бен-Иегуда. — Шуметь можно на свой страх и риск. Слишком многие хотят услышать слова проповедников, так что люди быстро заставляют замолчать тех, кто пытается как-то мешать.

— Эти двое когда-нибудь прерываются?

— Конечно. Временами один из них заходит за то сооружение и ложится на землю рядом с ограждением. Они часто проповедуют и отдыхают посменно. Те люди, которые сторели, как раз напали на их из-за ограждения, когда оба проповедника отдыхали. Но сейчас никто больше не рискует к ним приближаться.

— Может быть, это мой шанс, — сказал Бизон.

— Я тоже так думаю.

— Вы пойдете со мной?

— Только если нам сможем однозначно дать им понять, что не желаем причинить им вреда. Они убили по меньшей мере шестерых, а скольким угрожали — не перечесть. Мой друг стоял на этом самом месте в тот день, когда они сожгли четверых нападавших, и он клянется, что они выдыхали огонь изо рта.

— Вы верите в это?

— У меня нет причин сомневаться в словах моего друга, хотя он и находился на расстоянии нескольких сот футов от места.

— Нам стоит подойти в какой-то определенный момент, или мы будем действовать по обстоятельствам?

— Предлагаю для начала присоединиться к толпе.

Они спустились по лестнице и направились к Стене. Все пространство на расстоянии сорока—пятидесяти футов от проповедников было заполнено ортодоксальными раввинами, которые отбивали поклоны, молились, засовывали написанные молитвы в трещины между камнями Стены. Время от времени кто-то из них оборачивался к проповедникам и кричал что-то на иврите, грозя кулаком, но его очень быстро заставляли замолчать. Иногда проповедники отвечали на эти выкрики. Но более всего Бизона поразило, что толпа, казалось, была преисполнена благоговения.

Когда Бизон и доктор Бен-Иегуда достигли края толпы, один из раввинов у Стены упал на колени и начал сокрушенно взывать к небесам.

— Тишина! — прокричал один из проповедников, и раввин разрыдался.

Проповедник обратился к толпе:

— Он просит Всемогущего Господа поразить нас за богохульство! Он подобен фарисеям! Потому что не в силах узнать того, кто был, есть и пребудет Богом сейчас и во веки веков! Мы здесь, чтобы быть свиде-

лями божественности Иисуса Христа из Назарета!

Услышав это, плачущий раввин упал ниц, спрятав лицо. Видимо, сказанное было для него настолько оскорбительным и диким, что его буквально трясло.

Бен-Иегуда прошептал Бизону:

— Хотите, я переведу?

— Переведете что? Молитву раввина?

— И ответ проповедника.

— Слова проповедника я понял.

Доктор Бен-Иегуда выглядел озадаченным.

— Если бы я знал, что вы так хорошо владеете ивритом, мне было бы сильно проще общаться с вами.

— Я не знаю иврит. Молитву я не понял, но проповедник говорил с толпой по-английски.

Бен-Иегуда покачал головой.

— Так вот в чем моя ошибка, — произнес он, — Иногда я забываю, на каком языке общаюсь. Вот, послушайте! Прямо сейчас он опять говорит на иврите! Он сказал...

— Сэр, простите, что прерываю. Но он же говорит по-английски! Да, у него древнееврейский акцент, но он отчетливо произносит: «Могущему же соблюсти вас от падения...»

— Вы понимаете его слова?

— Конечно.

Казалось, раввина это потрясло.

— Бизон, — нервно прошептал он. — Он говорит на иврите.

Бизон обернулся и уставился на свидетелей. Они говорили по очереди, фразу за фразой. Бизон воспринимал их слова как английские. Бен-Иегуда тронул его за плечо, и Бизон последовал за ним дальше в толпу.

— Говорите по-английски? — спросил раввин мужчину, похожего на латиноамериканца, который стоял вместе с женщиной и тремя подростками.

— Испанский, — как бы извиняясь, ответил мужчина.

Доктор Бен-Иегуда немедленно заговорил с ним о чем-то по-испански. Мужчина кивал и отвечал утвердительно. Раввин поблагодарил его и продолжил двигаться дальше. Он нашел какого-то норвежца и поговорил с ним на его родном языке, затем еще с несколькими азиатами. Затем, крепко схватив Бизона за руку, вытащил его из толпы поближе к проповедникам. Они остановились на расстоянии примерно тридцати футов от свидетелей, которых от толпы отделяло кованое ограждение.

— Все эти люди слышат проповедников на своих родных языках! — Бен-Иегуда пожегся. — Это действительно чудо Господне!

— Вы уверены?

— Вне всякого сомнения! Я слышу их на иврите. Вы по-английски. Та семья из Мексики очень плохо знает английский и совсем не понимает иврит. Норвежец знает немного немецкий и английский, но никак не иврит. Он уверен, что они говорят по-норвежски. Боже

мой, боже мой, — добавил раввин, и Бизон понял, что это от благоговения. Он опасался, как бы Бен-Иегуда не лишился чувств.

— Айи-и-и!

Через толпу с криком пробивался молодой человек в армейских ботинках, штанах цвета хаки и белой футболке. В руках он держал автомат, поэтому люди при виде его падали на землю. На шее у мужчины висело золотое ожерелье. Черные волосы и борода были растрепаны, а в темных глазах горел безумный огонь. Он выпустил несколько очередей в воздух, и пространство между ним и проповедниками мгновенно расчистилось.

Человек прокричал что-то непонятное на каком-то восточном языке, и когда Бизон, лежа на мощеном полу, выглянул из-под руки, Бен-Иегуда прошептал ему:

— Он говорит, что исполняет волю Аллаха.

Пока мужчина бежал к проповедникам, Бизон дотянулся до сумки и включил диктофон. Оба свидетеля замолчали и встали плечом к плечу, глядя на приближающегося к ним человека с оружием. Он бежал изо всех сил и стрелял, но проповедники стояли неподвижно, не произнося ни слова, скрестив руки на груди поверх своих оборванных одежд. Когда мужчину отделяло от них всего пять футов, казалось, он налетел на какую-то невидимую стену. Его отбросило, так что он упал на спину, оружие упало в стороне. Он сильно ударился головой о землю и теперь лежал и стонал.

Внезапно один из проповедников закричал:

— Тебе запрещено подходить близко к слугам Всевышнего Бога! Мы до поры находимся под Его защитой, и горе тому, кто приблизится, если не будет с ним Яхве.

Как только он произнес последнее слово, второй выдохнул изо рта столб пламени, который в мгновение ока сжег не только одежду мужчины, но и его плоть, оставив на земле только обугленный дымящийся скелет. Оружие деформировалось и вплавилось в цемент, а расплавленное золото, некогда бывшее ожерельем мужчины, стекало каплями на землю через остатки грудной клетки.

Бизон лежал на животе, разинув рот, придерживая одной рукой раввина, которого просто трясло. В некотором отдалении от них семьи бежали к своим машинам и автобусам, в то время как израильские солдаты медленно приближались к Стене, держа оружие наготове.

Один из проповедников заговорил:

— Те, кто пришел сюда, чтобы слушать наше свидетельство о живом Боге, не должны бояться! Многие уверовали и услышали наше послание. Только те, кто желает причинить нам зло, умрет. Не бойтесь!

Бизон им верил. Но сомневался, что раввин разделяет его мнение. Они встали и начали удаляться, в то время как проповедники смотрели на них. Израильские солдаты кричали им что-то с края автостоянки.

— Солдаты требуют, чтобы мы медленно уходили, — перевел доктор Бен-Иегуда.

— Я хочу остаться, — сказал Бизон. — Я хочу поговорить с этими людьми.

— Разве вы не видели, что только что произошло?

— Конечно, видел, но я также слышал, что они не причинят вреда искренним слушателям.

— А вы — искренний слушатель или журналист, гонящийся за сенсацией?

— Я и то, и другое, — признал Бизон.

— Храни вас Бог, — сказал раввин. Он обернулся и заговорил с проповедниками на иврите, в то время как солдаты кричали на них все громче. Затем Бизон и Бен-Иегуда ушли, а проповедники просто молча стояли.

— Я сказал им, что мы бы хотели встретиться с ними сегодня вечером в десять за строением, где они, вероятно, отдыхают. Вы сможете ко мне присоединиться?

— Как я могу отказаться! — отозвался Бизон.

* * *

Рэйфорд вынужден был оторваться от обеда с членами своего нового экипажа из-за срочного сообщения от Хлои. Поиски телефона заняли несколько минут, и все это время он переживал, что она никак не намекнула,

что же произошло. Не в ее привычках было называть дело срочным, если оно не было таковым. Трубку она сняла мгновенно:

— Алло? Бизон? Папа?

— Да, что случилось? — спросил Рэйфорд.

— Как там Бизон?

— Понятия не имею. Я его не видел.

— А собираешься?

— Думаю, да.

— Ты знаешь, в какой он больнице?

— Что?

— Разве ты не видел?

— Не видел что?!

— Пап, у нас только что показывали в утренних новостях. Двое проповедников на Стене Плача сожгли какого-то парня до смерти, а вокруг все лежали на земле. Один из двоих, находившихся к ним ближе всех, был Бизон.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— Ты уверена, что он пострадал?

— Нет! Я просто предположила. Рядом с ним лежал мужчина в черном костюме, с которого слетела шляпа.

— Где он остановился?

— В гостинице «Царь Давид». Я оставила ему сообщение. Они сказали, что его ключ на месте, следовательно, он вышел. Что это может значить?

— Некоторые, выходя из отеля, оставляют ключ у портье. Это не значит ровным

счетом ничего. Я уверен, что он тебе скоро позвонит.

— Ты можешь как-нибудь выяснить, не ранен ли он?

— Я попробую. Давай договоримся так: если я что-то выясню — я тебе позвоню. И помни: отсутствие новостей само по себе неплохо.

* * *

Ноги у Бизона подкашивались.

— Ребе, с вами все в порядке?

— Вроде да, — ответил Бен-Иегуда. — Но я безумно испугался.

— Знакомое чувство.

— Я хочу верить, что эти люди — Божьи посланцы.

— А я верю, что так и есть, — сказал Бизон.

— Да? Вы изучаете Писание?

— Только последнее время.

— Пойдемте. Хочу вам кое-что показать.

Когда они вернулись к машине, водитель раввина стоял рядом с ней, распахнув дверь. На нем просто лица не было. Цион Бен-Иегуда заговорил с ним на иврите, успокаивая, но водитель, казалось, не обращал на него внимания и смотрел на Бизона. Тот попытался выдавить улыбку.

Бизон уселся на переднее сиденье, а Бен-Иегуда тихо объяснял водителю, как припар-

коваться как можно ближе к Золотым Воротам в восточной части Храмовой горы. Он предложил Бизону прогуляться к воротам.

— Видите? — показал он. — Здесь написано: «Приди Мессия». Здесь: «Избави нас». А тут — «Приди во славе». Наш народ страстно желал, молился, искал и ждал своего Мессию столетиями. Но наша религия со временем даже здесь, в Святой земле, стала более светской и отдалилась от Библии. Мое исследование было совершенно необходимо, именно поэтому мне его поручили. Люди перестали понимать, чего или кого они ищут, поэтому многие сдались. Хотите, покажу, как далеко зашла вражда между мусульманами и евреями? Взгляните на мусульманское кладбище здесь у ограды.

— А в чем смысл?

— В текстах сказано, что Мессия и Илия поведут евреев в Храм во славе через восточные ворота. Но Илия — священник, если он пройдет по кладбищу, это сделает его нечистым, поэтому мусульмане устроили здесь кладбище, чтобы триумфальное вхождение в Храм стало невозможным.

Бизон потянулся за диктофоном, чтобы попросить раввина повторить этот интересный исторический экскурс, и вдруг заметил, что тот все еще включен.

— Только посмотрите, — удивился он. — Я записал нападение на пленку.

Он перемотал запись до места, где были слышны крики и стрельба. Затем звук падения тела, стук оружия о землю. Перед мыс-

ленным взором Бизона возникло пламя, вырывающееся из рта одного из свидетелей. В записи это было похоже на сильный порыв ветра. Затем опять начались крики. Потом проповедники что-то громко крикнули на языке, который Бизон не мог понять.

— Это иврит! — воскликнул раввин Бен-Иегуда. — Теперь вы слышите!

— И правда, они говорили на иврите, — согласился Бизон. — Как на записи. Но я слышал их по-английски, я уверен в этом так же, как в том, что стою здесь сейчас.

— Вы ведь слышали, как они обещали не причинять вреда тем, кто пришел выслушать их свидетельство.

— Каждое слово.

Раввин прикрыл глаза.

— Все это очень кстати в свете моего выступления.

Они вернулись обратно к машине.

— Мне нужно вам кое-что сказать, — произнес Бизон. — Я верю, что ваш Мессия уже явился.

— Я знаю, что вы в это верите, молодой человек. И мне интересно, как на эти ваши слова отреагируют те двое проповедников.

* * *

Рэйфорд связался со Стивом Планком, чтобы узнать, не в курсе ли кто-либо из его людей о подробностях еще одной смерти

у Стены Плача. Он не спросил прямо про Бизона, не желая, чтобы кто-то узнал об их дружбе.

— Конечно, мы все об этом знаем, — раздраженно ответил Планк. — Генеральный Секретарь считает, что их надо арестовать и судить за убийство. Он не понимает, почему израильские военные столь беспомощны.

— Может быть, они боятся, что их сожгут заживо.

— Какие шансы могут быть у тех двоих против снайпера с мощной винтовкой? Надо перекрыть туда доступ, убрать оттуда всех невинных посторонних и пристрелить тех двоих. При необходимости можно воспользоваться гранатой или даже ракетой.

— Это идея Карпати?

— Дословная цитата, — сказал Планк.

— Слова, достойные настоящего пацифиста.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Рэйфорд посмотрел новости и убедился, что Хлоя была права. Действительно, Бизона Уильямса от проповедников отделяло не более тридцати футов, а от поджаренного стрелка — и того меньше. В израильских новостях ролик длился дольше, и, посмотрев его несколько раз, Рэйфорду удалось наконец оторвать взгляд от дышащих огнем свидетелей и обратить внимание на край экрана.

Он видел, как Бизон встал и помог подняться одетому в темный костюм человеку рядом. Кажется, никто из них не было ранен.

Рэйфорд позвонил в гостиницу «Царь Давид». Уильямс все еще отсутствовал, поэтому Рэйфорд взял такси до отеля и сел в лобби в ожидании его возвращения. Чтобы его не

увидели вместе с Бизоном, он предполагал, что, как только заметит его, свяжется с ним по стационарному телефону.

* * *

— За все время существования иудаизма, — рассказывал рабби Бен-Иегуда, — было множество явных доказательств Божественного вмешательства. Конечно, большая их часть относится к библейским временам, но некоторые прецеденты имеются и в наше время, как, например, защита Израиля в современных военных конфликтах. То, что русские ВВС были уничтожены, не причинив никакого вреда Святой земле, я считаю чистой воды Божьим деянием.

Бизон повернулся к собеседнику:

— Я был здесь, когда это произошло.

— Я читал вашу статью, — кивнул Бен-Иегуда. — Но благодаря этому случаю евреи стали более скептически относительно Божественного вмешательства в их жизни. Знаток Писания известно, что Моисей не единственный, кто мог превратить палку в змею, это умели и маги, служившие фараону. Они также могли, как и он, превратить воду в кровь. Даниил был не единственным толкователем снов при дворе царя. Я рассказываю вам об этом, чтобы вы поняли, почему тех двух проповедников воспринимают с таким подозрением. Они обладают великой силой

и внушают ужас, но то, что они говорят, — не совместимо с ортодоксальным иудейским мышлением.

— Но они же говорят о Мессии! — воскликнул Бизон.

— И похоже, им есть чем подтвердить свои заявления, — сказал Бен-Иегуда. — Но идея, что Иисус и был еврейским Мессией, уже тысячи лет. Само его имя для евреев столь же ненавистно, как и прочие расовые клички и эпитеты.

— Но кто-то там обрел веру в Христа, — возразил Бизон. — Я видел в новостях, как люди отбивали поклоны и молились перед оградой и становились последователями Его учения.

— Им это далось дорогой ценой, — вздохнул раввин. — И их очень-очень мало. Хотя эти свидетели Христа производят очень сильное впечатление, вряд ли им удастся обратить хоть сколько-нибудь значительное число евреев в христианство.

— Вы уже второй раз называете их свидетелями, — заметил Бизон. — Вы же знаете, что так в Библии...

— Мистер Уильямс, — перебил его раввин, — не считайте, что я изучал только Тору. Поймите, что мое исследование подразумевало изучение сакральных книг всех основных религий мира.

— И к каким выводам вы пришли, раз вы знаете Новый Завет?

— Ну, для начала вы несколько преувеличиваете, предполагая, что я знаю Новый

Завет. Я не могу сказать, что знаю его так же хорошо, как мою Библию, так как я плотно изучал его только последние три года. А во вторых, вы заговорили как журналист.

— Но я спрашиваю вас не как журналист! — воскликнул Бизон. — Я спрашиваю как христианин!

— Не путайте неевреев и христиан, — сказал раввин. — Многие, очень многие считают себя христианами просто потому, что они не евреи.

— Я понимаю разницу, — настаивал Бизон. — Скажите мне как друг другу или хотя бы как знакомый знакомому, в результате ваших исследований вы ведь наверняка пришли к неким выводам относительно того, был ли мессией Иисус?

Раввин ответил, тщательно подбирая слова:

— Молодой человек, я никому за последние три года ни слова не сказал о своих изысканиях. Даже те, кто заказал мне это исследование и оплатил его, не имеют ни малейшего представления о том, к каким заключениям я пришел. Я вас уважаю. И восхищаюсь вашим мужеством. Я отведу вас назад к свидетелям сегодня ночью, как обещал. Но я ничего не скажу вам из того, что озвучу завтра по телевизору.

— Понимаю, — сказал Бизон. — Вас будет смотреть больше людей, чем вы думаете.

— Вероятно. Может, зря я из ложной скромности предположил, что программа не сможет конкурировать по количеству зри-

телей с другими. Си-эн-эн и государственные органы, заказавшие мое исследование, сотрудничают на международном уровне, чтобы донести информацию о предстоящем выступлении до евреев на всех континентах. Мне сказали, что израильские зрители будут всего лишь крупницей еврейской аудитории по всему миру.

* * *

Рэйфорд читал «Интернэшнл трибюн», когда Бизон пронесся мимо него к стойке портье, взял ключ и записку. Рэйфорд с громким шелестом опустил газету и, когда Бизон взглянул в его сторону, сделал знак, что позвонит ему. Бизон кивнул и поднялся в свой номер.

— Позвони Хлое, — сказал Рэйфорд, связавшись с Бизоном по телефону пару минут спустя. — У тебя все в порядке?

— Да, Рэйфорд, все отлично. Я там был!

— Я видел тебя.

— Я был там с раввином, другом Розенцвейга. Тем самым, который будет завтра днем выступать по телевизору. Постарайся, чтобы эту программу смотрело как можно больше народу. Он действительно очень интересный человек.

— Хорошо. Я обещал Хлое, что один из нас позвонит ей, как только я что-нибудь узнаю.

- Она видела меня?
- Да, в утренних новостях.
- Я позвоню ей прямо сейчас.

* * *

Бизон попросил оператора связаться с номером Хлои и повесил трубку в ожидании, когда звонок сообщит ему, что она на линии. А затем, обессилив, осел на кровать, обхватив голову руками. Он не мог внутренне не содрогаться при мысли о том, что видел. Как раввин, который видел и слышал то же, что и он, мог даже предположить, что эти люди — маги и порицатели, а не посланники Божии?

Зазвонил телефон. Слушаю!

— Бизон!

— Да, это я, Хлоя. И у меня все в порядке.

— Слава Богу!

— Спасибо за беспокойство.

Судя по голосу, она очень переживала за него.

— Бизон, ведь правда эти свидетели понимают разницу между верующими и своими врагами?

— Я очень на это надеюсь. Выясню это сегодня вечером. Один знакомый раввин отведет меня к ним.

— Что за раввин?

Бизон рассказал ей.

— Ты уверен, что это разумно?

— Хлоя, такой шанс бывает раз в жизни!

Никто еще не беседовал с ними лично!

— А что думает раввин?

— Он ортодоксальный еврей, но знаком с Новым Заветом как минимум на уровне текста. Обязательно посмотрите с Брюсом его выступление завтра днем — хотя для вас это, конечно, будет на шесть часов раньше. И предупреди всех прихожан, чтобы тоже смотрели. Это должно быть интересно. Если ты хочешь увидеть и репортаж о подписании договора, то придется встать очень рано.

— Я скучаю по тебе, Бизон.

— Я тоже скучаю. Больше, чем ты думаешь.

* * *

В отеле Рэйфорда ждал конверт от Хэтти Дюрхем. В конверте была записка: «Капитан Стил, это не розыгрыш. Генеральный Секретарь просил передать вам билет на церемонию подписания завтра утром (вы найдете его в конверте) и выразить свое восхищение обслуживанием на борту самолета. У него не будет возможности пообщаться с вами лично до полета в Багдад, поэтому пока он просто передает вам свою благодарность. И я тоже. *Хэтти Д.*».

Рэйфорд вложил билет в бумажник, а записку выбросил.

* * *

Все еще не в себе от разницы во времени и шока, испытанного утром, Бизон попытался до ужина поспать пару часов. Ужинал он в одиночестве, ел мало, размышляя на тему того, как принято встречаться с посланниками Бога. Были ли они людьми? Или они были духами? Были ли они, как верил Брюс, Илией и Моисеем? Они называли друг друга Эли и Моше. Неужели им несколько тысяч лет? Бизон волновался перед встречей с ними больше, чем перед интервью с любым главой государства или даже с Николае Карпати.

Вечер обещал быть прохладным. Бизон надел шерстяную спортивную куртку на подкладке, с большими карманами, так что он мог вполне обойтись без сумки. С собой он взял только ручку, блокнот и диктофон, сделав себе пометку попросить Джима Борланда и остальных в редакции, чтобы фотографы обязательно сфотографировали этих проповедников.

* * *

В двадцать один сорок пять Рэйфорд внезапно проснулся. Он задремал под бормотание телевизора, но вдруг что-то привлекло его внимание. Он услышал слово «Чикаго»

или, может быть, «Чикаго трибюн», и это разбудило его. Он начал переодеваться в пижаму, прислушиваясь к телевизору. Ведущий новостной программы подытоживал основные события за пределами США.

— Генеральный Секретарь в настоящий момент находится за пределами страны, так что нет возможности услышать его комментарии, но медиа-магнаты всего мира подтверждают это сообщение. Как это ни удивительно, законодательство допускает владение любым видом СМИ без ограничений избираемому чиновнику, а также международной некоммерческой организации, поэтому ничто не запрещает ООН, которая вскоре будет называться Мировым Сообществом, приобрести и получить контроль над газетами, журналами, радио, телевидением, кабельными и спутниковыми сетями. Единственным ограничением будет объем средств, доступных Мировому сообществу. Среди изданий, покупка которых, по слухам, обсуждается в Сообществе: «Нью-Йорк таймс», «Лонг Айленд ньюс дэй», «Ю-Эс-Эй тудэй», «Бостон глоб», «Балтимор сан», «Вашингтон пост», «Атланта джорнал энд Конститушн», «Тампа трибюн», «Орландо сэнтинел», «Хьюстон...»

Рэйфорд присел на край кровати, не веря своим ушам. Николае Карпати все-таки это удалось — он сумел обрести контроль над новостями, а значит, и умами большинства людей в сфере его влияния.

Ведущий продолжал называть компании из списка:

— «Тёрнер нетуорк ньюс», Си-эн-эн, Сеть спортивно-развлекательных каналов, «Коламбия бродкаст систем», «Америкэн бродкастинг корпорэйшн», Сеть «Фокс телевижн», «Нэшнл бродкастинг корпорейшн», «Крисчен бродкастинг нетуорк», Сеть семейных радиостанций, «Тринити бродкастинг нетуорк», «Тайм-Уорнер», «Дисней», «Ю-Эс ньюс энд уорлд рипорт», «Глобал уикли», «Ньюсуик», «Ридерз дайджест» и множество других новостных агентств, журналов и газет.

Наибольшее удивление вызвала реакция текущих владельцев, большинство из которых, судя по всему, только приветствуют нового инвестора и верят на слово лидеру Мирового Сообщества Николае Карпати, что он не будет вмешиваться в дела СМИ.

Рэйфорд подумал, не позвонить ли Бизону. Но тот наверняка узнал об этом еще до попадания новости на телевидение. Наверняка кто-нибудь из редакции «Глобал уикли» рассказал ему, ну или как минимум он мог об этом услышать от любого из сотни корреспондентов, приехавших в Израиль на подписание договора. Но возможно, что каждый решил, что новость сообщил кто-то еще. А Рэйфорд не хотел, чтобы Бизон узнал последним.

Он взял телефон. Но на звонок никто не отвечал.

* * *

В темноте на расстоянии пятидесяти ярдов от Стены Плача слонялись какие-то люди. Останки неудачливого убийцы были убраны, командир местного военного подразделения заявил корреспондентам новостей, что он и его подчиненные не могут возбудить дело против двух безоружных людей, которые никого не тронули и сами были атакованы.

Никто из стоящих в толпе, казалось, не желал приближаться к проповедникам, хотя в слабом свете было видно, что они оба стоят у края Стены, не двигаясь и не разговаривая.

Когда машина остановилась на полупустой парковке, у Бизона было искушение спросить раввина, верит ли он в силу молитвы. И хотя Бизон знал, что ответ будет утвердительным, но не рискнул, потому что хотел помолиться вслух о защите Христа, а это не совсем то, о чем мог бы молиться ортодоксальный еврей. Поэтому Бизон молился про себя.

Он и Цион вышли из машины и медленно и осторожно направились вперед, обходя кругом скопление народа. Раввин шел, сцепив руки перед собой, и Бизон невольно скопировал его жест, как только его заметил. Он казался необычно благочестивым, чуть ли не показным, отчасти потому, что Бен-Иегуда выглядел обезоруживающе скромно для человека с его положением среди богословов.

— Это традиционный жест, означающий почтение и мирные намерения, — пояснил раввин. — Я не хочу совершить ошибку или вызвать недопонимание. Для нашей собственной безопасности главное, чтобы эти люди знали, что нами движет смирение и любопытство и мы не желаем причинить им вред.

Бизон посмотрел раввину в глаза:

— Правда в том, что мы до смерти напуганы и не хотим дать им хоть малейший повод убить нас.

Бизону показалось, что раввин улыбнулся.

— Вы умеет называть вещи своими именами, — заметил Бен-Иегуда. — Я молюсь, чтобы мы оба вернулись невредимыми и способными поделиться полученным здесь опытом.

«И я», — подумал Бизон, но вслух ничего не сказал.

Внезапно перед Бизоном и раввином возникли три израильских солдата, и один из них что-то резко сказал на иврите. Бизон потянулся за своим журналистским удостоверением, а потом сообразил, что оно не имеет здесь никакого значения. Цион Бен-Иегуда выступил вперед и заговорил на иврите со старшим из них, тихо, но убедительно. Солдат задал несколько вопросов, его голос уже звучал менее враждебно и скорее любопытно, чем вначале. В итоге он кивнул, и им разрешили пройти.

Бизон оглянулся. Солдаты остались на месте.

— Чего они хотели? — спросил он.

— Они сказали, что дальше определенной точки могут идти только ортодоксальные евреи. Я заверил их, что вы со мной. Меня всегда забавляет, когда светские военные пытаются насаждать религиозные правила. Он предупредил меня о сегодняшнем происшествии, но я объяснил ему, что у нас важная встреча и мы готовы пойти на риск.

— А мы готовы? — беспечно спросил Бизон.

Раввин пожал плечами:

— Может, и нет. Но мы ведь в любом случае намерены продолжить? Потому что мы так решили, и потому что ни один из нас ни за что не упустит такой шанс.

Они продолжили путь, а свидетели стояли примерно в пятидесяти футах впереди у Стены и смотрели на них.

— Мы направляемся вон к тому ограждению, — пояснил Бен-Иегуда, указывая на противоположную сторону небольшой постройки. — Если они по-прежнему готовы встретиться с нами, они подойдут туда, и между нами будет только изгородь.

— После того, что сегодня случилось с тем неудачливым убийцей, это вряд ли нас защитит.

— Мы не вооружены.

— Но им-то откуда это знать?

— Неоткуда.

Когда Бизон и Бен-Иегуда были примерно в пятнадцать футов от изгороди, один из проповедников поднял руку, и они остановились. Он заговорил, и хотя не так громко, как днем, все равно его было отлично слышно.

— Мы приблизимся и представимся, — произнес он.

Проповедники медленно прошли вперед и встали перед ограждением.

— Зовите меня Эли, — сказал он. — А его Моше.

— Это по-английски? — прошептал Бизон.

— Иврит, — отозвался Бен-Иегуда.

— Тихо! — хрипло прошептал Эли.

Бизон чуть не подпрыгнул. Он вспомнил, как один из проповедников призывал раввина к молчанию ранее днем. А несколькими минутами спустя другой человек был сожжен заживо.

Эли дал знак Бизону и Циону приблизиться. Они остановились в паре футов от изгороди. Бизона поразили их изорванные одежды. Они пахли пеплом, как бы напоминающая о пламени. В отсвете отдаленных фонарей их жилистые руки казались жесткими и мускулистыми. У них были крупные костлявые кисти, и они были босиком.

Эли сказал:

— Мы не будем отвечать на вопросы о том, кто мы и откуда. Господь откроет это миру, когда придет время.

Цион Бен-Иегуда кивнул и слегка поклонился. Бизон сунул руку в карман и включил

диктофон. Внезапно Моше шагнул вперед и просунул свое бородатое лицо между прутьями ограждения. Он, прикрыв глаза, уставился на раввина, а по лицу его стекали капли пота.

Он заговорил очень тихо, хотя Бизон понимал каждое слово. Ему не терпелось спросить Циона, на каком языке тот слышал Моше — на английском или на иврите.

Моша говорил, как если бы вдруг вспомнил интересную историю, но слова его показались Бизону знакомыми.

— Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников иудейских. Как и вы, он пришел к Иисусу ночью.

Рабби Бен-Иегуда прошептал:

— Эли, Моше, мы знаем, что вы пришедшие от Бога; ибо таких чудес, какие творите вы, никто не может творить, если не будет с ним Бог.

Эли ответил:

— Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.

— Как может человек родиться, будучи стар? — произнес раввин, и Бизон осознал, что он цитирует Новый Завет. — Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?

Моше ответил:

— Истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся

тому, что я сказал тебе: должно вам родиться свыше.

И опять заговорил Эли:

— Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа.

Раввин, как по заказу, продолжил:

— Как это может быть?

Моше поднял голову:

— Ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь? Истинно говорю тебе: мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства нашего не принимаете. Если я сказал вам о земном и вы не верите, как поверите, если буду говорить вам о небесном?

Эли кивнул.

— Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах. И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную.

У Бизона от волнения голова кружилась. Он чувствовал себя так, как если бы провалился во времени и стал свидетелем одного из самых знаменитых ночных разговоров в истории человечества. На мгновение он забыл, что его спутник не был тем древним Никодимом, а двое других мужчин не были

Иисусом. Истина и Писание недавно открылись ему, но он знал, что будет сказано дальше, когда Моше подытожил:

— Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия.

Внезапно раввин оживился. Он активно жестикулировал, то поднимая руки, то расставляя их в стороны. Как если бы они играли в какой-то пьесе, он подвел свидетелей к их следующей реплике.

— А в чем, — спросил он, — состоит суд?

Проповедники ответили в унисон:

— В том, что свет пришел в мир.

— Но как люди не заметили его?

— Люди более возлюбили тьму, нежели свет.

— Почему?

— Потому что дела их были злы.

— Прости нас Бог, — произнес раввин.

И оба свидетеля сказали:

— Господь простит вас. На этом наше послание закончено.

— Вы больше не будете с нами говорить? — спросил Бен-Иегуда.

— Нет, — сказал Эли, но Бизон не видел, чтобы его губы шевелились. Бизон предположил, что он ошибся, и, вероятно, это сказал Моше. Но Эли продолжил, его слова были отчетливы, хотя губы были неподвижны. — Моше и я не будем говорить до рассвета,

когда мы продолжить свидетельствовать Его пришествие.

— Но у меня столько вопросов, — сказал Бизон.

— Никаких больше вопросов, — хором сказали проповедники, не открывая рта. — Да пребудет с вами Господь, Христос и Святой дух. Аминь.

Когда проповедники направились назад, у Бизона опять начали дрожать колени. На глазах у него и раввина Эли и Моше просто подошли к строению и сели, опершись на него спинами.

— До свидания и спасибо, — сказал Бизон, чувствуя себя крайне глупо.

Рабби Бен-Иегуда пропел прекрасный псалом, какое-то не понятное Бизону благословение. Казалось, Эли и Моше молились, а затем как будто уснули там же, где сидели.

Бизон не мог произнести ни слова. Вслед за Бен-Иегудой он повернулся и побрел по направлению к сетчатому ограждению. Он перелез через него и направился с Храмовой горы к небольшой роще через дорогу. Бизон не знал, хочет ли раввин остаться один, но, судя по языку его тела, тот скорее предпочел бы, чтобы Бизон побыл с ним.

Когда они подошли к роще, раввин остановился, беспомощно глядя на небо, и расплакался, закрыв лицо руками. Его всхлипывания постепенно переросли в рыдания. Бизона тоже переполняли эмоции, и он не стеснялся текущих по лицу слез. Ведь они были на Святой земле. Но его беспокоило,

как воспринял все это раввин. Неужели он не понял суть разговора между Никодимом и Иисусом ни когда читал его в Писании, ни сейчас, когда его воссоздали в его присутствии?

Сам Бизон, конечно, все понял. Другие члены их отряда не поверят, какая ему выпала честь. Он не будет ревниво хранить это в тайне. На самом деле он бы хотел, чтобы все трое его друзей могли разделить с ним этот момент.

Бен-Иегуда как будто почувствовал, что Бизон хочет поговорить, и остановил его:

— Мы не должны умалять ценность этого опыта, сводя его к словам, — произнес он. — До завтра, друг мой.

Раввин обернулся: сзади у обочины стояли его машина и водитель. Он подошел к передней двери со стороны пассажира и открыл ее для Бизона. Тот проскользнул внутрь, прошептав слова благодарности. Сам раввин обошел машину спереди и негромко сказал что-то водителю, так что тот завел мотор и они поехали, оставив Бен-Иегуду одного.

— Что случилось? — спросил Бизон, вытягивая шею, чтобы разглядеть исчезающий в ночи черный костюм. — Он собирается возвращаться самостоятельно?

Водитель ничего не ответил.

— Надеюсь, я его не обидел.

Водитель, как бы извиняясь, взглянул на Бизона и пожал плечами.

— Инглиш нет, — сказал он и отвез Бизона обратно в гостиницу «Царь Давид».

Портье вручил Бизону записку от Рэйфорда, но так как пометки «срочно» на ней не было, он решил отложить звонок до утра. А если ему не удастся дозвониться, он найдет его на церемонии подписания.

Бизон не стал включать свет в номере и вышел через стеклянные двери на крошечный балкон, окруженный ветвями деревьев. Сквозь листву была видна полная луна на безоблачном небе. Ветра не было, но становилось зябко. Он поднял воротник куртки и продолжил любоваться ночным пейзажем. Бизон чувствовал себя избранным. Не потому, что у него была успешная карьера и завидный талант, а потому, что ему удалось стать свидетелем деяний Господа.

Преыдуший его приезд в Израиль совпал с вооруженным нападением русских чуть меньше полутора лет назад. Очевидно, что Господь тогда устранил угрозу, надвигающуюся на Его избранный народ. В момент Восхищения, Бизон летел на самолете, которым управлял человек, с которым он никогда не встречался и который стал одним из его ближайших друзей. Его обслуживала бортпроводница, за чье будущее он сейчас несет прямую ответственность. А дочь пилота? Ее он любил всем сердцем, если, конечно, он правильно понимал, что такое любовь.

Бизон ссутулился, чтобы спрятать кисти в рукава, и скрестил руки на груди. Он чудом не оказался во взорвавшейся машине накануне конца света, обрел веру и благодаря

божественной защите стал свидетелем двух убийств, совершенных самим Антихристом. Не далее чем сегодня он своими глазами видел исполнение слов Писания, когда потенциальный убийца был остановлен пламенем, исходящим из горла одного из свидетелей.

А затем он слышал, как проповедники цитировали слова Иисуса Никодиму! Бизона переполняли осознание собственного ничтожества и бесконечная благодарность своему Спасителю и Творцу.

— Господи, — хрипло прошептал он в ночной воздух, — я весь Твой, без остатка, так долго, как мне осталось. Я буду делать то, что Ты захочешь, пойду туда, куда Ты меня пошлешь, и подчинюсь любому Твоему приказу.

Он вытащил из кармана диктофон и перемотал пленку. Включив запись разговора с проповедниками, к своему огромному удивлению, английской речи он не услышал. И тут понял, что удивляться нечему. После всего того, что он испытал за прошедший день. В разговоре использовались как минимум три языка. Он узнал иврит и греческий, хотя и не понимал ни один из них. Третий язык, который он никогда в жизни не слышал, использовался только для прямых цитат слов Иисуса. Наверное, это был арамейский.

В конце кассеты Бизон услышал, как доктор Бен-Иегуда спросил о чем-то на иврите, что по-английски он услышал: «Вы больше не будете говорить с нами?» Ответа он не услышал.

Затем его собственный голос произнес: «Но у меня столько вопросов». И после паузы: «До свидания. Спасибо». То, что открыли проповедники их душам, не отразилось на записи.

Бизон достал ручку и сломал защитные лепестки, чтобы на эту бесценную кассету нельзя было больше ничего записать.

Был только один способ сделать этот вечер еще прекрасней — разделить его с Хлоей. Он посмотрел на часы. В Израиле было за полночь, значит, в Чикаго было около шести утра. Но когда Бизон наконец дозвонился до нее, он с трудом мог говорить. Он сквозь слезы рассказал ей о том, что произошло вечером, и она плакала вместе с ним.

— Бизон, — вздохнула она в конце, — мы там много лет прожили впустую без веры. Я помолюсь за этого раввина.

* * *

Пару минут спустя Рэйфорд проснулся от звонка телефона. Он был уверен, что это Бизон, и надеялся, что никто еще не сообщил ему о планах Карпати в отношении СМИ.

— Папа, это Хлоя, — произнес женский голос. — Я только что говорила с Бизоном, но у меня не хватило духу рассказать ему о том, что происходит со СМИ. Ты слышал?

Рэйфорд ответил утвердительно и спросил, уверена ли она, что Бизон не в курсе.

Она пересказала ему рассказ Бизона о событиях вечера.

— Попробую связаться с ним утром, — заявил Рэйфорд. — Будет лучше, если об этом ему сообщу я, а не кто-нибудь еще.

— Пап, он совсем вымотан. Не лучший момент для таких новостей. Я не знала, как он отреагирует. Как ты думаешь, что с ним будет?

— Конечно, он выживет. Конечно, ему придется поступиться своей гордостью от необходимости работать на Карпати, но он справится. Зная его, я уверен, что он сумеет донести правду до людей, либо маскируя ее под то, что хочет слышать Карпати, либо продавая ее из-под прилавка, как бутлегеры.

— Звучит, как будто Карпати собирается взять все под свой контроль.

— Так и есть.

Когда Рэйфорд позвонил Бизону в шесть тридцать утра, выяснилось, что тот уже ушел.

* * *

Давно Бизон не видел Стива Планка таким замотанным.

— Все было очень весело и интересно до сегодняшнего дня, — пожаловался Стив, когда в фойе отеля начали собираться участники церемонии перед отправлением в Старый

город. — У Карпати словно заноза в заднице, а страдаю от этого я.

— Что случилось?

— Ничего особенного. Просто все должно быть идеально.

— Так-то ты пытаешься меня уговорить работать на него? Что-то мне сомнительно.

— Через пару недель это будет чисто теоретический вопрос.

— Конечно. — Бизон улыбнулся сам себе. Он уже решил, что откажется от предложения Карпати и продолжит работать на «Глобал уикли».

— Ты ведь едешь с нами в Багдад?

— Я попытаюсь, но определенно не с вами.

— Бизон, туда не так просто попасть. У нас есть место, да и, по сути, ты уже работаешь на Карпати. Поехали! Тебе понравится то, что он задумал сделать в Новом Вавилоне, и если верить сообщениям, пока все идет неплохо.

— Я не работаю на Карпати. Я вроде четко высказался по этому поводу.

— Парень, это просто вопрос времени.

— Мечтать не вредно, — сказал Бизон, и удивленный взгляд Планка его озадачил.

Когда Бизон нашел Джим Борланда, тот перебирал свои записи.

— Привет, Джим, — поздоровался он.

Борланд даже не взглянул на него.

— Взял интервью у Карпати?

— Да, — ответил Борланд. — Ничего особенного, сейчас он думает только о смене места проведения церемонии.

— Смене места?

— Его пугают те странные люди у Стены Плача. Конечно, солдаты могут выгнать отсюда туристов, зато тех двоих вынуждены будут слушать все присутствующие на церемонии подписания.

— А их немало, — заметил Бизон.

— Кроме шуток. Я не понимаю, почему они просто не запретили приближаться к тем двум бомжам.

— Серьезно не понимаешь?

— Чего, Бизон? Ты думаешь, эти два старика дыхнут огнем на армию? Нет, ну правда. Неужели ты в это веришь?

— Я видел того парня. Из него сделали тост.

— Спорю на миллион, что он сам себя поджег.

— Это не было жертвоприношением, Джим. Он упал, и один из тех двоих сжег его.

— Пламенем изо рта.

— Я это видел.

— Хорошо, что главную статью пишешь не ты, Бизон. Ты проиграл. Интервью у них хотя бы взять удалось?

— Не то чтобы эксклюзивное и не то чтобы интервью.

— Иными словами, ты облажался, так?

— Нет, я встречался с ними вчера вечером. Но диалога у нас не получилось, но больше я ничего не скажу.

— Мне кажется, у тебя слишком богатая фантазия, писал бы ты лучше романы. Так

ты сможешь и на Карпати работать, и свободы будет побольше.

— Я не буду на него работать, — возразил Бизон.

— Тогда ты не будешь работать в СМИ.

— О чем ты говоришь?

Борланд рассказал ему о последних новостях.

Бизон побледнел.

— И «Глобал уикли» тоже?

— Что значит — тоже? Я бы сказал, что это один из самых лакомых кусков.

Бизон покачал головой. Значит, в итоге он писал статьи для Карпати.

— Неудивительно, что все в таком шоке. Если подписание будет не у Стены, то где именно?

— В Кнессете.

— Внутри?

— Я так не думаю.

— Неужели снаружи?

— Нет.

— Послушай, Джим, ты будешь смотреть выступление рабби Бен-Иегуды сегодня днем?

— Если его будут транслировать на самолете в Багдад.

— Ты летишь?

— На борту номер один Мирового Сообщества.

— Так ты продался?

— Нельзя продаться собственному боссу, Бизон.

— Но он же не твой начальник?

— Это, старик, всего лишь вопрос времени.

Тут к ним буквально подбежал Хаим Розенцвейг.

— Кэмерон! — воскликнул он. — Пойдем, пойдем!

Они отошли в сторону. Доктор выглядел как никогда сгорбленным и старым.

— Побудь со мной, пожалуйста. Николае сегодня не в духе. Все переносится в Кнессет, все на нервах. Николае настаивает, чтобы все ехали в Вавилон, но некоторые отказываются. Думаю, если бы у него была такая возможность, он бы лично убил тех двоих на Стене Плача. Они все утро голосили про несправедливость подписываемого договора и про то, что он знаменует нечестивый союз людей, пропустивших первое явление Мессии, и лидера, который отрицает само существование Бога. Но, Кэмерон, ведь Николае не атеист! В худшем случае он агностик, но ведь и я тоже!

— Вы же перестали быть агностиком после вторжения русских!

— Может, и так, но в любом случае Николае не заслужил всех этих обвинений.

— Я думал, что сегодня утром к Стене никого не пускают. Кому они все это говорили?

— Там представители прессы со своими сверхмощными микрофонами направленного действия. Ну и глотки у тех двоих! Николае все утро общался по телефону с представителями Си-эн-эн, чтобы убедить их

сегодня в виду исключения не выпускать в эфир никаких репортажей о тех проповедниках. В Си-эн-эн, конечно, отказались. Но когда он станет их владельцем, они будут делать то, что он скажет. Какое это будет облегчение!

— Хаим! Вы действительно это одобряете? Даже контроль над СМИ?

— Я так устал от представителей прессы, Кэмерон. Вы ведь знаешь, что я очень ценю тебя. Ты один из немногих, кому я доверяю. Остальные такие пристрастные, такие критичные, такие недоброжелательные. Мир должен сплотиться раз и навсегда, а что может обеспечить это лучше, чем управляемые государством СМИ.

— Меня это пугает, — пробормотал Бизон. Про себя он скорбел по старому другу, который так много пережил и теперь добровольно отдает себя во власть человека, которому совсем не должен доверять.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

День Рэйфорда был расписан по минутам. И похоже, что вся его дальнейшая жизнь тоже была расписана. Сначала он примет участие в церемонии подписания договора, затем на такси отправится в международный аэропорт Бен-Гурион в девяти милях к юго-востоку от Тель-Авива. К моменту его приезда команда должна подготовить самолет, чтобы он мог сразу начать предполетную проверку. Согласно плану во второй половине дня они должны вылететь в Багдад, а следующим утром совершить безостановочный рейс в Нью-Йорк. Лететь на запад в это время суток противоречило всем общепринятым нормам и здравому смыслу, но сегодня приказы Рэйфорду отдавал Карпати, и, возможно, так будет до конца его карьеры.

Перед тем как отправиться домой, чтобы окончательно решить, реально ли выполнять эту работу, оставаясь жить в Чикаго, Рэйфорду предстояло провести ночь в Нью-Йорке. Может, им с Хлоей стоит туда перебраться? Конечно, должность пилота президента была приманкой. Настоящей его работой была доставка Николае Карпати туда, куда он пожелает, а Рэйфорд в силу ряда причин делал вид, что это согласуется с его желаниями, логикой и мечтами. Коль скоро Господь возложил на него это бремя, до тех пор, пока ему не придется лгать самому себе, он будет его нести.

Со слов Брюса и по результатам самостоятельного изучения пророчеств Рэйфорд знал, что настанет день, когда Антихрист перестанет обманывать людей. Он предстанет в своем истинном облике и начнет править миром железной рукой. Он уничтожит своих врагов и всех нелояльных его режиму. И каждый последователь Христа рискует стать мучеником. А значит, неизбежно настанет момент, когда ему придется оставить эту работу и бежать просто для того, чтобы выжить и помочь в этом другим верующим.

Бизон увидел, что к нему стремительно направляется агент американской секретной службы.

— Кэмерон Уильямс?

— А кто вы?

— Секретная служба, вы же знаете. Могу я взглянуть на ваше удостоверение?

— Меня уже сотни раз проверяли. — Бизон достал документы.

— Я в курсе. — Агент проверил его удостоверение. — Вас хочет видеть Фитц прямо сейчас. Я должен убедиться, что приведу к нему того, кого нужно.

— Меня хочет видеть президент?

Агент захлопнул бумажник Бизона и вернул его, утвердительно кивнув.

— Следуйте за мной.

В маленькую комнатку перед президентской резиденцией набилось больше двадцати журналистов, ожидавших, когда Джеральд Фитцхью направится на церемонию подписания. У двери неподвижно стояли два агента, как положено — значки на груди, наушник в ухе, руки скрещены перед собой.

— Когда он выйдет? — терзали их журналисты.

Агенты не отвечали. Взаимодействие с прессой не входило в круг их обязанностей, кроме разве что удержания ее представителей на почтительном расстоянии. Агенты лучше, чем пресс-секретарь, знали, когда и куда направится президент, но эта информация касалась только их.

Бизон с нетерпением ждал возможности снова увидеться с президентом. Прошло несколько лет с того момента, как Бизон писал о Фитцхью статью как о человеке года. Тогда его переизбрали, и он во второй раз

получил эту награду «Глобал уикли». Кажется, Бизон и президент, который был похож на молодого Линдона Джонсона, понравились друг другу. Когда Фитцхью избрали первый раз, ему было всего пятьдесят два года, а сейчас уже почти пятьдесят девять. Он был крепким и моложавым, жизнерадостным и немного грубоватым человеком. Он часто и от души сквернословил, и хотя Бизон никогда не видел Фитца в гневе, среди сотрудников его аппарата о норове президента ходили легенды.

Этим утром Бизон сумел лично убедиться, что эти легенды не врут.

Как только сопровождающий провел Бизона через толпу к двери, агенты, признав своего, отошли в сторону, позволив Бизону пройти. Члены американского пресс-корпуса открыто выражали свое неудовольствие по поводу того, что Бизону удалось получить доступ к президенту.

— Как ему это удалось?!

— Это безотказный вариант!

— Не важно, какой ты умный или как много бегаешь! Главное — знать нужных людей!

— Просто деньги липнут к деньгам!

Бизон был бы рад, если бы они были правы. Хотел бы он, чтобы это сенсационное, эксклюзивное интервью с президентом было результатом его усилий. Но он, как и все, недоумевал, зачем его туда привели.

Сопровождавший Бизона агент секретной службы передал его с рук на руки помощнику президента, который схватил его за

рукав и потащил за собой в угол комнаты, где на краю огромного кресла сидел Джеральд Фицхью. Его пиджак был расстегнут, галстук ослаблен, он о чем-то перешептывался с парой советников.

— Господин президент, здесь Кэмерон Уильямс из «Глобал уикли», — объявил помощник.

— Дайте нам минуту, — сказал Фитцхью, помощник и оба советника немедленно направились к выходу. Президент остановил одного из советников. — Нет, Роб, ты останься. Как долго тебе еще надо со мной работать, чтобы ты начал врубаться? Ты мне нужен здесь. Когда я говорю, дайте нам минуту, тебя это не касается.

— Извините, сэр.

— И прекрати извиняться.

— Извините.

Как только он это произнес, Роб сообразил, что извиняться не следовало.

— Ой, извините, да, хорошо, извините.

Фитцхью закатил глаза.

— Кто-нибудь принесет Уильямсу стул? Чтобы не тратить времени попусту, давайте сразу перейдем к делу, у нас всего несколько минут.

— Одиннадцать, — как бы извиняясь, сказал Роб.

— Прекрасно. Одиннадцать минут.

Бизон протянул руку.

— Господин президент, — произнес он.

Фитцхью механически пожал протянутую руку, не глядя ему в глаза.

— Садись, Уильямс. — Лицо Фитцхью покраснело, а на лбу выступили капли пота. — Прежде всего это все не для записи, хорошо?

— Как скажете, сэр.

— Нет, не как я скажу! Я уже слышал такое и погорел на этом.

— Но ведь не из-за меня.

— Не из-за тебя, но я помню тот случай, когда брякнул тебе что-то, а потом уточнил, что это не для записи, и ты начал нести какой-то бред про то, что по закону для записи, а что нет.

— Насколько я помню, сэр, тогда я пошел у вас на поводу.

— Ты так сказал.

— С формальной точки зрения сообщать, что какая-то информация не для записи вы можете только до высказывания, но никак не после.

— Да, думаю, за несколько раз я это усвоил. Но теперь-то мы с самого начала выяснили, что это не для записи, так?

— Конечно, сэр.

— Уильямс, я хочу знать, что за чертовщина творится с Карпати. Ты с ним общался какое-то время. Брал у него интервью. Говорят, он хочет взять тебя к себе штат. Ты хорошо его знаешь?

— Не очень, сэр.

— Честно говоря, он заставляет меня сильно нервничать, но, похоже, он самый популярный парень в мире после Иисуса, так что кто я такой, чтобы жаловаться?

Это заявление повергло Бизона в тупик.

— Я думал, что вы его всецело поддерживаете, сэр: Америка покажет пример и все такое.

— Ну, я поддерживаю! То есть поддерживал! Я пригласил его в Белый дом! Он выступал на объединенном заседании правительства и ООН. Мне нравятся его идеи. Я не был пацифистом, пока не услышал, как он говорит о мире, и, ей-богу, я верю, что у него все получится. Но опросы показывают, что, если бы мы баллотировались на президентское кресло, он бы обставил меня в два счета. Просто он не хочет это делать. Он хочет, чтобы я оставался на своем посту, а он бы давал мне указания.

— Он вам об этом сказал?

— Не будь наивен, Уильямс. Я бы не позвал тебя сюда, если бы считал, что ты поймешь все буквально. Только посмотри, он выманил у меня новый самолет, и что мы видим? Намалевал на нем «Борт номер один Мирового Сообщества» и собирается сегодня днем поблагодарить граждан Соединенных Штатов за то, что подарили ему самолет. Я думаю, не назвать ли его в лицо лжецом при достаточном скоплении прессы.

— Это не сработает, — вставил обычно исполнительный Роб. — Я, конечно, понимаю, что вы не спрашивали моего мнения, но, согласно его заявлению, все будет выглядеть так, как если бы он пытался отказаться, но вы настояли на своем и в итоге он с неохотой согласился.

Президент обернулся к Бизону:

— Такие дела, Уильямс, видишь? Пони-
маешь, что он творит? А теперь я еще добав-
ляю жару, рассказав обо всем тебе. Ты уже
состоишь у него на довольстве и донесешь
на меня?

Бизон очень хотел рассказать ему, что он
видел, и что знает о Карпати, и кем согласно
Библии тот является. Но вместо этого Бизон
произнес:

— Не могу сказать, что я большой по-
клонник Карпати.

— Может, ты поклонник Фитцхью? Я не
буду интересоваться, за кого ты голосовал...

— Мне нечего скрывать. Когда вы балло-
тировались первый раз, я голосовал за ваше-
го противника, а второй раз — за вас.

— Я завоевал твое доверие?

— Да.

— А в чем твоя проблема с Карпати? Он
так мягко стелет, так убедительно, все как
один ему доверяют. Мне кажется, ему прак-
тически всегда удастся всех одурачить.

— Я тоже не могу этого понять, — при-
знался Бизон. — Я не знаю, какими средства-
ми он пользуется, но кажется, это работает.
Если он чего-то хочет, он это получает, в то
время как сам изображает скромного героя.

— Именно! — воскликнул президент,
хлопнув Бизона по колену так сильно, что
оно засадило. — Меня это тоже выводит
из себя! — Он выругался. А затем еще раз.
Вскоре он уже сквернословил через слово.

Бизон опасался, как бы у президента не случился инсульт.

— Я должен это остановить, — возмущался он. — Меня это достало. Сегодня он собирается канонизировать себя, выставив меня престарелым слабаком. Я хочу сказать, одно дело, когда Штаты являются мировым лидером, но сейчас мы выглядим как одна из его марионеток. Я сильный человек и хороший, решительный лидер. А ему как-то удалось выставить меня подхалимом. — Он глубоко вдохнул. — Уильямс, знаешь, какие у нас проблемы с ополчением?

— Могу только догадываться.

— Я расскажу тебе. Их позиция прямо противоречит требованиям Карпати, и по здравом размышлении мне сложно с ними не согласиться! По данным разведки, они начали запасать оружие, потому что категорически не согласны с планом уничтожить девяносто процентов вооружений, а остальные десять передать ООН, или Мировому Сообществу, или как он его там называет сегодня. Мне хочется верить, что мотивы Карпати чисты и что это последний шаг на пути к истинному миру, но некоторые мелочи меня ставят в тупик. Как, например, эта история с самолетом. Вот построили новый самолет, для него нужен пилот. Мне совершенно не важно, кто будет им управлять, главное, чтобы человек умел это делать. Из доверенных источников мне предоставили список, и вдруг внезапно оказывается, что только один из кандидатов приемлем с точки зрения Великого Властелина

Мира, и именно этот человек получает эту работу. Хотя сейчас, наверное, это должно меня меньше заботить, коль скоро и самолет, и экипаж достались Карпати! — И Фитцхью опять выругался.

— Сэр, не знаю, что вам сказать, но мне жаль, что новый пилот работает не на вас. Я с ним знаком, и он действительно первоклассный.

— Еще лучше. Разве не логично, чтобы у меня был лучший пилот в стране? Но нет! Я не преувеличивал, говоря о титуле Карпати. В ООН, ох, простите, Мировом Сообществе, уже готова резолюция о более адекватном титуле для Генерального Секретаря с учетом того, что вскоре он станет главнокомандующим оставшихся в мире вооруженных сил и директором по финансам мирового банка. Совет Безопасности скоро будет по ней голосовать. Самое скверное, что подал эту резолюцию на рассмотрение наш собственный представитель в ООН, и я ничего об этом не знал, пока дело не дошло до рассмотрения. Единственное, что я могу сделать, — это настаивать, чтобы он проголосовал против собственного предложения, отозвать его или отправить в отставку. И как я буду выглядеть, если уволю человека только за то, что он хочет, чтобы всеми обожаемого главу Мирового Сообщества называли более сообразно?

Президент не дал Бизону возможности ответить, чему последний был только рад, потому что сказать ему было нечего.

Фитцхью наклонился вперед и прошептал:

— А эта махинация со СМИ! Я согласился, что в нашей стране слишком категорично по сравнению с остальным миром относятся к государственным служащим, занимающим посты в частных компаниях. Мы не хотели ограничивать право ООН или кого бы то ни было публиковать то, что им угодно, тем более на пороге всеобщего мира. Так что мы предоставили ему лазейку, и смотри, что получилось в итоге. Он успеет купить все газеты, журналы, радио и телеканалы до того, как мы передумаем! Откуда у него деньги, Уильямс? Ты знаешь?

Кэмерон был в замешательстве. Он дал понять Карпати, что никому не расскажет о наследстве Стонагала. Но стоит ли держать обещание, данное дьяволу? Или это сродни лжи террористу о том, где находятся твои близкие?

— Я не могу вам сказать, — произнес Бизон. Он не испытывал особой преданности к Карпати, но в то же время не мог позволить, чтобы тому донесли, что он пренебрег его доверием по столь значимому вопросу. Он должен сохранять себе свободу действий так долго, как сможет.

— Знаешь, что сообщает разведка? — продолжил Фитцхью. — Что существует план, согласно которому главы государств, представленных в Совете Безопасности, станут подчиненными десятке их представителей в

ООН. Так что эти представители станут королями мира под предводительством Карпати.

Бизон нахмурился:

— Иными словами, вы, президент Мексики и премьер-министр Канады будете отчитываться перед послом Северной Америки в ООН?

— Именно, Уильямс. Но забудь про ООН. Теперь это Мировое Сообщество.

— Я исправлюсь.

— Исправляться надо отнюдь не тебе.

— Сэр, как я могу помочь?

Президент Фитцхью рассеянно посмотрел по сторонам и вытер пот с лица.

— Не знаю. Наверное, я просто хотел выговориться и надеялся, что ты сможешь мне как-то помочь. Все, что угодно, чтобы как-то его затормозить. Должна же быть какая-то брешь в его защите.

— Хотел бы очень вам помочь, — сказал Бизон, осознавая, что он определенно не договаривает.

Что будет, если он обличит Николае Карпати как лживого убийцу и Антихриста? Те, кто не верит во Христа, никогда не смогут ни согласиться с ним, ни понять. Более того, согласно Писанию, верующие способны разве что сопротивляться его влиянию, в то время как он будет реализовывать то, что было предсказано столетия назад, и спектакль будет сыгран до конца.

Николае Карпати собирался проглотить президента Соединенных Штатов и любого другого, кто окажется у него на пути. Он претендовал на высшую власть, чтобы начать ис-

тинную войну между адом и небесами. Это будет война не на жизнь, а на смерть. Бизон находил некое утешение в уверенности, что этот конец был предсказан с самого начала... хотя он узнал об этом всего несколько недель назад.

Помощник, который представил Бизона президенту, осторожно прервал их разговор:

— Прошу прощения, господин президент, но Генеральный Секретарь хотел бы пообщаться с вами перед церемонией.

Фитцхью опять выругался.

— Думаю, мы закончили, Уильямс. Мне нужно было выговориться, и я благодарен тебе за доверие.

— Конечно, сэр. Было бы здорово, если бы Карпати не увидел меня здесь. Иначе он непременно спросит об этом.

— Верно. Роб, послушай. Пойди и скажи людям Карпати, что здесь не самое удобное место для встречи, поэтому я готов с ним встретиться в любом другом месте буквально через минуту. И пришлите мне Паджа.

Видимо, Паджем называли того агента, который привел Бизона туда. Странно, что этого подтянутого юношу называли Толстяком.

— Падж, выведи отсюда Уильямса так, чтобы люди Карпати его не заметили.

Президент завязал галстук, застегнул пиджак и вместе с сопровождающими направился на встречу с Карпати. А агент секретной службы Падж довел Бизона прямо до трибуны, где тот предъявил удостоверение члена американской делегации.

* * *

Рэйфорд, как оказалось, сидел в первых рядах, среди почетных гостей. Он был одним из тех немногих, кто знал, что свидетели на Стене Плача говорили правду и здесь празднуют заключение нечестивого союза. Знал, но сделать ничего не мог. Никому не под силу остановить ход истории.

Этому научил его Брюс Барнс.

Рэйфорд ужасно скучал по пастору. Ему нравились их ежевечерние встречи и то, что он открывал для себя там. У Брюса было особенное чутье. Он был прав, говоря, что сейчас все самое значимое происходит на Святой земле. И если первые из ста сорока четырех тысяч евреев, провозгласивших Евангелие, тоже появятся здесь, Брюс наверняка захочет сюда попасть.

Брюс рассказывал Рэйфорду и остальным, что в Писании сказано, будто по всему миру появятся запечатленные слуги Господа — сто сорок четыре тысячи евреев, по двенадцать тысяч из каждого колена Израилева. Они помогут множеству людей обрести веру. Им удастся спасти миллиард, а может, и больше заблудших душ. Появление этих ста сорока тысяч будет знаменовать воссоединение еврейского народа. «Подумать только, — удивился про себя Рэйфорд, — евреи, обращающие людей в христианство».

И хотя впереди их ожидали хаос и мучения, Рэйфорд знал, что будут и великие побе-

ды, — и с нетерпением ждал их. Чего он действительно опасался — это роспуска Отряда Скорби и потери связи между его членами. Кто знает, что будет с Бизоном, если Карпати действительно скупил все СМИ? Если отношения между Бизоном и Хлоей будут развиваться, возможно, они предпочтут быть вместе где-нибудь подальше отсюда.

Он обернулся, чтобы посмотреть на толпу. Сотни людей занимали свои места. Всюду были представители службы безопасности. В положенный момент он заметил, как зажглись красные огоньки на телевизионных камерах. Музыка стала громче, репортеры что-то начали шептать в свои микрофоны, толпа затихла. Рэйфорд сидел прямо, положив фуражку на колено, размышляя, видит ли его сейчас Хлоя. В Чикаго была уже глухая ночь, но она наверняка не спала и искала взглядом в толпе не столько отца, сколько Бизона. Журналиста заметить было несложно. Он сидел на возвышении, прямо за креслом одного из подписывающих — доктора Хаима Розенцвейга.

Под вежливые аплодисменты представили почетных гостей: ветеранов Кнессета, послов со всего мира, израильских лидеров, американских сановников и бывших президентов.

Затем перешли к следующему уровню — тем, кто стоял за креслами подписывающих. Бизона представили как мистера Кэмерона Бизона Уильямса, бывшего ведущего штатного корреспондента, а ныне репортера

бюро «Глобал уикли» на Среднем Западе, Соединенные Штаты Америки. Рэйфорд, как и Бизон, отреагировал на это прохладное представление с улыбкой. Очевидно, все недоумевали, кто это такой и что делает среди почетных гостей.

Самые громкие аплодисменты приберегли для тех, кого представляли последними: главного раввина Израиля, нобелевского лауреата ботаника Хаима Розенцвейга из Израиля, премьер-министра Израиля, президента Соединенных Штатов и Генерального Секретаря Мирового Сообщества.

К моменту, когда объявили Карпати, и он вошел в своей фирменной застенчивой, но уверенной манере, публика в зале аплодировала стоя. Рэйфорд неохотно поднялся и беззвучно похлопал, зажав фуражку под рукой. Он не мог искренне приветствовать появление врага Христа.

* * *

Хаим Розенцвейг со счастливой улыбкой обернулся к Бизону. Больше всего на свете Бизон хотел вытащить своего друга из передряги, в которой тот оказался, но сейчас это было невозможно. Все, что он мог сделать, — улыбнуться в ответ и позволить тому наслаждаться моментом, потому что вряд ли у него в дальнейшем будет много поводов для радости.

— Это великий день, Кэмерон, — прошептал Хаим, сжав руку Бизона в своих ладонях. Он похлопал его по руке, как если бы Бизон был его сыном.

На секунду Бизону почти захотелось, чтобы Господь не мог видеть, где он. Повсюду сверкали вспышки, фиксируя для потомства, как высокие гости выказывают свою поддержку этому историческому договору. А Бизон, единственный среди гостей, знал, кто такой Карпати и что подписание этого договора знаменует начало периода Великой Скорби.

Внезапно Бизон вспомнил, что у него в боковом кармане лежит нашивка с логотипом «Глобал уикли». Но когда он вытаскивал ее, чтобы прикрепить на грудь, липучка намертво прицепилась к лацкану бокового кармана. Бизон потянул за нее, чтобы отцепить, но вслед за нашивкой задралась вся куртка, так что, когда он выпустил ее, низ куртки оказался почти на уровне груди. К тому моменту, когда ему, наконец, удалось привести в порядок одежду и отодрать нашивку от кармана, его нелепые экзерсисы сфотографировали не меньше дюжины раз.

Когда аплодисменты затихли и зрители уселись на свои места, Карпати встал, взяв в руку микрофон.

— Это исторический день, — с улыбкой начал он. — Хотя все произошло в рекордно короткие сроки, тем не менее, чтобы собрать воедино все необходимые ресурсы и сделать это возможным, потребовались

титанические усилия. Сегодня мы отдадим должное всем, кто принимал в этом участие, но прежде всего моему дорогому другу и наставнику, человеку, который мне почти как отец, блистательному доктору Хаиму Розенцвейгу из Израиля!

Аудитория отреагировала с энтузиазмом, и Хаим неуверенно встал, робко помахав рукой и улыбаясь, как школьник. С одной стороны, Бизону хотелось похлопать его по спине, поздравить, но вместо этого он испытывал чувство горечи. Розенцвейга использовали. Он просто играл свою роль в дьявольском сценарии, который в конечном итоге поставит под угрозу жизни его и его близких.

Карпати рассыпался в благодарностях главному раввину, премьер-министру Израиля и, наконец, почтенному Джеральду Фитцхью, президенту Соединенных Штатов Америки и самому большому другу Израиля за все времена.

Аплодисменты были оглушительными. Фитцхью слегка приподнялся над стулом, как бы благодаря за внимание, и в тот момент, когда они почти затихли, Карпати, слегка отступив назад, засунул микрофон под руку и начал громко хлопать.

Казалось, Фитцхью был в замешательстве, даже немного взволнован, он смотрел на Карпати, как бы спрашивая, что делать дальше. Карпати широко улыбался, как бы подбадривая своего друга-президента. Пожав плечами, он предложил Фитцхью микрофон. Сначала президент никак не отреагировал, затем по-

пытался отмахнуться. Но в итоге принял микрофон под одобрительный рев аудитории.

Бизон поражался способности Карпати контролировать толпу. Очевидно, что здесь не обошлось без его постановки. И что теперь сделает Фитцхью? Очевидно, что единственно возможной реакцией было поблагодарить присутствующих и сказать пару комплиментов дорогим израильским друзьям. И хотя президент догадывался о дьявольском плане Николае Карпати, ему придется во всеуслышание признать ту огромную роль, которую сыграл Генеральный Секретарь в мирном процессе.

Когда Фитцхью встал, его кресло с громким скрипом отъехало назад, прямо на американского министра иностранных дел. Президент ждал, пока публика затихнет, но казалось, аплодисменты будут длиться бесконечно. Карпати бросился к Фитцхью и поднял его руку вверх, как рефери, объявляющий победителя в боксерском поединке, и израильская толпа приняла это с еще большим восторгом.

Наконец, Карпати отступил назад, и президент Фитцхью остался стоять один в центре возвышения с микрофоном в руке. Когда он заговорил, Бизон сразу понял, что ему основательно промыли мозги. И хотя это не было убийством, как в Нью-Йорке, судя по всему, Карпати совершил нечто не менее отвратительное. Потому что перед восторженной толпой выступал не тот раздраженный Джеральд Фитцхью, с которым Бизон встречался

всего несколько минут назад, а совершенно другой человек.

Слушая речь президента, Бизон почувствовал, как затылок наливается свинцом, а колени начинают дрожать. Он наклонился вперед и схватился за спинку кресла Розенцвейга, безуспешно пытаюсь остановить дрожь. Бизон так явно ощущал присутствие зла, что его едва не стошнило.

— Менее всего мне хочется оттягивать момент, ради которого мы все здесь собрались, — произнес президент Фитцхью. — Но с вашего позволения и с позволения нашего великого лидера столь удачно названного Мирового Сообщества, я все-таки сделаю пару коротких заявлений. Прежде всего, нам всем выпала великая честь наблюдать то, чего добился Николае Карпати всего за несколько недель. Я уверен, все согласятся со мной, что благодаря ему на нашей планете стало больше любви и мира.

Карпати предпринял попытку забрать у него микрофон, но президент не позволил ему это сделать.

— Микрофон у меня, так что позвольте мне высказаться, сэр. — Это вызвало взрыв смеха. — Как я уже говорил, я считаю идею Генерального Секретаря о глобальном разоружении гениальной. Я полностью поддерживаю ее, и я горд подать пример, уничтожив девяносто процентов наших вооружений и предоставив остальные десять Мировому Сообществу под руководством мистера Карпати.

У Бизона так закружилась голова, что ему с трудом удавалось сохранять равновесие.

— В знак поддержки как моей лично, так и всей нации мы подарили Мировому Сообществу новый президентский самолет. Мы также финансировали его перекраску и переименование. Сейчас он стоит в международном аэропорту Бен-Гурион. А сейчас я передаю микрофон человеку, посланному нам судьбой, лидеру, настоящее именование которого не отражает масштабы его влияния, моему личному другу и соотечественнику Николае Карпати!

Казалось, что Карпати с неохотой принял микрофон и несколько смущен всеобщим вниманием. Он выглядел озадаченным, как будто не знал, что делать с непокорным президентом, который просто не знал меры в своих похвалах.

Когда аплодисменты, наконец, затихли, Карпати, насколько мог, скромно произнес:

— Я прошу прощения за моего чрезмерно эмоционального друга. Он слишком добр и великодушен, и Мировое Сообщество в огромном долгу перед ним.

* * *

Рэйфорд внимательно следил за Бизоном. Тот выглядел очень скверно. Казалось, он вот-вот упадет, и Рэйфорд гадал, было ли это

из-за жары, или потому что его тошнило от всех этих взаимных дифирамбов.

Казалось, представители Израиля, кроме, конечно, Розенцвейга, чувствовали себя слегка неуютно от всех этих разговоров об уничтожении оружия и разоружении. Десятки лет их безопасность обеспечивала именно сильная армия, и если бы не договор с Мировым Сообществом, они вряд ли бы согласились на план, предложенный Карпати.

Все остальные были равнодушны к восторженной речи президента. Но Рэйфорда слова президента скорее встревожили. У него сложилось впечатление, что после каждой встречи с Карпати Фитцхью как будто начинал сильнее его любить. Но мнение президента только отражало чувства большей части населения мира. Тот, кто не изучал библейские пророчества и не умел читать между строк, легко бы поверил, что Карпати — дар, ниспосланный Богом в ключевой момент истории.

* * *

Когда остальные лидеры начали произносить стандартные речи о важности и историческом значении документа, который они собираются подписать, Бизону, наконец, удалось взять себя в руки. В зал внесли десять разукрашенных ручек, и все телевизионные, кино-, видео- и фотокамеры нацелились на подписывающих. Участники передавали руч-

ки друг другу, позировали и ставили подписи. Так, с рукопожатиями, объятиями и поцелуями в обе щеки, договор вступил в силу.

Те, кто его подписал, за исключением одного, не имели ни малейшего понятия о его последствиях и о том, что невольно стали участниками нечестивого союза.

Договор был подписан. Представители избранного Господом народа, желавшие перестроить Храм и восстановить систему жертвоприношений до явления их Мессии, заключили сделку с дьяволом.

Лишь два человека из сидящих на возвышении в центре зала знали, что этот пакт знаменовал начало конца света. Один этого с нетерпением ждал, а другой дрожал от ужаса перед тем, что ожидало впереди.

На знаменитой Стене два свидетеля с рыданиями изрекали истину. Надрывая голоса, так что их было слышно на самых дальних концах Храмовой горы и даже за ее пределами, возвещая новость:

— Наступает последняя седмица Господа!

Начался семилетний период. Период Скорби.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Рэйфорд Стил сидел в телефонной будке в аэропорту Бен-Гурион. Он приехал рано, обогнав Карпати и сопровождающих его лиц больше чем на час. Его экипаж был занят на борту самолета, так что у него было время подождать, пока оператор международной связи дозвонится до Хлои.

— Папа, я тебя видела! — со смехом сказала она. — Они изображение каждого сопровождали субтитрами с именами. Тебя называли почти правильно. Они написали, что ты Рэймонд Стил, хорошо хоть не Раймонда, и что ты пилот борта номер один.

Рэйфорд улыбнулся, от звука голоса дочери ему стало теплее на душе.

— Ну да, почти угадали. А пресса еще удивляется, почему им никто не доверяет.

— С Бизоном у них вышла неувязка, — продолжила Хлоя. — Первый раз, когда его

показали, никакой подписи не было. Затем, как будто кто-то услышал, как его объявили, и в итоге его назвали Дьюком Уилсоном, бывшим автором, из «Ньюсвик».

— Молодцы, — промолвил Рэйфорд.

— Бизон в полном восторге от того раввина, который будет выступать по Си-эн-эн через пару часов. Ты сможешь посмотреть?

— Да, во время полета.

— Так высоко в небе?

— Ты не представляешь, какие здесь технологии, Хло. Прием лучше, чем у нас дома. Ну или не хуже.

* * *

У Бизона на душе кошки скребли. Розенцвейг после церемонии сердечно обнял его, повторяя, что это был один из счастливейших дней в его жизни. Он упрашивал его лететь с ними в Багдад.

— В любом случае через месяц ты будешь уже работать на Николае, — говорил Хаим. — Никто не будет считать такой поступок неправомерным.

— Я буду, если через месяц он станет владельцем журнала, на который я работаю.

— Не надо быть таким пессимистом, тем более сегодня, — взмолился Хаим. — Поехали. Тебе понравится. Я видел планы. Новый Вавилон будет великолепен.

Бизону хотелось плакать от жалости. Когда же на Розенцвейга обрушится осознание правды? Или он умрет раньше, так и не узнав, что его обманули и использовали? Возможно, так будет даже лучше. Но Бизон опасался за его душу.

— Вы будете сегодня смотреть выступление доктора Бен-Иегуды?

— Конечно! Ни за что не пропущу! Мы с ним дружили со времен еврейского университета. Как я понимаю, его выступление можно будет посмотреть во время полета в Багдад. Вот еще одна причина лететь с нами.

Бизон отрицательно покачал головой:

— Я буду смотреть выступление здесь. Как вы думаете, каковы будут последствия обнародования результатов изысканий вашего друга?

— Я далек от религии, Кэмерон. Ты же знаешь. Не думаю, что меня сильно удивит то, что сегодня скажет Цион. Он хороший ученый и исследователь, действительно очень хороший, и он умеет очаровывать аудиторию. Этим он мне чем-то напоминает Николае.

«Бог мой! — подумал Бизон. — Только не это!»

— Как вы думаете, о чем он будет рассказывать?

— Как и большинство ортодоксальных евреев, он придет к выводу, что приход Мессии только грядет. Как ты знаешь, есть несколько маргинальных группировок, которые считают, что Мессия уже явился, но эти так называемые мессии находятся не в Израиле. Не-

которые из них мертвы. Другие переехали за границу. И никто из них не принес предсказанные Торой мир и справедливость. Так что Цион в общих чертах изложит текст пророчеств и призовет нас продолжать ждать и надеяться. Это должно возродить в людях веру и надежду, что и было, как мне кажется, изначальной целью этого исследования. Возможно, он будет говорить о том, как можно ускорить приход Мессии. Есть, например, люди, которые переселились в древнееврейские постройки, считая, что у них есть на это священное право и что тем самым они исполняют какие-то пророчества, освобождая дорогу для пришествия Мессии. Другие были так расстроены тем, что мусульмане осквернили Храмовую гору, что понаоткрывали синагоги так близко к месту, где был Храм, как могли.

— Вы же знаете, что есть гои, которые считают, будто Мессия уже являлся, — осторожно произнес Бизон.

Взгляд Розенцвейга был устремлен за спину Бизона, так как он не хотел пропустить момент, когда остальные сопровождающие Карпати направятся к машинам, чтобы ехать в отель и далее в аэропорт Бен-Гурион для вылета в Багдад.

— Да, да, я знаю, Кэмерон. Но я скорее поверю, что Мессия — это не личность, а абстрактная идея.

Он направился к выходу, и Бизон внезапно испытал чувство отчаяния. Он схватил Розенцвейга за руку:

— Доктор, но ведь Мессия больше чем просто идея!

Тот остановился и посмотрел Бизону прямо в глаза.

— Кэмерон, мы, конечно, можем это обсудить, но если ты воспринимаешь все это настолько буквально, позволь мне кое-что тебе пояснить. Если Мессия действительно человек, если он тот, кто принесет мир, справедливость и надежду, я согласен с теми, кто верит, что он уже явился.

— Правда?

— Да, а ты нет?

— Вы верите в Мессию?

— Я сказал «если», Кэмерон. А это большое такое «если».

— Если Мессия настоящий и он должен явиться, что тогда? — взмолился Бизон, в то время как его друг пытался уйти.

— Как ты не понимаешь, Кэмерон. Николае выполнил большую часть наших пророчеств. Может быть, даже все, я не настолько сведущ в этой теме. А сейчас мне надо идти. Мы увидимся в Вавилоне?

— Нет, я же сказал вам...

Розенцвейг остановился и вернулся.

— Я думал, ты имел в виду, что просто найдешь иной способ попасть туда, чтобы не быть в долгу у того, у кого брал интервью.

— Я планировал, но передумал. Я не поеду. Если мне все же придется работать на издание, принадлежащее Карпати, думаю, очень скоро я окажусь в Новом Вавилоне.

— Что ты собираешься делать сейчас? Вернуться в Штаты? Мы там увидимся?

— Пока не знаю. Посмотрим.

— Кэмерон! Улыбнись мне в честь этого исторического дня.

Но Бизон не смог себя заставить. В гостиницу он вернулся пешком, и на вопрос портье, интересуется ли его по-прежнему информация о рейсах в Багдад, ответил:

— Нет, спасибо.

— Хорошо, сэр. Для вас есть сообщение.

Конверт был от доктора Циона Бен-Иегуды. Бизон поднялся в свой номер и только после этого открыл письмо. В нем было сказано: «Простите, что так спешно покинул вас вчера ночью. Я был совсем не в состоянии разговаривать. Не окажете ли вы мне честь пообедать со мной и сопровождать меня в студию Ай-си-эн-эн? Я буду ждать вашего звонка».

Бизон взглянул на часы. Очевидно, было уже слишком поздно. Он позвонил раввину, но домоправительница сообщила ему, что тот уехал двадцать минут назад. Бизон в сердцах стукнул рукой по комоду. Он упустил такую возможность просто потому, что решил прогуляться до отеля, а не взял такси! Может, стоит попробовать взять такси до телестудии и встретить там Циона после обеда? Неужели раввин хотел поговорить с ним перед эфиром? Бизон связался с портье.

— Не могли бы вы вызвать мне такси?

— Конечно, сэр, вам звонят, вы ответите?

— Да, погодите с заказом такси, пока я не закончу разговор.

— Да, сэр, повесьте, пожалуйста, трубку, я соединю вас.

Звонил Цион.

— Доктор Бен-Иегуда! Я так рад, что вы позвонили! Я только что вернулся.

— Я был на цегемонии, Бизон, — сказал Цион со своим сильным еврейским акцентом, — Пгосто я сделал так, что меня никто не видел.

— Ваше приглашение на обед до сих пор в силе?

— Да.

— Тогда где и когда мы можем встретиться?

— Как насчет прямо сейчас перед твоим отелем?

— Буду сию минуту.

«Благодарю тебя, Господи, — шептал Бизон, сбегая вниз по лестнице. — Дай мне возможность сказать этому человеку, что ты и есть Мессия».

В машине раввин пожал Бизону руку обеими ладонями и притянул его поближе к себе.

— Бизон, мы разделили некий потрясающий опыт. Это как будто создало между нами некую связь. Я нервничаю по поводу обнаружения результатов моих изысканий, и мне надо поговорить с тобой за обедом. Можно?

По просьбе раввина водитель привез их к маленькому кафе в оживленном районе Иерусалима. Цион, держа под мышкой огромную черную папку, о чем-то тихо перегово-

рил с официантом, и их провели к столику у окна, окруженному растениями. Когда принесли меню, Бен-Иегуда взглянул на часы и отмахнулся от них, сказав что-то на иврите. Бизон предположил, что он заказывает на них обоих.

— Твоя нашивка представителя прессы все еще при тебе?

Бизон быстро вытащил ее из кармана.

— Сейчас тебе это удалось гораздо быстрее, чем в прошлый раз.

Бизон рассмеялся.

Цион засмеялся в ответ. В этот момент официант принес буханку еще горячего хлеба, масло, головку сыра, соус, похожий на майонез, блюдо с зелеными яблоками и свежие огурцы.

— Ты позволишь? — Бен-Иегуда указал на тарелку.

— Конечно.

Раввин порезал хлеб крупными кусками, намазал на них толстым слоем масло и соус, сверху положил нарезанные огурцы и сыр, положил по краям куски яблока и поставил тарелку перед Бизоном.

Бизон ждал, пока он приготовит блюдо для себя.

— Не жди меня, пожалуйста. Ешь, пока хлеб еще теплый.

Бизон почтительно наклонил голову, мысленно помолившись за душу Циона Бен-Иегуды, затем взглянул на раввина и взял угощение.

— Ты, похоже, верующий, — отметил Цион, продолжая готовить еду для себя.

— Да, — Бизон продолжил молча молиться, размышляя, был ли сейчас подходящий момент для того, чтобы поговорить с ним. Можно ли что-то донести до человека меньше чем за час до того, как ему предстоит выступать перед многомиллионной аудиторией по всему миру?

Бизон чувствовал себя глупо. Раввин улыбнулся.

— Что такое, Сион?

— Просто вспомнил последнего американца, с которым я здесь вместе обедал. Он был здесь на отдыхе, и меня попросили его развлечь. Какая-то религиозная шишка, мы все по очереди выгуливаем туристов.

Бизон кивнул.

— Я совершил ошибку, спросив, не хочет ли он попробовать мои любимые сандвичи с овощами и сыром. Либо он не понял меня из-за моего акцента, либо он понял, но мое предложение его не вдохновило. Он вежливо отказался и заказал что-то более знакомое, по-моему, питу с креветками. Однако я, наверное, из ревности попросил официанта на иврите принести двойную порцию того, что я заказал. И через некоторое время тот человек отодвинул свое блюдо и с удовольствием угощался тем предложенным мной блюдом.

Бизон засмеялся.

— А сейчас вы просто заказываете за своих гостей.

— Именно.

Перед едой раввин тоже помолился про себя.

— Я пропустил завтрак, — сказал Бизон, салютуя куском хлеба.

Цион Бен-Иегуда широко улыбнулся.

— Превосходно! — воскликнул он. — Говорят, голод — лучшая приправа.

Бизон убедился, что это правда. Он с трудом заставил себя остановиться, чтобы не объесться, что обычно не составляло для него проблемы.

— Цион, — сказал он, наконец, — вам просто нужно было, чтобы кто-то побыл с вами перед эфиром, или вы хотели о чем-то поговорить?

— Именно поговорить, — ответил раввин, глядя на часы. — Кстати, как тебе моя прическа?

— Отлично. Когда вас будут гримировать, след от шляпы наверняка расчешут.

— Гримировать? Я совсем забыл об этом! Неудивительно, что они хотели, чтобы я приехал заранее.

Бен-Иегуда еще раз сверился с часами, отодвинул в сторону тарелки и положил на стол увесистую тетрадь. Она была не менее четырех дюймов в толщину, и все страницы были исписаны.

— Еще несколько таких же осталось в моем кабинете, — сказал он. — Но здесь самое главное, итоги, результат трех лет этой изнурительной и изматывающей работы вместе с группой студентов, которые оказали мне неоценимую помощь.

— И вам совсем не хочется зачитывать их вслух не далее чем через час?

— Нет-нет, — со смехом сказал Бен-Иегуда. — Это мой запасной парашют. Потянешь за кольцо — и ты спасен. Не важно, какую страницу я открою, везде будет то, что я должен сказать. Наверное, тебе интересно, что я заучивал, чтобы рассказать во время выступления?

— Вы заготовили речь на час?

— Три года назад мне это казалось пугающим. А теперь я знаю, что могу говорить на эту тему по многу часов подряд без каких-либо записей. Но, чтобы уложиться в рамки передачи, необходимо придерживаться плана. Если я сойду с намеченного курса, я никогда не закончу.

— И все же вы берете с собой свои записи.

— Бизон, я вполне уверен в себе, но я отнюдь не глуп. Я неоднократно выступал на публике, но в основном на иврите. Очевидно, что международная аудитория Си-эн-эн предпочтет, чтобы я говорил по-английски. Это несколько сложно для меня, но я хочу быть уверенным, что не потеряю ход мысли.

— Я уверен, что все пройдет отлично.

— Ты удовлетворяешь всем требованиям хорошего собеседника! — ухмыльнувшись, сказал раввин. — Тебя приятно угощать обедом.

— Оказывается, вам просто нужна была группа поддержки.

Раввин как будто на секунду задумался над значением этого слова. Хотя термин был американский, Бизону считал, что он вполне понятен.

— Да, — признал Бен-Иегуда, — поддержка. А еще я хочу задать тебе вопрос. Если ты сочтешь его слишком личным, можешь не отвечать.

Бизон развел руки, давая понять, что готов к любым вопросам.

— Вчера вечером ты спросил меня о моих выводах по вопросу прихода Мессии, и я ответил, что тебе придется подождать и узнать об этом вместе с остальным миром. Но могли я переадресовать этот вопрос тебе?

«Спасибо Тебе, Господи», — про себя произнес Бизон, а вслух сказал:

— Сколько у нас еще есть времени?

— Около двадцати минут. Если мы не уложимся, то можем продолжить разговор в машине по пути в студию. Или даже пока меня будут гримировать.

Раввин улыбнулся собственной шутке, но Бизон уже начал свой рассказ:

— Вы ведь знаете, что во время нападения русских на Израиль я был в одном из киббуцев.

Бен-Иегуда кивнул.

— В тот день ты перестал быть агностиком.

— Далее. В день исчезновения я летел на самолете в Лондон.

— Ты не говорил.

Бизон продолжил рассказ о своем духовном поиске. И он не закончил даже тогда, когда раввина уже полностью загримировали и тот, нервничая, сидел в гримерке.

— Я не слишком увлекся? — спросил Бизон. — Понимаю, что, когда все ваши мысли заняты грядущим выступлением, просить вас, чтобы вы делали вид, что слушаете, это слишком.

— Нет, Бизон, — произнес раввин с чувством. — Я во сне могу все рассказать. Если бы я в этот момент пытался еще что-то запомнить, то все бы просто напрочь забыл.

Как расценивать эту реакцию? Ответа не будет? Или благодарности? И дураком не назовут?

Наконец после продолжительного молчания Цион сказал:

— Бизон, я очень ценю, что ты поделился этим со мной.

Вошла молодая женщина с наушником в ухе и микрофоном у рта.

— Доктор Бен-Иегуда, — сказала она. — Мы ждем вас в студии, чтобы проверить звук. Полторы минуты до эфира.

— Я готов. — Бен-Иегуда не сдвинулся с места.

Девушка замешкалась, казалось, она была озадачена. Вероятно, она не привыкла к гостям, которые просто немедленно не следовали за ней. Затем она вышла.

Цион Бен-Иегуда встал, держа свою тетрадь под мышкой, и остановился, открыв дверь свободной рукой.

— Бизон Уильямс, не могли бы вы сделать мне одолжение, пока ждете здесь?

— Конечно.

— Вы ведь верующий, помолитесь, чтобы я сказал то, что требует от меня Господь?

Бизон сделал ободряющий жест и кивнул своему новому другу.

* * *

— Не хочешь взять управление на себя? — спросил Рэйфорд второго пилота. — Я бы хотел посмотреть специальный выпуск Си-эн-эн.

— О'кей. Выступление того раввина?

— Именно.

Второй пилот понимающе кивнул.

— Я бы наверняка уснул.

Когда Рэйфорд вышел из кабины, его несколько опечалило, что в гостевом салоне телевизор был выключен. Он направился в заднюю часть самолета, где перед экраном в ожидании выступления собрались американские сановники и представители прессы. К сожалению, Карпати заметил его до того, как он успел ускользнуть из конференц-залы.

— Капитан Стил! Пожалуйста! Уделите нам несколько минут!

— Конечно, сэр, но я надеялся посмотреть...

— Программу о Мессии, конечно! Включите ее!

Кто-то включил телевизор и настроил на канал Ай-си-эн-эн.

— Знаете, — громко заявил Карпати, что все его услышали. — Наш капитан верит, что Иисус был Мессией.

Хаим Розенцвейг сказал:

— Откровенно говоря, я как далекий от религии еврей могу сказать, что Николае, на мой взгляд, более соответствует описанному в пророчествах, чем Иисус.

На Рэйфорда накатило чувство омерзения. Какое богохульство! Он знал, что Розенцвейг нравился Бизону, и тот его уважал, но не стоило такого говорить!

— Не в обиду вам, сэр, но я сомневаюсь, что многие евреи поверят в Мессию, если, конечно, вообще поверят, рожденного за пределами Святой земли.

— Что вы говорите? — воскликнул Розенцвейг. — Я не большой знаток этого вопроса. А вот этот человек, — добавил он, указывая на экран, где как раз представляли доктора Циона Бен-Иегуду, — как раз занимается изучением религиозных вопросов. По итогам своих трехлетних изысканий он, несомненно, сможет описать качества Мессии.

«Не факт», — подумал Рэйфорд. Он встал в углу, прислонившись к стене, чтобы не загораживать проход. Карпати снял пиджак, который немедленно подхватила и повесила стюардесса, ослабил галстук, закатал рукава и устроился перед телевизором с бокалом сельтерской воды с цедрой. Рэйфорд подумал, что он наверняка намеревался неплохо развлечься.

Голос за кадром произнес, что мнения и точки зрения, озвученные в данной программе, не обязательно отражают взгляд Ай-си-эн-эн или станций, ретранслирующих ее программы.

Доктор Бен-Иегуда произвел на Рэйфорда впечатление как оратор. Он смотрел прямо в камеру, и хотя у него был сильный акцент, говорил он медленно и разборчиво, так чтобы его можно было без труда понять. Но более всего Рэйфорду импонировало то, что чувствовалось, с каким энтузиазмом и страстью тот относится к вопросу. Рэйфорд ожидал совсем иного. Он представлял себе древнего раввина с длинной седой бородой, склонившегося над заплесневелыми манускриптами с увеличительным стеклом, сверяя запятые.

Однако Бен-Иегуда, коротко представив себя и рассказав, как он с командой проводили свои изыскания, начал с обещания:

— Я пришел к выводу, что, несмотря на все сомнения, мы, вероятно, можем идентифицировать нашего Мессию. В Библии дано достаточно пророчеств, описаний и предсказаний, которые может выполнить только один представитель человеческой расы. Выслушайте меня и решите, согласны ли вы с моими выводами, и вы сможете понять, насколько реален Мессия как личность, являлся ли он уже на земле, или это только предстоит.

Рабби Бен-Иегуда рассказал, что почти весь первый год изысканий он и его помощники занимались проверкой тезисов покойного Альфреда Эдершейма, который первым на-

чал читать лекции по Септуагинте. Эдершейм утверждал, что в Писании было четыреста пятьдесят шесть строф, имеющих отношение к Мессии, которые подтверждены более чем пятьюстами пятьюдесятью восемью ссылками из древних сочинений раввинов.

— Обещаю, — заявил раввин, — сегодня я не буду утомлять вас статистикой, и просто позволю себе сказать, что многие пророчества неоднократно повторяются, а некоторые крайне туманны. Но в результате внимательного изучения мы выявили сто девять уникальных и четких пророчеств, касающихся обязательных деяний Мессии. Выполнить их все сможет только совершенно необычный человек, с уникальной судьбой, так что все ложные претенденты по умолчанию отпадают.

Конечно, за час я не успею изложить все сто девять пророчеств, но я уделю внимание наиболее очевидным и значимым. Мы консультировались с математиком, чтобы выяснить вероятность того, что хотя бы двадцать из ста девяти пророчеств могут быть выполнены одним человеком. Он сказал, что вероятность составляет один к одному квадриллиону и ста двадцати пяти триллионам.

Далее доктор Бен-Иегуда привел прекрасную, по мнению Рэйфорда, аналогию идентификации конкретного человека.

— Хотя нашу планету населяют миллиарды людей, вы можете бросить открытку в почтовый ящик, и благодаря нескольким указанным деталям, ее получу именно я. Например, написав «Израиль», вы исключи-

те остальную часть мира. Если вы назовете «Иерусалим», это еще более сузит круг поисков. Если вы обозначите улицу, номер дома и номер квартиры, то вы сведете список потенциальных получателей к минимуму. А если вы укажете мое имя и фамилию, то тем самым из миллиардов людей вы выделите меня. Пророчества о Мессии организованы по похожему алгоритму. Методом последовательного исключения в итоге останется один-единственный человек, который соответствует всем требованиям.

Выступление доктора Бен-Иегуды было таким увлекательным, что люди, находившиеся в салоне, прекратили разговаривать, перемещаться и ерзать на местах. Даже Николае Карпати практически не двигался, если не считать потягивание сельтерской из стакана и позвякивание льда. Рэйфорду показалось, что то внимание, которое привлек в себе доктор Бен-Иегуда, вызвало у Карпати некоторое недоумение.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Рэйфорд вернулся в кабину. Он положил руку на плечо второму пилоту, чтобы привлечь его внимание, и наклонился к его уху. Тот приподнял левый наушник.

— Я хочу, чтобы самолет приземлился не раньше чем через час и пять минут.

— Но по плану мы должны приземлиться через пятьдесят восемь минут, капитан, и мы идем с опережением.

— Сделайте соответствующие корректировки.

— Ясно. — Он взял микрофон. — Аэропорт Багдада? Это борт номер один Мирового Сообщества, прием.

— Аэропорт Багдада, слушаю вас, борт номер один.

— Мы снижаем скорость на несколько узлов, ориентировочное время прибытия — через час и пять минут.

— Принято. Какие-то проблемы?

— Нет. Просто тестируем самолет.

Старший помощник взглянул на Рэйфорда, ожидая подтверждения. Рэйфорд дал знак, что все отлично, и поспешил обратно к телеэкрану.

* * *

Бизон смотрел и беззвучно молился. Все сотрудники студии собрались возле мониторов. Не было никакого обычного подшучивания и комментариев. Как будто всех загипнотизировали. Чтобы как-то сдержать эмоции, Бизон достал блокнот и ручку и попытался записывать за раввином. Но это оказалось практически невозможно, потому что тот перескакивал от одного пророчества к другому.

— Мессия не сводится к соответствию нескольким приметам, — говорил Бен-Иегуда. — Мы, евреи, многие столетия ждали, молились и страстно желали явления Мессии. И в то же

время мы прекратили изучать некоторые части Писания, касающиеся его особенностей. Одни мы игнорировали, на другие, наоборот, обращали повышенное внимание настолько, что сейчас мы ищем политического лидера, который исправит все ошибки, принесет справедливость и обещает мир.

Хаим Розенцвейг подошел к Карпати и похлопал его по спине, улыбаясь окружающим. Никто не обратил на него внимания, включая самого Карпати.

— Одни верят, что Мессия восстановит порядок вещей, как он был во времена Соломона, — продолжил рабби Бен-Иегуда. — Другие — что Мессия все изменит, создав невиданное до этого времени царство. А сами пророчества говорят нам только о том, что действительно должен совершить Мессия. Давайте потратим оставшееся время на то, чтобы изучить некоторые из них.

Бизон пытался представить, что будет дальше. Либо Мессией, Избранным, тем, кто исполнит Слово Божие, был Иисус, либо при тщательном изучении текстов выяснится, что даже он не соответствует всем критериям. Если и был человек, способный выполнить все условия пророчеств, то только Иисус. Вряд ли раввин собирался использовать в качестве аргумента для убеждения своей первоочередной аудитории — евреев — Новый Завет. Видимо, пророчества,

написанные за сотни лет до рождения Христа, содержат в себе достаточно информации для обоснования точки зрения Бен-Иегуды, какой бы она ни была.

Доктор Бен-Иегуда сидел за столом, на котором лежал результат его научных изысканий толщиной в несколько сотен страниц. Камера показала крупным планом его выразительные черты.

— Самая первая особенность Мессии заключается в том, что он должен быть рожден от семени жены, а не от семени мужа, как все остальные люди. Сейчас мы знаем, что у женщины нет никакого «семени» и что как раз семя мужчины оплодотворяет женскую яйцеклетку. Иными словами, его рождение должно быть божественным, как предсказано в четырнадцатом стихе седьмой главы Книги Исайи: «Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил».

Наш Мессия должен родиться от женщины, а не от мужчины, потому что он должен быть праведным. Все люди рождены от семени своих отцов и тем самым несут в себе грешное семя Адама. Но не Мессия, рожденный от девственности.

Наш Мессия должен иметь исключительно редкую родословную. Он должен быть рожден от женщины, которая состоит в родстве со многими отцами-основателями Израиля. Господь избрал этот род, исключив тем самым миллиарды людей и значи-

тельно упростив для нас вопрос идентификации Мессии.

Две трети населения мира можно сразу исключить, потому что Господь избрал Авраама, потомка Шема (Сима), одного из трех сыновей Ноя. Половину потомков Авраама можно также исключить, потому что из двух его сыновей Бог выбрал Исаака. Из двух сыновей Исаака благословение получил только Иаков, а он в свою очередь смог передать его только одному из своих двенадцати сыновей — Иуде. А это исключает миллионы сынов Израилевых. Пророк Исайя многими годами позже назвал царя Давида как одного из прародителей Мессии, предсказав, что тот будет от корня Иессеева. Отец Давида, Иессей, был сыном Иуды.

Согласно пророку Михею, Мессия должен родиться в Вифлееме. — Раввин зачитал вслух отрывок своих записей. — «И ты, Вифлеем — Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных».

* * *

Хаим Розенцвейг нервно двигался, в то время как все остальные на самолете были совершенно неподвижны. Рэйфорд понимал, что старик уже выставил себя дураком, и

надеялся, что тот хотя бы не будет это усугублять. Но вышло иначе.

— Николае, — заявил Розенцвейг, — ты ведь родился в Вифлееме, а потом переехал в Клуж? Хо-хо!

Остальные зашикали на него, а Карпати резко откинулся на спинку кресла, как если что-то внезапно осознал.

— Я знаю, куда он клонит! — произнес он. — Неужели вы не понимаете? Это же ясно как день!

«Я понимаю, — подумал Рэйфорд. — Сейчас это должно быть уже очевидно не только Карпати».

— Он собирается объявить Мессией себя! — выкрикнул Карпати. — Вероятно, он родился в Вифлееме, и черт его знает какая у него родословная. Большинство людей склонны отрицать тот факт, что рождены вне брака, может, с ним так и было. Но он несомненно заявит, что до его рождения его мать никогда не была с мужчиной, и — вуаля! — у евреев есть новый Мессия!

— Ох! — ужаснулся Розенцвейг. — Вы говорите о моем близком друге! Он никогда не станет заявлять ничего подобного!

— Посмотрим и узнаем, — предложил Карпати.

К нему подошел стюард.

— Господин Генеральный Секретарь, вам звонят, — прошептал он, склонившись к Карпати.

— Кто?

— Ваша ассистентка из Нью-Йорка.

— Которая?

— Мисс Дюрхем.

— Прими сообщение.

Карпати опять вернулся к экрану, где тем временем раввин Бен-Иегуда продолжал свой рассказ.

— Ребенком Мессия отправится в Египет, потому что у пророка Осии сказано, что Господь вызовет его из Египта. В первом и втором стихах девятой главы Книги Исаяи упомянуто, что проповедовать он будет главным образом в Галилее.

Одно из пророчеств, которое очень не нравится нам, евреям, и которое мы предпочитаем игнорировать, гласит, что его собственный народ откажется от Мессии. В книге Исаяи предсказано: «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презируем, и мы ни во что ставили Его».

Раввин взглянул на часы.

— Время летит быстро, — заметил он, — Поэтому я хочу быстро рассказать вам еще о нескольких очевидных пророчествах и о тех выводах, к которым я пришел. Исая и Малахий предсказывают, что у Мессии будет предтеча. В псалмах упоминается, что Мессию предаст друг. В Книге пророка Захарии сказано, что его предадут за тридцать сребренников и что люди воззрят на Него, Которого пронзили.

В Псалтыре есть строки, что «люди будут смотреть и делать из меня зрелище; дедают ризы мои между собою и об одежде моей

бросают жребий». И еще, что «Он хранит все кости его; ни одна из них не сокрушится».

У Исайи сказано: «Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его». В Псалтыре заявлено, что он воскреснет.

Если бы у меня было больше времени, я бы поделился с вами десятками других пророческих высказываний из еврейских священных текстов, касающихся признаков Мессии. В конце программы я сообщу телефонный номер, позвонив по которому вы сможете заказать себе копию моего исследования. Когда вы прочитаете его, у вас не останется никаких сомнений, что всего одного человека в истории можно назвать тем самым помазанником Иеговы.

Позвольте мне завершить рассказ, сказав, что все эти три года я посвятил священным письмам Моисея, и пророки вознаградили меня за усердие. Помимо текстов еврейских пророчеств мое исследование включало в себя изучение исторических трудов и священных книг других религий, включая христианский Новый Завет. Я проверял любое упоминание, чтобы выяснить, соответствует ли кто-либо всем качествам, предписанным Мессии. Рожденный в Вифлееме от девственницы, потомок царя Давида, ведущий род от Авраама, которого увезли в Египет, откуда он был призван, чтобы проповедовать в Галилее, у которого был предшественник и которого отверг избранный Богом народ, преданный ради тридцати

серебряных монет, пронзенный так, что ни одна кость не была повреждена, похороненный с богатыми и воскресший?

Согласно книге одного из величайших еврейских пророков Даниила, между указом о восстановлении стен и «великим бедствием» Иерусалима, когда Мессия будет распят за грехи людей, пройдет ровно четыреста семьдесят три года.

Бен-Иегуда смотрел прямо в камеру.

— Именно четыреста семьдесят три года прошло с момента восстановления Иерусалима и его стен, когда Иисус из Назарета заявил о себе народу Израиля. Он въехал в город на осле, к всеобщей радости и ликованию, как и предсказывал пророк Захария: «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой идет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной».

Бизон вскочил с кресла в примерке и продолжил смотреть уже стоя, уставившись на экран. Вокруг собрались люди, но он не в силах был более сдерживать свои чувства. Он закричал:

— Да! Давай, Цион! Аминь!

Бизон слышал, как где-то внизу в холле зазвонили телефоны, хотя раввин еще не назвал контактный номер.

— Истинный Мессия — Иисус Христос, — подытожил Бен-Иегуда. — Иных вариантов

быть не может. Я пришел к этому выводу, но боялся его озвучить и чуть не опоздал. Иисус пришел и забрал свою паству на небеса, как обещал. И меня нет среди них, потому что я колебался. Но с того момента я признал Его как своего Спасителя. Он вернется через семь лет! Будьте готовы!

Внезапно в студии началось активное движение. Ортодоксальные раввины что-то кричали, взбешенные израильтяне стучали в дверь, работники студии ждали сигнала отключить аппаратуру.

— Вы можете позвонить по этому номеру, чтобы получить дополнительную информацию! — сказал раввин. — На случай если его не покажут, я его назову.

Что он и сделал, пока режиссеры отчаянно давали знаки выключить камеры.

— Иешуа бен Иосеф, Иисус сын Иосефа, Иешуа Хамашиах, — быстро выкрикнул раввин. — Иисус — Мессия!

И экраны погасли.

Рабби Бен-Иегуда собрал свои тетради и лихорадочно взглянул на Бизона.

— Я здесь, брат мой! — крикнул Бизон, вбегая в студию. — Где машина?

— Спрятана поблизости, и мой водитель до сих пор не знает почему.

В студию вошли представители администрации.

— Подождите! Люди хотят вас видеть!

Раввин замешкался, вопросительно глядя на Бизона.

— А что, если они ищут Христа?

— Они могут позвонить! — безапелляционно заявил Бизон. — Мы отсюда уходим!

Они вышли через черный ход на парковку для персонала. «Мерседеса» нигде не было видно. Внезапно с другой стороны дороги они заметили водителя, который буквально выпрыгнул из машины, закричал и замахал руками, чтобы привлечь их внимание. Бизон и Цион бегом бросились к нему.

* * *

— Какое разочарование, — подытожил Карпати. — Я бы предпочел, чтобы он заявил, что он и есть мессия. А это давно не новость. Многие верят в эту сказку. Но зато теперь есть первый раввин-христианин. Тоже мне достижение.

«Именно, достижение», — подумал Рэйфорд, направившись в кабину, чтобы подготовиться к посадке.

* * *

Бизон чувствовал себя неуютно в скромном доме Циона Бен-Иегуды. Жена со слезами на глазах обняла раввина, а затем, громко плача, удалилась с детьми в отдельную комнату.

— Я поддерживаю тебя, Цион, — выкрикнула она. — Но наша жизнь разрушена!

Зазвонил телефон, и Цион ответил, сделав знак Бизону взять трубку в соседней комнате. Жена Бен-Иегуды старалась сдерживать рыдания, пока Бизон прислушивался.

— Да, это рабби Бен-Иегуда.

— Это Эли. Мы говорили вчера вечером.

— Я помню! Но откуда у вас мой номер?

— Я позвонил на тот, что вы назвали в своей передаче, и студентка, которая мне ответила, дала ваш домашний. Мне удалось объяснить ей, кто я такой.

— Рад вас слышать.

— Я радуюсь вместе с тобой, брат мой Цион по вере в Иисуса Христа. Многие обрели Его благодаря нашим проповедям здесь в Иерусалиме. Мы организовали встречу вновь обращенных на стадионе Тедди-Колек. Ты придешь, чтобы выступить?

— Если честно, брат Эли, я беспокоюсь за безопасность моей семьи и мою собственную.

— Не бойся. Мы с Моше дадим всем понять, что любой, кто угрожает тебе, будет держать ответ перед нами. А в наших способностях, думаю, никто не сомневается.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Полтора года спустя

В Чикаго было холодно. Рэйфорд Стил вытащил из шкафа теплую куртку. Ему ужасно не нравилось таскать ее с собой через весь аэропорт, но она была совершенно необходима, чтобы дойти от дома до машины и от машины до терминала. Последние месяцы, только надев куртку, он мог заставить себя посмотреть на свое отражение в зеркале перед уходом на работу. Потому что видеть уже не мог свою капитанскую форму, темно-синюю, с блестящими золотыми пуговицами и отделанную таким же броским галуном. Говоря откровенно, униформа была красивая, разве что чуть-чуть формальная и пышная, но она слишком живо напоминала ему, что он работает на дьявола.

На его лице отпечатались усталость и напряжение от того, что жил он в Чикаго, а работал в Нью-Йорке.

— Я беспокоюсь за тебя, папа, — часто повторяла Хлоя.

Она даже предложила переехать вместе с ним в Нью-Йорк, особенно после того, как Бизон перебрался туда на несколько месяцев. Рэйфорд знал, что Хлоя и Бизон ужасно друг по другу скучают, но у него были свои причины оставаться в Чикаго так долго, насколько это возможно. В значительной степени из-за Аманды Уайт.

— Если Бизон не поторопится, то я устрою свое семейное счастье раньше вашего. Вы хоть за руки держались?

Хлоя покраснела.

— Не надо задавать такие вопросы. Для него это все так ново. Он ведь никогда прежде не был влюблен.

— А ты?

— До встречи с ним я думала, что да. Мы уже обсудили и будущее, и вообще. Он просто пока не сделал мне предложение.

Рэйфорд надел фуражку и посмотрел на свое отражение, с курткой через плечо. Скорчил себе рожу, вздохнул и покачал головой.

— Через две недели мы отсюда уезжаем, — произнес он. — А потом ты либо согласишься отправиться со мной в Новый Вавилон, либо продолжишь жить здесь своей жизнью. Несомненно, Бизон сильно бы облегчил всем нам жизнь, если бы был чуть более решительным.

— Я не буду его торопить. Жизнь порознь всегда была хорошей проверкой чувств. И мне очень не нравится оставлять Брюса одного в церкви.

— Ну, Брюс-то не остается один. Его приход сейчас больше, чем когда бы то ни было, да и подземное укрытие не удастся надолго сохранить в секрете. Это же не тайник какой-то.

Брюс много путешествовал. Сначала он занимался организацией сети домашних церквей в пригородах Чикаго, потом по всему штату. Это были небольших группы верующих, которые собирались в частных домах и изучали Писание в преддверии того дня, когда подобные собрания христиан будут объявлены вне закона. А этот день был не за горами. Затем Брюс отправился в другие страны мира, создавая подобные мини-церкви повсеместно. Начал он с Израиля, где слышал пастырское наставление двух свидетелей и Циона Бен-Иегуды, собиравшие огромные аудитории.

Представители тех самых ста сорока четырех тысяч иудейских проповедников Евангелия обнаружили практически в каждой стране мире, многие из них преподавали в колледжах и университетах. Все больше и больше людей обретали веру, но увеличивалось не только число верующих, но и преступность, и беспредел властей.

Мировое Сообщество оказывало давление на Вашингтон, чтобы все церкви в Северной Америке стали официальными представительствами того, что получило название Всемирная религия Сокровенного Вавилона. Лидером этой общемировой религии стал

новый папа Петр, бывший Питер Мэтьюз из Соединенных Штатов. Он объявил о начале «новой эпохи терпимости и единения» между всеми основными религиями мира. Главным врагом новой всемирной религии, которая заняла Ватикан, объявив его своей штаб-квартирой, были те миллионы людей, которые считали, что вера в Иисуса является единственным путем к Богу.

Мы считаем, что доказательством нетерпимости и сопротивления единству со стороны евреев и протестантов, — писал великий понтифик Петр в официальной декларации религии Сокровенного Вавилона, — является тот факт, что последней инстанцией в вопросе веры и богослужения они считают Библию, включающую всего лишь Ветхий и Новый Завет. Это откровенно противоречит всем нашим достижениям, поэтому отныне все приверженцы этих лжедоктрин признаются еретиками».

Великий понтифик свалил в одну кучу ортодоксальных евреев и тех, кто недавно стал христианином. Ему приходилось одновременно бороться как с проблемой восставленного еврейского Храма и возобновлением там системы жертвоприношений, а также и с миллионами тех, кто обращался в христианство. Как ни странно, в противостоянии новому Храму великого понтифика поддержали Эли и Моше, к тому моменту уже известные всему миру проповедники. Но их аргументы были прокляты новой религией.

— Израильтяне восстановили Храм, чтобы приблизить приход своего Мессии, — говорили Эли и Моше, — не понимая, что истинный Мессия уже являлся и этот Храм никак с ним не связан! Израильтяне построили храм отрицания. Нет ничего удивительного в том, что так мало из тех ста сорока четырех тысяч иудейских проповедников Евангелия объявились в Израиле! В Израиле по-прежнему мало верующих, и он страдает за это!

Свидетели неистовствовали в тот день, когда Храм был освящен и представлен миру. Сотни тысяч людей потянулись в Иерусалим, чтобы увидеть его; примерно столько же отправились в паломничество в Новый Вавилон, чтобы полюбоваться величественной штаб-квартирой Мирового Сообщества, спланированной Николае Карпати.

В день празднования открытия Храма Эли и Моше были в ярости на всех, включая приехавшего Карпати. Впервые они проповедовали где-то, кроме как близ Стены Плача или на стадионе. В тот день они дождались, пока не заполнится Храм и тысячи людей не наводнят Храмовую гору, и после этого прошли к Храму со стороны Золотых Ворот, к вящему ужасу толпы. Над ними насмехались, свистели, бранили, но никто не осмеливался не только причинить им вред, но даже приблизиться.

Николае Карпати был в числе почетных гостей. Когда они появились, он попытался

протестовать, но свидетелем удалось заставить замолчать даже его. Без помощи микрофонов они заговорили так громко, что все без труда их услышали. Они произнесли:

— Николае! Придет день, когда ты сам осквернишь и поругаешь этот Храм!

— Это бред! — возмутился Карпати. — Неужели во всем Израиле нет вооруженного человека, у которого хватит мужества заткнуть этих двоих?

Все микрофоны и камеры немедленно обратились к премьер-министру Израиля, который теперь находился в подчинении у посла Соединенных Штатов Азии в Мировом Сообществе.

— Но, сэр, благодаря вам в нашем обществе больше нет оружия.

— У этих двух тоже нет оружия! — бушевал Карпати. — Приведите их к порядку!

Но Эли и Моше продолжали кричать:

— Нет Бога в храмах, созданных руками! Тела верующих суть храм Святого Духа!

Карпати, который просто пытался поддержать своих израильских друзей, отпраздновав с ними восстановление Храма, спросил толпу:

— Вы желаете слушать меня или их?

И толпа закричала:

— Тебя, потентат! Тебя!

— Нет властелина, кроме Господа! — ответил Эли.

А Моше добавил:

— Кровь от ваших жертвоприношений превратится в воду, а вода — в кровь!

* * *

Бизон был там в тот день как новый издатель переименованного «Глобал комьюнити уикли». Карпати назвал действия свидетелей бесцеремонным вторжением и требовал, чтобы Бизон не писал об этом, но Уильямсу удалось убедить потентата Мирового Сообщества, что новости не могут оставлять факты без внимания. Тем не менее кровь принесенного в жертву тельца действительно превратилась в воду. А в ходе другого обряда вода в чаше стала кровью. Израильтяне обвиняли свидетелей в том, что те испортили им празднование.

Бизон ненавидел деньги, которые он зарабатывал. И даже фантастические размеры его гонорара не облегчали ему жизнь. Его заставили перебраться обратно в Нью-Йорк. Большая часть старых кадров «Глобал уикли», включая Стэнтона Бэйли, Мардж Поттер и даже Джима Борланда, была уволена. Стив Планк теперь стал владельцем «Глобал комьюнити Ист Коуст дейли таймс» — газеты, которая возникла в результате слияния «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Бостон глоб». И хотя Стив этого не признавал, Бизон считал, что отношения того с потентантом несколько подурачили былой лоск.

Единственным плюсом в новом положении Бизона было то, что у него теперь были средства, чтобы обезопасить себя от ужасного всплеска преступности, побившего все мыслимые рекорды. Карпати воспользовался

этим, чтобы дискредитировать президента в глазах общественности, и добился, что того на посту заменил посол Северной Америки в Мировом Сообществе.

Джеральда Фитцхью и его вице-президента перевели теперь в бывшее здание Исполнительного управления в Вашингтоне, где они должны были курировать реализацию в Америке плана по глобальному разоружению.

Единственным актом неповиновения Карпати со стороны Бизона было игнорирование слухов о том, что Фитцхью плетет заговор вместе с представителями народного ополчения, чтобы оказать вооруженное сопротивление режиму Мирового Сообщества. Бизон целиком и полностью поддерживал эту идею и даже тайно изучал возможности создания в Сети сайта противников Мирового сообщества. Если бы он мог придумать такой способ, чтобы след не привел в его апартаменты в пентхаусе на Пятой авеню, он бы сделал это.

По крайней мере, ему удалось убедить потентата Карпати, что переезд в Новый Вавилон станет для него ошибкой. Нью-Йорк, несмотря ни на что, по-прежнему оставался мировой столицей прессы. Он был ужасно расстроен тем, что отца Хлои заставили переехать в Новый Вавилон. Новый город был роскошен, но климат в Ираке был совершенно невыносимым, если не сидеть в помещении двадцать четыре часа в сутки. Опять же, даже несмотря на фантастическую популярность Карпати и активное продвижение им

идей нового общемирового правительства и всемирной религии, на Ближнем Востоке сохранялось достаточно пережитков, чтобы западная женщина не чувствовала себя там комфортно.

Бизон очень переживал по поводу отношения Рэйфорда и Аманды. С одной стороны, Хлоя и Бизон, обсуждая совместное будущее, перестали беспокоиться о том, что ей придется оставить отца, если они поженятся. Но как Рэйфорд мог предположить, что американка согласится жить в Новом Вавилоне? И как долго они проживут там, прежде чем потентат решит усилить нападки на христиан? Если верить Брюсу Барнсу, период гонений должен был начаться уже совсем скоро.

Бизон скучал по Брюсу больше, чем мог раньше предположить. Он старался встречаться с ним каждый раз, когда возвращался в Чикаго к Хлое. Если Брюс был проездом в Нью-Йорке или если они случайно сталкивались в каком-нибудь городе, пастор всегда находил время для личного наставления.

Брюс стремительными темпами становился одним из наиболее авторитетных специалистов по библейским пророчествам среди вновь обретших веру. Он заявлял, что обещанный период мира подходит к концу. Как только появятся три следующих всадника Апокалипсиса, вскоре за ними последуют еще семнадцать судов, после которых по истечении семи лет после подписания договора между Израилем и Антихристом грядет Явление Христа во Славе.

И хотя пастора Барнса можно смело было назвать человеком знаменитым и даже популярным, многие верующие начали уставать от его зловещих предостережений.

Рэйфорд предполагал, что его не будет в городе до дня накануне передачи дома новым владельцам. Его повеселило, что их покупатели взяли ипотечный кредит на тридцать лет. Определенно кто-то проигрывал от этой сделки.

Когда Рэйфорд уедет, основные заботы лягут на Хлою: ей придется продавать их вещи, отправлять мебель на склад, договариваться с транспортной компанией о перевозке ее вещей на другую квартиру, а его вещей — до самого Ирака.

Последние несколько месяцев в аэропорт Рэйфорда отвозила Аманда, но недавно она нашла новую работу, так что времени у нее стало намного меньше. Поэтому они договорились, что сегодня Хлоя сначала завезет Рэйфорда в новый офис Аманды — она работала начальником отдела закупок в компании по продаже одежды и тканей, — чтобы они могли проститься, а потом отвезет его в аэропорт и пригонит машину назад домой.

— И как у вас дела? — спросила Хлоя в машине.

— Мы очень близки.

— Я знаю, что вы близки. Это всем понятно. Вопрос в том к чему.

— Просто близки, — сказал он.

Пока они ехали, Рэйфорд думал об Аман-де. Поначалу ни он, ни Хлоя не знали, как себя с ней вести. Красивая, высокая женщина на пару лет старше Рэйфорда с мелированными волосами и безупречным вкусом в одежде. Брюс представил ее отцу и дочери после воскресной службы через неделю после того, как Рэйфорд вернулся из первого рейса борта номер один Мирового Сообщества на Ближний Восток. Рэйфорд был уставшим и совершенно несчастным по поводу вынужденного решения уйти из «Пан-Континентал», чтобы работать на Николае Карпати, и он объективно был не в настроении общаться.

Но миссис Уайт как будто этого не замечала. Для нее Хлоя и Рэйфорд были просто именами, которые упоминала ее бывшая знакомая Ирэн Стил, которая произвела на нее столь неизгладимое впечатление. Аманда настаивала на том, чтобы в тот же день пригласить их на обед и была непоколебима по поводу оплаты. Рэйфорду этого не слишком хотелось, но, похоже, Аманду это не беспокоило. Ей надо было с ними поговорить.

— Я хотела встретиться с вами, капитан Стил, потому что...

— Пожалуйста, зовите меня Рэйфорд.

— Тогда я буду звать вас мистер Стил, раз капитан Стил слишком формально. Обращение

по имени мне кажется слишком фамильярным, хотя Ирэн вас называла именно так. Она была удивительно милой женщиной, такой тихой, любящей, преданной. Благодаря ей я почти уверовала во Христа до Восхищения, к сожалению, окончательно я приняла Его только из-за исчезновений. Но именно Ирэн была главной причиной того, что я пришла к Господу. Я не сразу вспомнила ее имя, а никого из женщин, кто присутствовал на той встрече, здесь не осталось. Я почувствовала себя очень одинокой, думаю, вы живо можете себе это представить. Думаю, Брюс рассказал вам, что я тоже потеряла свою семью. Мне было очень тяжело. Определенно Брюса мне послал Господь. Он столько всего открыл мне! Думаю, не мне одной. Вы ведь его знаете дольше, чем я.

Затем она как бы осеклась и рассказала о своей семье.

— Мы всю жизнь ходили церковь, но без веры в сердце. А затем знакомый пригласил моего мужа на какую-то встречу в свою церковь. Вернувшись оттуда, он настоял, чтобы мы туда ходили хотя бы на воскресные службы. Я не стесняюсь признавать, что мне там не нравилось. Они слишком много говорили о спасении. И до того, как я сумела осознать эту идею своим скудным умом, все члены моей семьи действительно спаслись, а я осталась. Честно говоря, мне все эти проповеди казались сказками для бедных и необразованных. Я не знала, что это была гордыня. Ведь заблудшие души обычно даже не подозревают о

ней? Я делала вид, что разделяю веру своих домашних, но они знали правду. Они постоянно убеждали меня пойти на женские собрания по изучению Библии, и в итоге я сдалась и пошла. Я была уверена, что все будет как обычно: малопривлекательные женщины средних лет будут твердить о том, какие они грешницы и как их спасет Господь.

Как-то ей удалось покончить с обедом параллельно с рассказом, но, дойдя до этого места, она как будто смутилась и вышла на пару минут.

Хлоя закатила глаза.

— Папа! — вздохнула она. — Как думаешь, с какой она планеты?

Рэйфорд мог только рассмеяться в ответ.

— Но я с удовольствием послушаю, какое впечатление произвела на нее мама, — ответил он. — И кажется, сейчас она действительно на пути к спасению.

— Да, похоже, она сильно изменилась.

Когда Аманда вернулась, она извинилась и заявила, что решила, наконец, это сказать. Рэйфорд улыбнулся, чтобы подбодрить ее, в то время как Хлоя за ее спиной корчила ему рожи, чтобы рассмешить.

— Больше я вас не побеспокою, — произнесла Аманда. — Я не из тех, кто пытается навязывать свое общество. Мне просто хотелось встретиться с вами, чтобы сказать, как много ваша жена и мама значила для меня. Конечно, мы с ней едва обменялись парой слов, но благодаря ей я обрела веру. Я рада, что у меня была возможность дать ей понять,

насколько глубокое впечатление она на меня произвела. Если вам интересно, я расскажу. Но если я вас уже утомила, то скажите об этом прямо, и я не буду вас более задерживать. Миссис Стил была просто прекрасной женщиной.

Рэйфорд как раз думал о том, чтобы сказать, что у них была тяжелая неделя и что им пора бы домой, но он не был способен на подобную грубость. Даже Хлоя не оценила бы этого, поэтому вместо этого он произнес:

— Что вы, нам это очень интересно. Если честно, мне нравится говорить об Ирэн.

— Я представить себе не могу, почему ее имя выпало у меня из головы, несмотря на то что в первый момент оно меня настолько впечатлило. Так необычно звучит, похоже на «сирень» и «стиль». А еще я сразу подумала, что она говорит, как человек намного старше своего возраста. Ей ведь было около сорока?

Рэйфорд кивнул.

— В общем, я отпросилась с работы на утро и приехала в дом, где на той неделе было женское собрание. Все участницы нормально выглядели и были ко мне очень милы. Я сразу обратила внимание на вашу жену. Она была такой яркой, дружелюбной, улыбалась, со всеми общалась. Она меня радушно встретила, расспросила обо мне. Во время чтения Библии, молитвы и обсуждения она также произвела на меня очень глубокое впечатление. Даже не знаю, что еще сказать.

Рэйфорд очень надеялся, что она продолжит, но не хотел ее упрашивать. Что же так поразило ее в Ирэн? К счастью, в беседу включилась Хлоя:

— Приятно это слышать, миссис Уайт, потому что моя мама произвела на меня самое глубокое впечатление уже после того, как я уехала из дома. Я всегда считала ее слишком религиозной, слишком строгой и слишком напряженной. Только находясь далеко от нее, я осознала, как сильно я ее люблю и как сильно она обо мне заботилась.

— Меня очень тронула ее история, — сказала Аманда, — но еще больше ее манера поведения и самообладание. Не знаю, известно ли это вам, но ведь она не слишком долго была христианкой. И ее история была очень похожа на мою. Она рассказала, что ее семья годами посещала церковь, но это было для виду. Но, попав в Общинную церковь Новой Надежды, она обрела Христа. Ваша жена и мать, как никто, внушала умиротворение, нежность, доброту и спокойствие. Такая уверенная и в то же время скромная. Очень общительная, она в то же время не давила и не навязывала свое общество. Мне она сразу понравилась. При упоминании семьи ее всегда переполняли эмоции. Она говорила, что прежде всего молилась о своем муже и дочери. Она вас обоих очень любила и больше всего боялась, что не успеет до вас достучаться, и вы не попадете на небо с ней и сыном. Не помню его имени.

— Рэйфорд-младший, — вставила Хлоя. — Она называла его Рэйми.

— Я подошла к ней после собрания и призналась, что в моей семье ситуация была обратная, что они опасались, что я не попаду с ними на небеса. Она рассказала мне, как обрести Христа, но я честно ответила ей, что не готова. Она предупредила меня, чтобы я не откладывала это, обещав помолиться за меня. Той же ночью все члены моей семьи исчезли прямо из своих постелей. Исчезли практически все, кто ходил в нашу новую церковь, включая всех тех женщин, которые собирались для изучения Библии. Со временем мне удалось найти Брюса и спросить про Ирэн Стил.

Домой Рэйфорд с дочерью вернулись с чувством досады и даже некоторого стыда.

— Было мило, — нарушил молчание Рэйфорд. — Я не жалею, что мы потратили на это время.

— Только немножко жутковато, — ответила Хлоя. — Эта женщина едва знала нашу маму, но так хорошо ее поняла.

В течение года после этого случая Рэйфорд встречал Аманду только в церкви — по воскресеньям и на периодических собраниях, которые устраивались по будням для изучения Библии расширенным составом основной группы. Она всегда была сердечна и дружелюбна, но наибольшее впечатление на него произвела ее готовность служить Господу и помогать людям. Она постоянно молилась за других, все время была занята в

церкви. Читала, училась, общалась с другими людьми об их отношении к Богу, ее духовный рост был очевиден.

Чем больше Рэйфорд наблюдал за ней со стороны, тем привлекательней она ему казалась. Как-то в воскресенье он заявил Хлое:

— Знаешь, а мы никак не отблагодарили Аманду Уайт за тот обед.

— Ты хочешь пригласить ее к нам? — спросила дочь.

— Я хочу пригласить ее на свидание.

— Что?!

— Ты же слышала.

— Папа! Ты всерьез имеешь в виду свидание?

— Двойное свидание, с тобой и Бизоном.

Хлоя рассмеялась, но затем извинилась:

— Я понимаю, что это совсем не смешно. Просто это так неожиданно.

— Не придавай этому значения, — попробовал отшутиться он. — Я могу пригласить только ее.

— А по-моему, как раз ты придаешь этому слишком большое значение, — отозвалась Хлоя.

* * *

Когда Хлоя рассказала Бизону, что ее отец предложил устроить двойное свидание вместе с ним и Амандой Уайт, тот совсем не удивился:

— Я все думал, когда же он, наконец, решится.

— Начать встречаться?

— Да, с Амандой.

— Ты что-то заметил? А мне ты ничего не говорил.

— Я не хотел рисковать, потому что ты могла случайно упомянуть это при нем, так что инициатива в итоге исходила бы не от него, а от тебя.

— Такое нечасто случается.

— В любом случае, мне кажется, они друг другу подходят, — продолжил Бизон. — Ему нужна компания ровесницы, и если из этого выйдет что-то большее, тем лучше.

— Почему?

— Потому что ему не придется остаться одному, если наши отношения станут более серьезными.

— Но, кажется, мы уже все решили. — Рука Хлои скользнула в ладонь Бизона.

— Да, только я не могу понять когда и где, с учетом всего происходящего.

Бизон надеялся, что Хлоя хоть как-то намекнет ему, готова ли она выйти за него замуж и последовать за ним куда угодно, или ей все еще нужно время. А время утекало, как песок сквозь пальцы. Но Бизон по-прежнему не мог решиться.

* * *

— Главное, чтобы он был к этому готов, а я уже давно, — объясняла Хлоя Рэйфорду. — Но я не собираюсь ни о чем ему намекать.

— Но почему? — недоумевал Рэйфорд. — Мужчине иногда нужен знак.

— Знаков более чем достаточно.

— Значит, за руки вы уже держались?

— Папа!

— Спорю, что и целовались тоже!

— Я не буду это комментировать.

— Судя по твоему ответу, так и есть.

— Я же сказала, что знаков достаточно.

* * *

Бизон никогда не забудет, как он впервые поцеловал Хлою. Это было около года назад, когда ему надо было уезжать в Нью-Йорк. Карпати тогда как раз приобрел «Уикли» и все прочие конкурентоспособные издания, и оказалось, что у Бизона впервые в жизни совсем нет выбора. Конечно, он мог бы нелегально публиковать новости в Интернете, но надо же было на что-то жить. И Брюс, который все меньше и меньше мог уделять внимание церкви из-за своей паствы по всему миру, постоянно убеждал его оставаться в «Глобал уикли», даже после того, как название было изменено на «Глобал коммьюнити уикли».

— Хотел бы я поменять в названии слово «еженедельный» на «поддельный», — грустно шутил Бизон.

Он смирился с неизбежным, стараясь делать все возможное для Царства Божия. Отец Хлои поступал так же. Но все же Бизон тщательно скрывал, что он верующий. Если бы Карпати узнал об этом, Уильямс разом лишился бы всякой свободы и объективности в своей деятельности.

В тот последний вечер в Чикаго они с Хлоей допаковывали его вещи у него на квартире. Бизон планировал выехать в девять вечера и марафонским броском добраться до Нью-Йорка. Влюбленные паковали вещи и обсуждали, как не хотят расставаться, как будут ужасно скучать друг по другу, как часто будут друг другу звонить и писать электронные письма.

— Хотел бы я, чтобы ты поехала со мной, — в какой-то момент сказал Бизон.

— Да, это было бы правильно, — отозвалась она.

— Когда-нибудь, — добавил он.

— Когда-нибудь что?

Но он не повелся, а просто взял коробку и понес ее к машине. Когда он вернулся, проходя мимо нее, пока она заматывала скотчем очередную коробку, заметил, что все ее лицо было в слезах.

— Что это такое? — спросил он, пытаюсь вытереть слезы с ее лица. — Ты же не хочешь, чтобы я тоже расплакался вместе с тобой?

— Ты никогда не будешь скучать по мне так, как я по тебе, — сказала она, пытаясь продолжить упаковку, несмотря на присутствие Бизона, все еще вытиравшего слезы с ее лица.

— Прекрати, — прошептал он. — Иди сюда.

Она отложила скотч и повернулась к нему лицом. Бизон обнял ее и прижал к себе. Руки Хлои были опущены, ее щека лежала у него на груди. До этого момента они обнимались, гуляли, держась за руки или даже под руку. И хотя они по-разному выражали свои чувства друг к другу, о любви никогда не говорили. И еще они решили, что не будут плакать или обещать что-то необдуманное в момент расставания.

— Мы будем часто видеться, — попытлся утешить Хлою Бизон. — У тебя есть повод приезжать в Нью-Йорк для встречи с отцом. А у меня будет причина приезжать сюда.

— Какая причина? Ведь чикагское отделение закрывается.

— Такая, — ответил он, прижимая ее крепче к себе.

Она начала всхлипывать.

— Извини, — пробормотала она. — Это будет так тяжело.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Ты не любишь меня так же сильно, как я тебя.

Бизон уже задумывался об их первом поцелуе. Он надеялся, что в конце вечера найдет повод прикоснуться своими губами к ее, а затем пожелать спокойной ночи и уйти. Он

не хотел ни выяснять, как онаотреагирует, ни целовать ее повторно. Он представлял этот поцелуй как нечто очень особенное и значимое и в то же время мимолетное и простое, как основу для чего-то большего.

Но сейчас он страстно желал, чтобы она поняла, какие чувства он к ней испытывает. Ему оставалось только злиться на самого себя за то, что при всем своем журналистском таланте он не был способен прямо сказать девушке, как много она для него значила.

Он немного отстранился и взял ее лицо в ладони. Сначала она сопротивлялась и пыталась опять спрятаться у него на груди, но он мягко, но настойчиво заставил ее смотреть на него.

— Никогда больше не говори ничего подобного, — произнес он.

— Но, Бизон, это правда...

Он наклонился к ней так близко, что их лица разделяло всего несколько сантиметров.

— Ты слышишь меня? — прошептал он. — Никогда так не говори. Даже думать так не смей. Не может быть, чтобы ты любила меня больше, чем я тебя. Ты вся моя жизнь. Я люблю тебя, Хлоя. Неужели ты этого не знаешь?

Бизон почувствовал, как Хлоя попыталась отпрянуть в тот момент, когда он впервые открыто заявил ей о своей любви. Ее слезы обжигали его руки.

— Но как я?.. — начала было она, когда он склонился к ее губам и прервал ее поцелуем.

Это было вовсе не мимолетное прикосновение. Пока они целовались, она обняла его руками за шею и крепко прижала к себе.

На секунду она отстранилась и прошептала:

— Ты сказал это просто потому, что ты уезжаешь?

И он опять не дал ей договорить.

Секундой позже он прикоснулся кончиком своего носа к ее и сказал:

— Никогда больше не сомневайся в моей любви. Обещай.

— Но, Бизон...

— Обещай мне.

— Обещаю. Я тоже люблю тебя, Бизон.

* * *

Рэйфорд не заметил, как его уважение и восхищение Аmandой Уайт переросло в любовь. Она нравилась ему все больше и больше, ему нравилось проводить с ней время. Их отношения были настолько доверительными, что они прикасались друг к другу во время разговора, держались за руки и обнимались. Потом он внезапно понял, что скучает по ней, хотя они не виделись всего один день, а если разлука затягивается, то испытывает потребность ей позвонить. Тогда Рэйфорд решил, что это что-то серьезное.

На самом деле первой его поцеловала она. Дважды, когда он возвращался в Чикаго после нескольких дней отсутствия, Аманда приветствовала его объятием и коротким

поцелуем в щеку. Ему это нравилось, но несколько смущало. Когда он в третий раз вернулся из аналогичной поездки, она только обняла его, но не поцеловала.

Момент был идеальный. Он решил, что, если она в этот раз попытается поцеловать его в щеку, он повернется и поцелует ее в губы. Он привез ей подарок из Парижа. Дорогое кольцо. Когда Аманда не попыталась его поцеловать, Рэйфорд просто задержал ее в своих объятиях и сказал:

— Пойдем присядем на минутку.

Они расположились в зале ожидания, глядя, как мимо проходят по коридору пассажиры и члены экипажа. Было несколько неловко, потому что их разделял подлокотник кресла. Форменный пиджак Рэйфорда, перекинутый через руку, и меховое пальто, в которое куталась Аманда, как бы создавали дополнительные барьеры между ними. Рэйфорд вытащил из пилотской сумки пакет с футляром для драгоценностей и протянул Аманде:

— Это тебе.

Она, несомненно, была в курсе, откуда он приехал, начала шумно благодарить и восторгаться. Когда она, наконец, открыла коробку, казалось, у нее перехватило дыхание. Внутри было великолепное золотое кольцо с бриллиантами.

— Рэйфорд! — произнесла она. — Я даже не знаю, что сказать.

— Не надо ничего говорить, — ответил он, обнял ее, так что пакет с подарком оказался между ними и чуть не помялся, и поцеловал.

— Я все еще не знаю, что сказать, — повторила она, подмигнув ему, и он поцеловал ее еще раз.

* * *

За последние две недели перед отъездом в Новый Вавилон Рэйфорд общался по телефону с Бизоном чаще, чем Хлоя. Пока она прогревала мотор, Рэйфорд тайком сделал последний звонок.

— Все готово? — спросил он Бизона.

— Да, я там буду.

— Хорошо.

В машине Рэйфорд спросил дочь:

— Что у тебя с квартирой?

— Обещали, что все будет готово, — ответила она. — Но я начинаю напрягаться, потому что они по-прежнему динамят меня со всякой бюрократией.

— У тебя точно здесь все будет в порядке, пока я буду в Новом Вавилоне, а Бизон — в Нью-Йорке?

— Не скажу, что это предел моих мечтаний, но мне не хочется жить поблизости от Карпати и уж тем более в Ираке.

— А что Бизон говорит?

— Мне не удалось сегодня с ним связаться. Наверное, он занят. Я знаю, что он планировал в ближайшее время встретиться в Вашингтоне с Фитцхью.

— Может быть, он как раз там.

Хлоя припарковалась возле магазина одежды в Дес-Плейнз, где работала Аманда, и осталась ждать в машине, в то время как Рэйфорд поспешил попрощаться.

— Он здесь? — спросил он ее Секретаршу.

— И он, и она, — ответила та. — Она в своем кабинете, а он — в том.

Она указала на маленькую комнату рядом с кабинетом Аманды.

— Как только я зайду к ней, не могли бы вы спуститься к машине моей дочери и сказать ей, что ей надо срочно ответить на звонок здесь в офисе?

— Конечно.

Рэйфорд постучал в дверь и зашел к Аманде.

— Рэй, надеюсь, ты не ждешь, что я буду радоваться, — произнесла она. — Я весь день пыталась заставить себя улыбаться, но ничего не вышло.

— Посмотрим, получится ли у меня заставить тебя улыбнуться, — нежно сказал он, поднимая ее со стула и целуя.

— Ты знаешь, что Бизон здесь? — поинтересовалась она.

— Да. Это будет отличный сюрприз для Хлои.

— Ты не собираешься когда-нибудь устроить мне подобный сюрприз?

— Может быть, собираюсь удивить прямо сейчас, — улыбнулся он. — Тебе очень нравится твоя новая работа?

— Терпеть ее не могу. Если бы появился подходящий парень и предложил бы мне от-

правиться в Нью-Йорк, я бы ни минуты не задумывалась.

— Ну что же, похоже, подходящий парень только что появился, — произнес Рэйфорд, вытаскивая маленькую коробочку из бокового кармана и прижимая ее ребром к спине Аманды.

Она отпрянула.

— Что это такое?

— Что? Это? Понятия не имею. Сама мне скажи.

* * *

Бизон услышал из-за двери голос Рэйфорда и понял, что скоро появится Хлоя. Он выключил свет и наощупь вернулся к стулу за столом. Через пару минут он услышал ее голос.

— Туда? — спросила она.

— Да, мэм, — ответила Секретарь. — Первая линия.

Дверь медленно открылась, и Хлоя включила свет. Увидев Бизона за столом, она подпрыгнула, взвизгнула и бросилась к нему. Как только он встал, она прыгнула к нему в раскрытые объятия, и он закружил ее.

— Тс-с, — попытался успокоить он Хлою. — Это же офис!

— Папа знал об этом? Наверняка знал! Должен был.

— Он знал, — ответил Бизон. — Удивлена?

— Конечно. Что ты здесь делаешь? Надолго приехал? Какие у нас планы?

— Я здесь только для того, чтобы увидеться с тобой. Сегодня ночным рейсом я лечу в Вашингтон. Подбросим твоего отца в аэропорт и поедем ужинать.

— Ах, ты приехал, только чтобы увидеть меня.

— Я давно говорил тебе, чтобы ты не сомневалась в моей любви к тебе.

— Я не сомневаюсь.

Он повернулся, усадил ее на стул, на котором до этого сидел, встал перед ней на колени и достал из кармана коробочку с кольцом.

* * *

— О, Рэй! — воскликнула Аманда, любуясь кольцом на пальце. — Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой те немногие годы, что нам остались.

— Но есть еще кое-что, — добавил он.

— Что?

— Мы кое-что обсудили с Бизоном. Сейчас он делает предложение Хлое в соседней комнате. Мы хотели спросить, не будете ли вы обе возражать против двойной свадебной церемонии, которую проведет Брюс.

Рэйфорд не знал, как она отреагирует. Аманда с Хлоей хоть и общались, но не слишком близко.

— Это было бы замечательно! Но Хлоя может не согласиться. Давай оставим реше-

ние за ней, я приму любое. Если она захочет отдельного праздника — пусть так и будет. Но идея мне нравится. Когда?

— За день до того, как мы съедем из дома. Подай заявление об увольнении и переезжай со мной в Новый Вавилон.

— Рэйфорд Стил! — произнесла Аманда. — Ты долго запрягаешь, но быстро едешь. Я подам заявление об уходе до того, как твой самолет вылетит.

* * *

— Тебе не приходило в голову, почему ты никак не могла получить бумаги на квартиру? — спросил Бизон.

Хлоя кивнула.

— Потому что этой сделке не суждено состояться. Если ты согласна выйти за меня замуж, я хочу, чтобы ты переехала со мной в Нью-Йорк.

— Рэйфорд, — сказала Аманда. — Никогда бы не подумала, что я смогу снова быть счастлива. Но я счастлива.

— Двойная церемония? — Хлоя перестала плакать. — Я буду рада. Как ты думаешь, Аманда согласится?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Затевалось что-то серьезное. Бизон тайно встретился с президентом США Джеральдом Фитцхью. Судьба президента сложилась трагически, теперь его функции свелись к чисто номинальным. После того как он прослужил своей стране почти два полных срока, его списали в кабинет в здании Исполнительного управления и лишили большинства президентских регалий. Теперь вся его охрана из секретной службы состояла всего из трех человек, которые сменялись каждые двадцать четыре часа и состояли на финансировании у Мирового Сообщества.

Бизон встретился с Фитцхью вскоре после того, как сделал предложение Хлое, за две недели до предполагаемой свадьбы. Президент ворчал, что его телохранители на самом деле шпионили за ним, чтобы Карпати был известен каждый его шаг. Но более всего Фитц-

хью шокировало то, что американский народ так просто воспринял смещение президента. Все были без ума от Карпати, и больше ничего не имело значения.

Фитцхью втащил Бизона в надежно защищенную комнату, так что его телохранители остались за пределами слышимости. Президент сказал ему, что дракон скоро проснется. Как минимум главы еще двух государств считали, что пришло время, чтобы избавиться от оков Мирового Сообщества.

— Я рискую своей жизнью, сообщая это наемнику Карпати, — съязвил Фитцхью.

— Да ладно, все мы его наемники, — парировал Бизон.

Фитцхью сообщил ему, что Египет, Великобритания и патриотически настроенное народное ополчение США полны решимости принять меры, пока не станет слишком поздно.

— Что это значит? — спросил Бизон.

— Это значит — скоро, — ответил Фитцхью. — Иными словами, держись подальше от главных городов Восточного побережья.

— Нью-Йорк? — спросил Бизон, и Фитцхью кивнул. — Вашингтон?

— Особенно Вашингтон.

— Это непросто, — сказал Бизон. — Мы с моей будущей женой собираемся жить в Нью-Йорке после свадьбы

— В ближайшее время не стоит.

— Вы можете меня как-то сориентировать по времени?

— Нет, — покачал головой Фитцхью. — Скажем так, я планирую вернуться в Овальный кабинет в течение пары месяцев.

Бизону отчаянно хотелось объяснить Фитцхью, что тот играл на руку Карпати. Все это было всего лишь частью предсказанного будущего. Восстание против Антихриста будет подавлено, но положит начало третьей мировой войне, итогами которой будут тотальный голод, чума и гибель четверти населения Земли.

* * *

Двойная свадьба, которую сыграли две недели спустя, была предельно скромной. Присутствовали только новобрачные и пастор. Брюс Барнс завершил церемонию благодарностью Богу за все улыбки, объятия, поцелуи и молитвы.

Бизон спросил, можно ли посмотреть на подземное укрытие, которое построил Брюс.

— Когда я переезжал в Нью-Йорк, оно было только начато, — напомнил он.

— Это самый тщательно охраняемый секрет церкви, — заявил Брюс, когда они спускались вниз мимо котельной к секретной двери.

— Ты не хочешь, чтобы члены церкви им пользовались? — удивился Бизон.

— Ты увидишь, насколько оно мало, — объяснил Брюс. — Я убеждаю семьи строить собственные убежища. Если в момент опасности все прихожане набьются туда, начнется хаос.

Бизон удивился, насколько маленьким было убежище, но казалось, там есть все необ-

ходимое, чтобы выжить в течение нескольких недель. Члены Отряда Скорби были не из тех людей, которые станут подолгу прятаться.

Пятеро потратили много времени, сравнивая планы и обсуждая, когда они смогут увидеться снова. График Карпати на следующие шесть недель был расписан практически по минутам, так что Рэйфорду придется летать с ним по всему миру. Последним пунктом его маршрута был Вашингтон. Потом у него будет несколько выходных перед возвращением в Новый Вавилон.

— Мы с Амандой сможем приехать сюда из Вашингтона, когда у меня будут выходные, — предложил Рэйфорд.

Бизон согласился, что они с Хлоей тоже могут приехать в эти дни в Чикаго. Брюс тоже как раз вернется из поездки по Австралии и Индонезии. Они назначили дату и время — в четыре пополудни через шесть недель. Сначала они потратят два часа на изучение Библии в кабинете Брюса, а затем все вместе отправятся куда-нибудь поужинать.

Перед расставанием они собрались в круг, взялись за руки и еще раз помолились вместе.

— Благодарим Тебя, Отец наш, за этот краткий миг радости в этом мире на краю гибели и молим Тебя, чтобы Твое благословение и защита не оставили нас, пока мы не встретимся здесь снова. Братья и сестры во Христе, наши сердца связаны воедино, даже когда мы далеко друг от друга.

* * *

Казалось, женитьба Рэйфорда настолько заинтриговала Николае Карпати, что он настоял на знакомстве с его новой женой. Он поприветствовал ее, взяв за обе руки, и провел их с Рэйфордом в свои роскошные апартаменты, которые занимали весь верхний этаж штаб-квартиры Мирового Сообщества в Новом Вавилоне. Там же были расположены конференц-залы, личные покои и лифт на посадочную площадку для вертолетов. Оттуда член команды Рэйфорда всегда мог доставить их к самолету.

Рэйфорд видел, что Аманда до смерти напугана. Говорила она сдержанно, а улыбка казалась наклеенной. Встреча с самым страшным человеком на земле, очевидно, не входило в сферу ее интересов, хотя она говорила Рэйфорду, что ей попадалась пара торговцев одеждой, которые вполне подходили под это описание.

После обмена любезностями Николае незамедлительно одобрил просьбу Рэйфорда разрешить Аманде сопровождать их во время следующей поездки в Соединенные Штаты, чтобы встретиться там с дочерью и зятем. Рэйфорд не упомянул, кто был этим зятем, и тем более не сказал, что молодожены поселились в Нью-Йорке. Он честно признался, что они встретятся с молодой парой в Чикаго.

— Я пробуду в Вашингтоне по меньшей мере четыре дня, — сообщил Карпати. — Рас-

поряжайтесь этим временем так, как вам будет угодно. И еще у меня есть кое-какие новости для тебя и твоей супруги.

Карпати достал из кармана миниатюрный пульт дистанционного управления и направил его на переговорное устройство на своем столе в другой части комнаты.

— Дорогая, не могла бы ты присоединиться к нам на пару минут?

«Дорогая? — подумал Рэйфорд. — Значит, с играми покончено».

Хэтти Дюрхем постучала и вошла.

— Да, милый? — произнесла она. Рэйфорд чуть не поперхнулся.

Карпати вскочил и так нежно обнял ее, как если бы она была фарфоровой. Хэтти повернулась к Рэйфорду.

— Я так счастлива за вас с Амелией, — сказала она.

— Амандой, — поправил Рэйфорд, заметив, как напряглась его жена. Он ей все рассказал о Хэтти Дюрхем и не ждал, что они станут задушевыми подругами.

— Мы тоже хотим сделать заявление, — воскликнул Карпати. — Хэтти прекращает работать на Мировое Сообщество, потому что она ждет нашего первенца.

Карпати лучезарно улыбался, явно ожидая ответной радостной реакции. Рэйфорд приложил все усилия, чтобы не продемонстрировать то отвращение и ненависть, что он испытывал.

— Первенец? — спросил он. — Когда ожидаете?

— Мы только узнали. — Николае открыто подмигнул ему.

— Да, это событие... — с трудом нашелся Рэйфорд.

— Я не знала, что вы женаты, — произнесла Аманда с очаровательной улыбкой, и Рэйфорду опять с трудом удалось сохранить хладнокровие. Ведь она отлично знала, что они не были женаты.

— Ах, мы только собираемся, — улыбаясь, ответила Хэтти. — Он, наконец, сделает меня честной женщиной.

* * *

Когда Хлоя прочла письмо отца про Хэтти, с ней случилась истерика.

— Бизон, мы подставили эту женщину. Мы так ее подставили!

— Думаешь, я считаю иначе? — вздохнул Бизон. — Ведь я их познакомил.

— Но я же ее знаю и знаю, что ей известна правда. Я была там, когда отец рассказывал тебе обо всем, она сидела рядом с нами. Он пытался донести до нее истину, но надо было сделать больше. Нам надо как-то связаться с ней, поговорить.

— И сделать так, чтобы она узнала, что я верующий, как и твой отец? То, что пилот Николае христианин, кажется, не имеет особого значения, но неужели ты думаешь,

что я надолго останусь издателем журнала, если он узнает правду про меня?

— Нам надо встретиться с Хэтти в ближайшее время, даже если для этого придется поехать в Новый Вавилон.

— И что ты собираешься там делать, Хлоя? Сказать ей, что она носит дитя Антихриста и что ей надо уйти от него?

— Возможно, дойдет и до этого.

Бизон стоял у Хлои за плечом, пока она печатала ответ Рэйфорду и Аманде. Они давно уже привыкли писать полупонамеками, не используя никаких имен.

«Какова вероятность, — писала Хлоя, — что она будет сопровождать его в следующей поездке в столицу?»

Когда они, наконец, отправили письмо, в Новом Вавилоне было уже совсем поздно, так что ответ пришел только на следующий день, и он гласил: «Нулевая».

— Когда угодно как угодно, — настаивала Хлоя, — но мы должны увидеться с ней до рождения ребенка.

* * *

Рэйфорду с трудом удалось поверить в те невероятные изменения, которые произошли в Новом Вавилоне с момента его первого приезда туда сразу после подписания договора с Израилем. Он приписывал это Карпати и его

бесчисленным богатствам. Величественная столица мира практически в мгновение ока возникла из руин, в ней процветали торговля, промышленность и коммуникации. Центр мировой активности смещался на Восток, а родина Рэйфорда, казалось, безнадежно устаревала.

За неделю до отправления в Вашингтон вместе с Николае и его свитой Рэйфорд отправил Брюсу следующее письмо:

«В будущем для меня много непонятного, но некоторые моменты особенно ставят меня в тупик. Не мог бы ты объяснить значение пятой и седьмой?»

Он не писал напрямую «печати», не желая, чтобы эта информация попала к ненужным людям. Брюс должен понять, что он имеет в виду.

«Я хочу сказать, вторая, третья, четвертая и шестая говорят сами за себя, но пятую и седьмую понять никак не могу. С нетерпением жду встречи с тобой. «А» передает тебе привет».

* * *

Бизон и Хлоя обустроились в его прекрасном пентхаусе на Пятой авеню, но они были лишены естественных радостей, которыми могли бы наслаждаться в подобной обстановке молодожены. Хлоя продолжала свои изыскания и обучение, пользуясь Интерне-

том, ежедневно переписываясь с Брюсом по электронной почте. Брюс сообщал, что ему одиноко и он, как никогда, скучает по своей семье, но его необыкновенно радовало, что четверо его друзей сумели найти любовь и свои вторые половины. Все они жили в предвкушении радости грядущей встречи.

Бизон молился, пытаясь понять, стоит ли говорить Хлое о предупреждении президента Фитцхью. Фитцхью был предельно точен, у него явно были достаточные основания для подобных слов, но Бизон не хотел провести остаток своей жизни, убегая от опасности. В эти дни жизнь была полна опасностей, война и разрушение могли прийти отовсюду. Работа бросала его в самые горячие и опасные точки мира. Он не хотел действовать безрассудно или глупо рисковать жизнью своей жены, но как любой член Отряда Скорби он знал о существующих опасностях

* * *

Рэйфорд был рад, что благодаря электронной переписке Хлоя получше узнала Аманду. Когда он только встречался с будущей супругой, он сам общался с ней большую часть времени, так что хотя женщины вроде понравились друг другу, их не связывало ничего, кроме общей веры. Благодаря их ежедневному общению Аманда все больше

узнавала о Писании. Хлоя пересылала ей все результаты своих изысканий.

Брюс и Хлоя помогли Рэйфорду найти ответы на вопрос о пятой и седьмой печатях. Новости были нерадостные, но они не ожидал ничего иного. Пятая печать касалась мученичества святых периода Скорби. Брюс отправил Хлое заказной посылкой свое исследование, объясняющее стих из Книги Откровений, касающийся этих печатей, а она уже передала эту информацию отцу.

«Иоанн увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они». Суд пятой печати означает гибель людей, которые обрели веру после Восхищения. То есть любого из нас или даже всех. И я заявляю как на духу, что сочту честью отдать свою жизнь за моего Господа и Спасителя.

Комментарии Брюса по поводу седьмой печати свидетельствовали о том, что даже для него она пока оставалась загадкой.

«Седьмая печать настолько ужасна, что со снятием ее на небесах на полчаса воцаряется безмолвие. Она может быть отчасти продолжением шестой печати, величайшего

за всю историю землетрясения на земле, а также порождает суды семи труб, которые, несомненно, страшнее, чем суды печатей».

Аманда подытожила:

— Нас ожидают мировая война, голод, чума, смерть, мученичество святых, землетрясение и затем тишина на небесах, в то время как мир будет готовиться к следующим семи карам.

Рэйфорд покачал головой и опустил взгляд.

— Брюс все время нам об этом говорит. Временами мне кажется, я готов ко всему, что грядет, а иногда просто хочу, чтобы просто побыстрее наступил конец.

— Это та цена, которую мы платим, — сказала Аманда, — за то, что были слепы, когда у нас был шанс на спасение. И тебя, и меня предупреждала одна и та же женщина.

Рэйфорд кивнул.

— Взгляни, — произнесла Аманда, — в последней строчке письма сказано: «Проверьте свою электронную почту в понедельник в полночь. Чтобы это не расстроило вас так же, как меня, посылаю вам свой любимый стих, чтобы утешить ваши сердца».

Брюс отправил письмо с тем расчетом, чтобы обе пары смогли прочесть его перед тем, как отправиться в Чикаго. Стих был такой: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится».

* * *

Рэйфорд чувствовал себя неудобно, ему хотелось поговорить с Амандой и узнать, как она переносит изнурительный беспосадочный перелет из Нового Вавилона в международный аэропорт имени Даллеса. Она старалась проводить как можно больше времени в личной каюте Рэйфорда за кабиной пилотов, но чтобы не показаться невежливой, ей приходилось многие часы говорить о всяких пустяках с остальными членами экипажа.

Ее уже успели расспросить об экспортно-импортном бизнесе, который она собиралась открыть, когда атмосфера на борту борта номер один Мирового Сообщества как будто изменилось. Во время одного из кратких перерывов, когда Рэйфорд остался с ней наедине, она прошептала:

— Что-то происходит. Карпати постоянно приносят какие-то распечатки. Он читает их, хмурится и собирает закрытые совещания. Судя по всему, на них жарковато.

Рэйфорд хмыкнул:

— Это может быть все, что угодно. Или вообще ничего не значить.

Аманда усмехнулась:

— Не надо сомневаться в моей интуиции.

— Я это уже понял, — сказал Рэйфорд.

* * *

Бизон и Хлоя приехали в Чикаго вечером накануне запланированного дня встречи Отряда Скорби. Они остановились в отеле «Дрэйк» и позвонили в церковь Новой Надежды, чтобы оставить сообщение для Брюса, что они уже в городе и встретятся с ним завтра в четыре. Из его писем они знали, что он уже вернулся из своей поездки по Австралии и Индонезии, но с тех пор они ничего о нем не слышали.

Они также написали ему на почту, что Рэйфорд и Аманда на следующий день придут к ним в отель пообедать, а затем они все вчетвером отправятся в Маунт-Проспект. Бизон добавил:

— Мы будем рады, если ты захочешь присоединиться к нам за обедом. Мы будем обедать в ресторане «Кейп-Код» при отеле.

Пару часов спустя никакого ответа ни на звонок, ни на письмо все еще не было. Хлоя недоумевала, что все это могло значить.

— Это значит, что он устроит нам сюрприз завтра за обедом, — предположил Бизон.

— Надеюсь, что ты прав.

— Считай, что так и есть, — сказал Бизон.

— Но тогда это уже не будет сюрпризом? Зазвонил телефон.

— Хватит уже сюрпризов, — хмыкнул Бизон. — Это должен быть он, больше никому.

Но это был не Брюс.

* * *

За пять минут до посадки, когда Рэйфорд уже включил знак «Пристегните ремни», ему сообщили по внутренней связи, что Карпати хочет немедленно с ним переговорить.

— Прямо сейчас? Мы практически се-
ли, — удивился Рэйфорд.

— Я уточню, — был ответ.

Через пару секунд его вызвали опять.

— В кабине пилота наедине с вами сразу после того, как вы заглушите двигатели.

— Мне необходимо провести полетную проверку со вторым пилотом и навигатором.

— Минуту! — Судя по голосу, связист был раздражен. Выйдя в третий раз на связь, он передал: — Удалите остальных из кабины сразу после выключения двигателей, а все ваши послеполетные экзерсисы выполните после встречи с властелином.

— Принято, — пробормотал Рэйфорд.

* * *

— Если вы узнали мой голос и хотите продолжить разговор, перезвоните мне на номер этого телефона-автомата с другого телефона-автомата.

— Да, — произнес Бизон. Он повесил трубку и повернулся к Хлое: — Мне нужно выйти на минутку.

— Но зачем? Кто это был?

— Джеральд Фитцхью.

* * *

— Благодарю вас, господа, простите меня за вторжение, — произнес Карпати, проходя мимо второго пилота и навигатора по пути в кабину. Рэйфорд знал, что их нарушение процедурного протокола раздражало не меньше, чем его, но в конечном итоге Карпати был боссом. Как и всегда.

Карпати ловко уселся во второе кресло. Рэйфорд предположил, что помимо прочих способностей этот человек, вероятно, мог бы научиться управлять самолетом за полдня.

— Капитан, мне необходимо вам довериться. Служба разведки обнаружила, что замышляется государственный переворот, и мы вынуждены создать иллюзию моих перемещений по Соединенным Штатам. — Рэйфорд кивнул, и Карпати продолжил: — Мы подозреваем, что в этом участвует народное ополчение, а также вступившие в сговор фракции недовольных и по меньшей мере еще две страны. На всякий случай, мы кодируем наши радиопереговоры и сообщаем прессе противоречивые сведения о моем местонахождении.

— Похоже, у вас есть план, — произнес Рэйфорд.

— Большинство считает, что как минимум, ближайшие четыре дня я пробуду в Вашингтоне, и в то же время мы заявляем, что я буду в Чикаго, Нью-Йорке, Бостоне и даже, возможно, Лос-Анджелесе в течение ближайших трех дней.

— Похоже на то, что я лишился отпуска? — поинтересовался Рэйфорд.

— Наоборот. Но я хочу, чтобы вы были доступны по первому требованию.

— Я оставляю информацию о том, где меня можно будет найти.

— Я хочу, чтобы вы на этом самолете летели в Чикаго, а затем попросили кого-либо из тех, кому вы доверяете, в тот же день перегнать его в Нью-Йорк.

— Я знаю такого человека, — ответил Рэйфорд.

— Я как-нибудь доберусь до Нью-Йорка, и мы покинем страну согласно графику. Мы просто пытаемся вывести мятежников из равновесия.

Трубку сняли после первого гудка.

— Алло, — произнес Бизон. — Это я.

— Рад, что ты не дома, — сказал Фитцхью.

— Можете рассказать мне больше?

— Только то, что хорошо, что ты не дома.

— Понял вас. Когда можно будет вернуться?

— Тут есть проблема, но ты узнаешь до того, как решишь туда отправиться. Как долго ты планировал не возвращаться?

— Четыре дня.

— Прекрасно.

И трубку повесили.

— Алло? Миссис Халлидей?

— Да, кто это?

— Это Рэйфорд Стил, я хочу поговорить с Эрлом, но, ради бога, не говорите ему, что это я звоню, я хочу сделать ему сюрприз.

Утром в их номере раздался звонок. Бизон поднял трубку. Это была одна из женщин, что помогала в церкви Новой Надежды.

— Мы немного беспокоимся за пастора Барнса, — сообщила она.

— Мэм?

— Он собирался удивить вас всех, присоединившись к вам за обедом.

— Мы так и предполагали.

— Но он подхватил какого-то микроба в Индонезии, и нам пришлось отправить его в больницу. Он не хотел, чтобы мы кому-нибудь сообщали, потому что считал, что его

смогут быстро вылечить и даже там сможет заниматься своими делами. Но внезапно он впал в кому.

— В кому?!

— Да, как я сказала, мы беспокоимся за него.

— Как только сюда приедут Стиллы, мы сразу поедem к нему. В какой он больнице?

— В Северо-западной городской больнице в Арлингтон-Хайтс.

— Мы найдем, — ответил Бизон.

* * *

Рэйфорд и Аманда встретились с Эрлом Халлидеем в десять утра.

— Рэй, я этого никогда не забуду, — поблагодарил Эрл. — Я хочу сказать, что это, конечно, не то, что везти самого потентанта или даже президента, но я могу себе представить это.

— Тебя ждут в аэропорту Кеннеди, — сказал Рэйфорд. — Я тебе позвоню, чтобы узнать, понравилось ли тебе на нем летать.

Рэйфорд взял напрокат машину, пока Аманда отвечала на сообщение от Хлои.

— Нам надо заехать за ними и отправляться в Арлингтон-Хайтс.

— Зачем? Что случилось?

Бизон и Хлоя ждали на тротуаре перед отелем, когда подъехали Рэйфорд с Аmandой.

Наскоро обнявшись, они загрузились в машину.

— Северо-западная городская ведь на Центральной, Хло? — спросил Рэйфорд.

— Да. Давай поскорее.

Несмотря на беспокойство за Брюса, Рэйфорд испытывал чувство необыкновенной целостности. У него снова была семья из четырех человек, хотя жена и сын были вновь обретенными. Они поделились вестями о состоянии Брюса и другими последние новостями. Даже осознание грядущих бед не могло уменьшить их искреннюю радость от того, что все снова были вместе.

* * *

Бизон сидел вместе с Хлоей на заднем сиденье и думал о своем. Как это потрясающе быть с людьми, которые не просто связаны друг с другом, но любят, уважают и заботятся друг о друге. Он даже сравнивать не хотел со своей родной семьей. Когда-нибудь ему удастся убедить их, что они вовсе не христиане, каковыми мнят себя. Если бы они действительно верили, их бы не оставили на земле вместе с ним.

Хлоя прижалась к мужу и взяла его за руку. Он был благодарен за то, что ее проявления нежности были столь обыденны и естественны. Она была самым большим даром, который дал ему Господь помимо спасения.

— Что это еще такое? — услышал Бизон голос Рэйфорда. — Мы так хорошо ехали.

Рэйфорд пытался выехать с платной северо-западной магистрали на дорогу в Арлингтон-Хайтс. Хлоя сказала, что она их приведет прямо к Северо-западной городской больнице. Но движение стояло, потому что представители местной полиции, полиции штата и миротворческих сил Мирового Сообщества направляли движение мимо съездов с магистрали.

Только спустя несколько минут им удалось чуть-чуть продвинуться. Рэйфорд опустил стекло в окне и спросил ближайшего полицейского, что случилось.

— Ты где был, мужик? Проезжай.

— Что он имел в виду? — Аманда включила радио. — Хлоя, по каким станциям передают новости?

Хлоя оторвалась от Бизона и наклонилась вперед.

— Выбери АМ-диапазон, попробуй каналы один, два и три, — объяснила она. — Что-то из этого должно быть Дабл-ю-джи-эн или Эм-эй-кью.

Они опять встали. На этот раз напротив окна Бизона оказался какой-то миротворец. Бизон опустил стекло и предъявил удостоверение корреспондента «Глобал коммьюнити уикли».

— Что там такое происходит?

— Силы ополчения использовали старую ракетную базу для хранения нелегаль-

ного оружия. После нападения на Вашингтон наши ребята выкурили их оттуда.

— Атаки на Вашингтон? — переспросил Рэйфорд, высунувшись из окна, чтобы офицер его услышал. — Вашингтон, округ Колумбия?

— Продолжайте двигаться, — сказал офицер. — Если вам нужно ехать в том направлении, лучше съезжайте на трассу пятьдесят три и попробуйте объездные дороги, но в окрестности той базы вам вряд ли удастся попасть.

Иони поехали дальше, расспрашивая каждого офицера, пока Аманда пыталась поймать хоть какую-нибудь местную радиостанцию. Но на всех частотах работала система радиовещания в чрезвычайной ситуации.

— Включи режим поиска, — предложила Хлоя. Наконец приемник поймал европейский спутниковый канал, и Аманда настроилась на него.

Радиокорреспондент бывшей Си-эн-эн, а ныне Джи-си-эн вел прямой репортаж из Вашингтона.

— Вашингтон лежит в руинах, судьба potentанта Мирового Сообщества Николае Карпати к настоящему моменту по-прежнему неизвестна, — сообщал он. — Это масштабное вооруженное нападение было осуществлено силами ополчения Восточного побережья при поддержке Соединенных Штатов Великобритании и бывшего независимого государства Египет, которое в настоящий момент является частью Ближневосточного Содружества.

Потентат Карпати прибыл в город вчера вечером. Предполагалось, что он остановится в президентском номере отеля «Кэпитэл Нуар», который, по словам очевидцев, сегодня утром был уничтожен.

Миротворческие силы Мирового Сообщества немедленно ответили уничтожением бывшего ракетного центра в пригороде Чикаго. Сообщают о тысячах пострадавших среди мирного населения в зоне проведения операции. Чудовищная пробка на прилегающих магистралях препятствует действиям спасательных служб.

— Боже мой, — ахнула Аманда.

— К настоящему моменту нам известно и о других атаках, — продолжил репортер. — Сухопутные силы Египта выступили к границам Ирака, очевидно, с целью осадить Новый Вавилон. Эта попытка была быстро подавлена действиями воздушных сил Мирового Сообщества, которые в настоящий момент направляются к Англии. Это, вероятно, будет ответным ударом за помощь Великобритании силам американского ополчения в атаке на Вашингтон. Подождите. Пожалуйста, оставайтесь с нами... Потентат Карпати в безопасности! Он обратится к нации по радио. Мы будем оставаться в эфире и донесем это обращение до вас, как только получим его.

— Нам надо как можно скорее добраться до Брюса, — сказала Хлоя, в то время как машина продвигалась вперед черепашьям ходом. — Пап, все поедут по пятьдесят третьей

на север. Давай поедem по ней на юг и два раза повернем.

— Через пару минут перед вами выступит потентат Карпати, — произнес репортер. — Вероятно, благодаря усилиям Жи-си-эн эту передачу нельзя проследить. А пока у нас есть новости из Чикаго об атаке на бывшую ракетную базу. Оказывается, удар был не только ответным, но и упреждающим. Сегодня служба разведки Мирового Сообщества раскрыла заговор по уничтожению самолета потентата Карпати, на борту которого с некоторой вероятностью он мог находиться во время перелета в Чикаго. В настоящий момент самолет находится в воздухе, пункт его назначения неизвестен, хотя силы Мирового Сообщества сосредотачиваются в Нью-Йорке.

Аманда схватила Рэйфорда за руку:

— Нас могли убить!

Когда Рэйфорд заговорил, Бизону показалось, что тот сейчас потеряет самообладание.

— Давай будем надеяться, что, исполнив мечту Эрла, я не убил его, — произнес срывающимся голосом Рэйфорд.

— Не хочешь, чтобы я сел за руль, Рэйфорд? — спросил Бизон.

— Нет, со мной все в порядке.

Диктор по радио продолжил:

— Мы ожидаем лживую, простите, живую трансляцию обращения потентата Мирового Сообщества Николае Карпати...

— Сначала он выразился правильно, — заметила Хлоя.

— ... А пока есть подробности из Чикаго. Представитель миротворческих сил сообщил, что база была разрушена без использования ядерного оружия, они сожалеют о значительных потерях среди гражданского населения и хотели бы сделать следующее заявление. Ответственность за жертвы несет ополченческое подполье. Несанкционированные вооруженные формирования незаконны, они заплатились за свое безрассудное решение хранить оружие в зоне сосредоточения гражданского населения тем, что это оружие буквально взорвалось у них в руках. Мы повторяем, что нет никакой опасности выпадения радиоактивных осадков в окрестностях Чикаго, хотя миротворческие силы и перекрыли движение автотранспорта в районе разрушенной базы. А теперь оставайтесь с нами, чтобы прослушать обращение в прямом эфире потентата Николае Карпати.

Наконец, Рэйфорду удалось съехать на трассу и незаметно развернуться, воспользовавшись поворотом для спецтранспорта, так что теперь они ехали на север по направлению к Роллинг-Мидоус.

— Законопослушные граждане Мирового Сообщества, — слышали они голос Карпати. — Сегодня мое сердце разбито. Я даже не могу сказать вам, откуда я говорю. Больше года мы работали, чтобы создать наше Сообщество под знаменами мира и гармонии. Сегодня, к несчастью, нам напомнили, что среди нас все еще есть те, кто не хочет нашего единства. Не секрет, что я есть, был и

всегда буду пацифистом. Я не верю в войну. Не верю в силу оружия. Не верю в оправданность кровопролития. С другой стороны, я чувствую ответственность за вас, мои братья и сестры по мировой общине. Миротворческие силы Мирового Сообщества уже подавили сопротивление. Меня тяготит смерть невинных граждан, но я торжественно обещаю, что все враги мира будут немедленно наказаны. Прекрасная столица Соединенных Штатов Америки была разрушена, и вы еще услышите о больших разрушениях и смертях. Нашей целью по-прежнему являются мир и восстановление. В назначенный срок я вернусь в свою защищенную штаб-квартиру в Новом Вавилоне и регулярно буду отчитываться перед вами. И главное, не бойтесь. Живите с уверенностью, что мы не потерпим никакой угрозы мировому спокойствию и ни один враг мира не выживет.

Пока Рэйфорд пытался понять, как им удобнее доехать до Северо-западной городской больницы, по радио вновь стал вещать корреспондент Си-эн-эн/Джи-си-эн:

— Последние новости: силы ополчения, противостоящие Мировому Сообществу, угрожают использованием ядерного оружия против Нью-Йорка и прежде всего международного аэропорта Кеннеди. Мирные граждане стремительно покидают город, в результате на выездах возникла самая огромная пробка в истории города. Миротворческие силы сообщают, что они располагают возможностями и технологиями, чтобы перехва-

тить ракеты, но они беспокоятся, что окрестные районы могут пострадать от остаточных явлений.

— А теперь новости из Лондона: атомная бомба разрушила аэропорт Хитроу, так что радиоактивные осадки угрожают мирному населению на многие мили вокруг. Очевидно, бомба была сброшена миротворческими силами после того, как было обнаружено, что на закрытом аэродроме недалеко от Хитроу собираются нелегальные египетские и британские истребители-бомбардировщики. По нашим данным, военные корабли, расстрелянные с воздуха, несли на борту ядерное оружие и направлялись к Багдаду и Новому Вавилону.

— Это конец мира, — прошептала Хлоя. — Господи помоги.

— Может, нам лучше попытаться добраться до Новой Надежды? — предложила Аманда.

— Не раньше, чем мы выясним, как дела у Брюса, — заявил Рэйфорд. Они заметили женщину, которая явно была сильно потрясена, и спросили ее, можно ли добраться до Северо-западной городской больницы пешком.

— Да, — ответила она. — Вам надо пересечь это поле, она там за холмом. Я не знаю, насколько близко вам позволят подойти к тому, что от нее осталось.

— Она пострадала?

— Пострадала?! Мистер, да она прямо через дорогу от той базы. Многие считают,

что первый удар как раз на больницу и пришелся.

— Я пойду, — сказал Рэйфорд.

— Я тоже, — поддержал Бизон.

— Мы все пойдем, — настояла Хлоя, но Рэйфорд жестом призвал ее к молчанию.

— Нет, все мы не пойдем. Даже одному из нас будет непросто прорваться через военные и полицейские кордоны. У нас с Бизоном шансов больше, потому что у нас есть удостоверения работников Мирового Сообщества. Я считаю, что один из нас, имеющих удостоверение, должен пойти, а другой — остаться с женщинами. Среди нас всегда должен быть кто-то, кто сможет при необходимости предъявить корочку.

— Я хочу пойти, — отозвался Бизон. — Но принимать решение тебе.

— Оставайся и разверни машину так, чтобы мы в любой момент могли уехать отсюда в Маунт-Проспект. Если я не вернусь через полчаса, попробуй рискнуть отправиться на мои поиски.

— Папа, если Брюсу хоть чуть-чуть лучше, постарайся забрать его с собой.

— Не беспокойся, Хлоя, — ответил Рэйфорд, — Я уже подумал об этом.

И Рэйфорд побежал вперед по грязной траве. Когда он скрылся из вида, Бизон пожалел, что согласился остаться. Он всегда был человеком действия, и, глядя на местных, которые все еще пребывали в состоянии шока, он с трудом мог оставаться в стороне.

* * *

Когда Рэйфорд взобрался на холм и увидел больницу, его сердце сжалось в комок. Часть здания почти не пострадала, но остальная лежала в руинах. Вокруг обломков скопились машины скорой помощи, повсюду суетились спасатели в белой униформе. Территория больницы была обнесена полицейской оградительной лентой. Как только Рэйфорд поднял ее, чтобы поднырнуть, к нему сразу бросился охранник с оружием наготове.

— Стой! — выкрикнул он. — Запретная зона!

— У меня есть пропуск! — крикнул Рэйфорд в ответ, размахивая бумажником с удостоверением.

— Оставайтесь там! — проорал охранник. Он подошел к Рэйфорду, взял бумажник и внимательно изучил удостоверение, сравнивая фото с его лицом. — Ух ты! Допуск уровня 2-А. Вы работаете на самого Карпати?

Рэйфорд кивнул.

— Чем вы занимаетесь?

— Это секретная информация.

— Он где-то поблизости?

— Нет, но если бы и был, я бы вам все равно не сказал.

— Все в порядке, — сказал охранник, и Рэйфорд направился к тому, что когда-то было фасадом здания. Люди по большей части его игнорировали, потому что были

слишком заняты, чтобы интересоваться тем, было ли у него право находиться там.

— Кто-нибудь выжил? — спросил Рэйфорда у одного из работников скорой.

— Пока трое, — ответил тот. — Все женщины. Две медсестры и доктор. Они вышли покурить.

— А из тех, кто внутри?

— Мы слышим их голоса, — сказал мужчина. — Но пока ни до кого не добрались.

Тихо молясь, Рэйфорд сложил бумажник так, чтобы было видно удостоверение, и засунул его в нагрудный карман. Он направился к походному моргу под открытым небом, где несколько медиков ходили между останками людей, поднимая простыни и делая заметки, пытаясь соотнести останки тел и идентификационные браслеты со списками пациентов и работников больницы.

— Помогайте либо не мешайтесь, — сказала грузная женщина, проходя мимо Рэйфорда.

— Я ищу Брюса Барнса, — сказал он.

Женщина, на груди у которой была табличка с надписью Патриция Девлин, остановилась, прищурилась, вскинула голову и сверилась со своим планшетом. Она перелистнула верхние три страницы и покачала головой.

— Сотрудник персонала или пациент? — спросила она.

— Пациент. Реанимация. Последнее, что мы слышали, что он был в коме.

— Вероятно, из палаты интенсивной терапии, — предположила она. — Проверьте там.

Она указала на шесть тел в конце ряда.

— Минутку, — добавила она, перевернув еще одну страницу. — Барнс, палата интенсивной терапии. Да, именно там он лежал. Под обломками здания еще остались люди, но палату интенсивной терапии просто стерли с лица земли.

— Так он может быть здесь, а может быть все еще внутри?

— Если он здесь, дорогуша, он наверняка мертв. Если все еще внутри, его, вероятно, никогда не найдут.

— Ни у кого из интенсивной терапии не было шансов?

— Никакого. Вы родственник?

— Ближе чем брат.

— Если хотите, я проверю вместо вас?

Лицо Рэйфорда исказилось от боли, он трудом мог произнес:

— Я был бы вам признателен.

Патриция Девлин двигалась быстро и на удивление проворно для своей комплекции. Ее тапочки на толстой белой подошве были в грязи. Она последовательно присаживалась перед каждым телом, проверяя их одно за другим, в то время как Рэйфорд стоял в десяти футах от нее, зажимая рот рукой, чтобы подавить рыдания.

Мисс Девлин начала поднимать простыню на четвертом теле, как вдруг остановилась и проверила браслет, который был совершенно целым. Она взглянула на Рэйфорда, и тот

все понял. Из глаз его покатались слезы. Она встала и подошла к нему.

— Ваш друг в нормальном состоянии, — сказала мисс Девлин. — Некоторых я бы не рискнула показать, но на него вы можете взглянуть.

Рэйфорд с трудом заставлял себя передвигать ноги. Женщина наклонилась и медленно стянула простыню, открыв лицо Брюса, безжизненное, неподвижное, с открытыми глазами. Рэйфорду с трудом удавалось удержать себя в руках, дышал он прерывисто. Он потянулся, чтобы закрыть Брюсу глаза, но медсестра остановила его.

— Вам нельзя этого делать. — Она протянула к Брюсу руку в перчатке. — Я все сделаю.

— Вы не могли бы проверить его пульс? — попросил Рэйфорд.

— О, сэр... — произнесла женщина голосом, преисполненным сочувствия. — Их приносят сюда только в том случае, если все очевидно.

— Пожалуйста, — прошептал он, уже не сдерживая слез. — Для меня.

Его мир как будто взорвался. Ослепленный и оглушенный, он стоял, закрыв лицо руками, не видя, как женщина, которую он никогда прежде не встречал и вряд ли увидит еще, молча прикоснулась пальцами к артерии на шее его пастора.

Не глядя на Рэйфорда, она убрала руку, накрыла лицо Брюса простыней и вернулась к своим делам. Ноги Рэйфорда подогнулись,

и он упал на колени прямо на грязный тротуар. Где-то в отдалении вопили сирены, вокруг мигали огни «скорой помощи», и семья ждала его меньше чем в миле отсюда. Теперь остались только они и он. Без учителя. Без наставника. Только они четверо.

Поднявшись, он направился вниз по холму со своими ужасными новостями, а из всех машин громко вещала система радиооповещения в случае чрезвычайной ситуации. Вашингтон был разрушен. Хитроу стерт в лица земли. Смерть пришла в пустыню Египта и в небо над Лондоном. Нью-Йорк был в состоянии боевой готовности.

Бизон был уже готов отправиться на поиски Рэйфорда, когда заметил высокую фигуру на горизонте. По его походке и по тому, как были опущены его плечи, Бизон все понял.

— О нет, — прошептал он.

Хлоя и Аманда расплакались. Все трое бросились навстречу Рэйфорду, чтобы помочь ему дойти до машины.

Вокруг неистовствовал Всадник на Рыжем коне.

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.ChristianWritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала *Moody* и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал *Time*, *Reader's Digest*, *Parade*, *Guideposts*, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров *New York Times*, *USA Today*, *Wall Street Journal* и *Publishers Weekly*.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания Времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии *Left Behind®*, написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, *Publishers Weekly*, *Wall Street Journal*, *USA Today* и *New York Times*.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арапата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров *New York Times*. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от *Left Behind®*, начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

НИКОЛАЕ

ТРЕТИЙ РОМАН
ИЗ СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

Прошло два года с тех пор, как произошло Восхищение, во время которого миллионы людей попросту исчезли с лица земли. Роман «Николае» начинается с того момента, когда по всему миру одна за другой начинают разгораться войны. Неистовствует Всадник Апокалипсиса на рыжем коне, а Отряд Скорби продолжает свою жертвенную миссию, направленную против Врага человечества.

Заказать книгу «НИКОЛАЕ» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

ОТРЯД СКОРБИ

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Консультант *А. Коньхова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *И. Яскульская*

Подписано в печать 05.08.10 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 50 000 экз.
Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 18,58

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано ООО "Балто принт"
Logotipas Company
www.baltoprint.ru

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобретать наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону:
(495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ

ГАЗЕТА ДЛЯ ТЕХ,
КТО ХОЧЕТ
ПОЗНАТЬ
НЕПОЗНАННОЕ

Тайная власть – это власть Света и Тьмы, Белой и Черной магии, власть Космоса, власть невидимых миру сил. Газета рассказывает об этом и о том, как отличить истину от лжи в пророчествах всевозможных колдунов; на ее страницах ведут разговор известные астрологи, биотерапевты, экстрасенсы. Вы узнаете о влиянии звезд на вашу судьбу, получите советы, как быть здоровым без лекарств, как отвести беду, как выбрать спутника жизни.

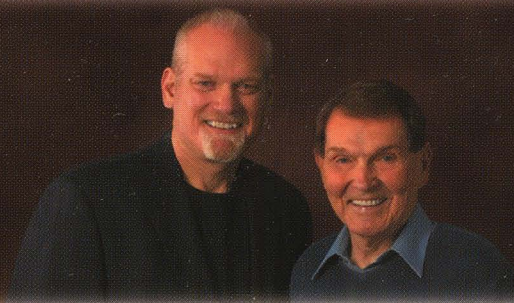

Реклама: (495) 780-5757

Продажа: (495) 780-5353

www.privatelife.ru

ОТРЯД СКОРБИ — второй роман из уникальной серии «LEFT BEHIND®», в котором главные герои объединяются в Отряд Скорби, призванный противостоять Антихристу и его темной мощи.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Самый успешный литературный тандем всех времен и народов».
NEWSWEEK

«Не просто художественный вымысел. Дженкинс... создал роман, представив конец света захватывающей историей, от которой — страница за страницей — невозможно оторваться до рассвета».
CHICAGO TRIBUNE

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер».

ENTERTAINMENT WEEKLY

ISBN 978-5-4224-0171-0

9 785422 401710

www.Leftbehind.ru